

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: История.
Международные отношения

2025

Том 25

Выпуск 4

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS

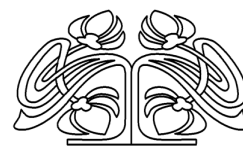
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ

САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
Новая серия

Серия История. Международные отношения, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2025 Том 25

ISSN 1819-4907 (Print)

ISSN 2542-1913 (Online)

Издаётся с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

Ермолаев И. В. Япония в представлениях меньшевиков на страницах газеты «Искра» (1904–1905 гг.) 430

Соборнов П. Е. Эволюция политических идей земских работников и служащих (июнь 1917 – июнь 1918 гг.) 439

Митрохин В. А. Тема войны в восприятии российской эмиграции первой волны 445

Горлов В. Н. Московские архитекторы в период Великой Отечественной войны 452

Ломакин А. В. «Жить в мире и дружбе»: взгляд Н. С. Хрущева на нормализацию советско-американских отношений (по материалам речей во время поездки в США 1959 г.) 460

Мякшев А. П. Основные направления изменения национального состава Российской Федерации в 1990–2020-х гг.: анализ результатов третьей Всероссийской переписи населения 465

Всеобщая история и международные отношения

Имамов Т. Г. Политика золотоордынского хана Узбека по отношению к русским землям в англоязычной историографии 477

Киясов С. Е. Становление ранней масонской идеологии в Англии XVI–XVII вв. 482

Креленко Н. С. Сотворение Барда. Поиски национальной идентичности в английском культуре XVIII в. 488

Ткачук Д. В. Политика первого кабинета Энтони Блэра в области здравоохранения: к вопросу о приоритетах 496

Семенова М. С. Сопряжение ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь»: формирование политических подходов и правовых основ 503

Региональная история и краеведение

Морозова Е. Н. «Не смуту мы создаем, а ищем счастливого выхода из тягостного состояния нашего Отечества»: земский либерализм в начале XX в. (на примере Саратовского земства) 511

Амирханова М. М. Семейные ценности и ребенок в Дагестане конца XIX – начала XX в.: историко-демографический аспект 526

Аукштыкальните А. Д. Холера в Нижнем Поволжье: из истории холерных эпидемий в России в 1820–1830-е гг. 534

Чупин А. Г. Проблемы формирования бюджета Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) 545

Левина О. С. Сбор тёплых вещей для бойцов и командиров Красной армии в годы Великой Отечественной войны (на материалах Куйбышевской, Пензенской и Саратовской областей) 557

Критика и библиография

Представляем книгу

Юрьев К. А. О Кирилле без Мефодия: новое исследование, посвящённое святому и судьбе его мощей 563

Артамонова Л. М. Культура заволжского тыла 1914–1917 гг. в современном эдиционном опыте Самары 566

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76642 от 26 августа 2019 года
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.5; 5.6.7).

Журнал входит в международную базу данных DOAJ

Журнал выходит 4 раза в год.
Подписной индекс издания 36018.
Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru).
Цена свободная.
Электронная версия находится в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Коренева Татьяна Андреевна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Шевякова Виктория Валентиновна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49,

52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 21.11.2025.

Подписано в свет 28.11.2025.

Выход в свет 28.11.2025.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 16.56 (17.75).

Тираж 100 экз. Заказ 108-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2025

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи по всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведению, истории международных отношений, источниковедению и историографии, а также обзорные статьи, рецензии и сообщения.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные научными сотрудниками и преподавателями – специалистами по истории, истории международных отношений, докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков с пробелами через полуторный интервал и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем рецензий и сообщений – 10–20 тыс. знаков с пробелами и до 2 рисунков. Рецензии оформляются так же, как статьи. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована. Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: тип статьи (научная статья, обзорная статья, рецензия, краткое сообщение), индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность (с указанием структурного подразделения), e-mail, ORCID, Aurhor ID своей странички в e-library), аннотация, ключевые слова (7–10), благодарности и ссылки на гранты (если есть), текст статьи, примечания (при наличии), список литературы;

- на английском языке: тип статьи, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, Aurhor ID своей странички в e-library, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Требования к аннотации:

- должна отражать краткое содержание статьи;
- оптимальный объем 300–500 знаков;
- не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы. Каждое примечание обозначается концевой сноской и нумеруется арабской цифрой.

Список литературы составляется в пронумерованном с [1] по [последняя] ссылке порядке. Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены в порядке упоминания в тексте, с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц (листов архивного дела). Каждое архивное дело одного фонда считается отдельным источником в нумерации списка литературы. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: iimo_sgu@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Ermolaev I. V.** Japan as perceived by the Mensheviks on the pages of the "Iskra" newspaper (1904–1905) 430
- Sobornov P. E.** The evolution of political ideas of zemstvo's workers and employees (June 1917 – June 1918) 439
- Mitrokhin V. A.** The theme of war in the perception of Russian emigration of the first wave 445
- Gorlov V. N.** Moscow architects during the Great Patriotic War 452
- Lomakin A. V.** "To live in peace and friendship": N. S. Khrushchev's view on the normalization of Soviet-American relations (based on the materials of speeches during a trip to the USA in 1959) 460
- Myakshhev A. P.** The main directions of changes in the national composition of the Russian Federation in 1990s – 2020s: Analysis of the Third All-Russian Population Census' results 465

World History and International Relations

- Imamov T. G.** The policy of the Golden Horde Khan Özbek in relation to the Russian lands in English-language historiography 477
- Kiyasov S. E.** The formation of early Masonic ideology in England in the 16th and 17th centuries 482
- Krenko N. S.** The creation of the Bard: The search for national identity in 18th century English culture 488
- Tkachuk D. V.** Anthony Blair's first cabinet health policy: A matter of priorities 496
- Semenova M. S.** Conjugation of the EAEU and China's Belt and Road Initiative: Formation of political approaches and legal foundations 503

Regional History and Local Studies

- Morozova E. N.** "We are not creating turmoil, but are looking for a happy way out of the difficult state of our Fatherland": Zemstvo liberalism at the beginning of the 20th century (using the example of the Saratov Zemstvo) 511
- Amirkhanova M. M.** Family values and a child in Dagestan in late 19th – early 20th century: Historical and demographic aspect 526
- Aukshtykalnits A. D.** Cholera in the Lower Volga region: From the history of cholera epidemics in Russia in the 1820s and 1830s 534
- Chupin A. G.** Problems of budget formation in Kuzbass during the Great Patriotic War (1941–1945) 545
- Levina O. S.** Collecting warm clothes for soldiers and commanders of the Red Army during the Great Patriotic War (based on materials from the Kuibyshev, Penza and Saratov regions) 557

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Yuriev K. A.** About Cyril without Methodius: A new study dedicated to the saint and the fate of his relics 563
- Artamonova L. M.** The culture of the Trans-Volga rear in 1914–1917 in the contemporary edition experience of the City of Samara 566

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Ван Сяоцзюй, доктор исторических наук, профессор (Пекин, Китай)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Wang Xiaojun (Beijing, China)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönninghaus (Lüneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

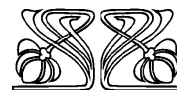
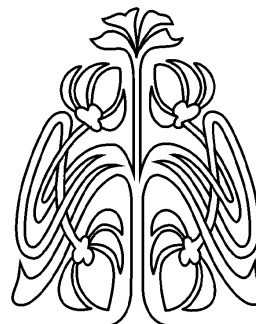
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

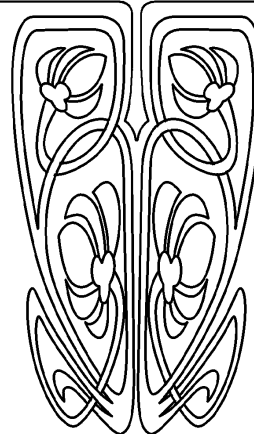
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 430–438

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 430–438

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-430-438>, EDN: BIEQZN

Научная статья

УДК [94(520):[070:329.14](470+571)] 1904/1905|

Япония в представлениях меньшевиков на страницах газеты «Искра» (1904–1905 гг.)

И. В. Ермолаев

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Россия, 197101, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7

Ермолаев Игорь Владимирович, старший научный сотрудник научного отдела фондов (обработки и хранения предметов инженерных войск и войск связи), ermolaev.spbu@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3954-9172>, AuthorID: 1278180

Аннотация. Статья посвящена изучению образа Японии, представленного на страницах органа Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) – газеты «Искра», во время русско-японской войны 1904–1905 гг., которая хронологически совпала с периодом главенства меньшевиков в редакции газеты. Рассматриваются такие вопросы, как взгляды меньшевиков на ответственность сторон за начало конфликта, применение сюжетов русско-японской войны для борьбы с самодержавием, представления социал-демократов о японском государстве и армии, их отношения с японскими социалистами.

Ключевые слова: социал-демократы, революционная печать, РСДРП, меньшевики, русско-японская война, образ Японии

Для цитирования: Ермолаев И. В. Япония в представлениях меньшевиков на страницах газеты «Искра» (1904–1905 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 430–438. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-430-438>, EDN: BIEQZN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Japan as perceived by the Mensheviks on the pages of the “Iskra” newspaper (1904–1905)

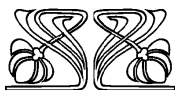
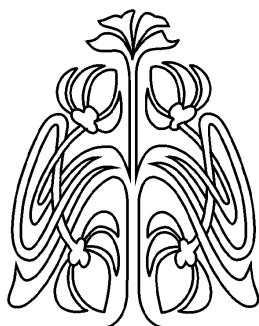
I. V. Ermolaev

Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps, 7 Alexandrovsky Park, St. Petersburg 197101, Russia

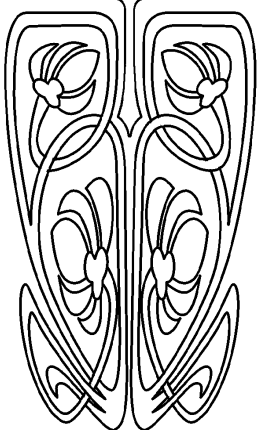
Igor V. Ermolaev, ermolaev.spbu@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3954-9172>, AuthorID: 1278180

Abstract. The article is devoted to the study of the image of Japan presented on the pages of the newspaper “Iskra”, the organ of the Russian Social Democratic Labour Party (RSDLP), during the Russo-Japanese War of 1904–1905, which also became the period of the Mensheviks’ dominance in the editorial board of the newspaper. The following issues are considered: the views of the Mensheviks on the responsibility of the parties for the beginning of the conflict, the use of the topics of the Russo-Japanese War for the purpose of fighting the autocracy, the views of the Social Democrats on the Japanese state and army, their relations with Japanese socialists.

Keywords: Social Democrats, revolutionary press, RSDLP, Mensheviks, Russo-Japanese War, image of Japan

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

For citation: Ermolaev I. V. Japan as perceived by the Mensheviks on the pages of the "Iskra" newspaper (1904–1905). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 430–438 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-430-438>, EDN: BIEQZN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Начало XX в. ознаменовалось обострением социально-политических противоречий в Российской империи. Эти процессы нашли свое отражение в формировании новых политических движений и партий, целью которых была ликвидация самодержавной системы. Одной из таких партий стала Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП). Несмотря на внутренние идейные разногласия и наличие двух фракций практически с момента основания, РСДРП приобрела широкую поддержку рабочего класса и стала одной из наиболее влиятельных оппозиционных политических сил в империи. По оценке профессора С. В. Тютюкина, социал-демократы значительно повлияли на обострение общенационального кризиса в России начала 1900-х гг. [1, с. 46].

В организации РСДРП важнейшую роль сыграли газета «Искра» и ее редакция. Именно благодаря деятельности газеты партия смогла сформироваться как целостная централизованная структура. Первый номер «Искры» вышел в декабре 1900 г. В ее редакцию изначально входили шесть человек: В. И. Ленин, Ю. О. Мартов, Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич и А. Н. Потресов. С середины 1901 г. до 1902 г. газета издавалась раз в месяц, затем стала выпускаться дважды в месяц. Общий тираж «Искры» составлял около 8000 экземпляров.

Статьи в «Искре» чаще всего публиковались без указания авторства или под псевдонимами в целях конспирации. Авторство части статей было указано позднее в изданном в 1906 г. сборнике «Искра за два года» [2]. В тексте данной работы используются материалы из оригинального издания «Искры», так как в стремлении меньшевиков к легализации включенные в сборник статьи были отредактированы в соответствии с новыми «цензурными условиями» [2, с. 1], созданными Манифестом 17 октября 1905 г.

Главной задачей газеты стало завершение формирования РСДРП как единой партии, так как ее I съезд в 1898 г. практически не коснулся организационных вопросов. В период с 1900 г. по 1903 г. «Искра» являлась главным организационным и идейным центром объединения русских марксистов и рабочего движения России. Вокруг деятельности газеты сформировалась сеть агентов, осуществлявших ее распространение, направлявших в редакцию корреспонденцию и формировавших на местах группы «марксистов-искровцев». Позднее агенты «Искры» сформировали кадровое ядро РСДРП. Также редакция газеты сыграла ве-

дущую роль в организации II съезда партии, фактически ставшего для нее учредительным.

Раскол на II съезде РСДРП в 1903 г. привел к возникновению внутри партии фракций большевиков и меньшевиков и положил начало острой борьбы за влияние как внутри организации, так и в российской рабочей среде [3, с. 18]. II съезд утвердил «Искру» в качестве центрального органа партии, в редакции которой остались только В. И. Ленин, Ю. О. Мартов и Г. В. Плеханов. Ю. О. Мартов вскоре отказался от поста редактора, не желая работать без своих сторонников [1, с. 59]. Затем, после безрезультатных попыток Плеханова найти компромисс между фракциями, в ноябре 1903 г. Ленин покидает редакцию «Искры». После ухода Ленина Плеханов пригласил обратно старый состав редакции в виде Мартова и его единомышленников [4, с. 102].

Таким образом, с 53-го номера «Искра» стала газетой фракции меньшевиков. Через «Искру» они вели широкую пропаганду своих взглядов и обрушивались с критикой на большевистское крыло партии [1, с. 77].

Начало революции в 1905 г. застало врасплох расколотую на две фракции партию [5, с. 5]. Необходимость действовать в условиях формирования массового оппозиционного движения породила новый раскол внутри редакции по поводу объединения с большевиками. Г. В. Плеханов вышел из редакции «Искры» после Жевневской конференции меньшевиков в мае 1905 г. [1, с. 43]. Летом 1905 г. редакцию покинули А. Н. Потресов и В. И. Засулич. На 112 номере в октябре 1905 г. издание газеты прекратилось.

Период работы меньшевистской «Искры» полностью включает в себя события русско-японской войны 1904–1905 гг. Российские социал-демократы не могли игнорировать этот конфликт в силу своей антивоенной позиции и стремились использовать войну как очередной повод для агитации против правительства. Учитывая, что к 1904 г. раскол в партии носил преимущественно организационный характер, общая позиция по русско-японской войне и подход к освещению событий у «большинства» и «меньшинства» партии существенно не отличались.

Необходимо отметить, что на протяжении XX в. исследования русско-японской войны традиционно концентрировались на военных, дипломатических и социально-экономических аспектах конфликта, наиболее выдающимся из которых стал труд Б. А. Романова [6]. В то же время вопросы восприятия населением России

этой войны и Японии как противника, а также влияния прессы на эти представления были слабо изучены.

Современные историки, такие как Д. Б. Павлов [7], И. В. Лукоянов [8] существенно расширили область исследуемых вопросов в изучении русско-японской войны, дополнили и пересмотрели концепции путешественников. Е. С. Сенинская [9] и Т. А. Филиппова [10] провели комплексные исследования процесса формирования «образа врага» в российском общественном сознании в начале XX в. Также был создан ряд работ, направленных на всестороннее изучение восприятия Японии в России, в частности работы В. Э. Молодякова [11] и А. Е. Куланова [12].

Однако процесс формирования образа Японии в революционной прессе, в частности в «Искре» меньшевистского периода, ранее не становился предметом отдельного исследования. Таким образом, рассматриваемая тема сочетает в себе лакуны в изучении как меньшевистской публицистики, так и процесса формирования представлений о другом народе в сознании жителей России, что определяет научную новизну данной работы.

Актуальность темы исследования обусловлена, в первую очередь, возрастающей значимостью изучения методов ведения информационных войн и осуществления пропаганды в современном мире. Анализ процессов формирования взаимных образов различных народов также важен сегодня для комплексного изучения международных конфликтов, межкультурных взаимодействий, вопросов национальной идентичности.

Для анализа конструирования меньшевиками образа Японии в «Искре» в качестве инструмента идеологической борьбы в исследовании применяется метод имагологии. С его помощью удалось не только раскрыть содержание изучаемых образов, но и их роль в мобилизации общественного мнения против царского правительства, сюжеты применения культурных стереотипов для достижения политических целей.

В контексте русско-японской войны редакции «Искры» приходилось обращаться не только к политическим, военным, дипломатическим вопросам, но также и к образу японского государства и его армии. Необходимо отметить, что до конца XIX – начала XX в. в России практически отсутствовала система устойчивых представлений о Японии. Имевшиеся образы сформировались опосредованно, в первую очередь через европейцев, и были основаны на стереотипах об абстрактном «Востоке» и сведениях путешественников. Заметный интерес к Японии среди образованной русской общественности возник только после ее победы в войне против империи Цин в 1895 г., однако широкие слои населения зачастую и после этих событий не имели даже базовых представлений об этой стране.

Социал-демократы, как часть российского общества, также были подвержены этому феномену. Редакция «Искры» практически не интересовалась культурой и историей «страны восходящего солнца». Как политическая концепция, «Япония» интересовала социал-демократов только в качестве средства для борьбы с царизмом. Она использовалась марксистами в первую очередь как пример превосходства передового капиталистического государства над самодержавием, а также для высмеивания мифов государственной пропаганды.

Однако даже такой прикладной характер написания статей позволял читателям «Искры» получить об этой стране информацию и сформировать новые представления о ее народе. Совместно с прочими средствами массовой информации в Российской империи, газета социал-демократов оказывала существенное влияние на формирование образа Японии в сознании населения, в связи с чем анализ материалов данной газеты необходим для полного и целостного изучения этого процесса.

Первым вопросом, требующим детального рассмотрения, является оценка авторами «Искры» причин русско-японской войны, а также ответственности сторон за ее начало. Несмотря на то, что Япония первая начала агрессивные военные действия против России, социал-демократы считали именно Россию ответственной за эскалацию конфликта. В феврале 1904 г. член РСДРП Э. Л. Гуревич, писавший под псевдонимом К. Д. [13, с. 13], посвятил причинам начала войны отдельную статью. Стремление Японии к приобретению собственных колоний на континенте он объяснял перенаселением страны после модернизации и необходимостью защиты от европейских держав. Далее автор обращал внимание читателей на попытки Японии разграничить сферы влияния с Россией. Гуревич оценивал японские требования признать Маньчжурию частью Китая разумными, а отсутствие ответа и продолжение подготовки к войне со стороны России он считал доказательством нежелания самодержавия решать конфликт дипломатически. По его мнению, если бы царь подписал договор, признающий Маньчжурию за Китаем, войны бы удалось избежать, «но царское правительство хотело войны!..» [14, с. 3].

В марте 1904 г. ЦК партии было издано обращение к рабочим, также напечатанное в «Искре», объясняющее причины войны. Главной целью самодержавия было названо сохранение за собой территории «Желтой России», то есть Маньчжурии и Кореи, в виде российской колонии. Война нужна военному начальству и царскому правительству для «военной славы», а крупным русским предпринимателям – для рынков сбыта и новых гаваней для развития торговли. Рабочим и крестьянам, по мнению партии, эта война может принести только смерть

и разорение: «... (русские. – И. Е.) рабочие должны теперь своей кровью добиваться того, чтобы русская буржуазия могла беспрепятственно покорять и кабалить работника китайского и корейского» [15, с. 10].

В апреле 1904 г. автор статьи «А все-таки движется!» иронизировал над использованием в официальной печати выражения «вынужденная война с Японией», заявляя, что «вынуждена» она «разбойнической внешней политикой (России. – И. Е.) в несчастном Китае» [16, с. 1].

Статья «Путешествия Его Величества» от мая 1904 г. продолжала тему ответственности самодержавия за начало войны. В ней неизвестный публицист утверждал, что война с Японией стала для правительства неожиданностью, но далее пояснял: «Не в том, конечно, смысле, как старается толковать лакействующая печать, что Россия не думала «готовиться» к войне; в этом отношении все, что мог и как мог сделать гнилой самодержавный режим, было сделано...». Неожиданность для России, по его мнению, заключалась в «дерзости» японцев, решившихся на открытое столкновение, несмотря на все приготовления и угрозы со стороны самодержавия [17, с. 3].

В сентябре того же года в статье «Петербургская весна» редактор «Искры» Ю. О. Мартов (Цедербаум) [18, с. 147], писавший под псевдонимами Л. Мартов и Л. М. [13, с. 180], утверждал, что «самодержавное правительство “ошиблось”», приведя Россию к войне. По его мнению, после начала вооруженного конфликта царское правительство вынуждено было сосредоточить все силы на войне, чтобы не допустить потери авторитета внутри страны и за рубежом [19, с. 1].

В феврале 1905 г. член РСДРП и публицист А. Л. Парвус в статье «Ва-банк!» продолжил мысль из статьи «Путешествия Его Величества» от мая прошлого года: «Царское правительство создало войну, и все же война была для него неожиданностью». Далее автор статьи обвинял самодержавие в том, что во время войны и перед ее началом деятельность военного министерства, министерства финансов, внешняя и внутренняя политика царизма – все шло на пользу Японии. Согласно его оценке, общий ход боевых действий определялся в большей степени «потребностями внешней и внутренней политики самодержавия», а не только стратегическими соображениями [20, с. 2].

Далее следует отдельно рассмотреть методологию пропаганды редакторов «Искры» и их подход к написанию статей и освещению событий. Социал-демократы стремились привлечь внимание читателей на неубедительность официальной позиции относительно причин конфликта и продемонстрировать, что широкие массы населения не понимали целей войны и не поддерживали ее. Накануне войны член

РСДРП Ф. И. Дан писал [21, с. 629], что «“династическая” идея настолько потеряла власть над умами и сердцами», что любые попытки создать патриотический подъем во время предстоящего конфликта были обречены на провал [22, с. 1].

В течение 1904 г. меньшевики регулярно публиковали статьи, описывавшие негативное отношение населения к войне. Затрагивались такие вопросы, как неудачи местной администрации в организации патриотических манифестаций [23, с. 4], стремление руководства выставить недовольных властью агентами Японии [23, с. 4], недоверие народа к официальной печати [24, с. 6; 25, с. 6] и прессе в целом [26, с. 6], нежелание идти на войну в случае мобилизации [26, с. 6].

Важнейшей задачей для публицистов «Искры» было формирование негативного образа самодержавия в восприятии населения империи. В контексте русско-японского противостояния марксисты стремились через разоблачение государственной пропаганды доказать, что настоящим врагом народа России являлась не внешняя сила в виде Японии, а царское правительство, стремящееся ввести население в заблуждение и скрыть свои истинные империалистические цели.

Уже в январе 1904 г. в «Искре» печатались подобные утверждения: «Самодержавие знает, что оно, а не японцы, истинный враг народа...». По мнению автора заметки, гнев населения правительство было способно сдерживать «только пулями, штыками и виселицами» [27, с. 8]. В сообщении о собрании российских социалистов в Женеве в феврале 1904 г. война была названа «последним актом многолетней авантюристской внешней политики», цель которой – отвлечь подданных от протестов, распространить шовинистические и националистические настроения и поднять престиж самодержавия [28, с. 10]. В августе 1904 г. в статье «Как подготавливался разгром» обличалась жажда наживы царских чиновников и военных на Дальнем Востоке, называемых «действительными “врагами России”» [29, с. 5].

Обсуждая поражения России в боях против Японии, публицисты РСДРП неоднократно обращались к теме подавления рабочих восстаний силами русской армии. В одной из статей в феврале 1904 г. автор едко отметил, что самодержавие не смогло одержать победу над «карликом-Японией» так же легко, как над рабочими из Ростова и Златоуста [30, с. 2]. В другой статье в апреле того же года утверждалось, что царское правительство «щадит русские жизни» не более, чем японская армия [16, с. 1]. В мае 1904 г. командующие русской армией были названы не иначе как «убийцы златоустовских, батумских и сотен других рабочих», а солдаты – «слепыми, нерассуждающими орудиями»,

неспособными справиться с самостоятельными японцами [31, с. 4].

Также меньшевики обращали внимание читателей на потери русской армии и ее поражения, ответственность за которые они также возлагали на самодержавие. Ф. И. Дан в статье «Ляоян и “реформы”» [32, с. 136] называл поражение при Ляояне платой русских и японцев «за порабощение царистской и капиталистической эксплуатации» [33, с. 1]. В этой статье, а также в статье «Что же теперь?» [34, с. 676], опубликованной полгода спустя в период сражения при Мукдене, Ф. И. Дан утверждал, что если бы к делу революции присоединилась хотя бы десятая часть от числа погибших в войне, то самодержавие уже было бы свергнуто. Сам царский режим он называл «развратной и преступной монархией» [35, с. 1].

Частой темой в публикациях «Искры» стало противопоставление «прогрессивной» капиталистической Японии и «отсталой» самодержавной России. Самодержавие в статьях социалистов называли «азиатским режимом», душащим любое развитие [27, с. 8], «величайшей угрозой освободительному движению в Европе» [36, с. 1], в своей политике оно полагалось только на «наглость и бесстыдство» и было неспособно «рассчитать последствия своих собственных действий» [30, с. 1]. В марте 1905 г. Ф. И. Дан написал, что русская армия была уничтожена «разлагающимся абсолютизмом и японской стратегией» [35, с. 1].

В статьях «На очереди» Ю. О. Мартова и «Строгость необходима...» Г. В. Плеханова [37, с. 657] от марта и мая 1904 г. соответственно авторы противопоставляли «самодержавную Россию и конституционную Японию» [38, с. 3] в области осуществления репрессивной политики, в первую очередь по отношению к рабочим и национальным движениям. По их словам, не в Японии, а в России регулярно расстреливали рабочих, широко применяли телесные наказания, преследовали иноверцев, устраивали погромы [38, с. 3], «не японский микадо, а русский царь» подавлял восстания в Польше и Венгрии, ограничивал автономию Финляндии [36, с. 1].

В марте 1904 г. А. Л. Парвус утверждал, что самодержавие не просто «отсталое»: его борьба за существование была обречена на провал, так как была направлена «против исторической необходимости» с точки зрения исторического материализма, против «мировых законов капиталистического развития» [39, с. 2]. Ю. О. Мартов [40, с. 664] продолжал идею Парвуса в статье «Разгром», описывая в мае 1904 г. ситуацию на войне как выражение «непобедимости социального прогресса» и «безнадежности исторического застоя». По его мнению, социальная, культурная, правовая и техническая отсталость привела Россию к поражению в конкурентной

борьбе на мировой арене. Теперь же, в ходе войны, «капиталистическое развитие» через Японию заставляло ее сделать выбор – отказаться от самодержавия или сдать позиции [41, с. 2].

В статье «Отмена розги» от августа 1904 г. неизвестный автор утверждал, что указ об отмене телесных наказаний был результатом побед японцев над русской армией, так как самодержавие стремилось поднять «свой безнадежно упавший престиж в глазах буржуазной Европы». Далее он иронизировал, отмечая, что «небитый» японский солдат смог дать русским крестьянам то, чего не смогло им принести «культурное общество» [42, с. 5]. В следующем номере Ф. И. Дан описал это событие следующим образом: «... (японцы побеждают самодержавие. – И. Е.) не только в Ляояне; они побеждают его в Петербурге» [33, с. 1].

По мере развития боевых действий в «Искре» появлялись статьи, освещающие военную подготовку конфликтующих сторон, уровень материального обеспечения, квалификации командного состава. В этих статьях чаще всего проявлялись представления авторов «Искры» о японской армии, ее офицерах и солдатах.

В упомянутой выше статье «Разгром» Ю. О. Мартов дал японской армии очень лестную характеристику: по его мнению, армия Японии выступала по отношению к России «школьным учителем», указывавшим ей на ошибки при помощи побед на поле боя. Мужество русских солдат, по его мнению, не могло компенсировать практическое превосходство японцев в целом ряде областей, среди которых автор выделил: качество броненосцев и артиллерии, уровень организации мобилизации, бюрократии, подготовки шпионов, железнодорожного и интендантского дела, компетентность военного руководства, знание военными географии [41, с. 2].

На страницах «Искры» неоднократно отмечались технические достижения японской армии, которые дополнительно иллюстрировались примерами отсталости и невежественности русских военных. К примеру, в сентябре 1904 г. в статье «Военные неудачи и самодержавие», утверждалось, что бинокли и карты есть в распоряжении у каждого японского кавалериста, притом что «наш казак не только не знает, что за штука бинокль, он до войны не знал даже, что есть на свете японцы» [43, с. 3]. В октябре 1904 г. в заметке о наступлении генерала Куропаткина указывалось на меньшие потери японцев, их более эффективную организацию в области логистики и высокий боевой дух [44, с. 5].

В конце войны в «Искре» было опубликовано письмо, повествующее о настроениях простых солдат. Неназванный автор письма утверждал, что солдаты были деморализованы отсутствием даже частичного успеха русских войск. В качестве примера приводились войны

с Османской империей: «...трудно было, а все-таки, то он нас победит, то мы его, а тут хоть бы раз победа была». Солдаты, согласно письму, ссылались на «плохие порядки» в стране, критиковали существующий строй, а также отмечали, что японские солдаты лучше «дело понимали», чем русские офицеры и все имели карты и компасы [45, с. 7].

Особый интерес представляет использование социал-демократами образа японского государства. Публицисты «Искры» в большинстве случаев описывали Японию как прогрессивную капиталистическую державу. Ее называли «сильным, деятельным, энергичным» противником [30, с. 1], японскую армию – организованной, расчетливой, технически подготовленной и скоординированной [17, с. 3].

А. Л. Парвус называл Японию «самостоятельным государством со всем политическим и военным аппаратом капитализма», организованным по европейскому образцу, и «современной индустриальной страной» [46, с. 1]. Также он утверждал, что японцы не просто скопировали европейцев, но и успешно адаптировали нововведения в соответствии со своими «национальными особенностями», хотя и полностью приняли капитализм как «наиболее совершенный общественный строй» [39, с. 2].

Автор статьи «Путешествия Его Величества» считал, что в столкновении Японии и России воплотилось столкновение Европы и Азии, однако именно Япония представляла цивилизацию Европы с ее техническим прогрессом, политическими свободами и ценностями просвещения, в то время как самодержавие представляло «европейскую Азию» [17, с. 3].

Однако, несмотря на признание Японии прогрессивным государством, социал-демократы критиковали ее капиталистическое устройство и империалистические устремления. Автор статьи «Желтая опасность» утверждал, что Япония оказалась втянутой в «капиталистический водоворот» по воле европейской буржуазии, после чего, успешно усвоив их опыт, сама стала стремительно превращаться в империалистическую державу, стремящуюся к территориальным захватам и эксплуатации «нецивилизованных» народов [47, с. 2]. Упомянутый выше А. Л. Парвус, рассуждая об успехах Японии, также отмечал, что с модернизацией в Японии усилились националистические и воинственные настроения [39, с. 2].

Отдельные публицисты даже обращались к проблеме «японофильства» части международного социалистического движения и осуждала излишнюю поддержку японского государства. Ю. О. Мартов в марте 1904 г. утверждал, что «зрелая революционная мысль чужда этого наивного японофильства», и что «мы (социал-демократы. – И. Е.) менее всего жаждем победы буржуазной Японии». Японскую правящую

элиту он называл «пиратами капиталистической эксплуатации». Ю. О. Мартов, признавая, что в текущем противостоянии Япония играла «более прогрессивную роль», призывал не оказывать поддержки японским правящим кругам, чтобы не усилить Японию и тем самым не «заложить прочные основы реакционного подавления японского пролетариата» [38, с. 3].

В мае 1904 г. эту точку зрения поддержал редактор «Искры» Г. В. Плеханов. По его мнению, социал-демократы являлись принципиальными противниками милитаризма и должны были понимать, в какую цену обойдется победа Японии ее народу [36, с. 1].

Особо показательной стала реакция социал-демократов на приглашение принять участие в конференции оппозиционных и революционных организаций России. РСДРП ответила на него отказом, опубликованным в «Искре» в декабре 1904 г. Среди причин этого отказа социал-демократы указывали на «непростительные» «спекуляции на победу японского правительства», вызванные, по мнению руководства партии, непринятием точки зрения классовой борьбы и политическим авантюризмом [48, с. 4].

Редакция «Искры» противопоставляла японскому руководству социал-демократическое движение Японии, которое российские марксисты считали своими союзниками. На страницах газеты неоднократно публиковались письма японских социалистов, содержащие антивоенные призывы, и ответы редакции на эти письма.

В январе 1904 г. в «Искре» цитировалось письмо Сэн Катаяма, одного из основателей японской Социал-демократической партии. Катаяма утверждал, что предстоящая война могла принести пользу только капиталистам, что «...японские рабочие не желают вести братоубийственной войны с рабочими русскими...», «...они уверены, что и русские рабочие думают одинаково с ними». Редакция «Искры» поддержала это послание небольшой заметкой. От лица Российской социал-демократической партии «Искра» передала «братский привет нашим японским товарищам» и пообещала сделать все возможное для того, чтобы помешать войне и повести пролетариат «на борьбу против общих врагов – деспотизма и буржуазии, где бы она ни была – в России или Японии» [49, с. 8].

В мае 1904 г. было опубликовано «Письмо японских социалистов к русским», продолжавшее идею единения японского и русского народов против милитаризма и «так называемого патриотизма» [50, с. 9]. В заметке после письма редакция «Искры» отмечала, что даже в условиях низкой популярности войны в обществе русским социалистам приходилось нелегко, в то время как «еще более затруднительно положение... японских товарищей, демонстративно протягивающих нам (социалистам. – И. Е.) руку

в тот момент, когда, быть может, национальное возбуждение их страны достигло наивысшего предела» [50, с. 10].

Отражением общей позиции социал-демократов по отношению к русско-японской войне могут послужить их рассуждения о возможных итогах войны. Публицисты «Искры» считали, что неудачи России в войне с Японией должны были усугубить социально-политический кризис внутри страны и спровоцировать изменение режима. Рассматривались различные сценарии – от постепенных реформ до полного свержения самодержавия.

Уже в феврале 1904 г. член РСДРП Л. Д. Троцкий, писавший под псевдонимами Т. и Н. Троцкий [51, с. 57], в статье «Письма обо всем» выдвигал первые предположения о последствиях столкновения России и Японии. Он рассматривал два сценария, результатом которых могла стать трансформация российского режима. В первом случае Россия терпела полный разгром, после чего самодержавие оказалось бы скомпрометировано и вынуждено было бы обновить себя через «обращение к “обществу”». Второй сценарий предполагал, что для получения дополнительных ресурсов государство могло бы попытаться заинтересовать «господствующие классы» в военном предприятии, поставив правительство частично «под их контроль», что также привело бы к изменению правящего режима [52, с. 6].

Вопрос последствий победы Японии затрагивал А. Л. Парвус в серии статей «Война и революция». В своих рассуждениях он опирался на популярную в начале XX в. теорию «панмонголизма»: по его мнению, в случае победы Япония получила бы гегемонию в Восточной Азии, усилила свой авторитет в Китае, после чего произошел бы «подъем национального чувства монголов». Результатом действий Японии стала бы модернизация всей Азии по европейскому образцу и на капиталистических основах, подобно собственной японской модернизации во второй половине XIX в. [39, с. 1].

В сентябре 1904 г. Ю. О. Мартов предполагал, что поражение России приведет к краху ее внешней политики и превращению ее во «второстепенную» державу [19, с. 1]. Ф. И. Дан в марте 1905 г. писал, что если правительство в ближайшее время не решится на подписание мирного договора, то японцы смогут захватить Харбин и Владивосток, а затем и вовсе добиться свержения самодержавия [35, с. 1]. Однако спустя две недели он же [53, с. 679] утверждал, что японцам гораздо выгоднее заключить мир с самодержавием, чем с российской демократической республикой, так как японскому императору «выгодна слабость России» [54, с. 2].

Стоит также обратить внимание на реакцию социалистов на окончание конфликта, которую

можно охарактеризовать как неоднозначную. Летом 1905 г. в «Искре» был опубликован перевод с немецкого статьи К. Каутского о последствиях победы Японии. Сам факт публикации этой статьи, а также отсутствие комментария редакции после нее могут свидетельствовать о согласии с позицией Каутского как минимум части редакции газеты. Он констатировал, что главным последствием войны стала полная и безвозвратная дестабилизация «русского абсолютизма» [55, с. 2]. С другой стороны, Ф. И. Дан в статье «Мир» от августа 1905 г. остался недоволен результатами конфликта [56, с. 685]. Он возмущался попытками самодержавия представить подписание Портсмутского мирного договора как свою дипломатическую победу. По мнению публициста, Россия была полностью разгромлена, но из-за нежелания японской буржуазии продолжать войну из финансовых соображений, она не была «вся растерзана на клочки» и обложена тяжелой контрибуцией, как того ожидала оппозиционная общественность, поэтому самодержавие смогло сохранить часть своего имиджа [57, с. 1].

На основании изученного материала можно сделать следующие выводы. Меньшевики регулярно обращались к образу Японии в своих статьях на протяжении войны, однако их рассуждения об этой стране, как правило, ограничивались вопросами экономики, государственного устройства и военной подготовки. Авторы «Искры» оценивали контекст русско-японской войны с точки зрения марксистской теории, рассматривая этот конфликт как борьбу самодержавия против молодой капиталистической державы. Япония характеризовалась социал-демократами двойственно: с одной стороны, как представитель европейской цивилизации в Азии и как воплощение прогрессивных сил истории, с другой – как империалистическая держава, угнетающая свой рабочий класс и стремящаяся к покорению соседних народов. В свою очередь, историко-культурный контекст Дальневосточного региона, а также местные культурные, религиозные, исторические особенности Японии мало интересовали меньшевиков.

Поражения России в русско-японской войне привели к усугублению социально-политического кризиса в империи. Революционеры смогли успешно воспользоваться снижением авторитета центральной власти и развернуть широкую агитацию против самодержавия, что послужило одним из факторов начала Первой русской революции в 1905 г. Социал-демократам удалось настроить часть населения страны против правительства, среди прочих методов используя образ Японии для сравнения и противопоставления. Они стремились продемонстрировать, что поражения России проистекали из отсталости ее политической системы и феодальных пережитков, а японцы побеждали благодаря принятию более

прогрессивной модели развития. Учитывая, что характер применения образа Японии авторами «Искры» был сугубо утилитарным, стоит отметить, что удачное использование темы русско-японской войны послужило дополнительным фактором роста популярности РСДРП в 1904–1905 гг.

Список литературы

1. Тютюкин С. В. Меньшевизм: Страницы истории / Институт российской истории РАН. М. : РОССПЭН, 2002. 560 с.
2. За два года. Сборник статей из «Искры»: П. Аксельрода, М. Б-ова, Ф. Дана и др. // Искра. СПб. : С. Н. Салтыков, 1906. Ч. 1–2. 944 с.
3. Касаров Г. Г. Политическая борьба меньшевиков за центральные органы партии (1903–1904 гг.) // Вестник МГПУ. Серия : Исторические науки. 2009. № 2. С. 18–27.
4. Ленин В. И. Почему я вышел из редакции «Искры»? Письмо в редакцию «Искры» // Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 8 : Сентябрь 1903 – июль 1904. 5-е изд. М. : Издательство политической литературы, 1967. 666 с.
5. Гаврилов А. Ю. Проблемы развития российского социал-демократического движения в период революции 1905–1907 годов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 6. С. 11–16.
6. Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907 / Акад. наук СССР. Ин-т истории. Ленингр. отд-ние. М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1947. 496 с.
7. Павлов Д. Б. Японские деньги и первая русская революция. М. : Вече, 2011. 288 с.
8. Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб. : Нестор-История, 2008. 668 с.
9. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века : Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М. : РОССПЭН, 2006. 288 с.
10. Филиппова Т. А. «Враг с востока». Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М. : АИРО-XXI, 2012. 384 с.
11. Молодяков В. Э. «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. М. : Институт востоковедения РАН, 1996. 184 с.
12. Куланов А. Е., Молодяков В. Э. Россия и Япония: имиджевые войны. М. : Астрель, 2007. 480 с.
13. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей : в 4 т. М. : Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1957. Т. 2. 387 с.
14. К. Д. Почему царское правительство затеяло войну? (Письмо к товарищам) // Искра. 1904. 10 февр. № 59.
15. Из партии. Агитация против войны. Центральным Комитетом Партии издан следующий лист: К русскому пролетариату // Искра. 1904. 5 мар. № 61.
16. «А все-таки движется!» // Искра. 1904. 1 апр. № 63.
17. Путешествия Его Величества // Искра. 1904. 15 мая. № 66.
18. Мартов Л. Петербургская весна (20 сентября 1904 г., № 74) // За два года. Сборник статей из «Искры»... С. 147–153.
19. Петербургская весна // Искра. 1904. 20 сент. № 74.
20. Парвус. Ва-банк! // Искра. 1905. 24 февр. № 89.
21. Дан Ф. В тисках (1 января 1904 г. № 56) // За два года. Сборник статей из «Искры»... С. 629–634.
22. В тисках // Искра. 1904. 1 янв. № 56.
23. Из нашей общественной жизни. К патриотическим вакханалиям в Киеве // Искра. 1904. 15 мар. № 62.
24. Из нашей общественной жизни. Житомир, Волынской губ. // Искра. 1904. 15 мая. № 66.
25. Из нашей общественной жизни. В письме из Варшавы пишут // Искра. 1904. 20 сент. № 74.
26. Из нашей общественной жизни. Мелитополь // Искра. 1904. 20 сент. № 74.
27. Последние известия. Война! // Искра. 1904. 25 янв. № 58.
28. Из партии. Собрания для протестов против русско-японской войны // Искра. 1904. 10 февр. № 59.
29. Из нашей общественной жизни. С театра войны. Как подготавливался разгром // Искра. 1904. 1 авг. № 71.
30. В ожидании успехов // Искра. 1904. 25 февр. № 60.
31. Как подготавливались поражения русских войск // Искра. 1904. 15 мая. № 66.
32. Дан Ф. Ляоян и реформы (1 сентября 1904 г., № 73) // За два года. Сборник статей из «Искры»... С. 136–142.
33. Ляоян и «реформы» // Искра. 1904. 1 сент. № 73.
34. Дан Ф. Что же теперь? (3 марта 1905 г., № 90) // За два года. Сборник статей из «Искры»... С. 676–679.
35. Что же теперь? // Искра. 1905. 3 мар. № 90.
36. «Строгость необходима» // Искра. 1904. 1 мая. № 65.
37. Плеханов Г. «Строгость необходима» (1 мая 1904 г., № 65) // За два года. Сборник статей из «Искры»... С. 657–664.
38. Л. М. На очереди // Искра. 1904. 5 мар. № 61.
39. Парвус. Война и революция. II. Падение самодержавия // Искра. 1904. 5 мар. № 61.
40. Мартов Л. Разгром (1 мая 1904 г., № 65) // За два года. Сборник статей из «Искры»... С. 664–672.
41. Разгром // Искра. 1904. 1 мая. № 65.
42. Из нашей общественной жизни. Отмена розги // Искра. 1904. 25 авг. № 72.
43. Л. П. Военные неудачи и самодержавие // Искра. 1904. 20 сент. № 74.
44. Из нашей общественной жизни. Наступление Куропаткина и морской бой адмирала Рожественского // Искра. 1904. 20 окт. № 76.
45. По России. Письмо из Воронежа // Искра. 1905. 29 июл. № 107.
46. Парвус. Война и революция. I. Капитализм и война // Искра. 1904. 10 февр. № 59.
47. Желтая опасность // Искра. 1904. 5 мар. № 61.

48. Ответ на приглашение принять участие в конференции оппозиционных и революционных организаций Российского государства // Искра. 1904. 1 дек. № 79.
49. Из партии. Японские социалисты о войне с Россией // Искра. 1904. 15 янв. № 57.
50. Иностранное обозрение. Письмо японских социалистов к русским // Искра. 1904. 1 мая. № 65.
51. Троцкий Н. Письма обо всем (25 февраля 1904 г., № 60) // За два года. Сборник статей из «Искры»... С. 57–65.
52. Т. Письма обо всем // Искра. 1904. 25 февр. № 60.
53. Дан Ф. Правительственная война и правительственный мир (25 марта 1905 г., № 94) // За два года. Сборник статей из «Искры»... С. 679–685.
54. Царская война и царский мир // Искра. 1905. 25 мар. № 94.
55. Последствия победы японцев и социал-демократия К. Каутского (перевод с немецкого) // Искра. 1905. 13 июл. № 108.
56. Дан Ф. Мир (29 августа 1905 г., № 109) // За два года. Сборник статей из «Искры»... С. 685–688.
57. Мир // Искра. 1905. 29 авг. № 109.

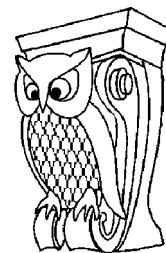
Поступила в редакцию 11.02.2025; одобрена после рецензирования 18.02.2025;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 11.02.2025; approved after reviewing 18.02.2025;
accepted for publication 12.04.2025; published 28.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 439–444
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 439–444
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-439-444>, EDN: BJKZHA

Научная статья
УДК [352:[316.75:32](470+571)]|1917/1918|

Эволюция политических идей земских работников и служащих (июнь 1917 – июнь 1918 гг.)

П. Е. Соборнов

Нижегородская академия МВД России, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3

Соборнов Павел Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, sobornovpavel@inbox.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3307-9371>, AuthorID: 721862

Аннотация. На основе анализа публикаций ведомственных журналов «Земское дело» и «Земский работник» автор статьи попытался реконструировать несколько этапов развития политических идей земских работников и служащих в период с июня 1917 г. по июнь 1918 г. В результате были сделаны выводы о развитии политических идей от концепции внепартийной и «надклассовой демократии» до попыток обоснования встраивания земств в систему профсоюзного и кооперативного движения и советских органов власти.

Ключевые слова: Октябрьская революция 1917 г., земские работники и служащие, политические идеи, демократизация, избирательное право, местное самоуправление, демократия

Для цитирования: Соборнов П. Е. Эволюция политических идей земских работников и служащих (июнь 1917 – июнь 1918 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 439–444. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-439-444>, EDN: BJKZHA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The evolution of political ideas of zemstvo's workers and employees (June 1917 – June 1918)

P. E. Sobornov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 3 Ankudinovskoye highway, Nizhny Novgorod 603950, Russia

Pavel E. Sobornov, sobornovpavel@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3307-9371>, AuthorID: 721862

Abstract. Based on the analysis of publications of departmental journals “Zemsky Delo” and “Zemsky Worker”, the author of the article tried to reconstruct several stages of development of political ideas of zemstvo's workers and employees in the period from June 1917 to June 1918. As a result, conclusions were drawn about the development of political ideas from the concept of non-partisan and “supra-class democracy” to attempts to justify the integration of zemstvos into the system of trade union and cooperative movement and Soviet authorities.

Keywords: October revolution of 1917, zemstvo's workers and employees, councils, political ideas, democratization, suffrage, local self-government, democracy

For citation: Sobornov P. E. The evolution of political ideas of zemstvo's workers and employees (June 1917 – June 1918). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 439–444 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-439-444>, EDN: BJKZHA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В современных условиях повышения эффективности в работе органов местного самоуправления возникает необходимость изучения исторического опыта реализации реформ, основанных на рациональной политической идеологии. К такому историческому опыту относится процесс развития политических идей земских работников и служащих, реализация на практике которых имела как положительный, так и отрицательный результат. В период 1917–1918 гг. система регионального управления прошла путь

от децентрализации к предельной ее централизации, нашедшей свое выражение в расширении полномочий органов советской власти. Советы после Октябрьской революции 1917 г. начали ограничивать функциональные полномочия органов земского самоуправления, сразу не отменяя последние. В известном декабрьском (1917 г.) циркуляре НКВД РСФСР говорилось о необходимости советам рабочих и крестьянских депутатов «овладеть аппаратом местного управления, захватывая все правительственные

учреждения, подчиняя себе все стороны местной жизни» [1, с. 4]. Земские работники и служащие в столкновении с советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов представили собственные политические идеи, которые становились программой оппозиции советской власти и одной из альтернатив власти большевиков. Целью статьи является изучение эволюции политических идей земских работников и служащих в период с июня 1917 г. по июнь 1918 г.

Выбор такого временного периода для анализа процесса эволюции политических идей земских работников и служащих не случаен. Переломным событием в процессе консолидации работников и служащих земств после Февральской революции 1917 г. стало проведение в период с 29 июня по 3 июля 1917 г. в Москве Первого Всероссийского съезда земских работников. На съезде были представлены 249 делегатов от 49 губерний России, из которых 161 человек представляли уездные земства России. Значимым решением было создание Всероссийского союза союзов земских служащих, который должен был стать автономной системой организации и защиты профессиональных и трудовых прав работников земств. Союз союзов должен был объединить профессиональные союзы земских служащих 49 губерний России, в которых «состоит около половины служащих губернских и уездных земств» [2, с. 488].

Другим результатом работы Всероссийского земского съезда стало принятие решения об издании журнала защиты интересов земских служащих – «Земский работник». Выход первого номера этого журнала состоялся только в декабре 1917 г. в связи с повышением расходов на выпуск журнала и содержание редакторской коллегии [3, с. 1]. Таким образом, этот съезд, проведенный в июне 1917 г., и его решения стали нижней хронологической границей проводимого исследования. Верхней хронологической границей стал июнь 1918 г., когда вышел последний номер журнала «Земский работник», издаваемый Всероссийским союзом союзов земских работников. В нем были отражены политические идеи членов этой организации, которые стремились обосновать замену земских структур широким профсоюзным движением земских работников. Именно в этом движении виделась «живучесть местного самоуправления и его развития в условиях укрепления советской власти» [4, с. 2].

На протяжении длительного времени проблема развития политических идей работников и служащих земств была слабо изученной по причине одностороннего признания земств в качестве буржуазных властных структур на местах и бесперспективности рецепции их управленческого опыта. Историки советского периода Анатолий Михайлович Андреев (1913–1983) и Григорий Алексеевич Герасименко сосредотачивали внимание на восприятии земств в ка-

честве органов, не выдержавших конкуренцию с советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [5, с. 236]. Только в 80-е гг. XX в., когда возникло осознание необходимости реформирования органов регионального управления, возник определенный интерес в отечественной исторической науке к изучению дореволюционных земств и к причинам краха земского самоуправления [6, с. 89]. Большой вклад в изучение проблем развития земств внес Г. А. Герасименко своими последующими работами – монографией «Земское самоуправление в России», вышедшей в 1990 г. [7] и главой «Судьба земств в ходе революционных событий 1917 года» в коллективном 2-х томном издании «Земское самоуправление в России. 1864–1918 гг.», вышедшем в 2005 г. Именно в этой главе коллективной монографии Г. А. Герасименко писал о том, что «в июне 1918 года процесс ликвидации земств закончился» [8, с. 363].

Вместе с тем следует отметить, что политические идеи земских работников и служащих еще не становились предметом отдельных научных исследований.

Постановка проблемы эволюции политических идей земских работников и служащих в период с июня 1917 г. по июнь 1918 г. делает необходимым обращение к анализу материалов официальной периодической печати. Среди таких органов печати большое место в отражении политических идей в то время занимал двухнедельный журнал, посвященный вопросам земского дела, профессионального положения и организации земских работников – «Земский работник», который издавался с декабря 1917 г. по июнь 1918 г.

Еще одним историческим источником являются публикации журнала «Земское дело». Он выходил с января по март 1918 г. и отражал политические идеи земств по широкому спектру событий постреволюционной действительности. На страницах этого журнала публиковались статьи о реакции земств на первые шаги советской власти в организации собственных органов регионального управления, а также реакция ученых на сложный процесс функционирования органов местного самоуправления.

К первому этапу процесса развития политических идей работников и служащих земств относится период с июля по октябрь 1917 г. Начало этому этапу положили решения Первого Всероссийского съезда земских работников, который проходил с 29 июня по 3 июля 1917 г., а его окончание приходится на события Октябрьской революции 1917 г. и расширение компетенции местных советов, все больше входящих в конфликт с земствами.

На упомянутом съезде были выработаны следующие задачи:

- достижение автономного характера деятельности губернских и уездных земских управ;

- участие земств в подготовке выборов во Всероссийское учредительное собрание;
- надпартийный характер деятельности земского самоуправления, но при наличии социалистической и демократической «платформы».

Также было принято решение о создании Всероссийской структуры земских учреждений местного самоуправления, которая должна быть представлена Всероссийским союзом союзов, состоящим из представителей губернских и уездных земских управ. Один из земских активистов писал о создании структуры земских органов: «Все уездные союзы объединяются в общегубернский земский союз. Губернские земские союзы и создают Всероссийскую земскую организацию – Всероссийский союз союзов» [9, с. 4].

Из-за идеологических противоречий конфликт земств и советской власти был неизбежен, поскольку земства были органами местного самоуправления, основанными на выборности, в то время как советская власть стремилась ликвидировать все негосударственные структуры. В силу этого произошедшая Октябрьская революция 1917 г. с установлением «диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства» воспринималась в качестве реставрации (восстановления) всех централизаторских начал, существовавших в России до Февральской революции 1917 г. и ограничивающих деятельность органов местного самоуправления и местной инициативы: «За словами о социализме и социалистической революции наших господ положения скрывается очень знакомое лицо привычного русским людям самовластия и произвола» [10, с. 7].

В качестве способов воспрепятствования восстановлению централизаторских начал, стесняющих земские органы самоуправления, мыслились:

- 1) развитие системы волостных земств с участием в них крестьян как представителей большинства населения России;
- 2) широкая просветительская деятельность среди крестьянства, направленная на пропаганду развития местной инициативы.

Земства наталкивались на решительное сопротивление со стороны органов советской власти, которое выражалось в роспуске органов местного самоуправления, занимающих антисоветскую позицию, как это было в Петрограде, где городская дума была распущена сразу после Октябрьской революции 1917 г. В передовой статье «Накануне», опубликованной в журнале «Земский работник» в феврале 1918 г., говорилось: «На местные демократические самоуправления обрушиваются сейчас жесточайшие удары “народной” власти и мы, защитники этого величайшего завоевания революции, естественно, оказываемся на положении врагов народа» [11, с. 2]. Ряд земских управ пошли на самую

крайнюю меру в отстаивании права на свое существование – забастовку, но и она не давала ощутимого эффекта в борьбе за сохранение демократического земского самоуправления, так как никакого единства политических партий, существующих тогда в России, по вопросу о сохранении земских управ не было. В февральском номере журнала «Земский работник» указывалось: «Нет никакого дружного действия в борьбе, всякий шаг лишь наносит непоправимый удар земскому делу» [12, с. 4].

Так, работники земств занимали позицию неприятия советов, выступающих, с точки зрения земских активистов, с узкоклассовых позиций. Поэтому и средством борьбы с советами объявлялась забастовка.

При этом решения Первого Всероссийского съезда земских работников 1917 г. никак не способствовали их консолидации – земские работники оказались разделенными различными партийными платформами. Таким образом, в условиях развернувшейся борьбы за власть, надпартийный характер земств остался лишь декларацией.

На втором этапе в развитии политических идей земств, начало которому было положено изданием в декабре 1917 г. Циркуляра НКВД РСФСР о захвате советами всех региональных правительственных учреждений, земские управы продолжили отстаивать идеи «надпартийности» земского самоуправления и противопоставлять себя местным советам рабочих, солдатских, крестьянских депутатов. Критике со стороны представителей земств была подвергнута сама идея диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. «Кипучая революционная преобразовательская деятельность в советах, – как считали представители земств, – выражается лишь в бесконечных дискуссиях, словопрениях, подсиживании и фракционных дрызгах» [13, с. 37]. Работники земских управ противопоставляли земства, как оплот государственного порядка в России, советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, воспринимавшихся в качестве «погромных» организаций. Такая позиция земских работников только усиливала остроту конфликта земских управ с советами. Конфликт достиг своего апогея 23 декабря 1917 г. В этот день начался роспуск Всероссийского союза земств и городов (Земгора), а все попытки сопротивления земств этому роспуску были подавлены с помощью войск, подчиненных Московскому совету рабочих и солдатских депутатов [14, с. 26]. На Московском губернском съезде земских работников, состоявшемся 16 января 1918 г., было принято решение об отказе от тактики забастовки во взаимоотношениях с органами советской власти, так как она приводит к обратным результатам – разрушает земское дело, созданное с огромными затратами народных денег и полувековым трудом земских работников. Еще одним

решением земских работников было «оставаться на своих постах до последней возможности и охранить земскую культуру от разрушения» [14, с. 27]. Дополнительный импульс к ликвидации земств придавал разгон 6 января 1918 г. Учредительного собрания. При этом сами работники и служащие земств признавались в том, что «разгон Учредительного собрания не вызвал дружного массового протеста, которого убоялись бы самые свирепые заправилы» [14, с. 27]. Такая реакция объяснялась абсолютным безразличием представителей российского общества, веривших новой власти.

Третьим этапом в развитии политических идей земского движения изучаемого периода можно считать март – июнь 1918 г., когда советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов фактически подчинили себе весь аппарат региональной власти. Перед земствами возникла единственная перспектива обособления собственного существования в РСФСР – встраивания в систему региональных органов советской власти. В земской печати началось всестороннее обсуждение основ будущей федерализации и автономизации России, выразившихся в организации на территории РСФСР автономных республик. В связи с тем, что земства уже после Февральской революции 1917 г. выдвигали идеи функционирования земских управ на основе принципа широкой автономии, вопрос об автономизации самой России, конечно же, находил отклик в земской публицистике. Под автономизацией понималась «идеальная форма сожителства народов, обладающих самостоятельной национальной культурой, или своеобразным бытом, но объединенные общностью исторических традиций, объединенные государственной организацией в единое целое» [15, с. 12]. Децентрализованный тип существования Советской России, безусловно, противопоставлялся централизации – концентрации власти в одних руках, не учитывающей национальное своеобразие народов страны. В своеобразии национальных традиций народов Советской России представители земского движения видели основу для сопротивления централизаторским началам большевиков. В реальности же образование в составе РСФСР автономных республик в 1918 г. воспринималось многими как начало конца большой исторической России. В этой связи перед представителями земского самоуправления вставал достаточно важный вопрос: «влечет ли федеративный строй распад страны и уничтожение последних элементов государственной власти на территориях национальных окраинах России?» [15, с. 12]. Большой вклад в разрешение этой проблемы на теоретическом уровне внес профессор Московского государственного университета Матвей Дмитриевич Загряцков (1873–1957). Он сформулировал проблему восприятия в России американского опыта

федеративных отношений, связанного с разграничением компетенций федерального центра и субъектов федерации. Ученый пришел к выводу о неосуществимости точного разграничения компетенций по предметам ведения. Он считал, что огромную роль в согласовании интересов центра и субъектов Советской России должны иметь органы земского самоуправления, так как «земская работа представляет собой единственную школу политического опыта, который так недостает политическим вождям послереволюционного периода» [15, с. 12]. С другой же стороны, он отмечал, что «земская деятельность дает богатый запас практических знаний и опыта в области строительства новых форм государственной жизни на местах» [15, с. 12]. Разделение же компетенции губернских и уездных земских управ «родственно юридической природе тех соглашений и договоров, которые положены в основу существующих федеративно-государственных объединений» [15, с. 12].

Другим способом для земских работников обосновать свое существование в Советской России становились попытки освещения профессионального и кооперативного движения на страницах июньского номера журнала «Земский работник» за 1918 г. Представители центральных управленческих структур органов местного самоуправления видели перспективы своего существования в создании профессиональных организаций земских работников. Форма профессиональных союзов должна была быть формой «встраивания» земского движения в советские комиссариаты разного уровня. Другим способом сохранения органов местного самоуправления стала активная пропаганда активистами земского движения кооперативного движения и участия в нем.

В этот период в земском движении уже наметился раскол на сторонников существования местного самоуправления в системе профсоюзных и кооперативных организаций и представителей земских управ, которые «оказались заняты в различных советских комиссариатах, ведущих в большинстве своем ту же работу, что и раньше» [16, с. 7]. Это обстоятельство свело на нет существование земств в Советской России. Они оставались только в тех регионах России, где советы, в силу отдаленности от центра страны, не могли еще взять на себя разрешение административно-хозяйственных функций.

В этих обстоятельствах в политических воззрениях представителей земских органов продолжилась всесторонняя критика проникновения в земскую работу и земское движение принципа партийности, под которым понималась организация тесных связей земств и представительств политических партий в российской провинции. Угроза в распространении принципа партийности виделась в «обострении партийных

страстей, ведь было бы ошибкой делать земства отзвуком той политической борьбы, которая кипит теперь повсюду и еще долго не войдет в нормальное русло». Данный принцип наблюдался в организации региональной земской публицистики, вставшей на определенную партийную позицию [16, с. 7]. Отсюда следует, что основная линия поведения земств заключалась в том, чтобы удержаться на беспартийной демократической позиции в тех условиях, когда волостные земские управы, созданные в 1917 г., перестали быть полноценными органами местного самоуправления и хозяйства, превратившись в классовые организации.

Не меньшие противоречия в системе земских политических идей имел национальный вопрос. Он также провоцировал конфликты между представителями земских структур. Сам процесс организации широкого национального движения, которое выразилось в развитии самоуправления и автономии на территориях бывших национальных окраин России в период Великой российской революции 1917 г., воспринимался в качестве положительного явления. По мнению представителей земств, это национальное движение должно было привести к оживлению надпартийного, национального демократического движения, к росту популярности земских органов и к смягчению режима централизации управления, появившегося в лице власти советов, возникших после Октябрьской революции в России.

С другой же стороны, это ширившееся национальное движение приводило часто не к восстановлению полновластия земств, а к обострению национальных противоречий. Например, еще в марте 1918 г. в Екатеринославской губернии члены губернского земского собрания не только отказались признавать Брест-Литовский мирный договор, заключенный «неполномочными органами страны» – народными комиссарами и Украинской центральной радой, но и обвинили их в незаконном присвоении себе полномочий Всероссийского учредительного собрания, после чего члены губернского земства отказались признавать Украинскую центральную раду, в качестве власти на территории Екатеринославской губернии [17, с. 86].

Таким образом, в течение всего периода с июня 1917 г. по июнь 1918 г. политические идеи земских работников и служащих так и не смогли стать полноценной альтернативой идеям диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, выраженным в деятельности советов. Происходило это по причине длительного сохранения общедемократической идеи «надклассовости» и «надпартийности», которые носили откровенно декларативный и демагогический характер в условиях обострения борьбы за власть различных политических сил социали-

стической ориентации – большевиков, социалистов-революционеров и меньшевиков.

Предельно аморфными и неструктурированными оказались сами политические идеи работников и служащих земств. Их идеи прошли эволюцию от концепции внепартийной демократии и широких избирательных прав граждан обновленной России до попыток идейного обоснования встраивания земских органов в профсоюзное и кооперативное движение, а также в советские органы государственной власти. Одним из наиболее результативных этапов в развитии политических идей органов земского самоуправления был период с июля по октябрь 1917 г., когда земства стремились развивать общедемократические идеи внеклассовой демократии, соответствующие общим взглядам на децентрализацию системы управления, концептуально реализуемым Временным правительством. После Октябрьской революции 1917 г. изменения протекали так стремительно, что работники и служащие земств не смогли ничего противопоставить централизаторским началам советской власти. Так, ведущей тенденцией в развитии политических идей земских работников и служащих стало его полное идейно-политическое банкротство, которое уже в 1918 г. выразилось в устремлениях приспособить земства к встраиванию в разнообразные легальные профсоюзные и кооперативные движения, стоящие на платформе советской власти.

В результате анализа статей земских работников и служащих, опубликованных в журналах «Земское дело» и «Земский работник», можно прийти к выводу об основных причинах, по которым земства к лету 1918 г. оказались неспособны представить никакой реальной альтернативы большевистской концепции классовой демократии:

- 1) отсутствие единой политической программы земских работников и служащих в революционной России и складывание политических идей после октября 1917 г. вокруг протестного движения, ликвидированного в мае – июне 1918 г. и носившего во многом ситуативный характер;
- 2) наличие различных взглядов земских работников и служащих на национальное движение на территории национальных окраин России и на формы взаимодействия земств и советов в российской провинции;
- 3) наличие у работников и служащих земств иллюзий по вопросу о возможности встраивания в систему возникших после Октябрьской революции 1917 г. советских органов власти.

Неопределенность перспектив развития земского движения в условиях укрепления советской власти привела лишь к нарастанию аморфности и «рыхлости» политических идей работников и служащих земств. Все это оказало

огромное воздействие на ликвидацию земских структур, для которых 1918 г. стал последним в их существовании.

Список литературы

1. Распад земства и земские работники // Земский работник. 1918. № 6–7. С. 4–5.
2. Текущая хроника // Земское дело. 1917. № 22–23. С. 480–489.
3. Передовая статья «Наши задачи» // Земский работник. 1917. № 1. С. 1–2.
4. Передовая статья «Запросы жизни» // Земский работник. 1918. № 11–12. С. 1–3.
5. Андреев А. М. Местные советы и органы буржуазной власти (1917 г.). М. : Наука, 1983. 334 с.
6. Герасименко Г. А. Крах земского самоуправления в России // История СССР. 1989. № 1. С. 74–89.
7. Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М. : Наука, 1990. 264 с.
8. Герасименко Г. А. Судьба земств в ходе революционных событий 1917 года // Земское самоуправление в России, 1864–1918 : в 2 кн. / отв. ред. Н. Г. Королева. М. : Наука, 2005. Кн. 2. С. 317–363.
9. Калинин П. Об организации земских работников // Земский работник. 1917. № 1. С. 3–4.
10. Кочетов А. Борьба за народоправство и органы местного самоуправления // Земский работник. 1917. № 1. С. 7–8.
11. Передовая статья «Накануне» // Земский работник. 1918. № 2–3. С. 2–3.
12. Как и почему мы боремся за земское дело // Земский работник. 1918. № 2–3. С. 3–4.
13. Передовая статья «Самоуправление и “советская власть”» // Земское дело. 1918. № 2. С. 35–37.
14. А. К. Разгон Всероссийского земского союза и собрание уполномоченных губернских земств 18 января 1918 г. // Земский работник. 1918. № 2–3. С. 26–27.
15. Загряцков М. Федерация, автономия, земское самоуправление // Земский работник. 1918. № 2–3. С. 10–12.
16. Передовая статья «Земство в 1917 году» // Земское дело. 1918. № 1. С. 3–9.
17. Текущая земская жизнь // Земское дело. 1918. № 3. С. 86–88.

Поступила в редакцию 12.03.2025; одобрена после рецензирования 14.04.2025; принята к публикации 27.06.2025; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 12.03.2025; approved after reviewing 14.04.2025; accepted for publication 27.06.2025; published 28.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 445–451
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 445–451
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-445-451>, EDN: BQNPQE

Научная статья
УДК [94-054.72(470+571):355.01] 192/193|

Тема войны в восприятии российской эмиграции первой волны

В. А. Митрохин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Митрохин Владимир Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политических наук, MitrokhinVA@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>, AuthorID: 385312

Аннотация. В статье рассматривается умонастроение в российской эмигрантской среде в 1920–1930-е гг. Отмечается, что общественное мнение межвоенной Европы характеризовалось повышенным интересом к вопросам войны и мира, что неизбежно транслировалось в информационное и культурное пространство эмигрантских сообществ. Большинство представителей эмигрантской политической элиты, вне зависимости от идеологических установок, предсказывали неизбежность очередной мировой войны, указывали на неустойчивость и зыбкость социально-политического порядка, сформированного странами-победителями после заключения Версальского договора. Показано, что в ходе дискуссии, развернувшейся в эмигрантской среде, предпринимались попытки выявить место и роль «СССР-России» в грядущем глобальном конфликте. Повышенное внимание эта тема обрела после прихода к власти фашистов в Германии в 1933 г.

Ключевые слова: эмиграция, Версальский мир, Европа, фашизм, мировая война, коммунизм

Для цитирования: Митрохин В. А. Тема войны в восприятии российской эмиграции первой волны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 445–451. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-445-451>, EDN: BQNPQE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The theme of war in the perception of Russian emigration of the first wave

V. A. Mitrokhin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir A. Mitrokhin, MitrokhinVA@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>, AuthorID: 385312

Abstract. The article examines the mindset in the Russian emigrant environment in the 20–30s of the XXth century. Public opinion in interwar Europe was characterized by an increased interest in issues of war and peace, which was inevitably translated into the information and cultural space of emigrant communities. The majority of representatives of the emigrant political elite, regardless of ideological attitudes, predicted the inevitability of another world war, pointed to the instability of the socio-political order formed by the victorious countries after the conclusion of the Treaty of Versailles. During the discussion that unfolded among the emigrants, attempts were made to identify the place and role of the “USSR-Russia” in the upcoming global conflict. This topic gained increased attention after the Nazis came to power in Germany in 1933.

Keywords: emigration, Peace of Versailles, Europe, fascism, World War, communism

For citation: Mitrokhin V. A. The theme of war in the perception of Russian emigration of the first wave. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 445–451 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-445-451>, EDN: BQNPQE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

28 июня 1919 г. была поставлена точка в одном из самых трагических событий мировой истории – Первой мировой войне. Версальский договор положил конец многолетнему кровавому противостоянию между германской и антигерманской коалициями, позволил приступить к обу-

стройству мирной жизни, как в самой Европе, так и за её пределами.

Многие представители русской диаспоры, невольно ставшие не только свидетелями, но и участниками мировой бойни, были активно включены в европейское социальное и политическое пространство, пытались разо-

браться в смысле происходящих событий, давали свои прогнозы на будущее. Для любого сколь-нибудь мыслящего человека было очевидно, что Версальский договор, дискриминационный и грабительский по своему характеру, никак не мог быть гарантией прочного мира в Европе. Именно это настроение, как свидетельствуют материалы архивов и русскоязычной прессы, доминировало в общественном мнении эмиграции.

Волна критики в отношении стран-победителей и созданного ими мироустройства нашла неожиданную поддержку в различных, зачастую соперничавших между собой, лагерях российской диаспоры. Так, жёсткой критике послевоенный мир подверг известный эмигрантский политик, бывший член-корреспондент Императорской академии наук и будущий ректор Украинского свободного университета (1924–1925 гг.) Фёдор Андреевич Щербина, указывая на то, что «державы-победительницы не знают меры в экономическом нажиме над побеждёнными и ослабленными государствами, плодят в них вражду, грозящую разразиться кровавыми вспышками» [1, с. 222]. А Лига наций, по его мнению, «не оправдала самых скромных чаяний». В своей деятельности созданная после разрушительной войны международная структура руководствуется в первую очередь интересами возглавляющих её государств [1, с. 223]. В контексте происходящих событий Щербиной был дан пессимистичный прогноз: «Будущее темно и рисуется в мрачных контурах новых разрушительных столкновений между государствами» [1, с. 222].

Более конкретно на этот счет высказывался известный русский писатель Иван Наживин. Задолго до прихода к власти в Германии нацистов он выразил своё мнение в отношении происходящего, через несколько лет ставшее политической реальностью европейского континента: «Искры тлеют и в России, и в Италии, и в Германии, и в Польше, и на Балканах. Пожар запылает непременно... впереди не мир, но война» [2, с. 18]. В одной из своих публикаций Наживин недвусмысленно объяснил причины будущей войны: «В основании “новой” Европы лежит огромная бочка с динамитом – Версальский договор» [2, с. 17]. С точки зрения автора, важнейшей составляющей европейской политики являются отношения Германии и «СССР-России». Обе страны стали, по сути, заложниками сложившейся версальской системы. Это во многом предопределило их сближение, а на определённом этапе – преодоление кабального договора и взаимовыгодное сотрудничество. Однако, как считал И. Ф. Наживин, это явление временное. Геополитически Германия и Советский Союз имели разные целеполагания. В недалёком будущем их интересы столкнутся, что приведёт к обострению отношений.

Неизбежное столкновение «новой Европы» и СССР предвидел ещё один авторитет российской эмиграции – Н. В. Устрялов. Прошедшая мировая война, с его точки зрения, стала сильнейшим ударом по так называемым европейским ценностям. Выигранная «во имя демократии», она стала «воплощением жадности, ссорившей из-за добычи государства» [3, с. 333]. Война в полный рост поставила перед балканизрованными европейскими народами вопрос о власти и инструментах её удержания (Право? Сила?) [3, с. 334]. Зависть, критиканство, отсутствие нравственного прогресса, разочарование итогами войны, наконец, отсутствие уверенности в завтрашнем дне, в полный рост поставили перед европейскими народами проблему выбора пути развития. «Нужна идея, но её трагически не хватает нынешним европейцам... они живут среди обломков христианской культуры и держатся ещё только ими...», – писал Николай Васильевич Устрялов в 1925 г. [3, с. 339].

Н. В. Устрялов большое внимание уделил исследованию набравшего силу европейского фашизма. Фашизм стал попыткой выбраться из идейного «штопора», шагом в направлении модернизации обветшавшей буржуазной демократии стал. В среде российской эмиграции к новоявленной идеологической доктрине, как правило, относились со скепсисом, что в первую очередь было связано с провозглашённой Гитлером политики колонизации восточных земель. Вместе с тем критический анализ фашистской идеологии и практики, прежде всего в контексте сравнения с большевизмом, постоянно присутствовал на страницах эмигрантской прессы. Газеты и журналы разных политических направлений, пытаясь разобраться в устряловском видении европейской жизни, постоянно держали эту тему в центре внимания. Так, например, в эмигрантской газете «Дни» была опубликована статья «О русском фашизме» [4], в журнале «Россия» – статья под названием «Фашизм в понимании Н. В. Устрялова» [5], а в одной из наиболее популярных и влиятельных газет первой русской эмиграции «Последние новости» была напечатана статья «Устрялов о Гитлере» [6].

Фашистская идеология, прежде всего, представлялась Устрялову антихристианской. «По содержанию своему фашизм представляет собой историческую силу более враждебную христианству, нежели большевизм... По внутренней сути он есть отступничество от живого Христа», – отмечал он [7, с. 81]. С точки зрения учёного, новая европейская идеология не что иное, как «религия, носящая все признаки языческого мировосприятия и отмеченная печатью глубокой и трагической ущербности» [7, с. 94]. Также было отмечено, что этот «поздний ренессанс языческих воззрений порочен» и являет собой «гигантский шаг назад по сравнению с христианской

метафизикой единства и любви, эсхатологией всеобщего спасения» [7, с. 94].

Н. В. Устрялов давал своё обоснование феномену привлекательности фашистской идеи для миллионов европейцев, связывая его с «насущными заботами сегодняшнего дня». Это был «шанс на улучшение земной жизни» – близкий и понятный европейскому обывателю социально «приземлённый» идеал [7, с. 94]. Н. В. Устрялов предупреждал, что несмотря на кажущуюся привлекательность, по природе своей фашизм «реакционен, вызывая шовинистичен» и непригоден для обустройства будущего [7, с. 81]. «Фашизм – лукавое, двусмысленное орудие, способное обратиться против тех, кто им пытается владеть...» – заключал он [7, с. 153]. Дальнейшие события европейской и мировой истории подтвердили правоту его взглядов.

Особенно остро и болезненно тема войны воспринималась участниками военных кампаний Первой мировой и последовавшей после её окончания Гражданской войны в России. Ярким представителем этой группы эмигрантского сообщества являлся один из организаторов Белого движения, Главнокомандующий Вооружёнными силами юга России (1919–1920 гг.) генерал Антон Иванович Деникин. На первых порах пребывания за рубежом А. И. Деникин дистанцировался от политики, сосредоточившись на литературной деятельности. Главным ее результатом стало написание фундаментального историко-биографического труда «Очерки русской смуты». В то же время имя Деникина не сходило со страниц эмигрантской прессы и постоянно находилось в центре общественного внимания, особенно если тема касалась судьбы армии и её будущего. Он по-прежнему занимал антисоветскую позицию и был убеждён в необходимости свержения большевизма, а далее – формирования русской армии в условиях нарастающего международного противоборства.

Материалы, опубликованные в 1928 г. в «переписке» Деникина с неким анонимным офицером Красной армии, опубликованной на страницах издания «Борьба за Россию», имели немалый резонанс в среде русской эмиграции. Например, «Последние новости» откликнулись статьёй «Деникин и красная армия» с детальным изложением позиций сторон. Автор публикации пришёл к выводу, что «Деникин сдвинулся с мертвой точки» [8]. С этим вряд ли можно согласиться. Антон Иванович и здесь не изменил своим убеждениям, в том числе в отношении бывших союзников России. Еще более наглядно это просматривается в написанных им позже воспоминаниях «Старая армия» [9] и автобиографической повести «Путь русского офицера», увидевшей свет лишь в 1953 г. [10].

Особый интерес применительно к теме статьи представляет изданная в Париже брошюра А. И. Деникина «Международное положение,

Россия и эмиграция», в которой он проанализировал ситуацию, сложившуюся в мире, сделал прогноз на будущее. Брошюра была выпущена через год после прихода Гитлера к власти и явилась своеобразной квинтэссенцией жизненного опыта и профессиональных качеств генерал-лейтенанта Деникина. Он раньше других осознал смысл происходящих в мире событий, пророчески предупредив о неизбежности масштабного военного столкновения. К этому, с его точки зрения, вела вся совокупность мировых событий, сложившийся расклад сил в политической, дипломатической и военной областях. Автор издания подчёркивал, что движимые реваншизмом и, по сути, разрушившие версальские соглашения немцы «могут начать войну внезапно, без объявления» [11, с. 6].

В сложившихся условиях «чрезвычайно сложной обстановки сегодняшнего, и, в особенности, завтрашнего дня» Деникина волновала судьба русских людей, разбросанных, волею обстоятельств, по потенциально конфликтующим странам. По его мнению, в сложившихся обстоятельствах ко всем событиям политической жизни представители российской диаспоры должны подходить не с умозрительными доктринами, не с предвзятостью всяких «фильств» и «фобств», не с личными симпатиями к чуждым вождям и режимам, «а с единственным мерилom – реальных и справедливых интересов России и русского народа...» [11, с. 8]. Именно этим мерилom, с точки зрения автора, необходимо определять и те водоразделы, которые отделяют друзей от врагов.

Обозначенный подход определял бескомпромиссную позицию генерала Деникина и в отношении так называемой «восточной программы», провозглашённой германским руководством. Раскрывая её суть, Деникин приходит к выводу, что главная её цель – захват территорий России. «Что же станет с людьми?» – задаёт вопрос автор книги и сам отвечает на него: «Будет жестоко и просто, нужно читать и понимать прочитанное... „Восточная программа“ может осуществляться только злейшим врагом русского народа...» [11, с. 9–10].

Есть в вызвавшем бурные дискуссии издании и своеобразный призыв к руководителям соперничавших государств: «...за право на убежище, право на труд мы обязаны лояльностью странам, нас приютившим. Но и только. Никто не в праве толкать рассеянных по враждующим странам на возможное братоубийство... Кровь и жизнь наша нужны для освобождения и строительства России...» [11, с. 8]. А. И. Деникин обращал особое внимание на недопустимость вступления бывших подданных Российской империи в германскую армию, призывая вести энергичную пропагандистскую работу «для удержания метущихся и сбитых с толку людей в русле государственных интересов национальной России» [11, с. 16].

Одним из недугов, препятствовавшим консолидации здоровых сил эмигрантского сообщества накануне войны генерал по-прежнему считал «политиканство». В своей речи по случаю 20-летия Белого движения он подверг жёсткой критике работу партийных группировок, их вождей, чья деятельность привела к расколу и без того разобщённое эмигрантское сообщество: «Разброд эмиграции – идейный, тактический, межпартийный, внутрипартийный, разброд в понимании национальных задач, наша внутренняя борьба и самоедство грозят сделать из нас бессильных и бездейственных свидетелей назревающих грозных и решающих событий...» [12]. Помимо этого, А. И. Деникин очертил круг вопросов, на решении которых должны были сосредоточиться российские эмигранты. Среди них, по его мнению, решающее значение имели уничтожение большевизма и возрождение русского государственности. Являясь последовательным противником советского режима, генерал тем не менее считал невозможной поддержку фашистской Германии. Позже, уже в годы Второй мировой войны эта позиция воплотится в его лозунге «Защита России и свержение большевизма».

События 1933 г. в Германии явились переломным моментом в истории межвоенной Европы. Приход к власти нацистов радикально изменил политический порядок, сложившийся в рамках недолго существовавшей Версальской системы, и поменял расстановку сил в Европе и в мире. Не могли оставаться равнодушными к происходившим головокружительным переменам и представители разных групп эмигрантского сообщества. Их реакция на набиравший силу фашизм, как правило, являлась отражением сформировавшейся идейной позиции и системы ценностей, защитниками которых они себя считали.

Те, кто разделял либерально-демократические идеи, пытались доказать несоответствие тоталитарной фашистской идеологии традициям и духу европейской культуры. Данная точка зрения находила отражение на страницах либеральных «Последних новостей», редактируемых П. Н. Милюковым. В 1933 г. газета опубликовала ряд материалов с резкой критикой фашистских порядков: «Поклонники скотского бога» [13], «Германия и евреи» [14], «Гитлер» [15], «Гитлеровские выборы» [16] и другие. В статье «Кровь и нация» была предпринята попытка выявить наиболее типичные черты, характерные для европейских тоталитарных диктатур. По мнению автора статьи (псевдоним Юніусь), новоявленные режимы объединены стремлением к отрицанию свободы личности и разнообразия культуры, требованиями полного «посвящения» граждан интересам государства, уравниванием всей общественной жизни в соответствии с единой идеей и единым руководством [17].

Понимая угрозу расчленения Советского государства, П. Н. Милюков неожиданно для многих предстал последовательным защитником территориального единства страны как непреходящей ценности на фоне временных политических перипетий. Эта идея стала лейтмотивом доклада «Русская проблема и международное положение», прочитанного им на собрании Лондонского Королевского института по иностранным делам в конце 1933 г. Глава Республиканско-демократического объединения (РДО) пророчески предостерегал западные демократии от соблазна умиротворения амбиций фашистской Германии за счет «восточных земель» [18]. Парадоксальным образом ряд политических противников бывшего лидера кадетской партии, в том числе в военной эмигрантской среде, неожиданно оказались его единомышленниками как в оценке «восточной программы» германского руководства, так и в видении будущего обустройства Российского государства.

Глубокое разочарование по поводу плана очередного «натиска на Восток» стало главным мотивом в переписке руководителей Русского Общевоинского Союза (РОВС) генералов Е. К. Миллера и А. А. фон Лампе. В письме от 13 августа 1932 г. глава РОВС Е. К. Миллер называл «безумием» германские планы балканизации бывшей Российской империи. «Расчленение и преобладающее влияние, политическое и экономическое над отдельными частями у одних... просто завоевание у самого Гитлера – вот что обещают те, которые говорят о необходимости бороться с коммунизмом», – писал он [19, л. 56]. Аналогичную позицию занимал в 1933 г. А. А. фон Лампе: «Наивно думать, что приход к власти национал-социалистов означает их войну за восстановление России» [20, л. 15].

Позиция неприятия фашизма как идеологии и практики в конце концов возобладала и в среде сторонников легитимного монархизма. На страницах младоросской газеты «Бодрость» появились публикации с предупреждением о готовившемся на Западе «крестовом походе» против русского государства под знамёнами «борьбы с большевизмом». Статья с красноречивым названием «Руки прочь от нашей Родины» стала своеобразной квинтэссенцией младоросского восприятия фашизма: «Идеологи германского расизма, движимые ненавистью к России, пользуются призраком “красной опасности”, чтобы свести с Россией свои счёты» [21]. Тем не менее эмоциональный и, как нам представляется, искренний призыв легитимистов встать на защиту страны «как советским гражданам, так и эмигрантам» не нашел общей поддержки в политически разобщённой эмигрантской среде.

Определённая часть выходцев из России, при всем настороженном отношении к новой идеологии в лице фашизма, видели в ней реальную силу, способную сокрушить коммунизм

в России и освободить страну от «сталинской тирании». Такая точка зрения возобладала в редакции эмигрантской газеты «Возрождение» (главный редактор Ю. Ф. Семенов). В статье корреспондента газеты Анатолия Гана «Победа Гитлера и Москва» отмечался «огромный сдвиг, произошедший в психологии германского народа, ярко проступившую смертельную вражду против московской заразы» [22]. В борьбе идей коммунизма и фашизма, обострившейся в Германии в начале 1930-х гг., газета отдавала предпочтение последнему. По мнению редакции, поворот вправо, наметившийся в европейской жизни и наиболее явственно выразившийся в победе Гитлера, «несомненно созвучен настроениям широких эмигрантских масс» [23].

Определенным показателем идейных предпочтений эмигрантов в начале 1930-х гг. стала реакция на деятельность русских фашистов. Критика и однозначное неприятие «людей темного назначения», по определению И. А. Ильина, парадоксальным образом объединяли представителей самых разнообразных, зачастую противоборствовавших идейных течений зарубежников: Е. Д. Кускову, А. И. Деникина, Н. В. Устрялова и других. По мнению генерала Е. К. Миллера, русские последователи Гитлера (речь шла в первую очередь о националистических организациях «Стальной шлем», РОНД) являют собой эмигрантскую «накипь». Не вызывал доверия у Е. К. Миллера и новоявленный глава «русских фашистов» генерал Сахаров. Руководитель РОВС в переписке с генералом фон Лампе высказывал твердую уверенность в том, что Сахаров «в очередной раз пытается морочить всех». Своевременно и актуально в 1933 г. звучало предостережение Миллера по поводу участия русских эмигрантов в организациях фашистского толка. С его точки зрения, от членов подобных объединений могут потребовать действий, «направленных на пользу германского национализма и немецкого государства, но во вред и против русского народа или русского государства» [20, л. 48].

Судя по материалам эмигрантской прессы, источникам «пражского архива», многочисленным мемуарным изданиям, в начале 1930-х гг. для представителей русской диаспоры грядущая война обретала все более ясные очертания. По мнению А. Курковского, Европа, устремленная к заветной цели ослабления и расчленения России, сама рискует стать жертвой конфронтации. События, которые могут начаться «с выстрела между французами и немцами или немцами и поляками», с точки зрения автора, приведут к неизбежной войне с Советским Союзом, «принесут всему миру неисчислимые бедствия, а Европе – великие потрясения, разорение, гибель миллионов людей» [24, с. 49]. Ответственность за предстоящую катастрофу А. Курковский возлагал как на лидеров III Интернационала, так

и на европейских политиков, препятствовавших установлению «нормального порядка» в России [24, с. 20].

Попытку найти разрешение противоречий «пораженцев» и «оборонцев» в неизбежной будущей войне, нейтрализовать очередной виток напряженности в эмигрантской среде предпринял В. В. Шульгин. В статье «Drang nach Osten», опубликованной в газете «Голос России», он изложил собственный план урегулирования проблемы территориальных устремлений Германии при сохранении целостности русского государства [25]. По мнению В. В. Шульгина, компромисс мог бы быть найден путем согласования идеалистического и практического базисов двух государств. Борьба с мировым злом – коммунизмом, по мысли автора, способствовала сближению антисоветских сил и формировала необходимую для совместных действий идейную основу устремлений Германии, русского народа и эмиграции. Реализация планов уничтожения «совдепии» – «необходимое условие для осуществления задач практического свойства» [25]. С точки зрения В. В. Шульгина, «материальное удовлетворение» Германии могло быть достигнуто путем заключения взаимовыгодного экономического и политического договора двух стран. Понимаемый в таком смысле «Drang nach Osten», т. е. концепция высокого идеализма и разумного практицизма, должна быть приветствуема с русской точки зрения [25].

Этот наивный план, предложенный одним из лидеров русской эмиграции, был связан с надеждами определенной части эмиграции на здравый подход со стороны нового лидера Германии на будущее сотрудничество и даже партнерство двух государств. Вера в государственную мудрость и добрую волю Гитлера пронизывает статью «Хитлер № 3». Как полагал Шульгин, из озлобленного узника, «в сердце которого для других наций не было ничего кроме ненависти», А. Гитлер постепенно перерастал в прагматичного, умудренного опытом лидера, способного погасить социальную и национальную вражду народов [26]. Пытаясь разобраться в характере происходивших в Европе событий и будучи монархистом по убеждениям, Шульгин выдвинул идею о возникновении «самодержавия нового стиля» [27]. На это, как ему казалось, указывали некоторые внешние признаки политической организации общества, в частности, безграничность власти фюрера, сравнимая с властью абсолютно монарха.

Мысль Шульгина, хотя и сформулированная с некоторыми оговорками, в очередной раз диссонировала с позицией «официального» эмигрантского монархизма. И «никлаевцы» и «кирилловцы», несмотря на внутреннюю склоку, в большинстве своем не принимали фашистской идеологии, весьма настороженно относились

к росту ее влияния в Европе и мире. Подтверждением этому служат многочисленные публикации в прессе. Квинтэссенцией монархического подхода к проблеме можно считать статью Л. Былинского «Фашизм и монархизм». Автор, обращаясь к конкретике европейской политической борьбы, доказывал несовместимость монархической и фашистской идеологий, недопустимость использования последней в обустройстве Российского государства. На основании проведенного анализа Леонид Былинский пришел к выводу, что «России нужен не... фашизм, а Православная Монархия» [28].

Дальнейший ход европейских событий развенчал идеалистические помыслы В. В. Шульгина, а в его лице и всех сторонников «фашистского давления на большевизм». Не последнюю роль в этом сыграла агрессивная территориальная экспансия фашистского государства. Настоящим ударом для большинства представителей русской эмиграции стал инициированный германским вождём и санкционированный «цивилизованными» странами территориальный раздел Чехословакии. Неспособность европейских «демократий» противостоять распространению фашизма порождало растерянность, пессимизм, а зачастую откровенно панические настроения в эмигрантской среде.

Ярким подтверждением этого стали публикации Е. Д. Кусковой, постоянного автора «Последних новостей». «Загадка» Европы, которая безропотно «идет под крыло диктаторов и насильников», рассматривалась автором в материале «О насилии и молчании». Сам факт появления новых тиранов не вызывал у Елены Дмитриевны особого удивления («они всегда были»). Гораздо больше изумляло Кускову реакция европейской «цивилизованной общественности» на действия фашистов: «Не было раньше этого тоталитарного молчания и покрытия своим согласием чудовищных правонарушений правителей» [29].

Анализ сложившегося в Европе военно-политического расклада был продолжен в статье «О захолустном патриотизме». На этот раз в центре внимания Кусковой оказалась реакция западного сообщества на российскую эмиграцию и перспективы политического развития. Основной чертой европейских политиков автор статьи называла практицизм. Данное качество, с ее точки зрения, в решающей степени определяло характер их действий в отношении эмигрантов («никто из иностранцев давно уже не обращает внимания на вопли русских “патриотов” – “не объединяйтесь со Сталиным!”») [30].

Е. Д. Кускова придерживалась мнения, что «очень реальные политики» на Западе способны на самые неожиданные перемены политической «ориентации» под влиянием сложившейся конъюнктуры. Дальнейшее развитие событий

подтвердило полную правоту сделанного прогноза. Вопрос, заданный Еленой Дмитриевной Кусковой в статье «О захолустном патриотизме» в 1938 г. («Что тогда будут делать русские “патриоты”?»), очень скоро встал перед сторонниками «фашистского давления на коммунизм». Полное разочарование в связи с пассивной позицией европейской политической элиты нашло отражение в материале Е. Д. Кусковой «Где Европа?». Основанием для статьи, увидевшей свет 16 марта 1939 г., послужили политические события, которые привели к окончательной ликвидации Чехословакии: «Много невероятного случилось за последнее время в Европе. Но то, что произошло вчера, показывает, что этим неправдоподобным событиям нет предела» [31].

Не оправдавшие себя внешнеполитические надежды демократов, да и само развитие политического процесса в предвоенной Европе, серьезно подорвали престиж либеральной идеологии в эмигрантских кругах, оказали влияние на идейные настроения молодого поколения. Примером достаточно типичного отношения к либерал-демократам в конце 1930-х гг. может служить оценка деятельности П. Н. Милюкова и его сторонников в «зеленых романах» Национально-трудовым союзом нового поколения (НТС НП): «Если говорить о политической демократии, о правительстве крикунов, болтунов, адвокатов, профессоров, втиравших очки народу... то век демократии умер вместе с Милюковым» [32, с. 155]. Не меньшее разочарование ожидало сторонников и правоконсервативного крыла российской диаспоры. Многие из них, как известно, связывали с фашистской Германией надежды на разрушение советской системы в России, однако заключение в августе 1939 г. Пакта о ненападении между СССР и Германией окончательно дезориентировало эмигрантов и полностью перекроило складывавшуюся годами систему политических ценностей и предпочтений.

Как видим, 1920–1930-е гг. стали временем своеобразного «перепутья» для сформировавшейся за границей «России № 2». Конечно, новая жизнь, а для многих – просто невыносимое существование, заставляли в первую очередь решать насущные бытовые и экономические проблемы. Однако необходимость элементарного выживания на чужбине не снимала с повестки дня вопросов социально-политического порядка, определения своего отношения к проблемам и вопросам, сотрясавшим межвоенную Европу и мир. Одним из самых болезненных в условиях формирования новой картины мира стал вопрос отношения к войне, как к прошлой, одним из итогов которой стало формирование самой зарубежной России, так и к будущей, неизбежность приближения которой осознавалась большинством эмигрантов. Рост влияния европейского фашизма, качественные геополитические сдвиги во второй половине 1930-х гг. окончательно

раскололи и без того разобщённое эмигрантское сообщество. В таком радикально плюралистическом состоянии «Россия № 2» вошла в новый этап своего существования, связанный уже с началом Второй мировой войны.

Список литературы

1. Щербина Ф. А. Законы эволюции и русский большевизм. Белград : Русская мысль, 1921. 264 с.
2. Наживин И. Ф. Глупость или измена? Открытое письмо Милюкову. Брюссель : Издательство «Независимый Брюссель», 1930. 32 с.
3. Устрялов Н. В. Судьба Европы. Под знаком революции: сб. статей. Харбин : Русская жизнь, 1925. 356 с.
4. О русском фашизме // Дни. 1928. 28 окт. № 8.
5. Фашизм в понимании Н. В. Устрялова // Россия. 1928. 7 апр. № 33.
6. Устрялов о Гитлере // Последние новости. 1933. 22 сент. № 4566.
7. Устрялов Н. В. Пути синтеза. Наше время. Шанхай : [Б. и.], 1934. 202 с.
8. Деникин и красная армия // Последние новости. 1928. 29 мар. № 2563.
9. Деникин А. И. Старая армия : в 2 т. Париж : Родник, 1929. Т. 1. 154 с.
10. Деникин А. И. Путь русского офицера. Нью-Йорк : Издательство имени Чехова, 1953. 384 с.
11. Деникин А. И. Международное положение, Россия и эмиграция. Париж : Editions et imprimerie rapide de la presse, 1934. 16 с.
12. Двадцатилетие белого движения // Последние новости. 1938. 27 фев. № 6182.
13. Поклонники скотьега бога // Последние новости. 1933. 13 июн. № 4465.
14. Германия и евреи // Последние новости. 1933. 25 июл. № 4507.
15. Гитлер // Последние новости. 1933. 27 июл. № 4509.
16. Гитлеровские выборы // Последние новости. 1933. 14 нояб. № 4619.
17. Кровь и нация // Последние новости. 1933. 7 сент. № 4551.
18. Милюков в Лондоне // Последние новости. 1933. 7 дек. № 4642.
19. ГАРФ. Ф. 5853 (Лампе фон Алексей Александрович). Оп. 1. Д. 49.
20. ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 51.
21. Руки прочь от нашей Родины // Бодрость. 1935. 11 мар. № 22.
22. Ган А. Победа Гитлера и Москва // Возрождение. 1933. 7 апр. № 2866.
23. Тимашов А. Монархизм и активизм // Возрождение. 1933. 24 мар. № 2852.
24. Курковский А. Еще не поздно. Мысли о современном международном положении. Каунас : Spindulio, 1932. 51 с.
25. Шульгин В. Drang nach Osten // Голос России. 1936. 9 июл. № 4.
26. Шульгин В. Хитлер № 3 // Голос России. 1936. 25 июн. № 2.
27. Ответы Кусковой и многим другим // Голос России. 1936. 25 июн. № 2.
28. Былинский Л. Фашизм и монархизм // Двуглавый орел. 1926. 1 дек. № 1.
29. Кускова Е. О насилии и молчании // Последние новости. 1938. 5 мар. № 6188.
30. Кускова Е. О захолустном патриотизме // Последние новости. 1938. 20 авг. № 6355.
31. Кускова Е. Где Европа? // Последние новости. 1939. 16 мар. № 6562.
32. Национально-Трудовой Союз Нового Поколения. Основы национального мировоззрения : в IV ч. Белград : Типография «Меркур», 1939. Ч. I. 157 с.

Поступила в редакцию 20.06.2025; одобрена после рецензирования 25.06.2025;
принята к публикации 27.06.2025; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 20.06.2025; approved after reviewing 25.06.2025;
accepted for publication 27.06.2025; published 28.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 452–459

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 452–459

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-452-459>, EDN: BUHTQD

Научная статья

УДК 72.071.1(470-25)|1941/1945|

Московские архитекторы в период Великой Отечественной войны

В. Н. Горлов

Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Горлов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических наук и архивоведения, gorlov812@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9987-0601>, AuthorID: 954278

Аннотация. Цель исследования заключается в изучении творческих достижений московских архитекторов в годы Великой Отечественной войны. Московские архитекторы внесли бесценный вклад в военно-оборонное строительство, строительство многочисленных эвакуированных и новых промышленных предприятий на востоке страны, восстановление разрушенных войной городов.

Ключевые слова: восстановление, жилищное строительство, архитектура, градостроительство, ансамбль, Великая Отечественная война, проектирование

Для цитирования: Горлов В. Н. Московские архитекторы в период Великой Отечественной войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 452–459. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-452-459>, EDN: BUHTQD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Moscow architects during the Great Patriotic War

V. N. Gorlov

Moscow State Linguistic University, building 1, 38 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia

Vladimir N. Gorlov, gorlov812@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9987-0601>, AuthorID: 954278

Abstract. The aim of the research is to study the creative achievements of Moscow architects during the Great Patriotic War. Moscow architects made an invaluable contribution to military-defense construction, the construction of numerous evacuated and new industrial enterprises in the east of the country, and the restoration of cities destroyed by the war.

Keywords: restoration, housing construction, architecture, urban planning, ensemble, Great Patriotic War, design

For citation: Gorlov V. N. Moscow architects during the Great Patriotic War. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 452–459 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-452-459>, EDN: BUHTQD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Московские архитекторы в годы войны боролись с врагом в рядах Красной армии и самоотверженно трудились в тылу. Основным программным документом перестройки деятельности московских архитекторов в соответствии с требованиями военного времени стало «Обращение правления Союза советских архитекторов СССР к республиканским, краевым, областным и городским отделениям», принятое 27 июня 1941 г. и подписанное ответственным секретарем Союза советских архитекторов СССР (ССА СССР) К. С. Алабяном [1, с. 8–10]. Союз архитекторов в предвоенное и военное время, вплоть до создания в 1943 г. Комитета по делам архитектуры, руководил зодчеством в масштабе страны,

направляя энергию архитекторов на решение задач, которые ставило перед ним государство.

С первых дней Отечественной войны Академия архитектуры, ССА СССР, Управление проектирования, Управление планировки и др. организации, где работали значительные силы архитекторов, объединились с тем, чтобы, перестроившись, немедленно принести пользу в обороне Москвы. Президиум Правления ССА СССР предложил всем республиканским, краевым, областным, городским организациям ССА немедленно коренным образом перестроить всю свою работу, подчинив её всецело задачам обороны советского государства [2, с. 69–71].

19 октября 1941 г. Государственный комитет обороны издает Постановление «О введении

осадного положения в Москве и прилегающих к городу районах» [3, с. 1–2]. Союз архитекторов, Академия архитектуры, Управление проектирования, Управление планировки Моссовета и другие организации объединили свои усилия в деле обороны столицы.

Оперативная группа Центральной военной оборонной комиссии СССР утвердила решение о создании в Москве Штаба руководства практическим осуществлением маскировочных работ в городе и области. К маскировке приступили немедленно. Наряду с конкретными маскировочными работами многому учились, слушали лекции военных специалистов и на практике немедленно осуществляли в натуре маскировочные работы крупных промышленных предприятий и отдельных частей города. Центральная проектно-маскировочная мастерская готовила кадры для проведения маскировочных работ в Баку, Тбилиси, Махачкале, Казани, Саратове, Иванове, Ярославле, Хабаровске, Сталинграде [4, с. 116].

Московские архитекторы разбились на специальные группы. Одна из значительных групп создавалась из ведущих архитекторов и начала работать по маскировке. Вторая группа специалистов архитекторов и инженеров приступила к работе по проектированию и строительству убежищ и других объектов МПВО (местная система оборонных мероприятий по противовоздушной обороне, осуществлявшихся местными органами власти под руководством военных организаций).

Многие из московских архитекторов (К. С. Алабян, А. М. Заславский, Л. О. Бумажный, Н. Д. Колли, З. М. Розенфельд, Б. М. Иофан, Г. И. Глущенко и др.) проявили большое мужество, выдержку и способности прекрасных организаторов. Архитектор И. И. Ловейко (вторая Архитектурно-проектная контора АПУ) работал на баррикадах Волоколамского направления и проявил себя прекрасным начальником участка. В сложной обстановке он вовремя организовал работы и закончил их в установленный срок. Молодые талантливые архитекторы М. В. Посохин и А. А. Мндоянц оказались прекрасными специалистами по проектированию убежищ, газоубежищ, дегазационных станций. Архитекторы совместно с инженерами работали в сложных военных условиях начальниками строительных участков, техническими инспекторами, проектировали объекты оборонных сооружений, восстанавливали шахты подмосковного угольного бассейна, занимались ликвидацией последствий вражеских бомбардировок [5, с. 89–90].

Архитекторы АПУ и других организаций вместе с населением вышли на строительство оборонных линий города Москвы. Маскировщики-архитекторы также вышли на строительство укрепрайонов и совместно с командованием

вели маскировочные работы всех видов фортификаций и огневых сооружений.

Из архитекторов и инженеров управления и Штаба МПВО г. Москвы была организована специальная Отдельная рота технической разведки. Во время воздушной тревоги на техническую разведку возложены были ответственные функции. Во время налётов и поражения вражескими бомбами архитекторы и инженеры обязаны были немедленно выезжать на очаги поражения и вместе с бойцами МПВО ликвидировать опасные завалы и спасать пострадавших людей, а в дальнейшем составлять техническую документацию очагов поражения для очистки и восстановления данных объектов [6, с. 54–56].

Значительные группы московских архитекторов работали в Свердловской, Челябинской, Новосибирской, Омской областях, Красноярском крае, Башкирской АССР, в республиках Средней Азии, в Чкаловской области (так именовалась Оренбургская обл. с 1938 по 1957 г.) и др. При их участии разрабатывались проекты жилых посёлков при промышленных предприятиях, зданий культурно-бытового характера, а также и самих производственных построек [7, с. 111–113].

За время с начала войны Академия архитектуры СССР сумела переключить свою работу на обслуживание нужд строительства на востоке страны, вызванного обстоятельствами военного времени, и организационно не только сохранила свой научный аппарат, но, связав свою научную работу с интересами строительства в основных периферийных центрах, консолидировала вокруг себя новые научные силы и поставила разработку ряда научно-исследовательских проблем, связанных с задачами восстановления разрушенных районов и имеющих большое народно-хозяйственное значение.

По инициативе Академии архитектуры было предпринято массовое строительство для эвакуированного населения в восточной части СССР. Связавшись через своих уполномоченных с местами, Академия архитектуры содействовала расширению производства местных строительных материалов и изучению их ресурсов в стране. Свою деятельность институты вели в тесной взаимосвязи с организованными и руководимыми Академией группами архитекторов-консультантов, работавших в ряде краевых и областных центров страны [8, с. 86–89].

Правление Союза советских архитекторов явилось инициатором и организатором истреда важнейших совещаний по массовому строительству, на которых архитекторы Москвы и их коллеги – представители местных отделений – обменивались опытом проектирования и строительства в условиях военного времени.

Конец 1941 г. ознаменовался решительным контрнаступлением советских войск под Москвой. В 1942 г. советские архитекторы

анализировали опыт первых месяцев войны, наметили обширную и многоплановую программу дальнейших работ. Союз архитекторов оказал большую помощь многим государственным организациям, занятым восстановлением. С начала 1942 г. при Всесоюзном правлении ССА СССР организуется Комиссия по восстановительному строительству. В январе 1942 г. был организован Комитет научно-технического содействия восстановлению хозяйства, разрушенного немецкими оккупантами. Комитет организовал выезд бригад в Волоколамск, Елец, Можайск, Калугу, Малоярославец, Рузу, Яхрому, Клин [9, с. 92].

В начале 1942 г. Союз архитекторов выступил за подготовку к послевоенному капитальному строительству. Предвидя то, что строительство после войны приобретёт большие масштабы, будет вестись напряженными темпами, архитекторы высказались за то, чтобы заблаговременно приступить к изготовлению типовых проектов массового строительства, учитывая при этом опыт проектирования в первые месяцы войны на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. В 1942 г. разработка предварительных проектов восстановления разрушенных городов, посёлков и колхозов была сосредоточена в Институте градостроительства и планировки населенных мест Академии архитектуры. Институт выполнил проекты восстановления Истры. Мастерская Л. В. Руднева составила проект восстановления посёлка Теряева слобода Волоколамского района с включением в композицию посёлка восстановленного Иосифо-Волоколамского монастыря. Над проектом планировки посёлка Красная поляна работала бригада И. А. Голосова [10, с. 146–149].

В 1942 г. СНК СССР утвердил временное положение об учреждении Комиссии по учету и охране памятников искусства. Основными задачами Комиссии в период Отечественной войны были учет разрушений и повреждений, причиненных памятникам искусства, принятие мер к охране памятников искусства в прифронтовой полосе и в освобожденных от оккупации городов и районов, подготовка материалов к реставрации разрушенных и поврежденных памятников [11, с. 4].

Специальные бригады архитекторов, организованные комиссией и её отделами, Академией архитектуры, секциями Союза архитекторов, вели учет разрушений и повреждений, причиненных памятникам искусства. В 1942 г. бригады московских архитекторов выезжали в районы, освобожденные от оккупации, составляли акты о причиненных разрушениях, проводили фотосъёмку, зарисовку, детальные обмеры памятников. В 1942 г. была выполнена одна из первых проектно-реставрационных работ – проект восстановления Ново-Иерусалимского монастыря. В порядке общественного

содействия охране памятников зодчества архитекторы осуществляли шефство над отдельными памятниками в ряде городов. Московские архитекторы в 1942–1943 гг. провели обмеры десятков ценнейших памятников Москвы и Подмосковья. Важной работой Академии архитектуры и секций Союза архитекторов явилась научная паспортизация памятников архитектуры народов СССР. В годы войны Академия подготовила и опубликовала ряд выпусков «Сообщений» о деятельности в области охраны памятников архитектуры [12, с. 13–14].

1943 г. принёс советскому народу радость первых значительных побед. 2 июля на заседании Президиума Правления ССА СССР рассматривался вопрос «Об участии архитектурных сил в восстановлении Сталинграда» [13, с. 17].

Разработку проекта Сталинграда возглавил крупный общественный деятель государственного масштаба – К. С. Алабян. В других мастерских Академии архитектур (В. Г. Гельфрейха, Б. М. Иофана, Л. В. Руднева, А. В. Щусева, Г. П. Гольца) проектировался общественный центр города с монументом героическим защитникам. Генеральный план Сталинграда рассматривался в Госплане СССР, был утвержден СНК Союза ССР и на много лет вперед определил развитие города, ансамбли которого могут по праву считаться памятниками советской архитектуры [14, с. 30].

В самом проекте планировки нашел отражение ряд научно обоснованных положений по общим принципам градостроительства. Сталинград, став символом Победы, становился и символом восстановительного строительства. Его проектирование приобретало ещё один, возможно, в условиях войны самый главный аспект – идеологический.

Важнейшей задачей, которую К. С. Алабян ставил при проектировании, было коренное изменение планировочной структуры города, исправление исторически сложившихся её недостатков. Ключевым понятием для К. С. Алабяна становится ансамбль – «единный архитектурный ансамбль города». Понятие «ансамбль» было вообще ключевым для советской архитектуры предвоенного времени. Оно определяло творческие усилия зодчих при решении самых разноранговых архитектурных задач – от проектирования отдельного здания и площади до города в целом. На ансамблевость направлял зодчих и Союз советских архитекторов, возглавляемый К. С. Алабяном [15, с. 83–84]. В соответствии с новыми задачами усложнялась организационная структура Союза архитекторов. При правлениях ССА СССР формировались новые комиссии и секции по восстановительному строительству

С 1943 г. началось широкое развертывание проектных работ по восстановлению и реконструкции населенных мест Подмосковья. При

подготовке проектов учитывалась возможность улучшения планировочной структуры городов, четкого зонирования территорий, создания новых ансамблей улиц и площадей. Но при всем этом не забывались историческая специфика, взаимоотношение строящихся новых зданий с древней архитектурой, сохранение и развитие планировочных особенностей.

До основания был разрушен и сожжен город Истра. Жестоко пострадали Верея, Руза, Наро-Фоминск и многие другие населенные пункты. В городах Подмосковья были уничтожены 12 тыс. жилых зданий. Нацисты разграбили дом-музей П. И. Чайковского в Клину, взорвали выдающийся памятник русского зодчества XVII в. – Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь в Истре, в Можайском районе сожгли Бородинский музей, в Звенигородском – бывший дворец Олсуфьевых в селе Ершове. Общий ущерб, нанесенный нацистами экономике Подмосковья, составлял около 30 млрд руб. Были сделаны обмеры уцелевших частей Ново-Иерусалимского монастыря, а в течение зимы 1943 г. бригада Академпроекта под руководством А. В. Щусева исполнила восстановительные чертежи всех монастырских построек. Говоря о восстановительном строительстве, нельзя забывать о том, что Москва на протяжении нескольких месяцев была прифронтовым городом. Многочисленные налеты вражеской авиации нанесли столице немалый ущерб. 1682 здания в Москве были разрушены полностью или частично, более 400 зданий повреждены, срочного ремонта требовали водопровод и канализация. В Москве была разрушена Книжная Палата (быв. Дом Гагарина, 1817 г.) – жемчужина Московского ампира; пострадали театр имени Евгения Вахтангова, Большой театр и др. замечательные памятники архитектуры [16, с. 582–583]. Пафос восстановительного строительства органично включал в себя ликвидацию нанесенного урона, озеленение и благоустройство центра, строительство кольцевой линии метрополитена.

21 августа 1943 г. Советом народных комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) было принято Постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». В Постановлении отмечалось: «Считать неотложной задачей партийных и советских организаций Курской, Орловской, Воронежской, Калининской, Сталинградской, Ростовской областей, Краснодарского и Ставропольского краев является восстановление и постройка новых жилых домов из местных строительных материалов в селах, городах и рабочих поселках, освобожденных от немецкой оккупации» [17, с. 156–162].

29 сентября 1943 г. Совет народных комиссаров принимает постановление «Об образовании Комитета по делам архитектуры»

[18, с. 1]. На новый правительственный орган возлагалось объединение деятельности всех ведомств по планировке городов, по архитектурному проектированию, утверждению генеральных планов городов, восстановлению исторических архитектурных памятников. В декабре 1943 г. М. И. Калинин выступает в печати со статьей «Большая общенародная задача», в которой намечает программу будущих восстановительных работ [19, с. 1].

Московская группа Академии архитектуры под руководством К. С. Алабяна, до возвращения Академии архитектуры в августе 1943 г. из эвакуации, проблеме восстановительного строительства уделяла основное внимание. Творческие мастерские Академии приступили к проектам реконструкции крупнейших городов, пострадавших в результате военных действий. Мастерская Г. П. Гольца была занята проектом восстановления Смоленска. А. В. Щусев возглавил работу мастерской Комитета по делам архитектуры над проектами восстановления Новгорода. Мастерская Н. Н. Семенова работала над восстановлением Ростова-на-Дону, Б. М. Иофана – Новороссийска, Н. Д. Колли – Калининна, Л. В. Руднева – Воронежа, М. Я. Гинзбурга – Севастополя, группа А. К. Бурова – Ялты [20, с. 11–14].

Творческие мастерские Академии архитектуры работали по заданию Президиума Академии архитектуры и Комитета по делам архитектуры над проектированием ряда восстанавливаемых городов и над отдельными научными и творческими проблемами. Творческая мастерская академика В. А. Веснина закончила работу по созданию альбома малометражных экономических квартир, одноэтажных и двухэтажных жилых домов на основе тех принципов, которые были выработаны в Академии архитектуры [21, с. 34].

Проекты институтов и мастерских Академии архитектуры экспонировались на выставке «Героический фронт и тыл», открывшейся в Государственной Третьяковской галерее в ноябре 1943 г. [22, с. 29–33].

В сентябре 1942 г. московское отделение ССА СССР приняло постановление о проведении открытого конкурса на проекты памятников героям Великой Отечественной войны. Составление программы и решение других вопросов, связанных с объявленным конкурсом, взяла на себя Секция истории, теории и критики МО ССА [23, с. 376]. 26 сентября 1943 г. газета «Литература и искусство» поместила объявление о конкурсе [24, с. 4]. От московских скульпторов и архитекторов поступило около 90 работ [25, с. 4].

В марте 1943 г. архитектор Н. Колли сообщил о работе НИИ общественных и промышленных сооружений над проектированием памятников Великой Отечественной войны и об ор-

ганизации в Союзе архитекторов специального изучения вопросов мемориальной архитектуры [26, с. 1]. В апреле конкурс был объявлен законченным. 17 апреля 1943 г. газета «Литература и искусство» опубликовала результаты конкурса под заголовком «Монументы героям» [27, с. 4].

В 1942 г. была открыта новая станция московского метрополитена «Завод имени Сталина». Архитектор А. Н. Душкин определил единую идею архитектурного ансамбля – героика Отечественной войны и героика труда, выражающая мощь нашего народа [28, с. 1]. В 1943 г. были открыты ещё две станции Горьковского радиуса: «Новокузнецкая» и «Павелецкая». В 1943–1944 гг., была введена в эксплуатацию третья очередь Московского метрополитена, продолжавшая Арбатско-Покровский радиус от Курского вокзала до Измайлова и образовавшая третью диаметральною линию метрополитена длиной 16 км. Вступили в строй четыре станции: «Бауманская», «Электrozаводская», «Семеновская», «Измайловская». Четвёртая очередь метро проходит под улицами и площадями города, соединяя 18 районов столицы, семь крупнейших вокзалов (которые появились примерно на столетие раньше метро). Двенадцать станций Кольцевой линии расположены в местах, где особенно велики потоки пассажиров и осязается потребность в быстром, бесперебойно действующем транспорте. Общая протяженность сети достигла 60 км [29, с. 13].

Наземные павильоны станций первой очереди Большого кольца были объединены общей темой героической Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Все они в той или иной мере были вариациями на тему триумфальной арки. Пожалуй, наиболее убедительную её версию предложил Л. М. Поляков в наземном павильоне станции «Калужская» (ныне «Октябрьская»).

Поиски средств выразительности, способных передать ощущение триумфа, ликующего праздника, привели в архитектуре подземных вестибюлей к пышности, почти дворцовой роскоши. Изобилие произведений монументально-декоративного искусства, изощренная работа со светом резко отличали станции Большого кольца от станций первой – третьей линий Московского метрополитена, казавшихся теперь скромными. В архитектуре станции «Комсомольская» тема Победы прозвучала особенно громко. Станция стала кульминацией развития темы победоносной войны в оформлении кольцевой линии Московского метрополитена.

9 мая 1945 г. страна праздновала день беспримерной исторической победы, а 13 мая на торжественном заседании Правления Союза советских архитекторов СССР было сделано обращение «Ко всем архитекторам Советского Союза». «Правление Союза советских архитекторов СССР, – говорилось в нем, – призывает

всех своих членов, все архитектурные силы страны отдать свой творческий опыт, свое искусство и знания восстановительному строительству и считать себя мобилизованными на этом фронте. Будем помнить, что в предстоящие годы слово “строить” будет звучать так же гордо, как в героическую пору войны звучало слово “воевать”» [30, с. 1–2].

Наряду с проектами восстановления городов, активно велось проектирование массовых сооружений, в том числе малоэтажных жилых домов. Было понятно: пока идёт война и в первые годы после её окончания (этот отрезок времени оказался значительно менее протяженным, чем считали многие) дефицит строительных материалов, средств, рабочих рук приведёт к значительному развитию именно этих видов строительства. Во многих проектах восстановления городов специально предусматривались площадки для малоэтажной застройки. В Сталинграде такая застройка не только проектировалась, но и была в значительной степени реализована [31, с. 34].

М. Я. Гинзбург во время войны возглавлял в академии сектор типизации и индустриализации строительства, где разрабатывал серию малоэтажных жилых домов для южных районов. Основная задача, которую ставил перед собой М. Я. Гинзбург – не только выявить все возможные типы одно-двухэтажных жилых домов, но и стандартизировать планировочные и конструктивные элементы, из которых они komponуются. Создание серии малоэтажных жилых домов явилось прямым развитием идеи стандартизации, выдвинутой архитектором ещё в двадцатые годы [32, с. 83].

Этап подготовки к послевоенную будущему – очень важная веха в истории нашей архитектуры. Архитекторы в буквальном смысле слова готовились к творчеству. Интересы К. С. Алабяна затрагивают теперь всю сферу архитектурно-строительного дела. В 1944 г. он создает в Академии архитектуры комиссию по научно-техническим проблемам строительства, деятельность которой привела в конечном итоге к принятию правительственного решения о пятилетнем плане развития строительной промышленности. Включение архитектуры в общественную жизнь, в народное хозяйство стало одним из самых ярких примеров созидательной роли архитектуры в развитии общества [33, с. 22].

Отечественная война поставила перед всеми видами искусства, особенно перед архитектурой, проблему больших монументальных произведений. Необходимо было особое внимание со стороны архитекторов к ведущим общественным сооружениям и тем новым видам сооружений, появление которых вызывается войной: памятников, триумфальных арок, монументов, памятников-музеев.

Все четыре военных года Москва ни на минуту не переставала быть столицей. Это во многом определяло жизнь города, когда он был прифронтовым и когда мог считаться городом тыловым. Столичная особенность Москвы накладывала свой отпечаток и на деятельность тех государственных учреждений и творческих организаций, которые оставались в городе на всё время войны, и на тех, которые оказались в эвакуации.

Академия архитектуры, пребывая в течение двух лет в Чимкенте, сохраняла ту миссию, которая возлагалась на нее как на единственное в своём роде учреждение, призванное решать (кроме великого множества повседневных и неотложных проблем тыла и фронта) и стратегические задачи – восстановление городов и народного хозяйства.

Московские архитекторы сражались на фронтах Великой Отечественной войны, занимались маскировкой многочисленных, в том числе и московских, объектов, участвовали в проектировании и возведении самых разных зданий и сооружений в восточных районах страны. В деле же восстановления городов, разрушенных во время войны, роль архитектуры была особой. Московские архитекторы в этой ситуации несли как бы двойную нагрузку: активно включились в многогранную проектную работу над восстановлением советских городов, одновременно думая и о будущем столицы.

Творческий опыт московских зодчих (К. С. Алабян, А. К. Буров, М. Я. Гинзбург, Г. П. Гольц, А. В. Щусев и др.) в годы войны – пример того, чем жила профессия в трудное военное время, над чем работали архитекторы, с твердой верой заглядывая в завтрашний, послевоенный день. При закреплении городов за мастерскими учитывались и личные качества их руководителей, и опыт предвоенной работы. Недаром проект восстановления Новгорода был поручен старейшему советскому зодчему – А. В. Щусеву, знатоку и ценителю древнерусской архитектуры [34, с. 167].

Все проекты архитекторов выполнялись с удивительной творческой самоотдачей. Но как бы ни были различны проекты городов, выполненные К. С. Алабяном, А. К. Буровым, М. Я. Гинзбургом, Г. П. Гольцем, А. В. Щусевым и др., как бы ни отличались друг от друга исходные позиции и установки авторов, все эти проекты, в сущности, концентрируют представления каждого из них об идеальном городе, городе послепобедного будущего. Творческий потенциал архитектуры в этот период был особенно сконцентрирован на наиболее ответственной миссии архитектуры – видеть и проектировать будущее. Исключительно высока была роль столичной архитектуры.

В проектах восстановления разрушенных городов, которые на десятилетия определили на-

правление развития отечественного зодчества, содержательная роль предназначалась центрам, где концентрировались образные представления о городе, в них с особой силой прозвучала тема памяти. Тема мемориала, тема памяти, тема героических подвигов не имела временных ограничений. Тема памяти стала одной из ведущих в советской архитектуре военного времени. Необходимо обратить внимание, что во всех проектах мемориалов, будь то небольшой обелиск или крупный архитектурный ансамбль, тема памяти безоговорочно доверена архитектуре. Скульптуре и живописи отведена явно второстепенная роль [35, с. 126]. Героика Великой Отечественной войны вызвала к жизни множество произведений монументального искусства, призванных запечатлеть события священной борьбы нашего отечества против немецких захватчиков. Московские архитекторы приняли самое активное участие в создании монументов, посвященных знаменательным этапам нашей обороны и нашей Победы, отдельным её героям – полководцам, командирам, бойцам, гвардейским частям всех родов оружия, партизанам – всем, кто ковал победу на фронте и в тылу.

Понятия, составляющие содержание Победы, имели богатую историческую традицию выражения средствами архитектуры и монументального искусства. Обелиск, пропилеи, триумфальная арка – неперенные атрибуты всех проектов восстановления городов 1943–1945 гг., проектов, фиксирующих общественное сознание в преддверии Победы. Ярко выраженная активная роль архитектуры в этих проектах задала определенную тенденцию, которая в Москве реализуется в высотных зданиях, в строительстве в годы войны кольцевой линии метрополитена, в благоустройстве городских площадей и парков [36, с. 32].

В обстановке близости победы практически любое строящееся сооружение задумывалось и воспринималось как своего рода памятник героическим годам войны. Приметы этого вполне понятного стремления можно обнаружить в самых скромных постройках многих городов – восстановленных или вновь построенных жилых домах, детских садах, промышленных сооружений и т. д. Год 1945 или звезда, или иной общепонятный знак, выложенный на фронтоне кирпичом, точно отсылают нас к тому удивительному времени. Эта тема решалась с большим размахом, когда речь шла о проектировании и строительстве крупных общезначимых сооружений. Так, Ленинградскому путепроводу, построенному в Москве в 1945 г., особый смысл придали фигуры воинов-защитников столицы.

Памятниками Победы осознавались не только отдельные сооружения – каждый восстанавливаемый город воспринимался современниками как ещё одно доказательство силы

и мощи государства. Это выражалось в приёмах постановки развитых в высоту сооружений, фиксирующих наиболее важные в смысловом и композиционном отношении точки плана города. Озеленение охватило буквально все города. Во многих из них закладывались парки Победы, в Москве только весной 1945 г. было высажено свыше миллиона деревьев и кустарников [37, с. 10].

Престиж и миссия архитектуры в обществе были, как никогда, велики. Общество достаточно высоко оценивало возможности зодчества в реализации как социально-функциональных, так и художественно-эстетических задач. Проекты восстановления советских городов наглядно убеждают в том, что архитектура в тот период взяла на себя всегда непростую миссию объединения всех искусств ради общего целого. Это было общим правилом как для архитектуры, так и для общества. Архитекторы и общество в это время были единомышленниками – их мысли находились в полной гармонии.

Список литературы

1. Из истории советской архитектуры 1941–1945 гг. Документы и материалы / отв. ред. К. Н. Афанасьев. М. : Наука, 1978. 212 с.
2. Ткаченко С. Б. Один век московского градостроительства : в 2 кн. М. : Прогресс-Традиция, 2019. Кн. 1. 376 с.
3. Постановление Государственного Комитета Оборона «О введении осадного положения в Москве и прилегающих к городу районах // Большевик. 1941. № 22. С. 1–2.
4. Колесник А. Н. Советские военные строители. М. : Воениздат, 1988. 301 с.
5. Битва за Москву / отв. ред. А. А. Добродомов. М. : Московский рабочий, 1966. 624 с.
6. История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. 1941–1965 / редкол. : Д. В. Дягилев, Н. Г. Егорычев, Г. Д. Костомаров, Ю. А. Поляков, В. Ф. Промыслов, А. М. Синицин, В. И. Степаков, В. М. Хвостов. М. : Наука, 1967. 566 с.
7. Комаровский А. Н. Записки строителя. М. : Воениздат, 1972. 263 с.
8. Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под общ. ред. С. К. Куркоткина. М. : Воениздат, 1977. 559 с.
9. Москва : годы обновления и реконструкции: Борьба Моск. гор. парт. организации за осуществление планов развития столицы и превращение ее в образцовый коммунистический город / редкол. : В. Е. Полетаев, М. А. Яшин, Д. В. Дягилев, М. Е. Макаренков, В. С. Шаповалов, Б. И. Еремеев. М. : Моск. рабочий, 1977. 288 с.
10. Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства. М. : Либроком, 2009. 440 с.
11. Комиссия по учету и охране памятников искусства // Литература и искусство. 1942. 1 авг. С. 4.
12. Чедаева Н. Н. Города Рубежа Славы // Строительство и архитектура Москвы. 1985. № 1. С. 13–14.
13. Рябушин А. В. Этапы развития советской архитектуры. М. : Стройиздат, 1979. 55 с.
14. Бархин М. Г. Город 1945–1970. Практика, проекты, теория. М. : Стройиздат, 1974. 207 с.
15. Карлик Л. Б. К. Алабян. Ереван : Айастан, 1966. 108 с.
16. Очерки истории Московской организации КПСС. 1883–1965 / авт. кол. : Ф. Л. Александров, П. П. Андреев, К. И. Буков, И. Н. Васин, Э. Л. Васина, В. П. Григорьев, А. А. Добродомов, Д. В. Дягилев. М. : Моск. рабочий, 1966. 767 с.
17. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. за 50 лет : в 5 т. Т. 3 : 1941–1952 гг. / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. М. : Политиздат, 1968. 754 с.
18. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об образовании Комитета по делам архитектуры при Совнаркоме СССР» // Правда. 1943. 30 сент. № 242.
19. Калинин М. И. Большая общенародная задача // Известия. 1943. 10 дек. С. 1.
20. Шкваринов В. А. Задачи государственных органов архитектуры в РСФСР. М. : Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1944. 23 с.
21. Кузнецов С. О. Анализ деятельности по управлению градостроительным процессом в Москве нач. XVIII – конца XX веков // Academia. Архитектура и строительство. 2020. № 1. С. 29–38.
22. Афанасьев К. Н. Архитектурные проекты на выставке «Героический фронт и тыл» // Архитектура СССР. 1944. Вып. 6. С. 29–33.
23. Зубович К. Москва монументальная. Высотки и городская жизнь в эпоху сталинизма / пер. с англ. Т. Азаркович. М. : Corpus, 2023. 480 с.
24. Московская хроника // Литература и искусство. 1942. № 39. С. 4.
25. Монументы героям Отечественной войны // Литература и искусство. 1942. 31 окт. № 44. С. 4.
26. Памятники героям // Литература и искусство. 1943. 6 мар. № 10 (62). С. 1.
27. Монументы героям // Литература и искусство. 1943. 17 апр. С. 4.
28. Душкин А. Н. Подарок москвичам // Литература и искусство. 1943. 1 янв. С. 1.
29. Смолова М. В. Первый этап. Формирование системы метрополитена Москвы // Архитектура и строительство Москвы. 1990. № 2. С. 13.
30. Ко всем архитекторам Советского Союза // Архитектура СССР. 1945. № 10. С. 1–2.
31. Поднятые из руин: Ист. очерки восстановления и развития старейших городов России. 1943–1963 гг. М. : Стройиздат, 1966. 242 с.
32. Курбатов В. В. Советская архитектура. М. : Просвещение, 1988. 203 с.
33. Астафьева-Другач М. И., Волчок Ю. П. Творческие открытия архитектуры военных лет // Строительство и архитектура Москвы. 1985. № 2. С. 22–27.
34. Рябушин А. В. Гуманизм советской архитектуры. М. : Стройиздат, 1986. 372 с.

35. Басс В. Монумент: who controls the past. Об одном механизме архитектурной коммеморации // Социология власти. 2017. № 1. С. 122–155.

36. Королев В. В., Астанин Д. М. Периодизация развития градостроительных паттернов РСФСР (на примере

Москвы) // Архитектура, строительство, транспорт. 2023. № 1. С. 27–35.

37. Астафьева-Другач М. И., Волчок Ю. П. Тема Победы в архитектуре послевоенной Москвы // Строительство и архитектура Москвы. 1985. № 4. С. 10.

Поступила в редакцию 03.04.2025; одобрена после рецензирования 22.04.2025;
принята к публикации 27.06.2025; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 03.04.2025; approved after reviewing 22.04.2025;
accepted for publication 27.06.2025; published 28.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 460–464

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 460–464

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-460-464>, EDN: DHZMRJ

Научная статья

УДК [327.54:808.51]:1959]:327(47+57:73)+929Хрущев

«Жить в мире и дружбе»: взгляд Н. С. Хрущева на нормализацию советско-американских отношений (по материалам речей во время поездки в США 1959 г.)

А. В. Ломакин

¹Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», Россия, 197022, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 5

²Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9

Ломакин Александр Владимирович, ¹ассистент кафедры истории культуры, государства и права, ²аспирант кафедры новейшей истории России, loomm_98@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1896-2710>, AuthorID: 1160076

Аннотация. В статье исследуется поездка Н. С. Хрущева в США, которая состоялась в сентябре 1959 г. Беспрецедентное событие рассматривается в контексте налаживания советско-американских отношений, а основное внимание уделено речам главы СССР, его взгляду на преодоление холодной войны. Используя интент-анализ в качестве основного метода исследования, автор приходит к выводу о попытке Н. С. Хрущева перевести отношения двух сверхдержав в русло «реальной политики», руководствуясь не идеологическими противоречиями, а взаимными выгодами. Также выделяются индивидуальные особенности советского лидера как публичного оратора, способного воздействовать на широкую публику.

Ключевые слова: холодная война, Н. С. Хрущев, США, советско-американские отношения, «оттепель», пропаганда

Для цитирования: Ломакин А. В. «Жить в мире и дружбе»: взгляд Н. С. Хрущева на нормализацию советско-американских отношений (по материалам речей во время поездки в США 1959 г.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 460–464. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-460-464>, EDN: DHZMRJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“To live in peace and friendship”: N. S. Khrushchev’s view on the normalization of Soviet-American relations (based on the materials of speeches during a trip to the USA in 1959)

A. V. Lomakin

¹Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”, 5 Professora Popova St., St. Petersburg 197022, Russia

²Saint Petersburg University, 7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia

Alexander V. Lomakin, loomm_98@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1896-2710>, AuthorID: 1160076

Abstract. The article discusses N. S. Khrushchev’s trip to the USA in September 1959. The unprecedented event is considered in the context of the establishment of Soviet-American relations, and the main focus is on the speeches of the head of the USSR, his view on overcoming the Cold War. Using intent analysis as the main research method, the author comes to the conclusion that N. S. Khrushchev tried to transfer relations between the two superpowers into the mainstream of “real politics”, guided not by ideological contradictions, but by mutual benefits. The individual characteristics of the Soviet leader as a public speaker capable of influencing the general public are also highlighted.

Keywords: Cold War, N. S. Khrushchev, USA, Soviet-American relations, “thaw”, propaganda

For citation: Lomakin A. V. “To live in peace and friendship”: N. S. Khrushchev’s view on the normalization of Soviet-American relations (based on the materials of speeches during a trip to the USA in 1959). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 460–464 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-460-464>, EDN: DHZMRJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Период нахождения Н. С. Хрущева у власти (1953–1964 гг.) традиционно рассматривается в историографии прежде всего через призму противоречивости и непоследовательности как

внутриполитического, так и внешнеполитического курсов. Однако клишированные представления, в какой бы они степени не были справедливы, возводят лишние, ограничивающие исследовате-

ля рамки. Так, достигнутые в конце 1950-х гг. успехи по налаживанию диалога с США во многом обесцениваются и оттеняются драматическими событиями Карибского кризиса 1962 г., что в значительной степени мешает исследованию вопроса и извлечению исторического опыта. В настоящее же время этот опыт, в связи с российско-американскими переговорами и попыткой президентов России и США – В. В. Путина и Д. Д. Трампа – выстроить новую модель взаимоотношений государств в русле взаимоуважения, взаимного признания интересов и суверенитета, может быть особенно ценен.

Последнее время тема поездки Н. С. Хрущева в США в 1959 г. обрела повышенный спрос и у исследователей, что нашло отражение в ряде статей, затрагивающих вопросы атмосферы и основных событий визита Хрущева в США [1], формирования образа Америки в СССР в контексте поездки 1959 г. [2], конструирования политического мифа о Хрущеве в Америке [3], информационной подготовки [4] и освещения американскими и советскими журналистами этой поездки [5]. Выделяются также статьи о месте и роли Хрущева в холодной войне [6] и о формировании его имиджа в прессе [7].

Несмотря на всплеск интереса ученых, в исследовании этой темы остаются лакуны. В данной статье определяются основные направления и векторы нормализации советско-американских отношений, какими их видел Н. С. Хрущев в 1959 г., а также дается характеристика речевым и риторическим приемам, используемым им для достижения дипломатических целей. Объектом исследования являются речи Н. С. Хрущева, произнесенные им во время визита в США в 1959 г. и вошедшие в сборник «Жить в мире и дружбе!...» 1959 г. [8], а предметом – видение перспектив развития советско-американских отношений. В качестве основного метода используется интент-анализ.

Предпринятая в сентябре 1959 г. поездка Н. С. Хрущева и советской делегации в США уже одним своим фактом являлась событием беспрецедентным: ни один российский или советский правитель до этого никогда не был с официальным визитом в Америке. Сама возможность такого визита была обусловлена рядом факторов, среди главных из которых можно отметить: создание ОВД в 1955 г., успешные испытания термоядерного оружия (РДС-37 в 1955 г.), космические успехи (запуск первого в мире искусственного спутника Земли в 1957 г. и высадка исследовательского аппарата на Луне 12 сентября 1959 г. – накануне прибытия Хрущева в США). В ходе перечисленных событий был достигнут некий паритет в холодной войне, СССР уверенно выходил на позиции мирового лидера, способного конкурировать с США. Вопрос о необходимости диалога двух сверхдержав становился более острым в связи с развитием атомного вооружения,

от их отношений зависела судьба мира и в прямом, и в переносном смысле.

Одним из первых шагов на пути к сотрудничеству можно считать подписанное 27 января 1958 г. соглашение о советско-американском сотрудничестве в области культуры, науки, образования, спорта и т. д. (соглашение Лейси-Зарубина) [9, с. 651]. К непосредственным предпосылкам сентябрьской поездки относится посещение СССР вице-президентом США Р. Никсоном в июле 1959 г. Можно заключить, что визит Хрущева был в некоторой степени подготовлен.

В ходе тринадцатидневного путешествия Никита Сергеевич провел ряд неофициальных и официальных встреч (главные из которых – в Кэмп-Дэвиде и Вашингтоне). Однако и в тех, и в других встречах политическая повестка речей Хрущева почти не отличалась, на протяжении всего визита он следовал заранее определенным направлениям и темам. В центре его выступлений был вопрос о мире и безопасности, который являлся в большей степени «фоновым», то есть таким, к которому можно было «привязывать» более конкретные вопросы и определять темы переговоров. Сам по себе выбор позиции «пацифиста» выглядит очень удачным риторическим приемом, так как заранее ставит оппонентов в позицию противников «мира во всем мире». Образы мира и «мирного сосуществования» присутствуют в каждой из речей Хрущева: от первой, произнесенной по прибытии в Вашингтон [8, с. 48–50], до последней, озвученной перед возвращением в СССР с аэродрома Эндрюс [8, с. 390–391], от речи на обеде в Белом доме [8, с. 55–57] до беседы с американскими бизнесменами [8, с. 344].

Стоит сказать, что, несмотря на слишком общий характер понятия «мир», Хрущев достаточно логично и последовательно наполняет его конкретными составляющими и раскрывает под нужным для себя углом, неоднократно подчеркивая возрастающую роль СССР в международных отношениях: «У вас не было прежде достойного партнера по темпам развития и мощи. Теперь он есть в лице Советского Союза...» [8, с. 323], «...настало время, когда появилось такое государство, которое принимает ваш вызов, которое учитывает уровень развития Соединенных Штатов Америки и в свою очередь бросает вам вызов...» [8, с. 139]. Никита Сергеевич говорит о взаимной ответственности Советского Союза и США за судьбу мира, признает существование противоречий между двумя мировыми лидерами и задается вопросом о путях их разрешения. В его риторике таких путей всего два: либо война, либо сотрудничество и партнерские равноправные отношения [8, с. 141]. Этот общий подход Хрущева к вопросу советско-американских отношений можно считать своего рода концептом, который так или иначе будет работать на протяжении всей поездки и после нее. Убедительность подобной

риторики выстраивается по методу «от противного»: вы хотите новой мировой войны? Если нет, то необходимо договариваться, а этого СССР хочет только лишь на равных условиях.

Определив общий контур политической повестки Хрущева во время визита в США, необходимо перейти к детальному рассмотрению направлений и механизмов нормализации советско-американских отношений, предлагаемых Хрущевым. Среди основных можно выделить вопрос о разоружении, торговых и экономических связях, культурно-научном и техническом взаимодействии, а также «сквозной» вопрос о преодолении холодной войны.

Проблема разоружения являлась одним из центральных вопросов всего пребывания Н. С. Хрущева в США. Как кажется, во многом эта повестка была обусловлена уверенностью Никиты Сергеевича в достижении ядерного паритета и даже в превосходстве СССР в связи с достижением успехов в освоении космоса. О случившемся с Хрущевым «головокружении от успехов» пишет и Г. Ш. Сагателян [6, с. 162]. Смысл всех предложений Хрущева можно кратко сформулировать так: США уже нет смысла соревноваться с СССР в этом вопросе, Советский Союз уверенно выходит на позиции лидера – так зачем тратить деньги на вооружение? Конечно, в значительной степени позиция главы СССР была определена уже проводимыми им реформами по сокращению численности вооруженных сил: высвобожденные деньги должны были пойти на реализацию социально-ориентированных реформ, на массовое жилищное строительство и другие «проекты» Никиты Сергеевича. Несмотря на предложенный (вынесенный на обсуждение в ООН) беспрецедентный проект всеобщего и полного разоружения, Хрущев вряд ли хоть сколько-нибудь на это рассчитывал: в том же проекте имелось и предложение-минимум – более реальный проект по частичному сокращению вооружения [8, с. 202]. Предложение Хрущева было поддержано почти всеми выступавшими на той сессии, согласились и американские представители: США и СССР выступили с совместным проектом создания специального комитета по разоружению, который был одобрен ООН в ноябре 1959 г. [10, с. 197].

Благая, действительно пацифистская идея имела помимо прочего и более прозаические цели: прежде всего высвобождение бюджетных денег для мирных внутренних нужд, а также фактическое предложение о перестройке взаимоотношений с США. Обращаясь к американским деловым элитам, Хрущев недвусмысленно намекает, что вместо военного лобби (т. н. «ястребы») занимать места в Конгрессе могут и должны бизнесмены «мирного профиля», так как это сулит большие экономические выгоды от налаживания советско-американской торговли [8, с. 344–345]. Подчеркивая бесперспективность (с точки зрения

геополитических интересов) гонки вооружений, он почти напрямую говорит о том, что она не приносит выгоды никому, кроме производителей оружия. Апеллируя к деловым качествам бизнесменов, он подчеркивает выгодность перестройки советско-американских отношений в русле налаживания торговых и экономических связей [8, с. 136]. Вопрос разоружения, таким образом, отражает сразу несколько целей, в том числе и экономическую. О том, что Хрущевым руководила в первую очередь «жажда наживы», а не желание добиться мира во всем мире, писал американский журналист Г. Шварц [5, с. 65].

Более полно тема торговых вопросов и экономических связей раскрывается в обсуждении на встрече в Экономическом клубе в Нью-Йорке и на приеме в Сан-Франциско. Во время последнего Хрущев напрямую излагает свои надежды: «...хочется выразить уверенность, что не за горами тот день, когда эти Золотые ворота гостеприимно привезут в вашу страну нужные вам товары, а американские торговые корабли пойдут через эти ворота в порты Советского Союза», а также перечисляет, чем богата Калифорния: форель и лососина, хлопок, апельсины, виноград, красное дерево, полезные минеральные ископаемые, большие запасы «голубого угля» [8, с. 277–278]. Ориентация на поиск точек соприкосновения, а не разлада – вот что определяет риторику Н. С. Хрущева, и в этом смысле он руководствуется весьма практичным подходом – налаживание отношений прежде всего на основе взаимной выгоды. Не случайно в разговоре с бизнесменами он упоминает объем внешнеторгового оборота СССР в 34 млрд 589 млн рублей, приводит в пример торговые отношения СССР с Англией, ФРГ, Италией и Францией, заканчивается же этот смысловой блок словами: «...вопрос торговли – это вопрос выгоды» [8, с. 137]. Помимо развития двусторонней торговли и ликвидации любых торговых ограничений, Хрущев также считает возможным совместную реализацию экономических программ помощи «тем народам, которые отстали на столетие в своем экономическом развитии» [8, с. 140].

На практическую реализацию направлена и тема расширения культурных и научных связей. Хрущев в первую очередь интересуют специалисты технического профиля, он приводит примеры успешного сотрудничества: от строительства Фордом завода в г. Горьком до консультации Купером строительства Днепрогэса. Научно-техническое сотрудничество рассматривается Никитой Сергеевичем в том числе и в экономическом контексте, при этом всячески подчеркивалось, что Советскому Союзу также есть, что предложить Америке: один только выбор самолета ТУ-114 для прилета в США заставил американцев позавидовать разработке советских инженеров – возможность перелета из Москвы в Вашингтон

без дозаправки была беспрецедентна для того времени [4, с. 184].

На основе анализа содержания бесед, состоявшихся в ходе нескольких встреч, можно составить перечень взаимных интересов в научной сфере. Так, в качестве главных точек соприкосновения рассматривались: исследования космоса, Арктики, геофизические исследования, инженерные проекты и технологии вычислительных машин [8, с. 78, 83, 91, 145]. Расширение культурных и экономических контактов виделось Хрущеву важнейшим механизмом реализации идеи мирного сосуществования [8, с. 141].

Вопрос о преодолении холодной войны в риторике Хрущева вмещает в себя почти все другие поднимаемые им вопросы: и проведение разоружения, и налаживание культурных, научных и торговых связей, и геополитические проблемы – в частности т. н. германский вопрос. Он предлагает перевести противостояние в другое русло: от идеологического, военного, научного, геополитического противоборства в область мирного соревнования. Главное упущение и современников тех событий, и исследователей в том, что они как будто упускают из виду все попытки Хрущева преодолеть идеологическое противостояние, выйти за его рамки и устанавливать отношения в контексте т. н. «реальной политики» (*realpolitik* предполагает выстраивание внешнеполитических связей на основе выгоды, а не идеологических или каких-либо других интересов). Холодная война не может способствовать проведению такой политики, в риторике Хрущева она показывается куда менее выгодной и продуктивной, чем мирные, пусть и конкурентные отношения. О том, что главная цель визита Хрущева в США – положить конец холодной войне, еще перед самой поездкой писали советские газеты [4, с. 183]. В августе 1959 г. начался отход от принятых в то время в советской прессе пропагандистских клише в заметках про США [8, с. 390–391], и эта попытка преодоления идеологической конъюнктуры в освещении советско-американских отношений может расцениваться как шаг на пути к ослаблению идейного противостояния холодной войны. Поэтому неудивительно, что все провокации, устроенные на встречах Хрущева, были направлены на возвращение к прежней риторике идеологического противостояния: ему припоминали и неудачное выражение «мы вас закопаем» (на деле, это была отсылка к словам Маркса о коммунизме как «могильщике капитализма»), задавали неудобные вопросы о внутренней политике в СССР и т. д. Целью подобных вопросов было сведение диалога в рамки идеологического спора, в котором Хрущев был вынужден говорить об отличиях коммунизма и капитализма. Американские репортеры не чурались тут же делать выводы о том, что Хрущев приехал в США учить американцев жить [5, с. 67]. Неудивительно, что иногда

и современные исследователи принимают эту точку зрения журналистов, отмечая, что Хрущев вел постоянную идеологическую агитацию среди американских граждан [1, с. 131], при этом совершенно не приводя примеров этой агитации. А заявления Хрущева, вроде: «Я бы просто унизил свое достоинство, если бы, воспользовавшись гостеприимством, оказанным мне крупнейшими капиталистами, начал бы читать вам мораль о преимуществе коммунизма... пусть история нас рассудит...» [8, с. 130] или «Каждый считает, что его строй самый лучший... время покажет...» [8, с. 264] и т. п. остаются как бы вне поле зрения.

Конечно, Хрущев не собирался отказываться от коммунистической идеи, но во время изучаемой поездки он намеренно решил избегать идеологических споров, потому как понимал, что они не способствуют сближению двух стран. Однако эта попытка Хрущева выйти в зону «реальной политики» осталась фактически незамеченной среди исследователей. Возможно, это связано с той парадоксальной ситуацией, что не только американская, но и советская пресса в пропагандистских целях также не могла не преувеличивать идеологический «градус» в репортажах о визите Хрущева, в то время как сам лидер, выступая в США, намеренно старался его «сбить». Тот факт, что Никита Сергеевич этим намерением серьезно отклонился от «нормы» советского внешнеполитического курса, подчеркивал представитель информационного агентства США и советник по связям с общественностью в управлении по делам СССР Ричард Дэвис [11, р. 128]. Также он отмечал, что в дальнейшем Хрущев лишится поддержки Политбюро, в том числе и по этой причине [11, р. 128]. И все-таки значительное «потепление» в советско-американских отношениях после изучаемой поездки 1959 г. не вызывает сомнений.

Помимо рассмотренных «векторов сближения», отстаиваемых Н. С. Хрущевым, стоит уделить внимание и другой составляющей его политических выступлений – ораторским способностям Никиты Сергеевича, благодаря которым он не только реализовывал политические цели СССР, но и вызывал чувство симпатии у значительной части американского населения [1, с. 131]. Уже упомянутый Ричард Дэвис очень высоко отзывался о риторических и «актерских» способностях Хрущева и даже говорил о том, что он фактически «просчитал» Эйзенхауэра [11, р. 171]. Эффект от его выступлений, воздействующих как на политиков, так и на рядовых американцев, обеспечивался целым рядом факторов, но прежде всего харизмой советского лидера и его способностью говорить «без бумажки» (об этом, в частности, пишет Ю. В. Аксютин [10, с. 50]).

Крайне важно и то, что Хрущев во время поездки позиционировал себя как человека, «говорящего прямо» [8, с. 132], и действительно старался излагать свои мысли как можно более

открыто. Подобный стиль выступлений можно назвать деловым, он нацелен на продуктивность. «Простота» речей Хрущева, изобилующих поговорками и пословицами [8, с. 120, 137, 142, 211, 220, 231], скорее всего, являлась весьма продуманной и умело сконструированной. Ее можно считать удачным риторическим приемом, позволяющим воздействовать на широкие слои населения. В то же время Хрущев ссылается и на исторические события [3, с. 77], обосновывая продвигаемые им перспективы развития советско-американских отношений историческими предпосылками. Его речь изобилует риторическим вопросами и яркими метафорами (к примеру, торговлю он называет «барометром отношений между государствами» [8, с. 139]), но она же богата и «фактическим материалом» – статистикой, географическими названиями и именами. Хрущев создает образ не фанатика-коммуниста и не простака-крестьянина (это представление о Хрущеве в ходе поездки было рассеяно, как отмечал журналист Джеймс Рестон [5, с. 67]), но хозяйственного, делового и, главное, человеческого, желающего наладить конструктивный диалог политика.

Таким образом, можно сделать вывод, что главным направлением нормализации советско-американских отношений, предлагаемым Н. С. Хрущевым в ходе визита в США осенью 1959 г., было установление отношений в русле т. н. «реальной политики» (realpolitik). Идеологическое противостояние в рамках холодной войны должно было смениться на сотрудничество, основанное на принципах взаимной выгоды, равноправия сторон, научного и культурного обмена. Поиск точек соприкосновения, а не расхождения – вот один из главных ориентиров, которых старался придерживаться Н. С. Хрущев во время пребывания в Америке. Продвижение этой идеи осуществлялось посредством ораторского мастерства Хрущева, ярких риторических приемов, харизмы советского лидера. Никите Сергеевичу удалось не только разрушить некоторые мифы, окружающие его фигуру, и заслужить симпатию рядовых американцев, но и добиться конкретных дипломатических результатов: в частности, сотрудничества СССР и США в работе над проектом всеобщего разоружения, а также сдвинуться с мертвой точки в обсуждении статуса Берлина. Важнее же всего была общая смена риторики в диалоге двух держав – «потепление», во многом предвосхитившее «политику разрядки» 1970-х гг., а в некотором смысле даже превзошедшее ее. Несмотря на то, что открытие этой поездкой перспективы развития советско-

американских отношений были перечеркнуты инцидентом с U-2 и последовавшими международными Берлинским и Карибским кризисами начала 1960-х гг., опыт налаживания диалога с США, оставленный Н. С. Хрущевым, может быть полезен и в наше время.

Список литературы

1. Горлов В. Н. Первый официальный визит главы Советского Союза в США: шаг на пути к взаимопониманию // Вестник МГОУ. Серия : История и политические науки. 2020. № 4. С. 124–132. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-4-124-132>
2. Боронников А. Д., Лейбович О. Л. «Хороша страна Америка, а Россия лучше всех!..»: советское vs американское в официальном дискурсе 1959 г. // Вестник ВятГУ. 2017. № 12. С. 99–105.
3. Шигарева А. Н. Прошлое и настоящее на службе советской пропаганды (на материалах книги «Лицом к лицу с Америкой», посвященной первому визиту Хрущёва в США) // Вестник КГУ. 2019. № 1. С. 76–78.
4. Кускова С. А. Информационная подготовка населения к первому визиту Н. С. Хрущёва в США американскими и советскими газетами (на примере «Нью-Йорк таймс» и «Правды») // Вестник КГУ. 2018. № 1. С. 182–185.
5. Кускова С. А. Освещение первого визита Н. С. Хрущёва в США американскими и советскими газетами (на примере «Нью-Йорк таймс» и «Правды») // Вестник КГУ. 2018. № 2. С. 64–68.
6. Сагателян Г. Ш. К вопросу о роли Н. С. Хрущева в холодной войне и гонке вооружений с США // История: факты и символы. 2020. № 3 (24). С. 157–171.
7. Петрова Т. М. Формирование имиджа Н. С. Хрущева в советской прессе 1953–1964 гг.: институциональный анализ // Вестник ЮУрГУ. Серия : Социально-гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 48–54. <https://doi.org/10.14529/ssh200108>
8. Жить в мире и дружбе! Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущёва в США 15–27 сентября. М. : Государственное издательство политической литературы, 1959. 446 с.
9. Иवानян Э. А. Энциклопедия российско-американских отношений. М. : Международные отношения, 2001. 696 с.
10. Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 622 с.
11. Interview with Richard Townsend Davies // Library of Congress. URL: <https://tile.loc.gov/storage-services/service/mss/mfdip/2004/2004dav02/2004dav02.pdf> (дата обращения: 05.03.2025).

Поступила в редакцию 06.03.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 27.06.2025; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 06.03.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 27.06.2025; published 28.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 465–476
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 465–476
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-465-476>, EDN: FBSARD

Научная статья
УДК 323.11(470+571)|19/20|:351.755.361(470+571)|2021|

Основные направления изменения национального состава Российской Федерации в 1990–2020-х гг.: анализ результатов третьей Всероссийской переписи населения

А. П. Мякшев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Мякшев Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, myakshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>, AuthorID: 391367

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа динамики изменения национального состава Российской Федерации за последние тридцать лет. Утверждается, что результаты третьей Всероссийской переписи населения 2020 г. объективно отражают основные тенденции трансформации национальной структуры РФ. Обосновывается вывод о кризисе национальной идентичности, осложняющем развитие страны. Делается вывод о необходимости реформирования государственной национальной политики для сохранения и развития этнического состава российского населения.

Ключевые слова: перепись населения, этнос, национальная политика, национальная идентичность, национальные языки, национальный состав

Для цитирования: Мякшев А. П. Основные направления изменения национального состава Российской Федерации в 1990–2020-х гг.: анализ результатов третьей Всероссийской переписи населения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 465–476. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-465-476>, EDN: FBSARD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The main directions of changes in the national composition of the Russian Federation in 1990s–2020s: Analysis of the Third All-Russian Population Census' results

A. P. Myakshev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anatoly P. Myakshev, myakshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>, AuthorID: 391367

Abstract. The article attempts to analyze the dynamics of changes in the national composition of the Russian Federation over the past thirty years. It is argued that the results of the third All-Russian Population Census in 2020 objectively reflect the main trends in the transformation of the national structure of the Russian Federation. The conclusion about the crisis of national identity, complicating the development of the country, is substantiated. It is concluded that it is necessary to reform the state national policy in order to preserve and develop the ethnic composition of the Russian population.

Keywords: population census, ethnicity, national policy, national identity, national languages, national composition

For citation: Myakshev A. P. The main directions of changes in the national composition of the Russian Federation in 1990s–2020s: Analysis of the Third All-Russian Population Census' results. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 465–476 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-465-476>, EDN: FBSARD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В конце декабря 2022 г. Росстат опубликовал итоги Всероссийской переписи населения. В условиях начавшейся на Украине Специальной военной операции были обнародованы данные по национальному составу и владению языками [1]. Информационное пространство за-

полнили краткие резюме по поводу сокращения численности населения России и русского этноса. Один из наиболее авторитетных специалистов в области национальной политики В. Ю. Зорин выступил против «вбросов критиков, явно заточенных на негатив», и призвал «не увлекаться

политизацией, поверхностными оценками» [2]. В феврале 2023 г. академик РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии РАН Валерий Тишков в интервью «Российской газете» заявил, что перепись следовало бы перенести, поскольку она «осложнила ситуацию с получением сведений об этническом составе населения» [3]. Позже Валерий Александрович подчеркнул, что «перепись – это не политическая акция, а важная и сложная государственная кампания, и в ней должны участвовать ученые и общественность. Перепись – это проверка на компетенцию государственного управления и на гражданскую ответственность населения страны» [4, с. 198]. При этом академик главную причину «проблемности» переписи 2020 г. усматривает не в негативных последствиях пандемии, а в некомпетентности аппарата Росстата, которому были «передоверены» все вопросы проведения переписи, и аппарата Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН), который выступал «в качестве основного арбитра» по вопросам трактовки данных по национальности и языку» [4, с. 198].

Если В. Ю. Зорин утверждает, что «опубликованные данные на самом деле, дают очень богатый материал для получения и корректировки нашей политики по культурному разнообразию, изучению языков, укреплению единства многонационального народа Российской Федерации» [2], то В. А. Тишков полагает, что «обнародованные итоги вызывают много вопросов у населения, у специалистов и еще больше вопросов вызовут в будущем (в сравнении с прошлыми и особенно – с будущими переписями)» [4, с. 198]. В заявлении ФАДН в августе 2023 г. признавалось, что перепись 2020 г. «была, по сути, экспериментальной переписью, где апробировались новые цифровые технологии», однако утверждалось, что «перепись является уникальным источником информации о населении нашей большой страны, позволяющем отслеживать происходящие изменения» и «полученные результаты наглядно отражают динамику социально-демографических и этнокультурных процессов, что будет использоваться при выработке управленческих решений в сфере государственной национальной политики» [5].

Соглашаясь с мнением В. А. Тишкова о «бюрократизации» и «политизации» процедуры проведения переписи 2020 г., что в условиях утвердившейся в современной управленческой культуре недооценки научной экспертизы неудивительно, следует признать, что последняя Всероссийская перепись населения, при всех недостатках,

условностях и ограничениях, дает ясные, четкие, однозначные представления о существующих, набирающих силу тенденциях в различных, в том числе демографической, социальной и межэтнической, сферах современного российского общества. Результаты переписи 2020 г. вполне репрезентативны и свидетельствуют о необходимости глубокого реформирования национальной политики в РФ.

Перепись 2020 г. продемонстрировала очевидный «демографический застой». Численность населения РСФСР накануне распада Советского Союза совпало с количеством жителей Российской Федерации перед проведением СВО: 147 021 869 чел. – в 1989 г. и 147 182 123 чел. – в 2020 г. За три десятилетия после проведения последней советской переписи 1989 г. население России осталось на одном уровне. И это при том условии, что территория государства, в котором проводилась уже третья Всероссийская перепись населения, увеличилась на 27 тысяч кв. км. – в состав РФ возвращены Республика Крым с населением 1 934 630 чел. и город федерального значения Севастополь, в котором в 2020 г. проживало 547 820 чел. [6]. По мнению В. А. Тишкова, «при отрицательном естественном росте по причине превышения смертности над рождаемостью и незначительной численности иммигрантов, которые становятся постоянными жителями страны (именно постоянных жителей, а не только граждан, переписывает перепись), все-таки опровергаются апокалиптические прогнозы 1990-х годов о «вымирании России» и сокращении ее населения почти вдвое через 30–40 лет» [4, с. 197–198]. Однако если учитывать как длительные исторические циклы¹, так и предлагаемый Валерием Александровичем «текущий учет населения, который несколько отличается от переписных данных»² [4, с. 198], то «прогнозы о вымирании» – всего лишь констатация нарастающих с 1991 г. негативных демографических процессов в российском государстве-цивилизации. Не внушает оптимизма коэффициент рождаемости, он значительно ниже необходимого для воспроизводства населения – 2,1. Данные, приведенные в табл. 1, демонстрируют неравномерность распределения населения и неоднозначную динамику изменения его численности по федеральным округам РФ – в трех из восьми округов наблюдается отрицательная динамика.

Всероссийская перепись населения 2020 г. зафиксировала 194 этнические общности, различив при этом 145 этнических групп и 49 входящих в них этнических подгрупп.

¹Идентифицируя СССР как «большую Россию» [7], к примеру, следует признать и сокращение почти в два раза численности «исторической России» в результате распада Советского Союза с 286,7 млн в 1989 г. до 147,1 млн в 2020 г.

²На 1 января 2025 г. Росстат оценил численность населения России в 146 028 325 чел. [8], что на 0,78% меньше, чем в 2020 г.

Таблица 1

Динамика изменения численности населения федеральных округов РФ в 2010–2020 гг.

Федеральный округ	Численность населения, тыс. человек		Прирост численности населения, %
	По результатам Всероссийской переписи 2010 г.	По результатам Всероссийской переписи 2020 г.	
Северо-Кавказский	9 428,8	10 171,4	+7,88
Центральный	38 427,5	40 334,5	+4,96
Южный	13 854,3	16 434,9	+2,96
Северо-Западный	13 616	13 917,2	+2,21
Уральский	12 080,5	12 300,1	+1,82
Сибирский	17 177,3	16 792,7	–2,24
Приволжский	29 899,7	28 943	–3,20
Дальневосточный	8 372,3	7 975,8	–4,74

Сост. по: [9, с. 4].

У 16 594 759 чел. (11,27%) в переписных листах национальная принадлежность не указана. При этом 7 004 052 чел. (4,75%) убежденно отказались отвечать на вопрос о национальной принадлежности, что переписчики и указали в переписных листах. 1 393 685 чел. (0,95%) указали другие ответы о национальной принадлежности, которые не включены в список. 542 201 чел. (0,37%) заявили в переписных листах, что у них нет национальной принадлежности. При проведении переписи 2020 г. респондент получал право определять свою национальность «в произвольной форме по самоопределению», а переписчик был обязан записывать ответ на вопрос о национальной принадлежности «строго со слов опрашиваемого» [6]. В 1989 г. во всем СССР предпочли не указывать свою национальную принадлежность всего лишь 17 279 чел., из которых в РСФСР проживало 15 513 чел. (0,01%). Интересно, что в Литве отказался фиксировать свою национальность в 1989 г. всего лишь один чел., а в Армении и Эстонии – по 7 чел. В 2002 г. в РФ не указали свою национальность уже 1 460 751 чел. (1,0%), в 2010 г. число лиц, не указавших свою национальность, выросло до 5 629 420 чел. (3,82%) [10].

В. А. Тишков ситуацию с «недоучетом» этнической принадлежности народов РФ объясняет неверной методикой проведения переписи 2020 г., подчеркивая при этом, что «о 9,05 млн человек», не указавших свою национальность, «сведения были получены из административных источников». Ученый утверждает, что «фактически без дополнительных объяснений и разысканий пользоваться этими данными очень сложно». По его мнению, «в недоучет попало главным образом городское население, ибо село переписывается более дисциплинированно» [4, с. 199]. В. Ю. Зорин, признавая, что «недоучет» «требует дополнительного анализа, дополнительного изучения учеными и специалистами», соглашается,

в конечном счете, с мнением В. А. Тишкова: «Это вызвано комплексным влиянием фактора проведения переписи в разгар пандемии Ковид-19... и перехода на новые технологические способы сбора сведений о населении (электронный переписной лист, как оказалось, создавал у некоторых пользователей иллюзию “автоматического” учета ранее введенной информации о родном языке в ответе о национальной принадлежности)» [2]. Эксперты ФАДН, предупреждая, что «перепись – не подсчет национальностей», объясняют «недоучет» изменившейся «коренным образом» ситуацией в современной России, когда «для определенных категорий жителей нашей страны национальная принадлежность, в отличие от гражданства, не имеет в этих условиях особой важности» [5].

Интересная трактовка «недоучета» принадлежит известному специалисту в области межэтнических отношений В. В. Степанову: «Перепись 2020/21 показала, что респондентов вводит в заблуждение не слово “национальная”, а слово “принадлежность”». Поэтому, считает исследователь, «в своих переписных листах люди перечисляли “принадлежности” – блюда национальной кухни, традиционные костюмы, наряды, сувениры, упоминали государственные и культурные символы страны и своего региона, природные объекты, народные и религиозные праздники (напр., “навруз”, “курбан байрам”). Некоторые заявляли, что национальная принадлежность – это “русская литература”, “русская музыка”, “русский хор”, “русская земля”, “русская зима”, “русская душа”. Были и такие, кто сказал, что это “русские инновации”. Другие респонденты восприняли слово “принадлежность”, как требование указать личную причастность к государству» [4, с. 187].

Представляется, что рост численности и увеличение доли жителей России, не пожелавших

идентифицировать себя ни с одной национальностью из фиксируемого в Российской Федерации Институтом этнологии и антропологии РАН списка национальностей, насчитывавшим «145 групп и 49 входящих в них подгрупп», свидетельствует о радикальной трансформации национального самосознания и кризисе национальной идентичности российского общества. По сути, каждый десятый житель России не считал возможным и необходимым отразить близость ни к одной из 194 этнических групп, проживающих в РФ.

Подсчет и анализ этнических закономерностей и процессов, таким образом, осуществлялся в 2020 г., как и прежде, из числа лиц, указавших свою национальность. Таковых в России оказалось 130 587 364 чел. [6] (88,73% фиксируемого переписью населения страны), что, собственно, позволяет считать проводимые расчеты репрезентативными.

Одна из главных тенденций в процессе эволюции национального состава населения страны – значительное усиление различий по численности постоянного населения этнических общностей. Если последняя Всесоюзная перепись в 1989 г. фиксировала в РСФСР 7 народов численностью «миллион и выше», то через 30 лет третья Всероссийская перепись в 2020 г. таковых этнических групп насчитала – 6. В 2020 г. количество российских этносов численностью «от 500 тысяч до миллиона» составило 7, то в 1989 г. – 8; в 2020 г. этносов «от 100 до 500 тысяч» – 27, в 1989 г. – 22. Самыми многочисленными (свыше 1 млн человек) являются 6 народов – русские (105 579 179 чел., 71,73% от общего количества населения РФ, 80,84% от указавших свою национальность), татары (4 713 669 чел.; 3,2/3,61%), чеченцы (1 674 854 чел.; 1,14/1,28%), башкиры (1 571 879 чел.; 1,07/1,2%), чуваша (1 067 139 чел.; 0,73/0,82%), аварцы (1 012 074 чел.; 0,69/0,78%). Советская перепись 1989 г. в РСФСР фиксировала иную группу «народов-миллионников»: русские – 119 865 946 чел. (81,53%); татары – 5 522 096 (3,76%); украинцы – 4 362 872 (2,97%); чуваша – 1 773 645 (1,21%); башкиры – 1 345 273 (0,92%); белорусы – 1 206 222 (0,82%); мордва – 1 072 939 (0,73%) [6, 10]. Таким образом, из группы «этносов-миллионников», населявших РСФСР накануне распада Советского Союза, по результатам переписи 2020 г. «выпали» два славянских народа – украинцы и белорусы, а также коренной этнос Поволжья – мордва, а «вошли» два этноса с Северного Кавказа – чеченцы и аварцы.

Самым многочисленным этносом Российской Федерации остаются русские. Однако численность русских в России за последние тридцать лет сократилась на 14 286 767 чел. (11,91%) со 119 865 946 чел. (81,53% населения РСФСР)

в 1989 г. до 105 579 179 чел. (71,73% населения РФ) в 2020 г. [6, 10]. В. А. Тишков считает вопрос о сокращении численности русских в России предметом «политизированной мифологии» и объясняет данную проблему «не столько естественными факторами, сколько большим недоучетом при сборе сведений о национальности переписываемых». Он указывает, что еще в при проведении второй Всероссийской переписи «среди тех самых 5,6 млн человек «без национальности» (переписанных по паспортным столам) не менее 80% были русские, т. е. в реальности их было в 2010 г. не 111 млн, а на 4,5 млн больше». Тот же подход он предлагает применить и при анализе переписи 2020 г.: «Из 16,6 млн, от которых не было получено сведений о национальности, не менее 13 млн человек – это русские по национальности жители России. Это означает, что русских в России не 105 млн, как объявил Росстат, а 119 млн человек» [11].

Однако, если судить по результатам трех Всероссийских переписей, эта крайне негативная тенденция принимает острые формы в 1990-е гг. и продолжает неуклонно нарастать в первые десятилетия XXI в. В 2002 г. относительно 1989 г. сокращение составило 3 976 839 чел. (3,31%) – со 119 865 946 чел. до 115 889 107 чел., за последующие 8 лет это число сократилось еще на 4 872 211 чел. (4,2%), а в последнее десятилетие – на 5 437 717 чел. (4,9%). Численность русских в России в 2010 г. составляла 111 016 896 чел. [6, 10, 12, 13]. Между тем в предшествующие развалу СССР десятилетия наблюдалась устойчивая динамика роста русских как в Советском Союзе в целом, так и в РСФСР. Между Всесоюзными переписями 1959 и 1970 гг. представительство русских в СССР выросло на 14 901 561 чел. (13,05%), в РСФСР – на 9 884 051 чел. (10,1%). В 1970–1979 гг. количество русских возросло в СССР на 8 381 949 чел. (6,5%), в РСФСР – на 5 774 251 чел. (5,36%), в 1979–1989 гг. это соотношение составило 7 758 395 чел. (5,65%) и 6 344 065 чел. (на 5,59%) [10, 14–16].

Русский этнос играл роль своеобразного демографического «донора», еще в имперский период осваивая пашенные земли Центральной Азии, Новороссии и за Уралом, строя города в казахских степях, развивая экономику Донбасса. Эту свою миссию русские сохранили и в советский период российского государства-цивилизации: внесли решающий вклад в создание мобилизационной экономики, в тяжелейший период войны в январе 1943 г. составили почти 68,5% Красной армии, осваивали предприятия в Прибалтике и целину в Казахстане. Выезд русских и русскоязычных из советских национальных республик, прежде всего, Центральной Азии, в РСФСР начался в преддверии распада СССР: в 1975–1990 гг. миграционный прирост населения России составил 2,64 млн человек [17, с. 23].

Однако по результатам переписи 1989 г. за пределами РСФСР находилось 25,3 млн русских и около 4 млн представителей этносов, для ее национальных республик считающихся «титульными». Больше всего русских проживало на Украине – 11, 356 млн чел. (22% населения УССР); в Казахстане – 6,062 млн чел. (36,7%); Узбекистане – 1,653 млн (8,3%); Беларуси – 1,342 млн (13,2%); Киргизии – 0,917 млн (21,4%); Молдавии – 0,562 млн (13,0%) [17, с. 25]. Из 139,331 млн жителей национальных советских республик доля русских составляла 18%. Практически каждый пятый житель за пределами РСФСР фиксировал свою принадлежность к русскому этносу.

После распада СССР миграционный приток в Россию усилился. Публиковавшиеся Росстатом данные позволяют приблизительно установить численность русских, вернувшихся в РФ до 2008 г. Так, из 6,564 млн бывших советских граждан, мигрировавших в Россию в 1993–2007 гг., русских насчитывалось 3,821 млн (58%) [17, с. 25]. Однако изменить тенденцию сокращения численности русских в России частичной репатриацией с постсоветского пространства не удалось. Увлеченность неолиберальными реформами в экономике не позволяла реально финансировать декларируемые программы помощи соотечественникам. Уникальный шанс репатриировать интеллектуальный, научно-технический, предпринимательский потенциал (русские в условиях инонационального окружения и латентного, порой нескрываемого, процесса реализации концепции «приоритета титульного этноса» в национальных союзных республиках достичь «места под солнцем» могли исключительно своим талантом, трудолюбием и упорством) в Россию был упущен.

После распада СССР сократили свою численность еще ряд этносов, проживавших в России и исторически считающихся «коренными». Речь идет прежде всего о народах Поволжья. Численность татар, прочно удерживающих статус «второго по численности» этноса России – 4 750 760 чел. (3,64% указавших свою национальность) – сократилась со времени проведения переписи 2010 г. на 559 689 чел. (11,24%). Между переписями 2002 и 2010 гг. был также зафиксирован сокращение численности татар на 280 234 чел. с 5 590 883 чел. (3,89%) до 5 310 649 чел. (3,87%). Астраханские и сибирские татары, крещены, мишари при данном подсчете включены в общую графу «татары». В отличие от русских сокращение численности татар в России наблюдается в начале XXI в., на протяжении 1990-х гг. их численность практически не изменялась. Прирост за эти годы составил всего лишь 68 787 чел. (с 5 522 096 чел. в 1989 г. до 5 590 883 чел. в 2002 г.), в то время как в предшествующие десятилетия рост составлял от 250 до 680 тыс. чел. (между переписями

1959 и 1970 гг. – 680 808 чел.; между переписями 1970 и 1979 гг. – 250 696 чел.; между переписями 1979 и 1989 гг. – 516 339 чел.) [10, 12–16].

В РСФСР с 1959 по 1989 гг. численность чувашей выросла на 337 427 тыс. (с 1 436 218 чел. до 1 773 645 чел.). В РФ за период 1989–2020 гг. их численность сократилась на 706 506 чел. (с 1 773 645 чел. в 1989 г. до 1 067 139 чел. в 2020 г.). Таким образом, как у русских и татар, так и у чувашей наблюдается противоположная динамика изменения численности в последние тридцать лет советской истории (+23,49%) и первые тридцать лет существования РФ (–39,83%) [6, 10, 14].

Несколько иная динамика наблюдается у башкир, рост численности которых с 1959 по 1979 гг. составил 30,4% (с 953 801 чел. до 1 371 452 чел.). Однако уже в 1980-е гг. рост сменился отрицательной динамикой, башкир по переписи 1989 г. стало меньше на 1,9% – 26 179 чел. (с 1 371 452 чел. до 1 345 273 чел.). Однако перепись 2002 г. зафиксировала скачкообразный рост численности башкир на 328 116 чел. (19%) Последовавшие вслед за этим «нулевые» восстановили динамику 1980-х гг. – башкир стало меньше на 88 835 чел., а перепись 2020 г. зафиксировала падение их численности на 12 675 чел. В целом же эксперименты с идентичностью 1990-х гг. «обеспечили» прирост башкир в РФ с 1989 по 2020 гг. на 226 606 чел. [6, 10, 12, 13, 16]. В данном случае следует согласиться с В. А. Тишковым, призывающим «учитывать при объяснении итогов переписей не только объективными “этническими процессами”, а конструированием этничности через политические и морально-эмоциональные воздействия». Только этими факторами, считает академик, «можно объяснить почти двойное увеличение численности черкесов (с 70 до 120 тысяч) и очень значительный прирост (почти 100 тысяч) башкир в Башкортостане – единственного из поволжских народов сохранившего свою численность при одинаковой среди них демографической и миграционной ситуации» [11]. Действительно, на представленную эволюцию численности башкирского этноса влияли больше не демографические либо социально-экономические факторы, а проведенная кампания по фиксации «этнической мобилизации» башкир. Демонстрируя восстановление отрицательной динамики изменения численности башкир в первые десятилетия XXI в., демографическая статистика актуализирует старые дискуссии об опасности конструирования национальной идентичности. Данные табл. 2 свидетельствуют о негативном эффекте от распада СССР и смены общественной экономической парадигмы – положительная динамика изменения численности населения наиболее многочисленных этносов России всего за десятилетие меняется на отрицательную.

Таблица 2

Этносы России, численность которых сократилась со времени последней Всесоюзной переписи населения

Этнос	Численность народов по результатам Всесоюзных переписей населения					Численность народов по результатам Всероссийских переписей населения			
	1959	1970	1979	1989	Итого к распаду СССР	2002	2010	2020	Итого после распада СССР
Русские	97 863 579	107 747 630	11 352 188	119 865 946	+22 002 367 (+18,4%)	115 889 107	111 016 896	105 579 179	14 286 767 (-12,3%)
Татары	4 074 252	4 755 061	5 005 757	5 522 096	+144 784 (+35,5%)	5 554 601	5 310 649	4 713 669	-808 427 (-14,6%)
Украинцы	3 359 083	3 345 885	3 657 647	4 362 872	+1 003 789 (+29,9%)	2 942 961	1 927 988	884 007	-3 478 865 (-79,7%)
Чуваши	1 436 218	1 637 028	1 689 847	1 773 645	+337 427 (+23,5%)	1 637 094	1 435 872	1 067 139	-706 506 (-39,8%)
Башкиры	953 801	1 180 913	1 371 452	1 345 273	+391 412 (+41,0%)	1 673 389	1 584 554	1 571 879	+226 606 (+16,8%)
Белорусы	843 985	964 082	1 051 900	1 206 222	+362 237 (+42,9%)	807 970	521 443	208 046	-998 176 (-82,8%)
Мордва	1 211 105	1 177 492	1 111 075	1 072 939	-138 166 (-11,4%)	977 381	744 237	546 319	-526 620 (-49,1%)
Удмурты	615 640	678 393	685 718	714 833	+99 193 (+16,1%)	636 906	552 299	386 465	-328 368 (-45,9%)
Марийцы	498 066	581 082	599 637	643 698	+145 632 (+29,2%)	604 298	547 605	423 803	-219 895 (-34,1%)
Казахи	382 431	477 820	518 060	635 865	+253 434 (+66,3%)	653 962	647 732	591 970	-43 895 (-6,9%)

Сост. по: [6, 10, 12–16].

Удвоение численности чеченцев в 1960-е гг., вызванное возвращением на историческую родину после трагической депортации (рождаемость в местах ссылки начала превышать смертность с 1948 г. [18, л. 120]), «взрывной» рост в 1990-е гг. (на 461 254 чел. между переписями 1989 и 2002 гг.) «привели» их в начале XXI в. в число «этносов-миллионников» – по переписи 2002 г. в РФ проживало 1 360 253 чеченцев. Последнее перед Третьей Всероссийской переписью десятилетие дало прирост чеченцев в 243 494 чел., то есть на 17,01% (с 1 431 360 чел. в 2010 г. до 1 674 854 чел. в 2020 г.). Темпы прироста аварцев, шестого по численности на сегодня российского этноса, были ниже, чем темпы прироста чеченцев. При этом численность чеченцев (261 311 чел.) и аварцев (249 529 чел.) в 1959 г. была примерно равной. Самые быстрые темпы прироста численности аварцев фиксировались переписями также в 1990-е гг. – на 270 457 чел. (+33,2%), с 544 016 чел. в 1989 г. до 814 473 чел. в 2020 г. Несмотря на то, что темпы роста аварцев во втором десятилетии XXI в. уменьшились до 10,96%, перепись 2020 г. зафиксировала аварский этнос в статусе «этноса-миллионника» (1 012 074 чел.) [6, 10, 12–14, 16].

Перепись 2020 г. ознаменовала собой качественное изменение национальной структуры РФ в последние тридцать лет. Помимо сокращения численности русских, место в числе российских этносов-миллионников потеряли два других славянских народа – украинцы и белорусы.

Украинцы перешли в настоящее время в разряд этносов численностью «от 500 тысяч до миллиона». В данной категории российских этносов на финальном этапе советской истории фиксировалось восемь этносов (чеченцы – 899 000 чел., немцы – 842 295 чел., удмурты – 714 833 чел., марийцы – 643 698 чел., казахи – 635 865 чел., аварцы – 544 016 чел., евреи – 536 848 чел., армяне – 532 390 чел.). По результатам переписи 2020 г. из этой группы этносов в данной категории остались армяне и казахи. Прирост армян в России с момента последней Всесоюзной переписи составил 43,73%, а их численность приблизилась к миллиону (946 172 чел.). При сохранении существующих темпов прироста армяне при проведении следующей переписи населения в РФ уверенно войдут в число «этносов-миллионеров». Численность казахов в России, наоборот, сократилась на 6,9% и составила 591 970 чел., что при существующих темпах

сокращения российских казахов приведет в ближайшее десятилетие к «переходу» их в категорию народов «от 100 до 500 тысяч». Если численность советских немцев в РСФСР, несмотря на нараставшую в 1970–1980-е гг. миграцию в ФРГ, приближалась к миллиону, то неудачная попытка восстановления немецкой автономии на Волге привела в 1990-е гг. к массовому исходу этого уникального российского этноса на территорию объединившейся Германии. Перепись 2020 г. зафиксировала в РФ 195 256 российских немцев, среди которых немецкий язык родным назвали всего лишь 25 514 чел. В силу этих же причин («миграция на историческую родину») численность евреев снизилась до 82 644 чел., из которых 3675 чел. родным назвали «еврейский» язык, 3829 – иврит, 540 – идиш. Сократилась численность марийцев (на 219 895 чел. до 423 803 чел. по переписи 2020 г.) и удмуртов (на 328 368 чел. до 386 465 чел.) [6].

В категории «от 500 тысяч до миллиона», таким образом, по результатам переписи 2020 г. оказались семь этносов: из категории

«миллионников» «опустились» украинцы, зато численность аварцев и чеченцев превысила миллион, и они «поднялись» в шестерку наиболее многочисленных этносов России, а армяне и казахи сохранили свое место. Вместо удмуртов, марийцев, немцев и евреев, численность которых составила по переписи 2020 г. ниже 500 тысяч чел., места в семерке народов численностью «от 500 тысяч до миллиона» заняли этносы с Северного Кавказа: даргинцы – 626 601 чел. (прирост с момента проведения последней советской переписи составил 273 253 чел.); ингуши – 591 970 чел. (+376 902 чел.); кумыки – 565 830 чел. (+288 667 чел.); кабардинцы – 523 404 чел. (+137 349 чел.) [6]. В табл. 3 фиксируется позитивная динамика изменения численности ряда российских этносов как в советском прошлом, так и постсоветском настоящем.

При сохранении сегодняшних тенденций изменения численности народов в РФ категорию «от 500 тысяч до миллиона» в ближайшее десятилетие могут пополнить таджики, численность которых со времени последней советской пе-

Таблица 3

Этносы России, численность которых увеличилась со времени последней Всесоюзной переписи населения

Этнос	Численность народов по результатам Всесоюзных переписей населения					Численность народов по результатам Всероссийских переписей населения			
	1959	1970	1979	1989	Итого к распаду СССР	2002	2010	2020	Итого после распада СССР
Чеченцы	261 311	572 220	712 161	898 999	+637 688 (+244,0%)	1 360 253	1 431 360	1 674 908	+775 909 (+86,3%)
Аварцы	249 529	361 613	438 306	544 016	+294 487 (+118,0%)	814 473	912 090	1 012 074	+468 058 (+86,0%)
Армяне	255 978	298 718	364 570	532 390	+276 412 (+107,9%)	1 130 491	1 182 388	946 172	+413 782 (+77,5%)
Буряты	251 504	312 847	349 760	417 425	+165 921 (+65,9%)	445 175	461 389	460 053	+42 628 (+10,2%)
Осетины	247 834	313 458	352 080	402 275	+154 441 (+62,3%)	514 875	528 515	485 646	+83 371 (+20,7%)
Кабардинцы	200 634	277 435	318 822	386 055	+76 529 (+38,1)	519 958	516 826	523 404	+137 349 (+35,6%)
Якуты	236 125	295 223	326 531	380 242	+144 117 (+61,0%)	443 852	478 085	478 409	+98 167 (+25,8%)
Даргинцы	152 563	224 172	280 444	353 348	+200 785 (+131,6%)	510 156	589 386	626 601	+273 253 (+77,3%)
Азербайджанцы	70 947	95 689	152 421	335 889	+264 889 (+373,4%)	621 840	603 070	474 576	+138 687 (+41,3%)
Кумыки	132 896	186 690	225 800	277 163	+144 267 (+108,6%)	422 409	503 060	565 830	+288 667 (+104,2%)
Лезгины	114 210	170 494	202 854	257 270	+143 060 (+125,3%)	411 535	473 722	488 608	+231 338 (+89,9%)
Ингуши	55 799	137 380	165 997	215 068	+159 269 (+285,4%)	413 016	444 833	517 186	+137 349 (+63,9%)

Сост. по: [6, 10, 12–16].

реписи увеличилась почти в 10 раз (1989 г. – 38 208 чел.; 2002 г. – 120 136 чел.; 2010 г. – 200 303 чел.; в 2020 г. – 350 236 чел.). Перепись 2020 г., предположительно, не сумела зафиксировать «взрывной» характер предоставления российского гражданства таджикам в последние пять лет. По данным МВД в 2021 г. гражданами России стали 103 681 выходец из Таджикистана, в 2022 г. – 119 609 чел. Таджикистан по объемам натурализации своего населения в Российской Федерации стал превосходить Киргизию, Туркмению и Узбекистан, вместе взятых. В общей сложности за 2017–2022 гг. российские паспорта получили 224,2 тыс. граждан Киргизии, Узбекистана и Туркмении и 396,2 тыс. чел. из Таджикистана, почти вдвое опередивших своих соседей по региону [19]. Если принимать во внимание факт получения гражданства России за первую половину 2023 г. около 87 тыс. таджиков, а 128 156 граждан Таджикистана имели вид на жительство в России [20], за первую половину 2024 г. – 45,2 тыс. чел. [21], то нельзя исключать вероятность достижения таджиками численности в «миллион и более» в ближайшее время.

По результатам последней Всероссийской переписи за последние три десятилетия в 3,3 раза увеличили свое представительство в России киргизы (с 41 734 чел. в 1989 г. до 137 780 чел. в 2020 г.), в 2,5 раза – узбеки (со 126 899 чел. в 1989 г. до 323 278 в 2020 г.). А вот численность еще одного титульного этноса Средней Азии – туркмен, осталась практически прежней с момента последней Всесоюзной переписи (39 739 чел. в 1989 г.; 41 338 чел. в 2020 г.). Среди титульных закавказских этносов реальные шансы в ближайшее десятилетие войти в категорию «от 500 тысяч до миллиона» есть у азербайджанцев, численность которых в России за тридцать лет выросла на 138 681 чел. (с 335 889 чел. в 1989 г. до 474 576 чел. в 2020 г.). А вот представительство грузинского этноса сократилось за те же три десятилетия почти на 16 процентов и составило 112 765 чел. Сокращение представленности в национальной структуре Российской Федерации еще одного титульного этноса бывшей советской союзной республики – молдован, оказалось еще большим – в 2,2 раза (с 172 671 чел. в 1989 г. до 77 509 чел. в 2020 г.) [6, 10].

Из трех коренных народов России, исповедующих буддизм, третьей по распространенности религию в стране, лишь тувинцы за последние тридцать лет демонстрируют устойчивый рост – в 1,4 раза (с 206 160 чел. в 1989 г. до 295 020 чел. в 2020 г.). Численность бурятов за это же время увеличилось на 42 628 чел. (10,2%), правда, этот рост замедлился в начале 2000-х гг., а в последнее десятилетие перед переписью 2020 г. их численность сократилась на 1336 чел. и составила 460 053 чел. Темпы

сокращения численности калмыков в 2010-е гг. были выше, чем у тувинцев – на 3825 чел. (с 183 372 чел. в 2010 г. до 179 547 чел. в 2020 г.). Следует отметить, что все три народа по результатам последних четырех Всесоюзных переписей демонстрировали ощутимый прирост с высокими темпами роста: численность тувинцев с 1959 по 1989 г. выросла в 2 раза; бурятов – в 1,7 раза; калмыков – в 1,65 раза. Похожая динамика изменения численности наблюдается у якутов. Несмотря на то, что рост их численности за последние тридцать лет впечатляющий – в 1,7 раза, в 2010-е гг. численность якутов оставалась на одном уровне (2010 г. – 478 085 чел.; 2020 г. – 478 409 чел.) [6, 10, 12–16].

12-кратный рост численности крымских татар в национальном составе РФ объясняется возвращением Республики Крым и Севастополя в состав России. Если в 1989 г. в России проживало 21 275 крымских татар, то в 2020 г. – 257 592. Численность населения Крымского полуострова, по сути, повторила советские показатели: если последняя Всесоюзная перепись зафиксировала – 2 430 495 жителей, то последняя Всероссийская перепись – 2 482 450 чел. (547 820 – в Севастополе, в РК – 1 934 630 чел.), а национальный состав в целом соответствует национальной структуре РФ. Исключение составляет высокая доля крымских татар – 10,21% (253 570 чел.). Доля русских в составе населения РК – 68,74% (1 706 662 чел.), в Севастополе – 74,88% (410 220 чел.). Украинцы являются третьим этносом в Крыму – 6,89% (171 160 чел.), а в Севастополе – вторым – 4,62% (25 308 чел.). Четвертым, пятым и шестым крымскими этносами являются татары – 1,25% (30 952 чел.), белорусы – 0,43% (10 599 чел.) и армяне – 0,36% (9016 чел.). В десятку наиболее многочисленных этносов полуострова входят также узбеки (2877 чел.), евреи (2137 чел.), корейцы (2010 чел.) и греки (1791 чел.). Интересно, что после возвращения Крыма в состав России в октябре 2014 г. была проведена перепись на полуострове. Число жителей во вновь созданном Крымском федеральном округе составило 2 284 769 чел. Если доля русских за переписной период увеличилась незначительно, всего на 0,84% (214 584 чел.), то доля украинцев сократилась на 8,79% (173 160 чел.). Доля, собственно, как и абсолютная численность крымских татар в 2014–2020 гг., оставалась практически на одном уровне: в 2014 г. – 10,57% (232 340 чел.), а в 2020 г. – 10,21% (253 570 чел.) [6, 10].

Перепись 2020 г. зафиксировала устойчивый рост численности народов Северного Кавказа: черкесов – в 2,3 раза (до 114 697 чел.); лакцев и табасаранцев – в 1,6 раза (до 173 416 чел. и 151 466 чел. соответственно); карачаевцев и ногайцев (самая большая доля ногайского этноса – в Дагестане) – в 1,5 раза (до 226 271 чел.

и 109 042 чел. соответственно) [6]. Причем в литературе уже высказано предположение, что «народы Северного Кавказа» прирастили свою численность путем попыток «возрождения национальных и религиозных традиций полигамии (неофициально)» [22, с. 444]. На этом основании делается крайне неоднозначный вывод о том, что «народы Российской Федерации, исповедующие ислам, ограничены в своих правах в области семьи и брака, так как по законам страны не имеют право на традиционную полигамию, гарантирующую прирост численности населения» [22, с. 444].

Интересно, что большинство народов, депортированных в годы Великой Отечественной войны, существенно увеличили свою численность. Сокращение численности российских немцев, корейцев, греков легко объясняется массовой эмиграцией на свою историческую родину, прежде всего, в связи с ухудшением социально-экономических условий. Отсутствие каких-либо побуждающих к выезду из России факторов, связанных с этнической дискриминацией,

доказывает появление в национальном составе РФ этносов, не проживавших прежде в РСФСР (курды, турки-месхетинцы). К примеру, в Саратовской области через тридцать лет после распада СССР к сентябрю 2020 г. проживало не менее 5 тысяч курдов, около 2 тысяч езидов, более 2 тысяч дунган [23]. Данные табл. 4 демонстрируют положительную динамику изменения численности народов, подвергшихся насильственному переселению, и способствует развенчанию мифа о «депортации как геноциде народов в СССР».

О регионализации идентичности и усиливающимся процессе «размытости» и «неясности» национального самосознания свидетельствует широкая распространенность явления, получившего в литературе обозначение «двойная идентичность». Причем речь не идет о так называемой «вымышленной идентичности», когда жители России причисляли себя к «хоббитам», «эльфам», либо к древним легендарным народам, таким как «скифы». В переписи 2020 г. подобные самоназвания были запрещены, одна-

Таблица 4

Динамика изменения численности этносов России, депортированных в СССР

Этнос	Численность народов по результатам Всесоюзных переписей населения					Численность народов по результатам Всероссийских переписей населения			
	1959	1970	1979	1989	Итого к распаду СССР	2002	2010	2020	Итого после распада СССР
Чеченцы	261 311	572 220	712 161	898 999	+637 688 (+244,0%)	1 360 253	1 431 360	1 674 908	+775 909 (+86,3%)
Ингуши	55 799	137 380	165 997	215 068	+159 269 (+285,4%)	413 016	444 833	517 186	+137 349 (+63,9%)
Крымские татары	416	2852	5169	21 275	+20 859 (+5014%)	4131	2449	257 592	+236 317 (+1110%)
Карачаевцы	70 537	106 831	125 792	150 332	+79 795 (+113,1%)	192 182	218 403	226 271	+75 939 (+50,5%)
Немцы	820 016	761 888	790 762	842 295	+22 279 (+2,7%)	597 212	394 138	195 256	–647 039 (–76,8%)
Калмыки	100 603	131 318	140 103	165 821	+65 218 (+64,8%)	173 996	183 372	179 547	+13 726 (+8,3%)
Балкарцы	35 249	52 969	61 828	78 341	+43 092 (+122,3%)	108 426	112 924	125 044	+46 703 (+59,6%)
Ногайцы	37 696	51 159	58 639	73 703	+36 007 (+95,5%)	90 666	103 660	109 042	+35 339 (+47,9%)
Корейцы	91 445	101 369	97 649	10 7051	+15 606 (+17,1%)	148 556	153 156	87 819	–19 232 (–17,9%)
Греки	47 024	57 847	69 816	91 699	+44 675 (+95,0%)	97 827	85 640	53 972	–37 727 (–41,1%)
Курды	855	1015	1631	4724	+3869 (+452%)	19 607	23 274	24 657	+19 933 (+422%)
Турки-месхетинцы	–	–	–	–	–	3257	4825	4095	–

Сост. по: [6, 10, 12–16].

ко двойная идентичность была разрешена: «Если человек указывал не одну национальную принадлежность, в ответ вносилась каждая через любой разделитель (множественный ответ)» [6, 12, 13]. Результатом такого произвольного толкования своей национальной идентичности стало удвоение перечня вариантов самоопределения населения по вопросу «Ваша национальная принадлежность» с момента проведения переписи Второй Всероссийской переписи населения: если в 2010 г. такой перечень насчитывал 923 самоназвания, то в 2020 г. – более 1660 самоназваний [6, 13].

Среди русских оказалось 25 групп с «двойной идентичностью». Такие «уточняющие» самоназвания, как «кубанцы, мешеряки, русско-устыинцы, сибиряки, скобари, якутяне, челдоны, чалдоны, липчане, албазинцы» – свидетельство приобретения частью русского этноса региональной, наряду с национальной, идентичности. Присутствие в переписи «староверов», «кулугуров», «молокан» доказывает определенную устойчивость этноконфессиональной идентичности. В разделе «национальный состав» отдельной этнической группой включены «казаки» численностью в 50 490 чел. Безусловно, это часть русского этноса, силой исторических обстоятельств в статусе военно-служилого сословия призванных заселять и охранять окраины Российской империи. «Двойная идентичность» указывает лишь на преобладание в самосознании русского казачества региональной идентичности, что и подтвердила перепись 2020 г.: казаки разделяют себя на амурских, астраханских, волжских, гребенских, донских, забайкальских, запорожских, кубанских, новозаволжских, оренбургских, ростовских, сибирских, терских, уральских, уссурийских, яицких. Выделение же среди казачества «русских казаков» и «православных казаков» подчеркивает цивилизационное единство казаков с русским этносом. Этим же критериям соответствует и этнографическая группа поморов с тремя самоназваниями («важане», «русские поморы», «усть-цилемы») и численностью в 2232 чел. [6].

В целом, судя по итогам переписи 2020 г., процесс самоприобретения «двойной идентичности» принял в России широкий характер: по 5 группам различают себя карачаевцы, марийцы и чуваша; по 6 – крымские татары и черкесы; по 7 – балкарцы, карелы и кумыки; по 8 – якуты и мордва (отдельной этнической группой себя считают мордва-мокша, а мордва-эрзя, в свою очередь, различает себя по 4 группам); по 9 – кабардинцы; по 10 – калмыки; по 11 – ногайцы; по 12 – чеченцы (при этом чеченцы-аккинцы, отличающие себя от чеченцев, различают себя еще на 4 группы); по 15 – аварцы и даргинцы; по 16 – башкиры; по 17 – греки; по 18 – ингуши; по 19 – евреи (помимо этой этнической группы выделяют себя грузинские евреи,

крымские евреи, среднеазиатские евреи и горские евреи, которые различают себя на 6 групп); по 24 – алтайцы и немцы (помимо этого отдельно выделяется этноконфессиональная группа менонитов в количестве 5 чел.); по 28 – буряты. Татары различают себя на 61 различную группу по идентичности, среди которых помимо собственно этнической группы «татар» выделяются астраханские и сибирские татары, кряшены и мишари [6].

Среди тех, кто решил указать «другую» национальность, выделяется большая группа численностью 1 151 631 чел. под объединяющим названием «россияне». В. А. Тишков предполагает, что россиянином «или просто гражданином России» в процессе переписи 2020–2021 гг. назвали себя «несколько миллионов жителей страны», и полагает на основании этого предположения, что «на уровне общероссийских замеров российская идентичность уже обладает приоритетностью над этнической, религиозной и местно-региональной» [24, с. 59–60]. С утверждением о том, что в России заметным (но отнюдь не приоритетным) становится процесс формирования гражданской идентичности в национальном самосознании (самоназвания «афророссияне», «граждане Российской Федерации», «Российская Федерация» перепись фиксирует), можно согласиться. Однако при этом обращает на себя внимание стремление прежде всего идентифицировать себя не как «русского», не как представителя государствообразующего этноса, а как своеобразного «носителя» одной из черт этнического облика (самоназвания «афрорусские», «русскоязычные») [6].

Представляется, что методика «свободного выбора своей этнической принадлежности» не способствовала полной репрезентативности при оценке дифференциации населения РФ по национальному признаку. На наш взгляд, более точную оценку позволяют дать данные по языковому критерию. Русский язык родным назвали 111 546 569 чел. (85,45%) из 130 543 591 чел., заполнивших в переписных анкетах графу «Родной язык». Следует подчеркнуть, что число отказавшихся указывать свой родной язык (16 638 532 чел.) приближено к числу лиц, не зафиксировавших свою национальную принадлежность (16 594 759 чел.). Более интересна тенденция фиксировать русский язык своим родным языком, но при этом не идентифицировать себя как «русский», то есть не стремиться причислить себя к русскому этносу. Таковых по результатам переписи 2020 г. оказалось 5 967 390 чел. При этом отказавшихся указать на свой родной язык в России по переписи 2020 г. оказалось 16 638 532 чел., практически столько же, сколько отказалось указывать свою национальную принадлежность – 16 594 759 чел. [6] Тревожные тенденции в национально-языковой сфере фиксируются результатами переписи

2020 г. В частности, указывается, что, во-первых, число владеющих русским языком россиян сократилось за тридцать лет почти на 11%; во-вторых, удельный вес русскоязычных россиян уменьшился за последние тридцать лет на 10,6%, а за десять лет между двумя последними переписями – на 8% [25, с. 38].

Таким образом, Всероссийская перепись населения 2020 г. подтвердила уникальное этнокультурное многообразие, позволяющее квалифицировать Россию как государство-цивилизацию. Причем одним из факторов, усиливающих это многообразие и устраняющее возможность целенаправленной «принудительной ассимиляции», является нарастающее сокращение численности этноса, в интересах которого она могла бы проводиться. Перепись подтвердила также, что в России отсутствует тенденция практической реализации концепции «приоритета титульного этноса», утвердившейся в общественно-политической и социально-экономической практике постсоветских государств. Численность государствообразующего русского этноса неуклонно сокращается последние тридцать лет, кризис национальной идентичности признан одним из факторов, осложняющих развитие страны [26]. Для сохранения и развития национального состава российского государства-цивилизации необходимо изменить систему стратегических приоритетов, мер и ценностей, государственную национальную политику (целью которой в ближайшей перспективе может стать достижение межэтнического и социального доверия) сделать эффективной путем создания научно-мировоззренческих основ ее формирования и функционирования.

Список литературы

1. Всероссийская перепись населения 2020 // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 20.06.2025).
2. Зорин В. Ю. О результатах переписи населения // Национальный акцент. URL: <https://nazaccent.ru/column/236/> (дата обращения: 20.06.2025).
3. Как менялась численность населения России в последние десятилетия // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/02/26/v-bolshinstve-svoem.html> (дата обращения: 20.06.2025).
4. Тишков В. А. О переписывании народов, или деконструкция переписей населения // Этнографическое обозрение. 2023. № 4. С. 183–211. <https://doi.org/10.31857/S0869541523040085>
5. Всероссийская перепись населения 2020 // Федеральное агентство по делам национальностей. URL: <https://fadn.gov.ru/otkritoe-agenstvo/vserossijskaya-perepis-naseleniya-2020/> (дата обращения: 20.06.2025).
6. Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками. Таблица 1. Национальный состав населения // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Чувашской Республике. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 20.06.2025).
7. Путин назвал Советский Союз исторической Россией // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/06/17/17954636.shtml> (дата обращения: 20.06.2025).
8. Росстат назвал численность россиян к началу 2025 года // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/31/01/2025/679ceb1f9a794739d6fa3ad1> (дата обращения: 20.06.2025).
9. Демографические итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. М. : Фонд «Институт экономики города», 2022. 18 с.
10. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php (дата обращения: 20.06.2025).
11. «Очень значительный прирост башкир в Башкортостане – это и результат конструирования этничности через политические воздействия» // Миллиард. Татар. URL: <https://milliard.tatar/news/ocen-znacitelnyi-prirost-baskir-v-baskortostane-eto-i-rezultat-konstruirovaniya-etnicnosti-cerez-politiceskie-vozdeistviya-3031> (дата обращения: 20.06.2025).
12. Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php (дата обращения: 20.06.2025).
13. Всероссийская перепись населения 2010 года. Национальный состав населения Российской Федерации // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_10.php (дата обращения: 20.06.2025).
14. Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php (дата обращения: 20.06.2025).
15. Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php (дата обращения: 20.06.2025).
16. Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php (дата обращения: 20.06.2025).
17. Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития : аналитический доклад / под ред. С. Н. Градиловского. М. : Фонд «Наследие Евразии», 2005. 309 с.
18. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5 «Аппарат ЦК КПСС. 1952–1984 гг.». Оп. 31. Д. 56.

19. Растет переселение этнических таджиков в Россию на правах ее граждан // Ритм Евразии. URL: <https://www.ritm Eurasia.ru/news--2023-01-31--rastet-pereselenie-etnicheskih-tadzhikov-v-rossiju-na-pravah-ee-grazhdan-64408> (дата обращения: 20.06.2025).
20. В этом году 87 тысяч таджикистанцев стали российскими подданными // Azda TV. URL: <https://ru.azda.tv/v-etom-godu-87-tysyach-tadzhikistantsev-stali-rossiiskimi-poddannymi/> (дата обращения: 20.06.2025).
21. Куда сейчас едут мигранты из Средней Азии, и кто получает российское гражданство // Московская Газета. URL: <https://mskgazeta.ru/obshchestvo/kuda-se-jchas-edut-migranty-iz-srednej-azii-i-kto-poluchaet-rossijskoe-grazhdanstvo-13914.html> (дата обращения: 20.06.2025).
22. Шарипов А. Р., Валиуллина З. Р. Анализ результатов переписи населения 2020 года «национальный состав» в аспекте проблем демографии // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 4. С. 438–448. <https://doi.org/10.47309/2713-2358-2024-4-438-448>
23. Мякишев А. П. Этническая карта Саратовской области в конце первого десятилетия XXI века. Саратов : Саратовский источник, 2020. 241 с.
24. Тишков В. А. Нация наций: о подходах к пониманию России. М. : ИЭА РАН, 2023. 69 с.
25. Горячева М. А. Динамика владения русским языком в Российской Федерации по данным переписей населения 1989–2020 годов // Социолингвистика. 2023. Т. 1, № 13. С. 30–48. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-13-30-48>
26. Указ Президента В. В. Путина № 314 от 8 мая 2024 г. «Об утверждении основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2024 г. № 20. ст. 2587.

Поступила в редакцию 20.06.2025; одобрена после рецензирования 25.06.2025; принята к публикации 27.06.2025; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 20.06.2025; approved after reviewing 25.06.2025; accepted for publication 27.06.2025; published 28.11.2025

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 477–481

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 477–481
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-477-481>, EDN: FGPPZC

Научная статья

УДК [94(4/5:470+571)|13|+929Узбек-хан]:930(=111)

Политика золотоордынского хана Узбека по отношению к русским землям в англоязычной историографии

Т. Г. Имамов

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1

²Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Россия, 420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Батурина, д. 7А

Имамов Тимур Гайсович, ¹ассистент кафедры истории Татарстана, ²аспирант, timur.imamov.2000@icloud.com, <https://orcid.org/0009-0006-0605-4239>, AuthorID: 1265511

Аннотация. В статье рассматриваются исторические исследования, посвященные деятельности золотоордынского хана Узбека по отношению к русским княжествам. Этот хан известен тем, что при его правлении началось активное вмешательство в дела русских княжеств, и с его именем связывают начало возвышения Москвы. На основе проведенного анализа определяется степень изученности данной темы англоязычными историками, а также определяется круг вопросов, находящихся в центре их внимания.

Ключевые слова: Монгольская империя, Тверское восстание 1327 года, Иван Калита, Московское княжество, Галицко-Волынская Русь, Кончака, Чолхан

Для цитирования: Имамов Т. Г. Политика золотоордынского хана Узбека по отношению к русским землям в англоязычной историографии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 477–481. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-477-481>, EDN: FGPPZC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The policy of the Golden Horde Khan Özbek in relation to the Russian lands in English-language historiography

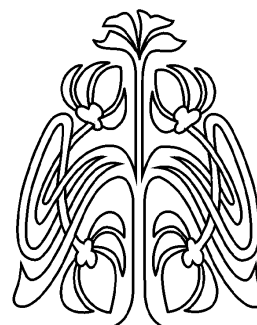
T. G. Imamov

¹Kazan (Volga region) Federal University, building 1, 18 Kremlevskaya St., Republic of Tatarstan, Kazan 420008, Republic of Tatarstan, Russia

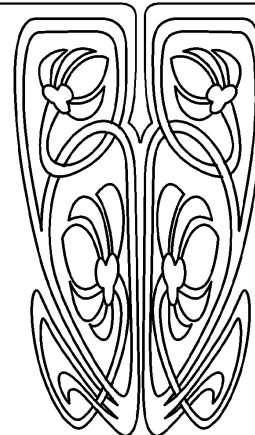
²Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 7A Baturin St., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russia

Timur G. Imamov, timur.imamov.2000@icloud.com, <https://orcid.org/0009-0006-0605-4239>, AuthorID: 1265511

Abstract. The article examines historical studies devoted to the activities of the Golden Horde Khan Özbek in relation to the Russian principalities. This khan is noted for the fact that during his reign active interference in the affairs of the Russian principality began and the beginning of the rise of

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Moscow is associated with the name of this khan. Based on the analysis conducted, the degree of study of this topic by English-speaking historians and also the range of issues, that are at the center of their attention, are determined.

Keywords: The Mongol Empire, the Tver Uprising of 1327, Ivan Kalita, the Moscow Principality, Galician-Volyn Rus, Konchaka, Cholkhan

For citation: Imamov T. G. The policy of the Golden Horde Khan Özbek in relation to the Russian lands in English-language historiography. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 477–481 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-477-481>, EDN: FGPPZC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Политика золотоордынского хана Узбека по отношению к русским княжествам остается важной темой для изучения в рамках англоязычной историографии. В последние десятилетия в академических кругах Европы и США наблюдается интерес к Золотой Орде как интегральной части Евразийской истории, а не только завоевательной силы. Такой подход к истории Золотой Орды в англоязычной историографии сформировала евразийская школа в лице Георгия Владимировича Вернадского и других представителей русской эмиграции 1920-х гг. Евразийцы считали Улус Джучи синтезом разнородных элементов, особым географическим миром, включающим Русь и Степь, созданным в результате деятельности Чингисхана и его наследников, внутри которого шли сложные процессы. В частности, именно Г. В. Вернадский рассматривал историю Руси в период Золотой Орды и ее роли в судьбах России [1, с. 28].

В англоязычной историографии всё чаще пересматриваются устоявшиеся представления о роли Улуса Джучи и его политике в отношении зависимых государств. Вместо образа угнетателя исследователи видят в Золотой Орде сложную политическую систему, включавшую элементы выгодного сотрудничества с русскими княжествами. Изучение взаимодействий между русскими княжествами и Золотой Ордой позволяет глубже понять исторические корни межгосударственных отношений в Восточной Европе и Евразии. В свете современных дискуссий о влиянии ордынского владычества на развитие России данная тема приобретает дополнительную актуальность.

Переходя к анализу начального этапа правления Узбека в качестве хана Золотой Орды, следует отметить значительный вклад исследователя истории ислама в Центральной Азии Девина ДеВиза. В своем труде «Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition» («Исламизация и местная религия в Золотой Орде: Баба Туклес и обращение в ислам в исторической и эпической традиции») он лишь кратко освещает взаимоотношения между Золотой Ордой и русскими княжествами, рассматривая их сквозь призму принятия Узбеком ислама. Ссылаясь на русские летописи, Д. ДеВиз указывает, что хан обратился в ислам в 1313 г. При этом русские летописцы и авторы

агиографических текстов акцентировали внимание на мусульманском статусе Узбека, используя его для формирования негативного образа хана. Такой образ, воспринимающийся как угрожающий и враждебный, укоренился в народной памяти и сохранялся даже в тех случаях, когда личность Узбека не отождествлялась непосредственно с исламом. Д. ДеВиз подчеркивает, что именно с правления хана Узбека началось подобное восприятие, приводя в подтверждение мнения Чарльза Гальперина, Владимира Ивановича Малышева, данные Полного собрания русских летописей (ПСРЛ) и других источников [2, р. 94].

Мари Фаверо в анализе политики Золотой Орды в отношении русских княжеств отмечает, что до правления Узбека ордынские ханы придерживались стратегии невмешательства. Однако влияние Узбека на русскую политику оказалось столь значительным, что привело к масштабным историческим изменениям [3, р. 302]. Схожей позиции придерживается Г. Вернадский в своем труде «The Mongols and Russia» («Монголы и Русь»), где он указывает, что политика Узбека была менее конструктивной, чем у Токты. Последний стремился предотвратить консолидацию русского государства, поддерживая баланс между Москвой и Тверью [4, р. 199].

Лео де Хартог, опираясь на исследования Г. Вернадского, в своем труде «Russia and the Mongol Yoke» («Русь и Монгольское иго») четко разграничивает владения Узбека и земли русских княжеств, указывая на различие «между населением его государства и русскими» [5, р. 79]. Кроме того, де Хартог, опираясь на немецкую историографию в лице Бертольда Шпулера, Пауля Ниче и Эккехарда Клюга затрагивает сюжет со сменой фокуса хана Узбека на русские земли после того, как был установлен мир между Улусом Джучи и Ильханидским Ираном. В этот период обостряется противостояние между Тверью и Москвой, и хан поддерживает московского претендента Юрия Даниловича, оказывая ему высокую честь – отдавая в жены свою сестру Кончаку (в крещении Агафья).

Аналогичную точку зрения выражает М. Фаверо, отмечая, что выдача ханской сестры замуж за князя свидетельствует о большом уважении к русским, поскольку «монголы неохотно отрывали своих дочерей от степного мира» [3, р. 303]. В стремлении получить титул великого князя Юрий Данилович выступает против Твери, имея

поддержку ордынских войск под предводительством Кавгадыя. В этом сражении тверской князь Михаил Ярославич одерживает победу, но его попытка заручиться поддержкой ордынских войск оказывается безуспешной. В ходе битвы погибает ханская сестра Кончака.

Однако в отношении титула Кавгадыя существуют неточности: Мартин Джанет называет его «general», что не совсем точно передает его статус [6, р. 130]. М. Джанет является автором «Medieval Russia, 980–1584» («Средневековая Русь, 980–1584»), где лишь кратко рассматривается период правления Узбека. Она проводит четкое разграничение между русскими княжествами и Золотой Ордой, называя их «the land of Rus'» в контексте дипломатических и торговых отношений улуса Джучи при Узбеке, несмотря на их экономическую зависимость [6, р. 131]. Это явление она обозначает термином «Mongol suzerainty», что можно перевести как «монгольский сюзеренитет» [7, р. 221]. В свою очередь, Ч. Гальперин предлагает иную интерпретацию, называя русские княжества «вассальным государством» (vassal state) [8, р. 54].

В междоусобный конфликт русских княжеств вмешивается православная церковь, представителем которой выступает новгородский епископ. Он советует князьям отправиться в Сарай, чтобы лично изложить хану свои взаимные претензии. По рекомендации ханского посла Кавгадыя, в 1318 г. стороны отправляются в столицу Улуса Джучи. На суде Михаилу предъявляют обвинения в уклонении от выплаты дани, сопротивлении ханскому послу Кавгадыю, а также в причастности к смерти ханской дочери Кончаки. Приговор выносится в конце 1318 г. – тверского князя казнят. Опираясь на данные Новгородской первой летописи, М. Фаверо уточняет дату казни – ноябрь 1318 г. Михаил был погребен вблизи Дербента на Кавказе, однако позже его останки были перевезены в Тверь, где он был канонизирован православной церковью. Л. де Хартог в этом вопросе снова обращается к работам немецких историков, в частности Д. Фенеля, П. Ниче и Э. Ключа. Несмотря на то, что Юрий Данилович сохранил великокняжеский ярлык, Золотая Орда начала военный поход в русские земли из-за задолженности по дани. М. Фаверо отмечает, что именно при Узбеке был нарушен династический принцип наследования власти [3, р. 307; 5, р. 85]. Соседние князья Твери, Пскова, Белоозера, Ярославля и Ростова воспринимали московскую династию Даниловичей как узурпаторов и предпочитали подчиняться хану, нежели московскому князю. Воспользовавшись ситуацией с невыплатой дани Юрием, тверской князь Дмитрий Михайлович Грозные Очи отправляется к Узбеку, стремясь получить ярлык на великое княжение.

Более детально эти события рассматриваются в работе М. Джанет. В 1322 г., пока Юрий

находился в Новгороде, Дмитрий отправился в Золотую Орду и получил от хана Узбека ярлык на владение Владимиром. В том же году Иван Данилович сопровождал военный поход ордынского чиновника Ахмыла на Ярославль и Ростов, что вызвало возмущение ростовских князей. Юрий, собрав казну, которую, по мнению М. Джанет, он накопил в Новгороде, направился в Золотую Орду. Однако на пути его подстерег Александр Михайлович, брат Дмитрия, который похитил деньги. Оставшись без средств, которые можно было бы предложить хану, Юрий был вынужден скрыться сначала в Пскове, а затем вновь укрыться в Новгороде. Тем временем в Сарае одновременно оказались и Дмитрий, и московский князь Юрий. Дмитрий, желая отомстить за смерть своего отца, убивает Юрия, что вызывает гнев Узбека [6, р. 134]. По мнению Л. де Хартога, в этом эпизоде возникает проблема интерпретации сурового наказания Дмитрия за убийство Юрия. Автор задается вопросом: «Почему Дмитрий был столь жестоко наказан за это убийство?» [5, р. 82]. Мартин Джанет предполагает, что хан Узбек приказал казнить Дмитрия, расценив его поступок как грубое и недопустимое преступление против Юрия [7, р. 195].

В 1327 г. племянник хана Узбека Чолхан с вооруженным отрядом направился на Тверь, возможно, с целью сбора дани, как предполагает Л. де Хартог. Он также отмечает жестокость ордынских войск по отношению к местным жителям. Вспыхнуло восстание, после чего московский князь Иван Данилович (Калита) отправился в Сарай, а затем вернулся с ордынским войском для его подавления [5, р. 83]. Ч. Гальперин считает, что целью похода Чолхана был не только сбор дани, но и набор рекрутов для войны против Ильханидов в Азербайджане. По его мнению, неосмотрительное поведение Чолхана стало причиной волнений в Твери, особенно с учётом недавней казни тверского князя и его сына [8, р. 160]. Летописи, охватывающие период между смертью Батые и Куликовской битвой, подчёркивают религиозный аспект русско-ордынских конфликтов. Это характерно и для описания восстания 1327 г. Два тверских источника начала XIV в. – «Житие Михаила Тверского» и «История Александра и тверского восстания» – придерживаются религиозно-враждебного взгляда на татар, игнорируя реальные политические отношения между Русью и Ордой. Этот подход, наряду с тем, что восстание 1327 г. никак не ослабило власть Золотой Орды, ставит под сомнение тезис о нём как о шаге к «национальному освобождению» [9, р. 102]. В то время Улус Джучи находился на пике своего могущества, и военный конфликт мог привести к катастрофе. Лишь в конце XIV в. внутренние распри ослабили Золотую Орду, что в итоге привело к Куликовскому сражению, пишет Ч. Гальперин в книге «The

Tatar Yoke: the image of the Mongols in medieval Russia» («Татарское иго: образ Монголов в средневековой Руси»). Он также подвергает критике работу В. Г. Карцова «Антиордынская политика Тверского княжества» (1974), считая её «некритичной и местами экстравагантной» [9, р. 190]. М. Джанет отмечает, что в 1331 г. Иван Данилович получил ярлык на княжение, представ перед ханом с ценными дарами и заверением в выплате дани [7, р. 196]. Ч. Гальперин в книге «Russia and the Golden Horde» («Русь и Золотая Орда») скептически относится к трактовке Тверского восстания 1327 г. Он указывает, что исследователи зачастую упускают региональные различия в политике Орды и не учитывают, что баскаки занимались не только сбором дани, но и разведкой и надзором. Тезис о подавлении восстания в знак уважения к московским князьям представляется неубедительным, поскольку первые достоверные сведения о сборе дани русскими князьями относятся лишь к третьей четверти XIV в. [9, р. 197]. С 1327 г. единой системы престолонаследия не существовало, и судьба великого княжения зависела от воли Улуса Джучи.

Княжение Юрия и Ивана Даниловичей стало возможным благодаря поддержке хана Узбека, отмечает исследователь М. Фаверо [3, р. 309]. Именно с правления Ивана Даниловича начинается постепенный подъем Москвы. По мнению Л. де Хартога, ордынский фактор оказал значительное влияние на возвышение Московского княжества. С времен Александра Невского московские князья признавали власть хана и его ограничения [5, р. 86]. М. Джанет выделяет две ключевые причины роста влияния Москвы, одной из которых является роль Золотой Орды. «Поскольку Даниловичи не обладали династической легитимностью, их власть полностью зависела от монгольского хана как единственного источника их правления. Эти два фактора определяли и объясняют политику Ивана Калиты (1331–1340), а также его сыновей и преемников – Семена (1340–1353) и Ивана II (1353–1359). Эта политика заключалась в подчинении Золотой Орде и утверждении власти над Новгородом. Одновременно они стремились привлечь новые внутренние источники поддержки и создать дополнительные основы легитимности», – пишет исследователь [7, р. 196]. По мнению автора, изменение внешнеполитического курса хана Узбека в начале XIV в. объясняется беспорядками в государствах Восточной Европы и усилением османов, которые расширяли свое влияние на Балканах. Ослабление власти Золотой Орды в этом регионе вынудило Узбека переключить внимание на русские княжества. Иван Данилович (Калита) получил право сбора дани и перенял монгольскую систему учета и налогообложения. Ссылаясь на исследования Б. Шпулера и Ч. Гальперина, автор отмечает, что эта система была «более эксплуататорской, чем любая известная

в России» [7, р. 197]. При Иване Калите борьба между Москвой и Тверью продолжалась. В 1338 г. тверской князь Александр получил титул великого князя. Однако, по мнению автора, хан Узбек казнил князя и его сына Федора под влиянием Ивана Калиты. У хана не было веских оснований для этой казни, поскольку назревал конфликт с Литвой, и тверской князь мог бы сыграть роль посредника. Основными методами московских князей в борьбе с соперничающими княжествами были подкуп, клевета и предательство [7, р. 198].

Ордынцы придерживались стратегии «divide et impera», поддерживая более слабую сторону в противостоянии, где Москва уступала Твери. Опираясь на немецкую историографию, Л. де Хартог отмечает, что такие отношения можно рассматривать в современных терминах как коллаборационизм [5, р. 86]. Золотая Орда не могла оставаться безучастной к нарастающему влиянию Литвы с запада и была вынуждена заключить союз с Москвой, поскольку это соответствовало интересам обеих сторон. Позиции Москвы при Иване Калите во многом укрепились благодаря предоставленному праву сбора дани и умению убедить ордынского хана в своей абсолютной лояльности политике улуса Джучи. Кроме того, М. Джанет, ссылаясь на А. Н. Насонова, указывает, что Иван Данилович значительную часть своего правления провел в ставке хана Узбека – в Сарае. В условиях династических споров между московскими, суздальскими и тверскими князьями за великое княжение хан Узбек сделал выбор в пользу московского князя Семена [7, р. 199].

Рассматривая западные границы Золотой Орды, в частности взаимоотношения с Галицко-Волынским княжеством, следует отметить работу Питера Джексона «The Mongols and the West, 1221–1410» («Монголы и Запад, 1221–1410»). В своем труде П. Джексон называет территорию Галицко-Волынской Руси Рутенией (Ruthenia) [10, р. 205]. Галицкий князь Юрий II Болеслав, сохраняя зависимость, установленную его предшественниками Юрием I и Андреем, продолжал выплачивать дань Золотой Орде, несмотря на заключение союза с Тевтонским Орденом в 1327 г. В целом политика Галицко-Волынского княжества развивалась в двух направлениях: с одной стороны, власть князя Юрия II Болеслава, который симпатизировал латинизации и католичеству, а с другой – влияние аристократии во главе с видным боярином Дмитрием Детько, выступавшим против латинизации и поддерживавшим союз с Золотой Ордой. Польский хронист Янко из Чарнкова сообщает, что в 1340–1349 гг. ордынцы совершили разорительные походы в Сандомирскую область и предприняли безуспешную осаду Люблина, пока польский король Казимир III не остановил их на Висле. П. Джексон, помимо прочих источников,

ссылаются на исследования Кнолла и Райса, а также на польские летописи «Rocznik Traski», Хронику Яна из Чарнкова и хронику Иоганна из Винтертура [10, р. 210]. После прихода к власти литовского князя Любарта Гедиминовича Золотая Орда не смогла вернуть Галицию в сферу своего влияния. Потеря контроля Орды над этими территориями подтверждается титулом Казимира III «Polonie et Russie rex», что переводится как «Король Польши и России».

Анализируя работы англоязычных историков, посвященные политике хана Узбека в отношении русских княжеств, можно заключить, что эта тема рассматривается преимущественно в контексте политической истории. В центре внимания находятся вопросы династической истории князей, военные кампании, а также их деятельность в ставке хана в Сарае. Ограниченность материала у англоязычных исследователей объясняется дефицитом источников по русско-ордынским отношениям. Основным доступным материалом остаются русские летописи, а в меньшей степени – польские хроники, которые лишь вскользь упоминают деятельность хана Узбека в Галицко-Волынской Руси. Статус русских земель англоязычные историки трактуют как отдельный от владений Джучидов, но находящийся в зависимости в рамках сюзеренитета. Л. де Хартог рассматривает улус Джучи и русские княжества как две разные политические структуры, а М. Джанет также разделяет земли Руси и Золотую Орду, определяя эти отношения как «монгольский сюзеренитет». В свою очередь, Ч. Гальперин характеризует Русь как «вассальное государство». Придерживаясь исторического ревизионизма, Ч. Гальперин подвергает критике устоявшиеся взгляды на причины и значение Тверского восстания 1327 г. Кроме того, в англоязычной историографии подчеркивается

значительная роль Золотой Орды в укреплении и возвышении Московского княжества. Этой точки зрения придерживаются такие исследователи, как М. Фаверо, Г. Вернадский и М. Джанет.

Список литературы

1. История татар с древнейших времен : в 7 т. Т. 3 : Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / гл. ред. М. Усманов, Р. Хакимов. Казань : Изд-во Института истории АН Республики Татарстан, 2009. 1051 с.
2. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde : Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 1994. 638 p.
3. Favereau M. The Horde: How the Mongols changed the world. Cambridge, Massachusetts : The Belknap press of Harvard University Press, 2021. 490 p.
4. Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven, Connecticut : Yale University Press, 1953. 461 p.
5. De Hartog L. Russia and The Mongol Yoke : The history of the Russian Principalities and the Golden Horde, 1221–1502. London : British Academic Press, 1996. 211 p.
6. Martin J. North-eastern Russia and the Golden Horde (1246–1359) // The Cambridge History of Russia : in 3 vols. Cambridge, England : Cambridge University Press, 2008. Vol. 1. P. 127–157.
7. Martin J. Medieval Russia 980–1584. Second edition. New York : Cambridge University Press, 2007. 507 p.
8. Halperin C. J. Russia and the Golden Horde : The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington : Indiana University Press, 1987. 192 p.
9. Halperin C. J. The Tatar Yoke: The image of the Mongols in medieval Russia. Bloomington, Indiana : Slavica Publishers, 2009. 239 p.
10. Jackson P. The Mongols and the West: 1221–1410. London ; New York : Routledge, 2005. 448 p.

Поступила в редакцию 01.03.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 27.06.2025; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 01.03.2025; approved after reviewing 05.03.2025; accepted for publication 27.06.2025; published 28.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 482–487

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 482–487

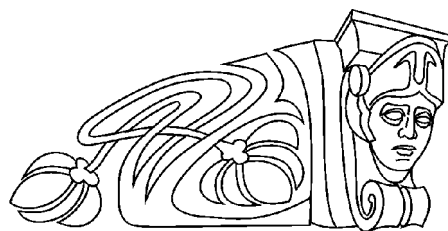
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-482-487>, EDN: HMPVJA

Научная статья

УДК [061.251:316.75](410)|15/16|+929[Мор+Бекон]

Становление ранней масонской идеологии в Англии XVI–XVII вв.

С. Е. Киясов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Киясов Сергей Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, sergeykiyasov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7474-8105>, AuthorID: 510777

Аннотация. Статья посвящена вопросам становления и эволюции ранней масонской идеологии в Англии. Основное внимание уделено утопическим произведениям Т. Мора и Ф. Бэкона, оказавшим влияние на реформаторов движения «вольных каменщиков» Лондона, авторов книги масонских «Конституций».

Ключевые слова: Англия XVI–XVII вв., Т. Мор, Ф. Бэкон, масонство, идеология масонства, Великая ложа Лондона, книга масонских «Конституций»

Для цитирования: Киясов С. Е. Становление ранней масонской идеологии в Англии XVI–XVII вв. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 482–487. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-482-487>, EDN: HMPVJA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The formation of early Masonic ideology in England in the 16th and 17th centuries

S. E. Kiyasov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Sergey E. Kiyasov, sergeykiyasov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7474-8105>, AuthorID: 510777

Abstract. The article is devoted to the issues of formation and evolution of early Freemasonry ideology in England. The main attention is paid to the utopian works of T. More and F. Bacon, who influenced the London Freemasons movement, the authors of the book of Masonic Constitutions.

Keywords: England of the XVI–XVII centuries, T. More, F. Bacon, Masonry, Freemasonry ideology, Grand Lodge of London, the book of Masonic Constitutions

For citation: Kiyasov S. E. The formation of early Masonic ideology in England in the 16th and 17th centuries. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 482–487 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-482-487>, EDN: HMPVJA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

24 июня 1717 г., после провозглашения Великой ложи Лондона и Вестминстера, начался отсчёт истории регулярного (философского) масонства [1]. Его идейные концепции, обрядовую культуру активно формировали и распространяли члены научного Королевского Общества (Royal Society), мечтавшие о появлении в стране и в Европе влиятельного, широко распространённого просветительского сообщества. По замыслу организаторов, его участники должны были примирить и сплотить все слои населения Великобритании, пережившей потрясения недавних революционных событий, а также способствовать становлению нового, «идеального» государства [2].

Наибольший вклад в создание обновлённого масонского Братства внесли Джон Теофил Дезагюлье (1683–1744) и Джеймс Андерсон (1679–1739). В целях предупреждения непонимания своей миссии со стороны властей и общества, вожди «вольных каменщиков» сделали ставку на издание и широкое распространение книги масонских «Конституций». На страницах «масонской Библии» планировалось изложить историю Братства, а также сформулировать основополагающие принципы и направления его будущей деятельности. Работа над текстом книги была поручена пастору Джеймсу Андерсону осенью 1721 г. Первое издание «Конституций» увидело свет в начале 1723 г. [3]. После изгна-

ния с поста Великого мастера Филиппа Уортона, убеждённого якобита и оппозиционера Ганноверской династии, новые лидеры Великой ложи Лондона потребовали обязательного исполнения постановлений «Конституций» всеми масонскими структурами: национальными и заграничными [4, с. 177].

Известно, что история рождения масонства перенасыщена мифами и легендами, многие из которых – плод внутренних усилий руководителей Братства. К примеру, патриархи движения, авторы исторического очерка книги «Конституций», отнесли его истоки к Ветхозаветным временам, настаивая на более древнем происхождении масонства по сравнению с христианством. Не случайно в книге «Конституций» утверждается, что библейский Адам был первым «вольным каменщиком» [3, р. 1].

Не менее загадочной представляется тема происхождения и формирования мировоззренческих концепций масонского Братства [5]. Так, попытка отнести начало движения к Ветхозаветным временам поставила перед авторами книги «Конституций» дополнительные, не менее важные вопросы. В частности, следовало объяснить, каким образом масонам удалось сохранить «Истинный Свет» и «Божественную Премудрость», полученные из рук Создателя. Согласно убеждениям Джеймса Андерсона и его куратора Джона Теофила Дезагюлье, эта проблема издавна решалась путем передачи «сокровенных знаний» от поколения к поколению через «избранных людей», в качестве которых они рассматривали самих масонов [3]. Много позднее принятая первыми масонами так называемая примордиальная традиция была окончательно узаконена французским философом-метафизиком Рене Геноном. В своих работах, посвящённых тайнам эзотерических знаний, хранителями которых, по мнению Генона, являлись масоны, он указал на существование особых технологий передачи такой информации через посвящённых жрецов [6]. Современные исследователи не оставляют попыток отыскать следы таких контактов в системе эволюции общественно-политических воззрений эпохи Нового времени. В частности, английский историк Джон Хэмилл отметил наличие многочисленных сторонников системы «прочесывания» сочинений мыслителей прошлого на предмет выявления в них ранних масонских идей [7, р. 28].

Косвенным подтверждением древнего, универсального характера идеологии масонства, служит книга «Конституций». Её содержание пронизано самыми разнообразными философско-религиозными конструкциями о космосе, религии, природе, обществе и человеке. В этом перечне – присутствие традиций древних языческих верований, иудаизма, христианства, ислама и даже буддизма. Важнейшей отличительной чертой масонского мировоззрения стала тема прогресса, который направлен на благо всей

человеческой цивилизации и должен обеспечиваться в своём поступательном развитии усилиями интернационального сообщества ученых-интеллектуалов. По этой причине процесс поиска идейных предшественников масонства, который сам по себе требует отдельного исследования, нуждается в дополнительном уточнении и конкретизации. Безусловно, в эпицентре внимания заинтересованных исследователей должны находиться сочинения тех европейских писателей-гуманистов и просветителей, в которых содержались настойчивые призывы к фундаментальным переменам в области общественных отношений посредством усилий организованного сообщества просвещенных, «лучших людей». Не меньшего внимания заслуживают и те концепции, авторы которых прославляли ученость, науку и процесс познания.

В указанных направлениях поиска наиболее привлекательно творческое наследие англичан Томаса Мора и Фрэнсиса Бэкона, авторов знаменитых утопических трактатов. Важно сразу же подчеркнуть, что в данном случае речь не идёт лишь об анализе идеалов социального равенства, которые и привлекали в их творчестве историков общественно-политической мысли советских времён, пытавшихся подкрепить ортодоксальную идеологию научного коммунизма обращением к прошлому [8]. Подлинно исследовательское приобщение к идеям классиков утопического жанра высвечивает множество других, ранее не привлекавших к себе внимания сюжетов, которые, в частности, помогают воссоздать процессы зарождения ранней масонской идеологии.

Обращение к творческому наследию Т. Мора – это приобщение к началам масонской идеологии. Именно этот мыслитель первым утвердился в необходимости реформирования общественной жизни Англии «под присмотром» новой интеллектуальной элиты. За Ла-Маншем его сторонниками выступили такие корифеи гуманистической европейской общественно-политической мысли, как Т. Кампанелла, Н. Маккиавелли, Э. Роттердамский и Ж. Боден. Итогом европейской интеграции в интеллектуальной сфере под упомянутым высоким лозунгом, благодаря усилиям немецкого философа-эзотерика Иоганна Валентина Андреэ, стало рождение в 1622 г. Ордена розенкрейцеров [4, с. 191].

Однако территория Священной Римской империи германской нации, раздираемая в том числе и религиозными противостояниями, оказалась неподходящим местом для намечающейся интеллектуальной консолидации. Вскоре после завершения Тридцатилетней войны (1618–1648) розенкрейцеры прекратили свою пропагандистскую и практическую деятельность, а сам Орден вскоре распался. Дополнительными причинами его исчезновения как первого домасонского общеевропейского интеллектуального союза стали малочисленность участников и отсутствие

объединяющих организационно-обрядовых традиций. Впрочем, в списке руководителей этой организации, носивших титулы Настоятелей (Приоров), или Великих мастеров, значились весьма известные в Европе и Англии персоны: Роберт Фладд, Роберт Бойль, Исаак Ньютон, Чарльз Рэдклифф и даже Леонардо да Винчи [9, с. 392]. Отметим, что розенкрейцером был также Самуэль Хартлиб, предполагаемый, как и другой английский интеллектual Габриэль Плэттс, автор утопического трактата «Описание знаменитого королевства Макария» [10].

Пропагандируемые Т. Мором взгляды, несмотря на их опережающий время характер, опирались на солидную поддержку как на родине, так и за ее пределами. Известно, что будущий автор «Утопии» еще в период своего обучения в Оксфорде сблизился с кружком местных философов-гуманистов, участниками которого были, в частности, такие небезызвестные персоны в интеллектуальной среде Англии того времени, как Томас Линакр и Джон Коллет. Влиятельных единомышленников будущий классик утопического литературно-философского жанра имел и за границей. Исследователи биографии Т. Мора приводят внушительный список его внешних корреспондентов, среди которых значатся Эразм Роттердамский, Беат Ренан, Петр Эгидий, Гийом Бюде, Вильгельм Пиркхеймер [11].

Важно учитывать, что взгляды Т. Мора и нескольких предшествующих поколений английских гуманистов, родоначальником которых считается Джеффри Чосер (1340–1400), сформировались в Англии и стали отражением накопленных внутренних проблем, которые предсказывали неизбежность осуществления здесь серьезных социально-экономических и политических преобразований [12]. Их неумолимое приближение, которое и предрекали интеллектуалы, будоражило общественное мнение, оказывало решающее влияние на духовную жизнь всех слоёв населения. По сути, культурная элита страны втягивалась в обсуждение стратегических вопросов будущего развития Англии. Его активным участником и стал Томас Мор.

Небезынтересно, что Т. Мор отнюдь не был философом-мечтателем. Этот человек сумел осуществить и карьеру крупного государственного чиновника. В 1504 г. он стал депутатом английского парламента, а свою «Утопию», опубликованную в 1516 г. на латыни, завершил уже в качестве «гражданина и шерифа славного британского города Лондона». В 1529–1532 гг. Мор занимал пост лорд-канцлера Англии – одну из высших придворных должностей королевства. К сожалению, восхождение во власти, совпавшее с правлением английского короля Генриха VIII Тюдора, закончилось для принципиального и добродетельного чиновника трагически.

Будучи по вере убеждённым католиком, он отказался присягать королю как «верховному главе» новой для себя раскольнической англиканской церкви. После этого поступка Т. Мор был обвинен в государственной измене и казнен [13, с. 58].

На страницах своего трактата Томас Мор дал подробное описание идеального государственного строя на неизвестном для европейцев острове Утопия. В частности, автор рассказывал об отсутствии здесь частной собственности и обязанности для всех трудиться. Беспощадной критике были подвергнуты такие бедствия современного Мору общества, как «ненасытная жадность», «несправедливые законы», «бедность» [14, с. 128, 135].

Важное место в организации управления на родине Утопии, который населял более полусотни городов, занимали местные ученые, которых, однако, можно было «разжаловать» и превратить в обычных ремесленников. Все они были призваны обеспечить мирное существование и процветание островного государства. Ученые, образованные люди контролировали также процесс воспитания юных сограждан жителей удивительного островного государства [14, с. 188].

В контексте осмысления предыстории масонства показательно, что в романе Т. Мора упомянуто, наряду с другими, и ремесло строителей-каменщиков. Однако никаких специальных пояснений и комментариев в этой связи автор не сделал. Для него уважаемая «архитектурная» профессия не более предпочтительна, чем занятия суконщика или плотника [14, с. 183]. Этот момент подтверждает справедливость новейших исследовательских выводов о более позднем рождении мифологизированной истории таинственного ремесленно-философского цеха «вольных каменщиков» [4].

Крайне интересны высказывания Т. Мора относительно религиозных пристрастий жителей Утопии. Автор выступал за свободу вероисповедания, заявляя о недопустимости наказаний за религиозное инакомыслие. Он указал, что в каждом из городов острова можно без запретов исповедовать разные религиозные культы. При этом приоритетной для автора была идея единобожия. Как истинный христианин, он указывал на необходимость поклонения «единому Боже-ству», которое именовалось им как «Родитель», «Митра», «Бог-Творец и Создатель» [14, с. 228, 256]. Поддерживая принципы единобожия, писатель объявил «лживых прорицателей по звездам», то есть горячо почитаемых европейскими гуманистами магов и астрологов, «обманщиками» [14, с. 210]. По его словам, услышав об Иисусе Христе, жители острова с радостью приняли в свой Пантеон и этого божественного Посланника. Но идеалом государственного устройства для Мора являлась не теократия, а светское монархическое государство [14, с. 258].

Свои взгляды автор «Утопии» пытался сделать достоянием максимального количества людей. Для этого во втором издании книги, осуществленном в Базеле в 1518 г., появился алфавит языка, на котором общались жители острова. По замыслу Мора, он должен был (как средневековая латынь, позднее – эсперанто) стать культурно-лингвистическим основанием для грядущего объединения всего просвещенного человечества [15].

Идеи Т. Мора быстро перешагнули границы Англии. Так, в только что открытом Новом Свете они нашли применение в деятельности испанского миссионера Васко де Кирогги, создавшего аналоговые поселения-приюты для индейцев области Санта-Фе в Мексике [16]. Как уже было отмечено, активно Мора поддерживали европейские интеллектуалы и, в частности, автор романа «Город Солнца» Томмазо Кампанелла [17]. На родине, в Англии, сторонником «утопических» идей Томаса Мора стал не менее колоритный и яркий интеллектуал – Фрэнсис Бэкон (1561–1626).

В современной английской историографии деятельность Бэкона связывается с процессом так называемой «интеллектуальной революции», которая, по мнению современных исследователей, подготовила события последующего политического переворота – Английской революции [18]. Подобным образом представлены также творчество и практические усилия других английских интеллектуалов раннего Нового времени – С. Хартлиба, Т. Хаака, Дж. Дюри, Э. Кока и даже мореплавателя-пирата У. Рейли [18, р. 110, 130]. Впрочем, мировоззрение Бэкона заслуживает специального внимания, поскольку также содержит немалое количество совпадений с идейными концепциями будущих лидеров масонского движения.

Как и Т. Мор, Ф. Бэкон известен в Англии и за её пределами не только в качестве писателя и философа, но и как сановник самого высокого уровня. Он родился в 1561 г. в Лондоне, в семье лорда-хранителя печати, служившего королеве Елизавете I Тюдор. Фрэнсис получил блестящее юридическое образование и поступил на государственную службу, втайне надеясь повторить успехи своего родителя. В качестве чиновника при английском посольстве, он три года прожил в Париже (1576–1579). После смерти отца, которая заставила его вернуться в Лондон, Бэкон стал членом парламента. Однако по-настоящему успешная служебная карьера у него долго не складывалась. В итоге отпрыск богатой и влиятельной фамилии долгие годы был вынужден в целях самоутверждения заниматься не самым престижным для своего окружения литературно-философским творчеством.

Будучи поклонником идей Никколо Макиавелли и Мишеля Монтеня, Бэкон уже в 1597 г.

написал трактат под названием «Опыты и наставления нравственные и политические». Здесь начинающий мыслитель настойчиво утверждал, что «всеобщее распространение добродетели зависит от хорошего устройства общества». Развивая эту мысль в другом сочинении, он оперировал категориями «достижения всеобщей справедливости», «великого общественного блага», «гражданского общества», которые были чрезвычайно популярны в интеллектуальных кругах предреволюционной Англии [19, с. 507, 510]. С этого момента Ф. Бэкон ни на шаг не отступал от достижения своей главной цели: открыть путь к «возрождению» человека, способствовать избавлению его от «первородного греха», который лишил людей «владычества над созданиями природы» [20, с. 88]. Но преодолеть препятствия на пути прозрения человечества, по мнению Ф. Бэкона, было возможно лишь в будущем, опираясь на помощь искусств и наук. Однако, как утверждал философ, уже в текущем времени всем людям было необходимо максимально полно и правильно осознавать законы природы. Сам Бэкон, как человек политики и науки, с огромным энтузиазмом стремился овладеть природными силами с тем, чтобы направить их на удовлетворение потребностей современного ему общества. Не случайно значительное внимание в его начальных сочинениях было отведено категории «счастья» и способов его достижения – этике. Бэкон характеризовал науку о нравственности, или «философию нравов», главной частью любой философии, поскольку она имела прямое отношение к формированию и воспитанию человека будущего. Мыслитель всячески превозносил личные усилия каждого индивида, направленные на то, чтобы при помощи знаний изменить и заново сформировать собственную личность [19, с. 479, 485]. Отметим, что мировоззрение Бэкона вовсе не было оторвано от окружающей действительности. Напротив, его взгляды и рекомендации были привязаны к реалиям становления нового, капиталистического уклада в Англии. Не случайно он возвел предприимчивость и личный успех в категорию общественных добродетелей. Философ оправдывал обогащение, прославлял колониальную экспансию, торговлю и мореплавание. При этом процесс накопления богатства, по мнению Бэкона, должен был соединяться с добродетельным поведением и общим благом. В то же время автор считал, что распространение нравственных категорий напрямую зависит от качества правления, а в решении этого вопроса главная роль отводилась им монархической власти. Он утверждал, что сильный король должен был способствовать принятию «добрых и разумных законов» и прислушиваться к советам «мудрых людей» [21, с. 5, 45]. Для подкрепления своих теорий автор нравоучительных трактатов постоянно обращался к событиям и героям античных времён, а также

к научным достижениям величайших мыслителей прошлого [21, с. 187–199].

Вскоре интеллектуальные заслуги Ф. Бэкона были подкреплены и усилены новым витком государственной карьеры. Взлет на вершины власти пришелся в его жизни на время правления короля-учёного Якова I Стюарта. В 1607 г. монарх сделал Бэкона генералом-солиситором, то есть главным адвокатом короны [22, с. 213]. В 1616 г. Ф. Бэкон был введён в состав королевского Тайного совета. С 1617 г. – он лорд-хранитель Большой печати. Наконец, в 1618 г. король сделал своего ближайшего советника канцлером и пэром Англии. Высокие назначения сопровождалась передачей Бэкону титулов барона Веруламского и виконта Сент-Олбанского [22, с. 214].

Политические катаклизмы, настигшие Англию в связи с противостоянием Стюартов и парламента, не обошли стороной персону канцлера-учёного. Очередное столкновение короля-шотландца с оппозиционно настроенными парламентариями-англичанами привело к падению влияния Ф. Бэкона. В 1621 г. преданный соратник короля был окончательно скомпрометирован, а затем арестован, осужден и заключен в Тауэр. Лишь два года спустя опальный Бэкон был амнистирован, но без права возвращения на государственную службу [23, с. 74–75]. Пребывая в безвестности, Фрэнсис Бэкон умер 9 апреля 1626 г.

Завершающий период жизни Фрэнсиса Бэкона, несмотря на сложности развития его государственной карьеры, был также отмечен философскими изысканиями и достижениями. Именно в это время он, признанный идеолог класса собственников-буржуа Англии, сумел заявить о себе в качестве устроителя общества и государства будущего, построенных по правилам открытых им научных законов. Визитной карточкой такого государства, управляемого, как и Утопия, не только королём, но и сообществом интеллектуалов, стало описание «счастливого острова» Бенсалем или Новой Атлантиды.

Вне всяких сомнений, для новых исканий у Ф. Бэкона были весьма веские причины. В последние годы жизни он был особенно сильно озабочен состоянием общественных нравов. Конфликты в стране нарастали, и вопросы всеобщего просвещения в целях консолидации и умиротворения английского социума, находившегося «на переломе», приобретали особую ценность. Стремясь дать свои рекомендации по предотвращению надвигающейся на Англию трагедии, философ и политик приступил к написанию научной утопии, незаконченный фрагмент которой был обнаружен в его бумагах после смерти.

К этому времени ученый-естествоиспытатель и лорд-канцлер Фрэнсис Бэкон окончательно заявил о себе в качестве сторонника секуляризации науки. При этом он сохранял

безусловную преданность христианской вере, почитая Бога в качестве источника Добра и отца Света [20, с. 100]. Такую же позицию занимали ученые с придуманного им далекого острова Бенсалем – Новой Атлантиды. Важно отметить, что они действовали, пребывая в структурах «Ордена Соломонова Храма», или «Коллегии шести дней творения». Его члены стремились к духовному обогащению человечества и к усилению своей власти над природой [24, с. 22]. Тайные эмиссары этого просветительского сообщества, названного в честь древнего царя иудеев, разъезжали в поисках знаний по всему миру. В частности, они добывали книги и материалы для собственных научных исканий («торговцы светом»). Другие члены Ордена («пионеры», «компиляторы» и прочие «посвящённые») обрабатывали, систематизировали полученную информацию. Их деятельность связывалась строгой клятвой на предмет сохранения внутренних тайн организации, а также сопровождалась исполнением гимнов, литургий и символических обрядов [24, с. 41–42]. За пределами Ордена, что особенно важно отметить, находились многочисленные слуги обоих полов, а также «непосвященные» и «ученики». Все они, как и будущие adepts масонских лож, проходили процесс обучения для последующего перемещения в структуры управляющего Ордена [24, с. 42–44].

Таким образом, многие рекомендации Ф. Бэкона по вопросам возрождения духовности человека совпали с более поздними мировоззренческими приоритетами и деятельностью руководителей масонского движения Англии. Эти «пересечения» – сакрализацию принципов креационизма, необходимость создания закрытой просветительской организации, провозглашение лояльности к действующей власти – отметили многие исследователи, в числе которых американец А. Уайт [25, с. 40] и француз А. Лантуан [26, р. 87].

Становление ранней масонской идеологии в Англии явилось событием закономерным, объективным. Оно обусловлено предчувствием нескольких поколений британских мыслителей тех кризисных событий в истории своей страны, которые свершились в хронологии XVI – первой половины XVIII в. [27–29]. Несомненно, что мировоззрение будущих участников движения «вольных каменщиков» было подкреплено прозорливыми оценками и установлениями их предшественников. Позднее, в процессе конституирования обновлённого масонского движения, английские интеллектуалы-просветители заявили о рождении новой программы преобразования человечества. Важнейшим и безусловно опорным её компонентом, как и во времена Т. Мора и Ф. Бэкона, стала вера в Бога (в масонской интерпретации – в Великого Архитектора Вселенной). Помимо этого, была подтверждена необходимость также провозглашённого ранее

создания транснационального союза интеллектуалов – Ордена «вольных каменщиков». После провозглашения нового государства, королевства Великобритании, эта организация наделила себя правом оказывать содействие осуществлению аналогичных, объявленных а priori эталонными перемен во внешнем мире.

Список литературы

1. Calvert A. F. The Grand Lodge of England. London : Herbert Jenkins Limited, 1917. 412 p.
2. Weisberger R. W. Speculative freemasonry and the Enlightenment. A study of the craft in London, Paris, Prague and Vienna. New York : Columbia University Press, 1993. 243 p.
3. The Constitutions of the Free-Masons. Containing the History, Charges, Regulations, &c. of that most Ancient and Right Worshipful Fraternity. For the Use of the Lodges. London : Printed by William Hunter, for John Senex at the Globe, and John Hooke, 1723. 91 p.
4. Киясов С. Е. Масонство в эпоху Просвещения (гене-зис, идеология, эволюция, статус). СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. 398 с.
5. Naudon P. Histoire général de la Franc-Maçonnerie. Paris : Office du Livre, 1987. 251 p.
6. Генон Р. Символы священной науки / пер. с фр. Н. Тир-рос. М. : Беловодье, 2004. 480 с.
7. Hamill J. The History of English Freemasonry. Addlestons : Lewis Masonic Books, 1994. 210 p.
8. Володин А. И. Утопия и история. Некоторые про-блемы изучения домарксистского социализма. М. : Политиздат, 1976. 270 с.
9. Браун Д. Код да Винчи / пер. с англ. Н. В. Рейн. М. : АСТ, 2004. 455 с.
10. Павлова Т. А. Споры вокруг «Макарии» // История социалистических учений / отв. ред. Л. С. Чиколени. М. : Наука, 1989. С. 122–130.
11. Осиновский И. Н. «Утопия» Томаса Мора в Ан-глии XVII века // История социалистических учений / отв. ред. Л. С. Чиколени. М. : Наука, 1989. С. 163–189.
12. Сапрыкин Ю. М. От Чосера до Шекспира: этические и политические идеи в Англии. М. : Издательство МГУ, 1985. 192 с.
13. Кучеренко Г. С. Исследования по истории обще-ственной мысли Франции и Англии (XVI – первая половина XIX в.). М. : Наука, 1981. 318 с.
14. Мор Т. Утопия / пер. с лат. Ю. М. Каган. М. : Наука, 1978. 414 с.
15. Осиновский И. Н. Томас Мор. М. : Мысль. 1985. 174 с.
16. Мордвинцев В. Ф. «Правила и ордонансы» Васко де Кирог и «Утопия» // История социалистических учений / отв. ред. Л. С. Чиколени. М. : Наука, 1989. С. 155–180.
17. Кампанелла Т. Город Солнца / пер. с лат. Ф. А. Пет-ровского. М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1947. 175 с.
18. Hill Ch. Intellectual origins of the English revolution. Oxford : Clarendon Press, 1965. 333 p.
19. Бэкон Ф. Новый Органон / ред. и вступ. ст. Г. Тымян-ского ; пер. С. Красильщикова. Л. : ОГИЗ-Соцэкгиз, 1935. 582 с.
20. Бэкон Ф. Великое восстановление науки // Сочи-нения : в 2 т. / сост., общ. ред. и вступит ст. А. Л. Субботина ; пер. Н. А. Федорова, Я. М. Боров-ского. М. : Мысль, 1971. Т. 1. 590 с.
21. Бэкон Ф. История правления Генриха II / ст. и общ. ред. М. А. Барга ; пер. В. Р. Рокитянского, Н. А. Фе-дорова, А. Э. Яврумяна ; коммент. В. Р. Рокитянского. М. : Наука, 1990. 350 с.
22. Барг М. А. Историзм Фрэнсиса Бэкона // Бэкон Ф. История правления Генриха II / ст. и общ. ред. М. А. Барга ; пер. В. Р. Рокитянского, Н. А. Фе-дорова, А. Э. Яврумяна, коммент. В. Р. Рокитянского. М. : Наука, 1990. С. 200–249.
23. Юм Д. Д. Англия под властью дома Стюартов : в 2 т. / пер. с англ. А. А. Васильева, под общ. ред. С. Е. Фе-дорова. СПб. : Алетейя, 2001. Т. 1. 563 с.
24. Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические / пер. с англ. З. Е. Алек-сандровой. М. : Издательство АН СССР, 1954. 238 с.
25. Уайт А. Э. Новая энциклопедия масонства (велико-го искусства каменщиков) и родственных таинств: их ритуалов, литературы и истории / пер. с англ. С. Б. Квиткин, В. В. Кирющенко, М. В. Колопотин, А. Б. Гузман. СПб. : Лань, 2003. 480 с. (Мир культу-ры, истории и философии).
26. Lantoin A. Histoire de la Franc-Maçonnerie française. La Franc-Maçonnerie cher elle. Paris : Nourry, 1925. 514 p.
27. Лабутина Т. Л., Ковалев М. А. Британские интел-лектуалы эпохи Просвещения: от маркиза Галифакса до Эдмунда Бёрка. СПб. : Алетейя, 2020. 462 с.
28. Егоров А. А. История Англии : в 2 ч. Ч. 2 : Англия в Новое время. XVII век. Ростов-н/Д. ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2021. 390 с.
29. Ковалев М. А. У истоков консерватизма в Ан-глии: общественно-политические взгляды ранних тори (1714–1760 гг.). СПб. : Алетейя, 2024. 360 с.

Поступила в редакцию 18.05.2025; одобрена после рецензирования 22.05.2025; принята к публикации 27.06.2025; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 18.05.2025; approved after reviewing 22.05.2025; accepted for publication 27.06.2025; published 28.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 488–495

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 488–495

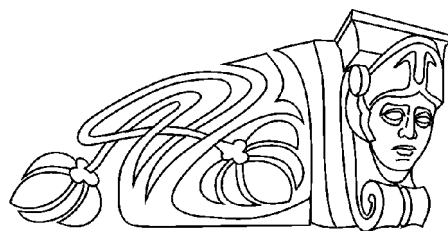
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-488-495>, EDN: JUPQPB

Научная статья

УДК 94(410:44)|17|+821.111.09-2+929Шекспир

Сотворение Барда. Поиски национальной идентичности в английской культуре XVIII в.

Н. С. Креленко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Креленко Наталия Станиславовна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, krenkon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7691-6811>, AuthorID: 356277

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы поисков «мест памяти», вариантов национальной самоидентификации в английской культуре эпохи Просвещения. Показано, что многолетнее англо-французское политическое соперничество препятствовало использованию опыта континентальных соседей в искусстве, а давняя традиция исторического жанра, представляющего вневременные вечные этические ценности, практически исчерпала себя. Деятели английской культуры обратились к национальному культурному наследию в сфере театрального искусства, канонизировав личность и творчество одного из драматургов рубежа XVI–XVII вв. У. Шекспира.

Ключевые слова: Англия, Франция, соперничество, Просвещение, исторический сюжет в искусстве, театр, самоидентификация, места памяти, У. Шекспир

Для цитирования: Креленко Н. С. Сотворение Барда. Поиски национальной идентичности в английской культуре XVIII в. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 488–495. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-488-495>, EDN: JUPQPB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The creation of the Bard: The search for national identity in 18th century English culture

N. S. Krenenko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Natalia S. Krenenko, krenkon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7691-6811>, AuthorID: 356277

Abstract. The article is devoted to the problem of searching for “places of memory”, variants of national self-identity in the English culture of the Enlightenment era. It is shown that the long-term Anglo-French political rivalry prevented the use of the experience of continental neighbors in art, and the long-standing tradition of the historical genre, representing timeless eternal ethical values, has almost exhausted itself. English cultural figures turned to the national cultural heritage in the field of theatrical art, canonizing the personality and work of one of the playwrights of the turn of the XVI–XVII centuries W. Shakespeare.

Keywords: England, France, rivalry, Enlightenment, historical plot in art, theatre, self-identification, places of memory, W. Shakespeare

For citation: Krenenko N. S. The creation of the Bard: The search for national identity in 18th century English culture. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 488–495 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-488-495>, EDN: JUPQPB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Политическое соперничество Великобритании и Франции на протяжении XVIII в. сопровождалось сложными взаимоотношениями в культурной жизни. Военные конфликты, имевшие место примерно через каждые 10–15 лет, были успешными для Великобритании. Исключение представляла только Бурбонская война, которая велась в рамках так называемой Войны

за независимость североамериканских колоний Великобритании.

При этом культурная жизнь островного королевства во многом опиралась на влияние, шедшее с континента, прежде всего из Франции. Пластические искусства (архитектура, скульптура, живопись) на протяжении предшествующего времени опирались на традиции континенталь-

ных стран, в том числе французские. Интересно, что обращение к итальянскому опыту в архитектуре (палладианство) не вызвало болезненной реакции, зато довольно сложно выглядела ситуация в сфере изобразительного искусства.

В XVII в. в европейской культуре сложилась иерархия жанров, согласно которой самым значимым признавался исторический жанр, сосредоточенный на изображении библейских и античных тем с позиций вневременных, вечных ценностей благородства, искренности, самоотверженности, жертвенности, великодушия. Во Франции Людовика XIV в рамках большого стиля торжественные «исторические» сцены, представляющие короля и его окружение в античных образах, блестяще представили установку на героизацию власти.

В английском обществе XVI–XVII вв. в условиях Реформации, а затем Революции исторический жанр не был востребован. Отдельные попытки обращения к исторической тематике, например, заказ Питеру Паулю Рубенсу на оформление плафона Банкетного зала во времена правления Карла I, общей тенденции не меняли. Только после того, как на рубеже XVII–XVIII вв. в Английском королевстве установилась прочная власть, наметился интерес к проблеме визуального воплощения этого феномена в искусстве, а вместе с тем интерес к зарубежному искусству, предлагающему образцы такого рода изображений. Примерами подобных вариаций на историко-аллегорические темы стали парадные портреты первых королей Ганноверской династии, написанные художником Джеймсом Торнхиллом (1664–1734).

Тогда же возродилась приостановленная в революционные десятилетия мода на коллекционирование картин заморских художников. Однако интерес к заморскому искусству в условиях постоянной политической конфронтации с обществом, являющимся носителем этого искусства, происходил на фоне поисков собственной культурной самоидентификации и «мест памяти», призванных обозначить представления общества о собственном прошлом. Поэтому одновременно обозначились две тенденции – интерес к художественным памятникам континентальной Европы и неприязненное отношение к ним.

Во главе этой кампании выступал живописец и график Уильям Хогарт (1697–1764), которого принято рассматривать в качестве первого великого английского художника. В своей «Автобиографии» Хогарт высказался по поводу обращения к исторической тематике весьма категорично: «...вековечный пафос и скучнейшие повторения затертых, избитых сюжетов Библии или нелепых историй языческих богов...» [1, с. 67].

На практике его позиция относительно исторической живописи довольно противоречива.

Среди его работ есть несколько написанных полностью в традициях классицизма. В частности, в 1736 г. он подарил два полотна госпиталю святого Варфоломея – «Силоамская купель» и «Милосердный самаритянин», каждое около 5 м в ширину и высоту.

Вполне оправданно звучит следующий отзыв на эти картины: «В них все есть, что полагается для исторических картин: красиво задрапированные фигуры, округлые жесты, мягкие тени на тщательно выписанных телах, парящий над купелью ангел, продуманная до мелочей взаимосвязь линий, трогательный (хотя и избитый) сюжет, благородный профиль Иисуса Христа... собрание хрестоматийных красот, повторение общих мест в искусстве» [2, с. 90].

Иначе выглядят написанные Хогартом в середине 1740-х гг. два полотна на историческую тематику. Одно из них, «Маленький Моисей перед дочерью фараона», предназначалось для Приюта для подкидышей, который организовал друг художника капитан Томас Корэм. Традиционно художники, обращавшиеся к этому сюжету, изображали, как малыша вылавливают из воды по распоряжению доброй царевны. А вот английский мастер представил эпизод, когда служанка подводит маленького оборвыша к сидящей в низком кресле даме. Она ласково протягивает руку перепуганному малышу, который ухватился за юбку служанки. Костюм царевны не ассоциируется с каким-нибудь определенным временем. На заднем плане видны городские дома, какие вполне мог видеть художник из своего окна. Ничего драматического не изображено на полотне, все выглядит вполне буднично и не исторично. Можно представить, что предшествовало этой сцене: богатая молодая женщина услышала с улицы детский плач и, будучи в добром настроении, приказала привести к себе плачущего ребенка, чтобы накормить, а может, и приютить его. Сюжет, подходящий для Дома подкидышей.

В том же бытовом ключе представлена сцена шествия короля Карла II Стюарта в мае 1660 г. по Чипсайду от Тауэра до Вестминстера. На переднем плане три всадника, едущие на зрителя, спокойно беседующие между собой. Эти три фигуры тщательно выписаны. Движущаяся за ними многочисленная свита, заполненные людьми балконы, украшенные коврами, многочисленная толпа, приветствующая монарха, – все это располагается позади и чуть намечено художником.

С точки зрения эстетики XVIII в. картина не закончена, но, если говорить о степени выразительности, она представляет подход, предполагающий противопоставление «героя» и «толпы». Главные персонажи, не замечающие восторженных приветствий встречающих, и толпа приветствующих, составляющих единую массу, фон. Вряд ли художник замышлял

создать такое впечатление, но создал его. Для нас важно отметить, что и в этом случае картина не может быть названа исторической в том значении, какое придавали этому слову современники Хогарта.

Таким образом, следует признать, что, обращаясь к историческому жанру, Хогарт или работал в традиционной манере, или отступал от высокого исторического подхода в сторону бытовизма.

Другой вариант национального подхода к историческому жанру предложил Джошуа Рейнолдс (1723–1792), мастер «героического портрета», изредка обращавшийся к исторической тематике, трактованной, можно сказать, «с улыбкой». Например, аллегорию «Младенец Геракл, удушающий змей» (1788) заказала Рейнолдсу императрица Екатерина II. На полотне малыш Геракл, окруженный взрослыми, но беспомощными персонажами, совершает свой первый подвиг, убивая подосланных коварной богиней Герой змей. Делает он это с той сосредоточенностью, с какой мальчишки ломают игрушки, чтобы разобраться, что там внутри.

Насмешливая игривость просматривается даже в «Проповедующем Иоанне Крестителе», где святой аскет представлен в виде пухлого малыша, опирающегося на белого барашка. Контраст между вскинутым к небесам пальчиком юного проповедника и ребячливостью его облика вызывают у зрителя чувство улыбочивого умиления. Столь же забавным выглядит проказник Пак, эльф из комедии «Сон в летнюю ночь». Один из первых зрителей, видевших это полотно, посетовал, что художник не посадил его на гриб [3, р. 35].

Справедливо сказано, что «этот веселый и буйный век не мог прожить без смеха...» [4, с. 117]. Кроме того, следует учитывать, что давняя традиция исторического жанра, представляющего вневременные вечные этические ценности, практически исчерпала себя.

Историческую живопись, соответствующую вкусам времени, предложил британскому обществу американско-английский художник Бенджамин Уэст (1738–1820), выходец из квакерской Пенсильвании, освоивший основы классицизма в Италии под влиянием И. Винкельмана и А. Менгса и работавший большую часть жизни в Лондоне под покровительством короля Георга III. Будучи в Риме, он проникся интересом к мифологической тематике. Среди десятков написанных им вариаций, представляющих нежных Венер, шаловливых Купидонов, заботливых Фетид, капризничающих Ахиллов, обескураженных своей удачливостью Парисов и прочих персонажей кокетливой мифологической живописи, удивляет несколько работ, выпадающих из этой тематики и намечавших новые пути трактовки исторической тематики.

На академической выставке 1771 г. Уэст представил полотно под названием «Смерть генерала Вольфа». На картине изображена гибель британского генерала Джеймса Вольфа в битве при Квебеке в 1759 г. Генерал умирает, за несколько мгновений до смерти услышав, что враг побежден. Композиция картины восходит к сценам оплакивания на полотнах эпохи Возрождения. Только руку умирающего держит не Мария Магдалина, а доблестный британский капитан. Генерал и окружающие его военные одеты в современную событиям униформу. «Эта картина была первой, на которой современная битва была представлена в современных костюмах, а не в греческих и римских» [5, р. 325].

Первоначальная реакция на такую трактовку исторического сюжета была неодобрительной. Ведь генерал Вольф воспринимался как национальный герой, а герою не пристало быть одетым в китель и бриджи. Свой подход художник так объяснил президенту Академии художеств Д. Рейнолдсу: «События произошли в 1759 году, в местах, неизвестных грекам и римлянам и в период времени, когда не было воинов, которые носили такие костюмы» [5, р. 325]. Позднее Рейнолдс согласился: «Я предвижу, что эта картина не только станет одной из самых популярных, но вызовет революцию в искусстве» [5, р. 325], и он оказался прав, но этот подход возобладал позднее.

Следует признать, что национального варианта исторической живописи в английском обществе середины XVIII в. не сложилось. Однако в условиях, когда в обществе нарастала потребность культурной самоидентификации, был найден другой вариант решения этого вопроса.

Искусство слова, особенно театральное искусство, имело в Англии давнюю и вполне самостоятельную историю. На протяжении XVII в. Шекспир был одним, но далеко не первым из числа востребованных драматургов наряду с Б. Джонсоном, Т. Флетчером, Д. Драйдемом и др. Показательно, что рост популярности Шекспира совпал с ускорением перехода общества от устной к книжной культуре.

В течение XVII в. пьесы Шекспира переиздавались 4 раза (1623, 1632, 1663, 1685 гг.). В 1709 г. вышли 6 томов пьес Шекспира с его биографией. Издание было подготовлено драматургом Н. Роу, который попытался разделить текст пьес на отдельные сцены, указал список действующих лиц, а также исправил на современный лад орфографию и пунктуацию текстов. Следующее издание шекспировских пьес, подготовленное поэтом А. Поупом, несколько иначе «исправленное и дополненное» согласно вкусам Просвещения, появилось в первой половине 1720-х гг. А затем с интервалом в несколько лет появились новые издания, подготовленные Л. Теобальдом, Т. Ханмером и Д. Стивенсом.

Каждый из издателей критиковал своих предшественников и исправлял шекспировские тексты, стараясь одновременно воссоздать исходное, подлинное, по возможности, согласовав его творения с нормами эстетики классицизма.

Становлению и распространению интереса к творчеству поэта-елизаветинца, переросшего в национальный и общеевропейский «культ Шекспира», во многом способствовал интерес к театру в английском обществе эпохи Просвещения. В частности, во второй половине 30-х гг. XVIII в. несколько аристократок, вошедших в историю английской культуры как «Дамский клуб Шекспира», всячески способствовали постановкам шекспировских пьес на сцене лондонских театров, которые должны были вытеснить с театральных подмостков легкомысленные пьесы периода Реставрации. Возглавляли это сообщество три леди – Сюзанна Эшли Купер, Элизабет Бойд, Мэри Коупер, при этом освещала, а значит, и популяризировала их деятельность в своем ежемесячном журнале «Зрительницы» Элиза Хейвуд. Отмечается, что их усилиями в сезон 1740–1741 г. каждая четвертая пьеса, поставленная в Лондоне, была пьесой Шекспира [6, р. 161].

Кроме того, благородные дамы с 1738 г. организовали сбор средств на то, чтобы в Вестминстерском аббатстве в «Уголке поэтов» был установлен памятник Шекспиру. Для этого, в частности, было организовано два благотворительных спектакля, один в Друри Лейн, другой – в Ковент Гарден. Проект памятника был разработан У. Кентом, а сам памятник изготовлен П. Шимерксом. В начале 1740-х гг. он занял почетное место в «Уголке поэтов» Вестминстерского собора.

Канонизации имени У. Шекспира в значительной степени способствовали два деятеля английской культуры середины XVIII в., связанные между собой общностью позиций и дружескими отношениями. Сэмюэль Джонсон (1709–1784) – литературный критик, поэт, автор словаря английского языка, ставший со временем «ханом английской литературы», начинал как учитель грамматической школы в провинциальном Личфилде. Среди его учеников был потомок французских гугенотов Давид Гаррик (1717–1779). Через несколько лет оба они, бывшие учитель и ученик, переехали в Лондон. Один начал осваивать литературное поприще, другой – театральное.

В октябре 1741 г. Д. Гаррик вышел на сцену в роли Ричарда III в трагедии Шекспира и поразил публику выразительностью своей игры. Эпизоды многих спектаклей представлены на картинах художников. Самым известным и характерным для нового подхода должно признать портрет Д. Гаррика в образе короля Ричарда III, на котором актер представлен в стилизованном под средневековую моду костюме. Никаких

элементов античных облачений, никаких торжественных жестов историзма в духе классицизма. Актер изобразил, а художник зафиксировал внешнее проявление смятения человеческой души. Без ложной скромности Хогарт отметил в своей «Автобиографии», что «за портрет мистера Гаррика в роли Ричарда III мне заплатили 200 фунтов, что было больше, чем когда-либо получал английский художник за портрет...» [1, с. 76].

Будучи на протяжении 30 лет директором лондонского театра Друри Лейн, Д. Гаррик постоянно включал в его репертуар пьесы Шекспира, а сам прославился в ролях Гамлета, Макбета, Ричарда III. Важно иметь в виду, как Гаррик изображал шекспировских персонажей. Он шагнул от условности классицизма в сторону естественности трактовки образов. Тем самым был предложен видимый образ того, что считал главным отличием Шекспира наставник Д. Гаррика С. Джонсон. Именно в этом главная заслуга Д. Гаррика в процессе сотворения образа Шекспира как Барда, главного национального поэта. Демонстрируя преклонение перед памятью драматурга, Д. Гаррик в собственном поместье построил храм в честь Шекспира, который был украшен памятником, для которого позировал он сам, и где была собрана коллекция памятных вещей, будто бы принадлежавших великому елизаветинцу. А в сентябре 1769 г. он организовал празднование 200-летия Шекспира на его малой родине в Стратфорд-на-Эйвоне. Пышно организованное празднество было изрядно подпорчено капризами погоды, но в памяти остались не залитые дождями фейерверки, не промокшие и чихающие участники, не лужи и хлюпающие носы, не то, что юбилей отмечался на пять лет позднее реального 200-летия поэта, а сам факт торжества. Недоброжелательно настроенный комментатор язвительно заметил, что Шекспиру в ходе торжеств было уделено почти столько же внимания, сколько и Гаррику. «Стратфордские празднества внесли свою лепту... в становление Шекспира как общезначимого культурного героя», – заключил он [7, с. 226].

На бытовом уровне интерес к Шекспиру формировался в немалой степени тем, что в продаже появились табакерки, статуэтки, вазочки и керамические плитки, украшенные картинками на темы его пьес. По мнению исследователей, «принято говорить о “шекспировской индустрии”, которая культивирует и пропагандирует все, что связано с именем гениального британца...» [8, с. 134]. Эти слова, относящиеся к современному состоянию «культа Шекспира», вполне применимы к самому раннему этапу зарождения этого феномена.

В 1765 г. Джонсон издал собрание сочинений Шекспира в восьми томах. К редакторской работе он пригласил Д. Стивенса, лучшего

знатока шекспировских текстов того времени. Это издание примечательно с нескольких точек зрения. Оно готовилось и осуществлялось по подписке, что потом стало широко применяться в издательском деле. Самое главное заключалось в том, что издатель снабдил его предисловием, в котором обосновывал новый взгляд на роль творчества Шекспира, а вместе с тем на подход к драматическому творчеству в целом.

По мнению С. Джонсона, приводить шекспировские тексты в соответствие с канонами классицизма не нужно. Приемы, использованные драматургом-елизаветинцем, в частности, близкое соседство, а то и смешение трагического и комического на сцене, свидетельствуют о «его знании человеческой природы» [9, с. 156]. Другими словами, то, что прежде старались убрать или закамуфлировать в шекспировских пьесах, на самом деле – не недостатки его, и надо их принимать как достоинства.

Шекспир оказался близок формирующемуся среднему классу, который видел в произведениях Шекспира отражение многообразия общества. Появились две ветви шекспировской печатной культуры: наряду с научно выверенными собраниями сочинений появились популярные издания. Творения Барда, как стало принято именовать У. Шекспира, ставились на всех лондонских сценах, и к концу столетия шекспировской была каждая шестая пьеса, поставленная в Лондоне.

В условиях стремления к отторжению французского культурного влияния «...провозглашение “национального поэта” было принципиальным моментом... Имя Шекспира предстало для английских критиков в качестве символа, знамени...» [10, с. 134]. Складывание культа Шекспира соответствовало другому утверждению С. Джонсона: он старался доказать, что «писатели – вот истинная слава нации» [11, с. 104]. Совершенно очевидно, что «литература занимала на его шкале ценностей одно из самых почетных мест, вот почему он решительно помещал писателей в один ряд с полководцами и вождями наций...» [12, с. 111]. А один из литераторов, «бессмертный Бард» Шекспир, стал восприниматься как ключевая фигура национальной культурной жизни.

История превращения Шекспира в своего рода национальную культурную икону поэтапно рассмотрена в монографии М. Добсона [13]. Автор проследил, как один из драматургов елизаветинской эпохи превратился в «Национального поэта», Барда. Опираясь на разнообразные источники, историк рассматривает анализируемое явление через призму политического контекста, прежде всего внутривнутриполитического, хотя принимаются во внимание и внешнеполитические обстоятельства, в частности, англо-французское соперничество.

В конце 80-х гг. XVIII в. стремление к культурной самоидентификации проявилось в нескольких однотипных проектах: открытии художественных галерей, экспозиции которых были направлены на становление, формирование, говоря современным языком, «мест памяти» в английском искусстве. Как метко определили это французские исследователи, «память помещает воспоминание в священное...» [14, с. 20]. В разных случаях «местами памяти» служат те или другие люди, события, предметы, здания, книги, песни или многое другое – все, что «окружено символической аурой». «Места памяти» призваны создавать представления общества о самом себе и своей истории. В рассматриваемом случае таким «местом памяти» стал драматург и поэт У. Шекспир, его личность и его творчество.

Достижения искусства слова должны были быть визуально дополнены искусством изобразительным. В 1787 г. книгоиздатель Томас Маклин заявил о том, что заказал художникам сотню картин на темы произведений 55 британских поэтов, после чего художественные галереи были открыты одна за другой. В 1789 г. открылась Шекспировская галерея Д. Бойдела. Спустя 4 года, в 1793 г., в Дублине Джеймс Вудмэсон открыл Ирландскую галерею Шекспира. В 1799 г. художник Генри Фюзли (Фюзели или Фюсели) основал свою Мильтоновскую галерею, где кроме работ на темы «Потерянного рая» было представлено несколько полотен, относившихся к шекспировской тематике.

Самым известным из этих «проектов» стал тот, который был задуман фирмой «Дж. и Дж. Бойдел». Дядя Джон и племянник Джозайя – вот кто такие Дж. и Дж. Бойделы. Ключевой фигурой следует признать Джона Бойделла (1719–1804), бывшего одновременно талантливым гравером, удачливым предпринимателем и администратором, периодически выполнявшим обязанности то шерифа, то олдермена, то лорд-мэра Лондона.

Поворот к новому большому «делу», которое прославило фамилию Бойделов, случился в ноябре 1786 г. во время дружеского ужина в доме Джозайи Бойдела, в котором участвовали несколько известных художников, поэтов и издателей. Именно тогда была высказана идея иллюстрированного издания сочинений У. Шекспира, а самое интересное для нашего сюжета было то, что в ходе застольной беседы старший из Бойделов, Джон, высказался на тему английской исторической живописи. Вот как пересказывается его рассуждение. «Иностранцы, – утверждал он, – продолжают считать, что англичане умеют писать только портреты, им не хватает таланта к тому, что признано благороднейшей отраслью изобразительного искусства – исторической живописи...» Джон был убежден,

«нужна только поддержка, которую можно оказать, и подходящая тема». Тема, по его словам, была очевидна – «единственным национальным источником, достойным живописных сюжетов, конечно же, являются произведения Шекспира...» [15, р. 18].

Спустя некоторое время эта идея усилиями старшего из Бойделов обрела весьма амбициозный и структурно сложный облик. Ключевое – Шекспир и его творчество. Задуманное Дж. Бойделом включало в себя издание научно выверенных шекспировских текстов. Тексты предполагалось издать в двух вариантах – «парадном», украшенном роскошными иллюстрациями, и меньшего формата, предназначенном для рядового читателя. Издание выходило в свет с 1791 по 1803 г.

Дж. Бойдел отвечал за оформление томов, которые печатались на дорогой бумаге с золотым обрезом, а известный знаток шекспировского творчества Джордж Стивенс – за «правильность текста». Гравюры, иллюстрирующие произведения Барда, намечалось издать отдельно. Иллюстрации можно было вставлять или удалять по желанию заказчика. Образцами для гравюр должны были служить картины со сценами на темы шекспировских пьес, написанные известными художниками, которые составили экспозицию задуманной художественной галереи.

Таким образом, бойделовский проект объединил три составляющих: научно выверенное издание произведений Шекспира, живописные полотна, посвященные шекспировской тематике, и гравюры, основывающиеся на этих картинах.

Несколько лет ушло на оформление здания, предназначенного для демонстрации задуманного. Одновременно более двух десятков известных художников писали заказанные им полотна. Шекспировская галерея Дж. Бойдела открылась в июне 1789 г. Экспозиция располагалась в здании на Пэлл-Мэлл, 52. Ранее здесь был книжный магазин известного издателя Д. Доудсли. Бойдел приказал обшить фасад медью, над входом поместили скульптурный рельеф работы Т. Бэнкса, изображающий Шекспира между Музой театра и Гением живописи.

На первом этаже здания можно было купить оттиски гравюр. Для создания гравюр Бойделл оборудовал специальную мастерскую. Всего за период с 1791 по 1804 г. было выпущено 102 листа в двух форматах: большом (in folio) и малом (in quarto).

На втором этаже были размещены барельефы скульптора Энн Деймер, представлявшие фигуры персонажей шекспировских трагедий – Антония и Клеопатры, а также Кориолана. В трех залах второго этажа располагалась собственная выставка живописных полотен. Сначала было представлено 34 картины на сюжеты

из 21 пьес, а к 1805 г. количество картин выросло примерно до 170.

Экспозиция вызвала восхищение посетителей, критики писали, что художникам удалось передать «шекспировский дух». Появляться здесь стало модно, ведь Пэлл-Мэлл, где располагались большие книжные магазины, клубы тори и вигов, самых влиятельных парламентских группировок, также популярные увеселительные заведения, такие как бордель Шарлотты Хейз. Впрочем, были и недовольные, например, график-карикатурист Д. Гилрой. Бойделл не взял его в свою команду, а обиженный мастер изготовил злую карикатуру на Бойделла и его детище.

Знаток и коллекционер произведений искусства Х. Уолпол в одном из писем 1790 г. дал свою оценку картинам, украшавшим галерею Бойделла. Начал он с выражения сомнения в результативности визуализации шекспировских образов, написав, что никто кроме самого Шекспира не может дать достаточно убедительных и выразительных изображений его персонажей. Х. Уолпол задался вопросом: «Был ли даже сам Рафаэль таким же великим гением в своем искусстве, как автор Макбета?» [16, р. 367]. Лучшими среди картин он называет две работы Д. Норкота, изображающие убийство и погребение маленьких принцев из «Ричарда III». С точки зрения современного зрителя, к которым относит себя автор этих строк, звероподобные злодеи выглядят скорее карикатурно, а вот восприятие человека, жившего в конце XVIII в., то есть на стыке двух культурно-исторических эпох – Просвещения и романтизма, – было иным.

Упоминает Уолпол одну из трех находившихся в галерее работ Д. Рейнолдса, возможно, потому, что сэра Джошуа нельзя было не обойти вниманием, но упоминает неодобрительно. На картине изображена сцена смерти кардинала Бофорта, одного из персонажей второй части исторической хроники «Король Генрих VI». Герцог Уинчестерский кардинал Бофорт перед смертью раскаялся в том, что способствовал безвинной смерти племянника. Художник попытался показать сцену раскаяния, душевного терзания человека, совершившего злое дело. Темные силуэты людей окружают ложе, на котором мечется умирающий. Нечистая совесть визуальна представлена в образе скалящегося демона, выглядывающего из-за драпировки. Внимание зрителя сосредоточено на полном отчаяния лице умирающего, отвернувшегося от этого страшного видения.

По мнению Х. Уолпола, «Смерть Бофорта» не достойна внимания: «бес – это бурлеск, а кардинал кажется напуганным им, будто он перед ним, когда он позади» [16, р. 367]. В том, что адский гость, которого можно назвать только «мелким бесом», выглядит несколько комично,

можно согласиться с сэром Хорасом. Не случайно он был позднее скрыт, покрашен то ли самим художником, то ли еще кем-то. Но вот стремление умирающего отвернуться, как бы укрыться от пугающего его видения – движение вполне естественное, убедительное.

В том же письме Уолпол отметил, что полотно, представленные в Галерее поэтов Маклина, не хуже, а то и лучше того, что выполнены для галереи Бойделла. В частности, он указывает на одну из картин Д. Опи.

Русский путешественник Н. М. Карамзин, находившийся в Лондоне летом 1791 г., то есть через год после открытия Шекспировской галереи, писал следующее: «Англия, богатая философами и всякого рода авторами, но бедная художниками, произвела, наконец, несколько хороших живописцев, которых лучшие исторические картины собраны в так называемой Шекспировской галерее. Господин Бойдель вздумал, а художники и публика оказали всю возможную патриотическую ревность для произведения в действие счастливой идеи изобразить лучшие сцены из драм бессмертного поэта, как славы его, так и славы английского искусства... Английские охотники сыпали деньгами для ободрения талантов, и более двадцати живописцев неустойчиво трудились для обогащения галереи, в которой был я несколько раз с великим удовольствием. Зная твердо Шекспира, почти не имею нужды справляться с описанием и, смотря на картины, угадываю содержание...» [17, с. 431–432].

Более трех десятков живописцев и более сорока гравировщиков трудились над оформлением работ, задуманных для прославления английской литературы и истории в Шекспировской галерее. Многие из них практически одновременно выполняли заказы нескольких галерейщиков. Среди них были те, кто признаны знаковыми мастерами и в наши дни (Д. Рейнолдс, Г. Фюзли, А. Кауфман, Д. Ромни), большинство мастеров в настоящее время почти забыты и представляют интерес в контексте художественных вкусов своего времени. Вот только несколько имен: Б. Уэст, П. Сэндби, М. Питерс, Д. О'Кифф, А. Поуп, Д. Опи, Ф. Уитли, И. Дзоффани.

Среди сотен живописных и графических работ, украшавших стены Шекспировской галереи Бойдела и других литературно-художественных галерей, появившихся в последние годы XVIII в., немногие могут быть признаны значительными художественными творениями. Причем чаще вспоминаются картины, изображающие фантазийные причудливые сцены из комедии «Сон в летнюю ночь».

Большинство представляют собой визуальные комментарии к литературным памятникам в рамках привычного подхода – о вечном, вневременном. «Исторический жанр в понимании Бойделла и современников – жанр “высокий”,

эпический. Здесь властвуют помпезные композиции, торжественные, идеально-обобщенные, полные декоративного блеска, движения, соединяющие реальность с фантазией и аллегорией. Почему был избран именно Шекспир? Всем тогда казалось, что он убедительнее всех сумел показать драматические столкновения исторических сил. Мощь пьес Шекспира виделась не в документальной достоверности, а в убедительности внутреннего драматизма событий прошлого» [18, с. 235].

По мнению известного английского историка П. Хаттона, «коллективная память – это сложная сеть общественных ценностей и идеалов, отмечающая границы нашего воображения в соответствии с позициями тех специальных групп, к которым мы относимся. Именно через взаимосвязь этих отдельных образов формируются социальные рамки <...> коллективной памяти...» [19, с. 129]. Таким образом, в английском обществе XVIII в. решалась задача формирования национальной коллективной памяти, и канонизация образа У. Шекспира сыграла в этом процессе заметную роль.

Список литературы

1. Хогарт У. Из автобиографии // Мастера искусств об искусстве. Избранные страницы из писем, дневников, речей и трактатов : в 4 т. / под общ. ред. Д. Аркина, Б. М. Терновца М. ; Л. : Государственное издательство изобразительных искусств, 1936. Т. 2. С. 59–77.
2. Герман М. Хогарт. М. : Молодая гвардия, 1971. 242 с.
3. Waterhouse E. Reynolds. London : Phaidon, 1973. 192 p.
4. Кагарницкий Ю. И. Дэвид Гаррик // Западноевропейская художественная культура XVIII века / отв. ред. В. Н. Прокофьев М. : Наука, 1980. С. 110–125.
5. Dictionary of National Biography / ed. by S. Lee. London : Smith, Elders and Co., 1899. Vol. LX. 488 p.
6. Dobson M. The Making of the National Poet: Shakespeare, Adaptation, and Authorship, 1660–1769. Oxford : Clarendon Press, 1992. 276 p.
7. Шенбаум С. Стратфордский юбилей // Иностранная литература. 2016. № 5. С. 220–227.
8. Луков В. А., Захаров Н. В. Культ Шекспира // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. С. 132–141.
9. Босуэлл Д. Жизнь Сэмюэля Джонсона. Отрывки из книги. С приложением избранных произведений Сэмюэля Джонсона. М. : Текст, 2003. 190 с.
10. Косых Т. А. Сэмюэл Джонсон и его эпоха. Британия и мир глазами английского интеллектуала XVIII в. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. 292 с.
11. Английский афоризм. Коллекция английских афоризмов / сост. А. Е. Ливергант. М. : АСТ, 2005. 480 с.
12. Алябьева Л. Литературная профессия в Англии в XVI–XIX веках. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 416 с.

13. Dobson M. The making of the national poet: Shakespeare, adaptation and authorship, 1660–1769. Oxford : Clarendon Press, 1992. 266 p.
14. Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. е Пюимеж, М. Винок ; пер. с фр. Д. Хапаевой; науч. конс. пер. Н. Копосов. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. 333 с.
15. Salaman M. S. Shakespeare in pictorial art. London ; New York : The Studio, 1916. 204 p.
16. Walpole H. The letters of Horace Walpole, earl of Orford : in 6 vols. London : Richard Bently, 1797. Vol. 6. 537 p.
17. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М. : Советская Россия, 1983. 592 с.
18. Слепухин С. Бойдел и конкуренты-промоутеры Шекспира // Иностранная литература. 2016. № 5. С. 230–308.
19. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб. : Владимир Даль, 2003. 424 с.

Поступила в редакцию 02.05.2025; одобрена после рецензирования 12.05.2025;
принята к публикации 27.06.2025; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 02.05.2025; approved after reviewing 12.05.2025;
accepted for publication 27.06.2025; published 28.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 496–502

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 496–502

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-496-502>, EDN: KRRWTL

Научная статья

УДК [323:614.39](410)|1997/2001|+929Блэр

Политика первого кабинета Энтони Блэра в области здравоохранения: к вопросу о приоритетах

Д. В. Ткачук

Нижегородский государственный университет, Россия, 628605, г. Нижегородск, ул. Ленина, д. 56

Ткачук Денис Владимирович, аспирант, ассистент кафедры истории России и документоведения, denist99@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1215-4574>, AuthorID: 1272523

Аннотация. В статье рассмотрены приоритеты политики в сфере здравоохранения первого лейбористского правительства Энтони Блэра в Великобритании. Показано, что социально-экономическая политика неоконсерваторов привела к кризисным явлениям в системе здравоохранения; создание внутреннего рынка в сфере Национальной службы здравоохранения стало причиной многочисленных проблем. Лейбористская партия, которая переживала в конце 1980-х гг. трансформацию, искала варианты реформирования сферы здравоохранения. Сделан вывод о том, что правительство Блэра предложило свой вариант выхода из кризиса, который получил название «третьего пути». Эта концепция стала прагматичным подходом, в котором объединились рыночные идеи неоконсерваторов и нестандартные подходы «традиционных лейбористов».

Ключевые слова: Великобритания, неоконсерваторы, «социальный консерватизм», «новые лейбористы», Энтони Блэр, Национальная служба здравоохранения, «третий путь», социальная политика, здравоохранение, социальное обеспечение

Для цитирования: Ткачук Д. В. Политика первого кабинета Энтони Блэра в области здравоохранения: к вопросу о приоритетах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 496–502. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-496-502>, EDN: KRRWTL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Anthony Blair's first cabinet health policy: A matter of priorities

D. V. Tkachuk

Nizhnevartovsk State University, 56 Lenina St., Nizhnevartovsk 628605, Russia

Denis V. Tkachuk, denist99@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1215-4574>, AuthorID: 1272523

Abstract. The article considers the health policy priorities of Anthony Blair's first Labour government in the UK. It is shown that the social and economic policy of neo-conservatives led to crisis phenomena in the health care system; the creation of an internal market in the field of the National Health Service has caused numerous problems. The Labour Party, which was undergoing a transformation in the late 1980s, was looking for approaches to reform the health service. It is concluded that Tony Blair's government offered its own solution to the crisis, which was called "the third way". This concept has become a pragmatic approach that combines the market ideas of the neoconservatives and the unconventional approaches of the "traditional Labour".

Keywords: Great Britain, Neoconservatives, "social conservatism", New Labour, Anthony Blair, National Health Service, the Third Way, social policy, health care, social care

For citation: Tkachuk D. V. Anthony Blair's first cabinet health policy: A matter of priorities. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 496–502 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-496-502>, EDN: KRRWTL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Характерной особенностью развития Великобритании послевоенного периода и второй половины XX в. стала смена политических координат – от «государства всеобщего благосостояния» Дж. Кейнса до монетаризма М. Фридмана. Политические преобразования влияли на все сферы, в том числе на социальную политику. Традицион-

но социальный вопрос занимал одно из центральных мест в предвыборной борьбе консерваторов и лейбористов. Отдельное внимание было уделено вопросам здравоохранения. После победы Лейбористской партии на выборах 1945 г. в 1945–1948 гг. была разработана и введена в действие новая система социального страхования, которая

предусматривала выплату государственных пособий, в том числе при потере трудоспособности, в частности, из-за профессиональных заболеваний и производственного травматизма (в общем страховом фонде наибольшая доля взносов – более трети – приходилась на самих трудящихся, чуть менее трети поступало от предпринимателей и около четверти – из государственного бюджета). В 1946 г. был принят закон о создании Национальной службы здравоохранения (НСЗ). Впервые в истории Великобритании эта реформа вводила принцип государственной бесплатной медицинской помощи населению. Правда, уже через год была введена плата за выписку рецептов, которая с тех пор неуклонно возрастала (она была отменена пятым лейбористским правительством, пришедшим к власти в результате парламентских выборов октября 1964 г.), а позже были переведены в разряд платных услуги некоторых специалистов (например, дантистов и офтальмологов), но в целом медицинское обслуживание населения значительно улучшилось. Государственная организация здравоохранения в Великобритании стала по тем временам едва ли не самой передовой в развитых странах Запада [1], претерпев после этого заметную эволюцию.

В 1979–1997 гг. у власти в Великобритании находились консервативные кабинеты Маргарет Тэтчер (1979–1990) и Джона Мэйджора (1990–1997), неоконсервативная политика которых поставила во главу угла широкомасштабные изменения в экономике и социальной политике в условиях начавшегося в июне 1979 г. мирового экономического кризиса, обострившего проблемы высокой инфляции, дефицита государственного бюджета и растущей безработицы. За 18 лет правления консерваторов были кардинально пересмотрены принципы борьбы с экономическими кризисами и инфляцией, сделан акцент на развитие частной инициативы, свободного предпринимательства. М. Тэтчер сумела осуществить массовую приватизацию государственного сектора экономики, тем самым ликвидировав один из столпов послевоенной модели развития [2].

Следует обратить особое внимание на «социальный консерватизм» М. Тэтчер и Дж. Мейджора. М. Тэтчер сохранила социальную политику, однако она была серьезным образом переформатирована. В качестве цели М. Тэтчер провозгласила создание «демократии собственников». Неоконсерваторы полагали, что в социальной сфере сами граждане должны улучшить свою жизнь за счёт собственных сил и сепарирования от государства. С этой целью в Великобритании поощрялось открытие нового дела, покупка гражданами акций, вклады пенсионеров и других категорий населения в различные акционерные общества, распродажа муниципального жилья.

Правительство брало на себя обязательство защищать только те слои населения, которые не могли себе этого позволить [3].

Значительные изменения в период премьерства М. Тэтчер произошли и в системе здравоохранения. Наряду с бесплатным вводится платное медицинское обслуживание: в больницах увеличивается число платных палат, уборка помещений и уход за тяжелобольными пациентами также оплачивался их родственниками. Вместе с тем, даже несмотря на приватизацию сферы медицинских услуг, под воздействием критики со стороны находившихся в оппозиции лейбористов и значительной части населения Тэтчер все же не удалось значительно снизить государственные расходы на здравоохранение и систему медицинского страхования. Необходимость нового технического оснащения больниц требовала увеличения государственного финансирования. В связи с этим М. Тэтчер, учитывая все более возрастающее недовольство англичан отказом государства принимать непосредственное участие в финансировании системы здравоохранения, вынуждена была отказаться от полной передачи ее в частные руки. Более того, к началу 1990-х гг. государство даже было вынуждено увеличить субсидирование системы здравоохранения [4, с. 87].

Преемник М. Тэтчер на постах лидера партии и премьер-министра Дж. Мейджор, сохраняя основные завоевания проведенных реформ, попытался смягчить их негативные последствия для наиболее незащищенных слоев британского общества, проводя политику «тэтчеризма с человеческим лицом», в том числе отказавшись от дальнейшей приватизации государственных предприятий. Изменения в первую очередь касались социальной сферы. Введенный Тэтчер принцип «смешанного государства всеобщего благосостояния», при котором финансирование социальных программ осуществлялось как частным, так и государственным сектором, был сохранен. Но акцент обеспечения сместился в сторону государства [4, с. 92]. Закономерно, что в сфере здравоохранения политика Дж. Мейджора требовала значительных финансовых вливаний. Такой подход, с одной стороны, отличался от того, что предлагали неоконсерваторы при М. Тэтчер, и был направлен на развитие частного сектора в НСЗ. С другой стороны, Дж. Мейджор начал реализовывать то, что отчасти не смогла и не успела сделать М. Тэтчер [5, с. 164–167]. Импульсом в развитии здравоохранения, как она планировала, должны были стать «Закон о здравоохранении» (1990 г.) и создание схем «Частных финансовых инициатив» (Private Finance Initiative – PFI, 1992 г.), главное предназначение которых состоит в привлечении частных компаний к созданию и эксплуатации объектов производственной и социальной инфраструктуры, находящихся в государственной / муниципальной собственности

или в зоне прямой ответственности государства за их бесперебойное функционирование (в т. ч. медицинские учреждения) [6, с. 67]. В области здравоохранения неоконсерваторы ставили амбициозные цели, направленные на создание и внедрение внутреннего управляемого рынка НСЗ, базировавшегося на взаимодействии бизнеса и государства. На практике предпринятые реформы не решили проблемы, а, наоборот, усугубили их. Несмотря на уменьшение государственного влияния на медицинские учреждения, для большинства больничных трастов Великобритании такой подход стал непосильной ношей. Если ряд больниц в крупных городах страны сумел адаптироваться к новым условиям, то в небольших городах медицинские учреждения не справлялись с поставленными задачами [7, 8]. Те из них, чья деятельность не приносила прибыль, не могли закупать необходимые лекарства и оборудование, и, как следствие, им приходилось идти на укрупнение и/или закрываться. Это в свою очередь приводило к резкому снижению доступности и качества медицинских услуг и кадров, и тем самым создавало растущую проблему неравенства населения страны в отношении доступа к медицине.

В системе здравоохранения Великобритании в 1990–1996 гг. обозначились явные проблемы. Во-первых, Закон о здравоохранении 1990 г. (National Health Service and Community Care Act) должен был стать новым этапом в истории НСЗ, однако не принес ожидаемых результатов. Создание внутреннего рынка и трастов НСЗ породило новые проблемы, связанные с недорасходом бюджетных средств, транзакционными издержками и неграмотным распределением средств. Во-вторых, создание схем «Частных финансовых инициатив» позволило вывести инвестиции в здравоохранение на новый уровень, но привело к увеличению расходов, повлекло за собой закрытие «нерентабельных» больниц и вызвало значительный дефицит медицинских кадров. В-третьих, медицинские услуги стали дороже, население вынуждено было экономить на лечении.

Хотя надо признать и очевидные достижения консерваторов в вопросах здравоохранения, которые были отражены в предвыборной программе Консервативной партии 1997 г. К достижениям и отчасти планам кабинета Дж. Мэйджора относилось следующее:

1. С 1979 г. реальные расходы на НСЗ выросли почти на 75%, и каждый год расходы на здравоохранение увеличивались.

2. Сократилось количество людей, ожидающих лечения в больнице дольше 12 месяцев, с более чем 200 тыс. в 1990 г. до 22 тыс. в 1996 г. Средний период ожидания сократился с почти 9 до 4 месяцев.

3. Предусматривалось увеличение количества медицинского персонала НСЗ, в частности,

увеличение числа медсестёр на 2500 каждый год в течение 5 лет.

4. Дальнейшее продвижение схем «Частной финансовой инициативы» для привлечения нового потока инвестиционных средств в целях модернизации НСЗ при значительном сокращении государственного финансирования основных программ НСЗ и перекладывании ответственности за оплату услуг на население.

В противовес консервативной программе развития здравоохранения Лейбористская партия предложила иной подход, большую роль в разработке которого и обновления облика партии сыграл Энтони Блэр. Программа социальных преобразований «новых лейбористов» была направлена на обеспечение и сохранение социальной справедливости и стабильности британского общества. Теоретической основой модернизации страны выступила концепция «третьего пути», разработанная главным советником Энтони Блэра Энтони Гидденсом. «Третий путь» Блэра-Гидденса – это поиск альтернативы, компромисса и соединение двух элементов: рыночной экономики и всеобщей социальной справедливости в сочетании с повышенным вниманием к человеческому фактору [1].

Сначала при Энтони Блэре (1997–2007), а затем при Гордоне Брауне (2007–2010) лейбористы фактически перешли от программных обещаний по обеспечению благосостояния к реализации фискальной дисциплины [9]. Подавая «сигналы доверия» финансовым рынкам, бизнес-группам и избирателям из среднего класса в преддверии выборов 1997 г. и во время своего первого срока на посту министра финансов (канцлера казначейства Великобритании) в лейбористском правительстве Тони Блэра, Гордон Браун создал условия для устойчивого увеличения государственных расходов [10, 11]. Это позволило правительствам новых лейбористов со временем добиться значительных улучшений в социальной сфере, в т. ч. в здравоохранении [12, 13]. Немаловажно, что 7 апреля 1997 г. Великобритания присоединилась к Европейской социальной хартии, гарантировавшей право на медицинскую помощь (наряду с правом на труд, на справедливые и безопасные условия труда, социальное обеспечение и т. д.).

Лейбористы опубликовали ряд документов, которые содержали основные приоритетные направления их политики в области здравоохранения [10, 14]. Предусматривалось снижение на 100 тыс. человек числа граждан, ожидающих лечение, использование первых сэкономленных 100 млн фунтов стерлингов на лечение дополнительно еще 100 тыс. пациентов; сокращение числа смертельных случаев пациентов: на 20% – больных раком, на 40% – страдающих заболеваниями сердечно-сосудистой системы, на 20% – от психических заболеваний, на 25% – от несчастных случаев; уменьшение процента курящих;

улучшение качества жизни, здоровья и благосостояния будущих поколений, внедрение для достижения этой цели «Хартии долгосрочного ухода», определяющей стандарт услуг в здравоохранении (наряду с жилищным и социальным обеспечением); реорганизация больничных трастов: больницы сохранили свою автономию в вопросах реализации повседневных административных функций, но как часть НСЗ они обязаны соблюдать стандарты высокого качества при оказании медицинской помощи (руководство должно отчитываться о достигнутых показателях). Кроме того, лейбористы ратовали за сокращение бюрократизации в НСЗ, реорганизацию системы подготовки медицинских специалистов, ежегодное повышение расходов на здравоохранение в реальном выражении.

Закономерным итогом всеобщих парламентских выборов 1 мая 1997 г. стала победа «новых лейбористов». Они значительно укрепили свои позиции во многих регионах страны, что способствовало усилению их влияния (например, за счёт большинства лейбористов в местных парламентах разрабатывались и принимались региональные законы). Консерваторы потерпели сокрушительные поражения в ряде регионов страны (Шотландия и Уэльс), что послужило основанием для утраты партией статуса национальной. В итоге лейбористы получили 44% голосов, т. е. абсолютное большинство в парламенте (419 в Палате общин против 165 у Консервативной партии и 46 – у либерал-демократов [9, 11, 15].

Таким образом, в результате всеобщих парламентских выборов 1997 г. Лейбористская партия Великобритании после 18-летнего пребывания в оппозиции одержала победу и сформировала правительство. Премьер-министром стал Энтони Блэр. Пост министра здравоохранения в первом правительстве «новых лейбористов» заняли сначала Фрэнк Добсон (до 11 октября 1999 г.), затем Алан Милберн (до 2003 г.), в 1997 г. назначенный государственным министром в Департаменте здравоохранения, ответственным за управление частными финансовыми инициативами в больницах.

Получив парламентское большинство, первый кабинет Тони Блэра приступил к реализации широкомасштабного плана по модернизации НСЗ. «Новые лейбористы» исходили из того, что перед Национальной службой здравоохранения, как и перед правительством в целом, стоит задача предоставления широкого круга медицинских услуг для граждан вне зависимости от их дохода. В этом отношении правительство выступало как институт, который берёт на себя полную ответственность за работу НСЗ. Министрство здравоохранения во главе с Ф. Добсоном (1997–1999) и А. Милберном (1999–2003) отвечало за стратегическое планирование и за политику обеспечения медицинских услуг [16].

Основные приоритеты социальной политики в сфере здравоохранения первого кабинета Тони Блэра предполагали разумный симбиоз эффективной рыночной экономики и развитой системы социальной защиты («третий путь»). К. Хэм, говоря о реформах системы здравоохранения «новых лейбористов», предлагает следующую характеристику «третьего пути». «Третий путь» признает ограниченность как централизованного контроля, так и расширения прав и возможностей персонала. Однако он не отвергает эти подходы, а стремится объединить их в общую политическую концепцию [17]. Наряду с планированием и конкуренцией, «третий путь» использует и другие механизмы, включая новые формы инспекции, регулирования и публикации информации о сравнительных показателях деятельности НСЗ [18].

Перед первым кабинетом «новых лейбористов» стоял вопрос об успешной реализации реформирования НСЗ. Правительству было необходимо решить, действительно ли оно привержено централизованной службе здравоохранения, в которой основное внимание уделяется планированию и санкциям, или оно готово передать власть на местный уровень, полагаясь на стимулы и элементы конкуренции [19, р. 39–59].

Анализируя политику в сфере здравоохранения первого кабинета Т. Блэра, стоит обратить внимание на ряд документов, которые важны с точки зрения перспектив формирования приоритетов в сфере здравоохранения [20]. Это: 1) The White Paper NHS “The new NHS: Modern. Dependable”, 2) Public health Green Paper NHS “Our healthier nation: a contract for health”, 3) A first class service: Quality in the new NHS. Consultation document, 4) The White Paper NHS “Saving Lives: Our Healthier Nation”, 5) NHS Plan.

8 декабря 1997 г. лейбористское правительство выпустило Белую книгу НСЗ «Новая НСЗ: Современная. Надёжная» (The White Paper NHS “The new NHS: Modern. Dependable”), в которой представлены следующие приоритетные направления в области здравоохранения [21]:

1. Замена внутреннего рынка НСЗ на системы «комплексной (интегрированной) помощи» (integrated care), основанные на объединении усилий и ресурсов органов здравоохранения, местных органов власти и других организаций, заинтересованных в развитии системы общественного здоровья (интегрированные системы медицинского обслуживания (ICS) в Великобритании нашли окончательное выражение в законе о здравоохранении в 2022 г.). Центральное место в новой системе занимают потребности пациентов. ICS являются организациями, которые объединяют НСЗ, местные органы власти и другие партнёрские организации в целях совместного планирования и предоставления комплексных услуг, способствующих улучшению здоровья населения.

2. Сокращение с 3600 до 500 количества уполномоченных органов и внедрение программ улучшения здоровья (Health Improvement Programmes – HIPs), которые должны были разрабатываться и согласовываться совместно заказчиками и поставщиками услуг; расширение такого сотрудничества должно заменить конкуренцию.

3. Реализация программы улучшения здоровья, осуществляемой под руководством органов здравоохранения и направленной на улучшение здоровья населения и системы здравоохранения на местном уровне.

4. Введение национальных и локальных стандартов качества, создание Национального института передового клинического опыта (National Institute for Clinical Excellence – NICE) для разработки клинических руководств и проведения аудита и распространение их по всей системе НСЗ.

5. Создание новой системы клинического управления в трастах НСЗ и первичной медицинской помощи, включая формирование новой Комиссии по улучшению здоровья (Commission for Health Improvement – CHI) для поддержки и надзора за существующими системами здравоохранения на местном уровне с опорой на профессиональное саморегулирование и корпоративное управление.

6. Упразднение фондового холдинга врачей общей практики (GP Fundholding) и создание групп первичной медицинской помощи (Proposed the Establishment of Primary Care Groups – PCGs), призванных отвечать за выделенный бюджет и приобретать все необходимое для оказания большинства медицинских услуг.

В Зеленой книге «Наша более здоровая нация: контракт на здоровье» (Green Paper NHS “Our healthier nation: a contract for health”), выпущенной в феврале 1998 г. и ставшей результатом совместной работы правительства, министерства здравоохранения и общественности, лейбористское правительство сосредоточилось на необходимости сокращения неравенства в сфере здравоохранения и улучшения здоровья местного населения. Правительство стремилось реализовать подход «третьего пути», в рамках которого между государством, отдельными людьми и сообществами будет заключен «национальный контракт на здоровье». Предполагалось, что этот контракт будет реализовываться через разработку местными органами здравоохранения программ улучшения здоровья. На местные власти была возложена обязанность содействовать экономическому, экологическому и социальному благополучию [22].

Брошюра «Первоклассное обслуживание – качество в НСЗ», вышедшая 1 июля 1998 г., содержит более подробную информацию о планах правительства по борьбе с различиями

в качестве медицинского обслуживания. Национальные стандарты предполагалось изложить в рамочных программах оказания услуг (National Service Frameworks – NSF). Эти рамочные программы должны быть подготовлены старшими врачами, назначенными возглавить соответствующие комитеты и руководить работой по конкретным специальностям (например, сердечно-сосудистые или психические заболевания). Национальному институту клинических исследований (National Institute for Clinical Excellence – NICE) надлежало разрабатывать четкие рекомендации для клиницистов и оценивать новые лекарства, методы лечения и медицинские приборы на предмет клинической и экономической эффективности. НСЗ обеспечивала качество клинических решений через управление и профессиональное саморегулирование [23].

В Белой книге «Спасая жизни: наша здоровая нация» (The White Paper NHS “Saving Lives: Our Healthier Nation”), выпущенной 5 июля 1999 г., изложен план действий правительства по сохранению здоровья нации. Правительство считало, что на здоровье влияют социальные, экологические и экономические проблемы, но отдельные граждане могут взять на себя ответственность за улучшение собственного здоровья [24]. Были установлены национальные цели по борьбе с онкологическими заболеваниями, ишемической болезнью сердца, несчастными случаями, психическими заболеваниями.

Все проанализированные документы в совокупности составили план развития системы здравоохранения Великобритании на ближайшие несколько лет. Первый лейбористский кабинет Тони Блэра опубликовал План НСЗ 1 июля 2000 г. [25]. Перед Палатой общин премьер-министр выступил с планами по дальнейшему развитию НСЗ в стране 27 июля 2000 г. [26].

План НСЗ предусматривал значительные изменения в организации здравоохранения в Великобритании, направленные на модернизацию службы. Он подразумевал пересмотр системы общественного здравоохранения на всей территории Соединённого Королевства, ориентированный на интеграцию частного сектора, государственного регулирования и общественных усилий. Были определены основные направления реформирования НСЗ, которые предполагали создание дополнительных механизмов для обеспечения качества (например, значительное сокращение времени ожидания служб неотложной помощи: к 2005 г. максимальное время ожидания стационарного лечения должно составлять 6 мес. (вместо 18 мес.), а обычного амбулаторного приема – 3 мес. (вместо 6 мес.)) и безопасности услуг, включая установление взаимной координации на уровне правительства и региональных властей, интеграцию здравоохранения и социального обеспечения, установление более тесного партнерства между частным сектором и НСЗ.

При этом правительство брало на себя обязательство заключать соглашения между частными поставщиками услуг и НСЗ, чтобы эффективнее использовать возможности частного сектора.

В процессе реализации политики в сфере здравоохранения первое лейбористское правительство Тони Блэра столкнулось с рядом трудностей, связанных с нехваткой медицинских кадров (в период 1997–2000 гг. в Великобритании было 9000 незаполненных вакансий медсестёр, нехватка врачей общей практики составляла 10 тыс. человек, наблюдалась нехватка дантистов и удорожание стоимости стоматологических услуг), значительным сокращением койко-мест, недофинансированностью здравоохранения. Расчеты правительства на то, что, используя управленческий опыт частного сектора, можно повысить уровень эффективности и производительности в сфере оказания финансируемой государством медицинской помощи, не оправдались. Частичная передача услуг частному сектору не привела к повышению эффективности и производительности. Переход к системе здравоохранения, основанной на сложной системе контрактов, увеличил затраты, создав риск повышения стоимости заключения контрактов на оказания медицинских услуг и транзакционных издержек.

Вместе с тем первому лейбористскому кабинету удалось решить многие из поставленных задач благодаря тому, что оно смогло изыскать финансовые ресурсы. По договорённости с консерваторами «новые лейбористы» реализовывали план реформирования НСЗ за счёт расходов, хотя и ограниченных, предыдущего правительства. Благодаря бюджету 2000 г. Лейбористская партия достигла значительного профицита (подобный результат достигался благодаря налогу на сверхприбыль, стимулированию частных инвестиций через систему снижения налогов, более рациональному и эффективному вложению бюджетных средств и продолжающемуся росту национальной экономики) и смогла реализовать свои планы на ближайшие 3 года, о чем объявил канцлер казначейства Гордон Браун: расходы на здравоохранение должны вырасти к 2001 г. на 6,1%, а к 2003–2004 г. на 7,6% [27].

Кроме того, первое лейбористское правительство Тони Блэра переосмыслило отношение к программе «Частных финансовых инициатив». Оно сохранило разделение покупатель – поставщик, но заменило рыночную систему конкурентным планированием. Такие меры позволили контролировать и эффективно реализовывать взаимодействие между двумя контрагентами [28].

Основной характер изменений в НСЗ при «новых лейбористах» проанализирован британскими исследователями Дж. Диксон и Н. Мэйсом [13]. По их мнению, «новые лейбористы» пересмотрели свое отношение к внутреннему рынку медицинских услуг, сместив акцент

на усиление сотрудничества между правительством и медицинскими учреждениями (больницами); с целью эффективного контроля и влияния на бюджет своих больниц произошло вовлечение врачей общей практики в схему «Частной финансовой инициативы»; усилился централизованный контроль правительства и НСЗ за качеством медицинских услуг и доступом граждан к клинической помощи, что должно обеспечить возможность всем слоям населения в равной степени получить медицинскую помощь.

Многовекторный подход к улучшению здоровья граждан являлся основой политики лейбористов [29]. В конечном счете лейбористы стремились к решению проблемы неравенства в сфере здравоохранения и увеличению показателей качества здоровья благодаря эффективному использованию государственных расходов, эффективному управлению на общенациональном и региональном уровнях.

Однако за первый парламентский срок в сфере здравоохранения лейбористы во многом исходили из наследия неоконсерваторов. Изменения в социальной политике следует назвать скорее эволюцией, нежели сменой политических координат. Результатом стала относительно умеренная позиция, позволившая правящей партии лейбористов дополнить политику прошлого правительства консерваторов. Концепция «третьего пути» стала прагматичным подходом, в котором объединились рыночные идеи неоконсерваторов и нестандартные подходы «традиционных лейбористов». Подобная парадигма формирования комплексного устройства Национальной службы здравоохранения Великобритании стала определяющей в социальной политике «нового лейборизма» Тони Блэра и позволила его кабинетам и в последующие годы опираться на значительную поддержку населения страны.

Список литературы

1. Великобритания во второй половине XX в. // Брянское училище олимпийского резерва. URL: https://bguor.ru/subjects/cherenova.ru/html/history2/history2_12.htm (дата обращения: 03.02.2025).
2. Перегудов С. П. Тэтчер и тэтчеризм. М. : Наука, 1996. 301 с.
3. Якубова Л. А. Кризисные явления в консервативной партии Великобритании и парламентские выборы 1997 года // Актуальные проблемы истории, политики и права : сб. ст. IX Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Л. Ю. Федосеева. Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2021. С. 163–168.
4. Ковалева О. А. История Англии. Англия в новейшее время / под общ. ред. А. А. Егорова. Ростов н/Д ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2020. 114 с.

5. Ананьева Е. В. О современных путях реформизма, или о реформе как современном пути. Опыт Великобритании. «Политика убеждений» М. Тэтчер и «Перманентный ревизионизм» Т. Блэра // Полис. Политические исследования. 2001. № 5. С. 163–173.
6. Варнавский В. Новая концепция государственно-частного партнерства в Великобритании // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 8. С. 67–75.
7. Klein R. Labour's health policy // British Medical Journal. 1992. Vol. 320. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC1881404/?page=1#supplementary-material1> (дата обращения: 02.08.2024).
8. Klein R. The NHS reforms so far // National Library of Medicine (NIH). PMC. PubMed Central. March 1993. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC2497767/?page=5> (дата обращения: 02.08.2024).
9. Громыко А. А. 100-летие британских лейбористов // Современная Европа. 2000. № 4. С. 46–60.
10. Бунькова Л. А. Социальная программа «новых лейбористов» Великобритании: подготовка, приоритетные направления, реализация (1994–2001 гг.). Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2007. 137 с.
11. Перегудов С. П. Тони Блэр // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 64–82.
12. Klein R. Labour's draft election manifesto // National Library of Medicine (NIH). PMC. PubMed Central. 1996. Jul. 14. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC2351497/> (дата обращения: 02.08.2024).
13. Dixon J., Mays N. New Labour, new NHS? The white paper spells evolution not revolution // British Medical Journal. 1997. Vol. 315, № 7123. P. 1639–1640. <https://doi.org/10.1136/bmj.315.7123.1639>
14. New Labour – because Britain deserves better: Labour Party manifesto for the general election May 1997. London : S. N., 1997. 43 p. URL: <https://library.fes.de/fulltext/ialhi/90057/90057toc.htm> (дата обращения: 03.02.2025).
15. Громыко А. А. Тони Блэр: Десять лет во главе Британии // Современная Европа. 2007. № 2. С. 5–21.
16. Ткачук Д. В. Социальная политика в сфере здравоохранения первого лейбористского правительства Тони Блэра в отражении партийных и парламентских документов. // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Всероссийская научно-практическая конференция (г. Нижневартовск, 20 февраля 2021 г.) / отв. ред. Д. А. Погonyшев. Нижневартовск : Изд-во НВГУ, 2021. С. 347–354.
17. Ham C. Improving NHS performance: Human behaviour and health policy // British Medical Journal. 1999. Vol. 319, № 7223. P. 1490–1492. <https://doi.org/10.1136/bmj.319.7223.1490>
18. Ham C. New Labour and the NHS // British Medical Journal. 1999. Vol. 318, № 7191. P. 1092. <https://doi.org/10.1136/bmj.318.7191.1092>
19. Ham C. Health Policy in Britain. London : Palgrave, 2009. 350 p. (Series : Public Policy and Politics).
20. Ткачук Д. В. Политика лейбористских кабинетов Тони Блэра в сфере здравоохранения: к вопросу об источниках // Актуальные проблемы гуманитарных наук : материалы Региональной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей (г. Нижневартовск, 14 декабря 2019 г.). Нижневартовск : Изд-во НВГУ, 2020. С. 116–118.
21. White Paper NHS. The new NHS: Modern. Dependable / The Department of Health. London : The Stationery Office, 1997. 92 p.
22. Green Paper NHS. Our healthier nation: A contract for health / The Department of Health. London : The Stationery Office, 1998. 93 p.
23. A first class service: Quality in the new NHS. Consultation document / The Department of Health. London : The Stationery Office, 1998. 87 p.
24. White Paper NHS. Saving Lives: Our Healthier Nation / The Department of Health. London : The Stationery Office, 1999. 165 p.
25. The NHS Plan / The National Health Service. London : The Stationery Office, 2000. 143 p.
26. NHS Plan. Volume 354: debated on Thursday 27 July 2000 // House of Commons. The Parliamentary Debates (Hansard). URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2000-07-27/debates/dd408de0-73d6-4d51-ae15-4c8b062c2426/NhsPlan> (дата обращения: 02.08.2024).
27. House of Commons Library. Briefing Paper CBP0724. NHS Funding and Expenditure, 17 January 2018. London, 2018. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN00724/SN00724.pdf> (дата обращения: 28.12.2024).
28. Powell M. New Labour and the Third Way in the British National Health Service // International Journal of Health Services. 1999. Vol. 29, № 2. P. 353–370. URL: https://www.jstor.org/stable/45138260?read-now=1&seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 28.12.2024).
29. Lewis R., Gillam S. Back to the market: Yet more reform of the National Health Service // International Journal of Health Services. 2003. Vol. 33, № 1. P. 77–84. URL: <http://www.jstor.org/stable/45131258> (дата обращения: 28.12.2024).

Поступила в редакцию 15.12.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2025; принята к публикации 27.06.2025; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 15.12.2024; approved after reviewing 22.02.2025; accepted for publication 27.06.2025; published 28.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 503–510
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 503–510
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-503-510>, EDN: KSYETX

Научная статья
УДК 339.924(4/5):327:341.232

Сопряжение ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь»: формирование политических подходов и правовых основ

М. С. Семенова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Семенова Мария Сергеевна, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, semenovamaria60@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0001-0563-3080>, AuthorID: 1263299

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимодействия Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Один пояс, один путь» в аспекте политико-правового сотрудничества. Анализируется эволюция партнерства от первоначальных договоренностей до создания конкретных механизмов взаимодействия. Рассматриваются ключевые этапы сотрудничества: от политических деклараций до формирования конкретных механизмов сопряжения. Особое внимание уделено различиям в подходах сторон, гармонизации нормативной базы и практическим результатам.

Ключевые слова: ЕАЭС, ОПОП, Китай, сопряжение, евразийская интеграция, нормативно-правовая гармонизация

Для цитирования: Семенова М. С. Сопряжение ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь»: формирование политических подходов и правовых основ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 503–510. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-503-510>, EDN: KSYETX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Conjugation of the EAEU and China's Belt and Road Initiative: Formation of political approaches and legal foundations

M. S. Semenova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maria S. Semenova, semenovamaria60@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-0563-3080>, AuthorID: 1263299

Abstract. The article analyzes the conjugation between the Eurasian Economic Union and China's Belt and Road Initiative in terms of political and legal cooperation. It examines the evolution of the partnership from initial arrangements to the development of specific conjugation mechanisms. The study focuses on key stages of cooperation: from political declarations to the formation of concrete conjugation frameworks. Particular attention is paid to differences in the parties' approaches, harmonization of regulatory frameworks, and practical implementation results.

Keywords: EAEU, BRI, China, conjugation, Eurasian integration, regulatory harmonization

For citation: Semenova M. S. Conjugation of the EAEU and China's Belt and Road Initiative: Formation of political approaches and legal foundations. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 503–510 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-503-510>, EDN: KSYETX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В условиях нарастания геополитической конкуренции в мировой экономике усиливаются разнонаправленные процессы. С одной стороны, усиливается ее фрагментация, с другой, на новый уровень – уровень «интеграции интеграций» – выходят отношения между региональными объединениями, поскольку требуется не только развитие устойчивых взаимосвязей между странами, но и гармонизация различных масштабных экономических проектов.

Во многих частях мира государства стремятся к сближению, создавая экономические союзы, формируя зоны свободной торговли, заключая двусторонние и многосторонние соглашения. В Евразии интеграция развивается особенно динамично, что способствует становлению новых форм регионального взаимодействия и активизации международного сотрудничества. Эти тенденции укладываются в рамки концепции «нового регионализма» и её разновидности – «от-

крытого регионализма», предполагающей гибкость экономической политики, многовекторность внешнеэкономических связей и даже возможность участия в нескольких интеграционных объединениях одновременно. В этом контексте особую актуальность приобретает сопряжение двух стратегических инициатив – Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайского проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП).

Историография вопроса сопряжения ЕАЭС и инициативы ОПОП формируется преимущественно с середины 2010-х гг. в связи с активизацией евразийской интеграции и продвижением китайской внешнеэкономической стратегии. Относительно эволюции китайской инициативы стоит отметить статью китайского исследователя Хэ М., освещающую исторический контекст, в котором была предложена инициатива, а также ее трансформацию и влияние на международные торговые отношения [1]. Публикация отечественного автора Ю. В. Кулинцева представляет собой обобщающий обзор ключевых результатов и проблем, с которыми столкнулась реализация ОПОП за десятилетие [2]. В статье рассматриваются как достижения, так и вызовы, которые возникли на пути реализации инициативы, а также предлагаются возможные пути решения этих проблем в будущем. Среди первых отечественных исследований относительно сопряжения ЕАЭС и китайского проекта можно выделить работы К. Л. Сыроежкина, в которых анализируются цели, форматы и перспективы взаимодействия России и Китая [3]. В. С. Пакулин в своем исследовании проводит комплексный анализ механизмов и этапов взаимодействия между ОПОП и ЕАЭС. Автор рассматривает сопряжение как инструмент формирования новой архитектуры регионального сотрудничества, подчеркивая политико-экономические интересы как Китая, так и стран ЕАЭС. Работа ценна тем, что предлагает теоретико-методологическое осмысление сопряжения, а также анализирует конкретные направления практического взаимодействия [4]. Важным вкладом в разработку темы стали коллективные доклады аналитических центров, таких как «Валдай» [5], рассматривающие сопряжение в контексте формирования новой геополитической архитектуры Центральной Евразии. Китайские авторы (Ван Ш., Вань Ц.) в начале 2010-х гг. рассматривали проекты ОПОП и ЕАЭС как потенциально конкурирующие, однако с течением времени акцент сместился на поиск точек соприкосновения и взаимовыгодных форм взаимодействия [6]. Ряд публикаций российских исследователей (например, М. Л. Лагутиной) затрагивает сопряжение в русле более широкой тематики сотрудничества между ЕС, ЕАЭС и КНР в условиях геоэкономической турбулентности [7]. К середине 2020-х гг. фокус смещается с общего политического анализа

на изучение конкретных правовых и институциональных механизмов взаимодействия, что отражает эволюцию самой повестки сопряжения – от декларативных заявлений к нормативно оформленным формам координации. Тем не менее в историографии сохраняется дискуссия относительно сущности сопряжения: одни авторы рассматривают его как политико-дипломатическую формулу взаимодействия, другие – как потенциально формализуемую модель межрегионального интеграционного партнёрства.

Для более глубокого анализа вопроса сопряжения ЕАЭС и ОПОП, целесообразно начать с рассмотрения самой инициативы «Один пояс, один путь», которая является важнейшим элементом китайской стратегии глобальной интеграции. Исторически самым известным торговым маршрутом древности считается Великий шелковый путь, который на протяжении веков объединял Евразию. Многие государства предлагали свои идеи по его возрождению. Среди них – американский проект середины 2000-х гг. «Большая Центральная Азия» и стратегия «Новый Шелковый путь», японская инициатива «дипломатии Шелкового пути», а также программа ТРАСЕКА, предложенная Евросоюзом. Однако наиболее проработанную концепцию с четкими механизмами реализации предложил именно Китай.

На фоне масштабного продвижения китайской инициативы ОПОП в различных регионах мира стали формироваться альтернативные проекты, продвигаемые другими крупными державами. К числу наиболее заметных относятся «Глобальный шлюз» Европейского союза (EU Global Gateway), инициатива G7 «Партнёрство ради глобальной инфраструктуры и инвестиций» (PGII), «Глобальный коридор роста» (AAGC) от Японии и Индии. Эти проекты, как и ОПОП, ставят своей целью развитие транспортной и цифровой инфраструктуры, укрепление логистических связей, расширение рынков сбыта и стимулирование международной торговли.

Схожесть этих инициатив с ОПОП заключается в стремлении к формированию интернациональных экономических связей, реализации инфраструктурных проектов, а также усилению политического и экономического влияния на ключевых направлениях международной логистики. Как и ОПОП, альтернативные инициативы заявляют о намерении содействовать устойчивому развитию, однако чаще акцентируют внимание на прозрачности механизмов финансирования, соблюдении стандартов экологической и социальной ответственности, а также на равноправии партнёрских стран.

Инициатива ОПОП, официально предложенная председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г., представляет собой глобальную инфраструктурную стратегию, направленную на уси-

ление международных связей Китая посредством транспортных коридоров, торговых соглашений и инвестиционного сотрудничества [8]. Первоначально состоявшая из двух компонентов – «Экономического пояса Шелкового пути» (наземный маршрут через Центральную Азию и Россию) и «Морского шелкового пути XXI века» (морской путь через Юго-Восточную Азию и Индийский океан), – инициатива получила название «Один пояс, один путь», приобрела комплексный характер и стала представлять собой широкую платформу для международного сотрудничества в инфраструктурной, промышленной, энергетической, цифровой и культурной сферах¹. Изначально она развивалась преимущественно в формате двусторонних соглашений с акцентом на инфраструктурные проекты и без создания формальных институтов, что отличало её от классических интеграционных проектов. Однако с течением времени ОПОП претерпела значительную трансформацию: начали формироваться элементы многостороннего взаимодействия, стали проводиться регулярные форумы «Пояс и путь», межправительственные комиссии, также появились координационные механизмы в сферах логистики, таможи и технические стандарты, что свидетельствует о постепенном институциональном укреплении инициативы. Наряду с сохранением приоритета развития транспортной инфраструктуры, в повестке ОПОП всё большее значение приобретают цифровая экономика, зелёная энергетика, культурный и образовательный обмен. Таким образом, ОПОП представляет собой гибкую и эволюционирующую платформу международного сотрудничества, сочетающую элементы как двустороннего, так и многостороннего формата.

Идеологическая основа ОПОП строится на китайской «политике открытости», позволяющей полноценно воплотить принцип четырех свобод [9]. Одним из направлений инициативы является создание транснациональных экономических коридоров, связывающих Китай с различными регионами, включая Центральную Азию, Европу, Ближний Восток. Осуществляется это посредством другого направления – развития транспортно-логистической инфраструктуры, включая железнодорожные, автомобильные и морские маршруты. Также предполагается усиление инвестиционной деятельности в энергетические и промышленные проекты, что является третьим основным направлением деятельности проекта. Ключевыми финансовыми инструментами программы стали «Фонд Шелкового пути» и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), привлекающие значительные инвестиции в международные проекты.

Китай реализует свою стратегию взаимодействия с партнерами преимущественно через заключение двусторонних меморандумов.

К июню 2023 г. (в 10-летний срок существования инициативы) число участников достигло 152 государств и 32 международных организаций. Совместно с Китаем они подписали свыше 200 различных соглашений и договоров о сотрудничестве в рамках ОПОП [10]. Китайские банки активно финансируют инициативу: 11 крупных финансовых учреждений открыли 71 филиал в 27 странах, обеспечивая кредитную поддержку 2600 проектов на сумму более 200 миллиардов долларов. За десять лет инициатива ОПОП создала глобальную сеть взаимосвязанности, которая, охватывает «семь поясов»: транспортный, энергетический, торговый, информационный, научно-технический, аграрный, туристический [9]. Также идет разработка шести экономических коридоров Евразии [11].

Первоначально проект восстановления Шелкового пути воспринимался в России с интересом, но как конкурентный формирующемуся ЕАЭС [7]. Союз был создан в результате многолетней работы стран-локомотивов Евразийской интеграции. Решение о расширении сотрудничества и формировании Единого экономического пространства привело к созданию наднационального регулирующего органа – Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), а затем и к подписанию Договора о Евразийском экономическом союзе 29 мая 2014 г. в Астане. В этом документе были закреплены принципы сотрудничества и создана нормативно-правовая база для дальнейшей интеграции. Официальное начало работы Союза пришлось на 1 января 2015 г. Впоследствии к нему присоединились Армения и Кыргызстан, расширив зону экономического взаимодействия.

Основная цель ЕАЭС – создание условий для экономического роста и повышения конкурентоспособности стран-участниц на мировом рынке. Союз обеспечивает свободу передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Государства-члены координируют экономическую политику в ключевых отраслях, таких как энергетика, транспорт, сельское хозяйство и промышленность. Создание ЕАЭС совпало с глобальными экономическими вызовами, включая структурные кризисы, трансформацию мировой торговли и влияние пандемии. Союз основан на принципе «четырёх свобод» – свободного передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Эти принципы закреплены в Договоре о ЕАЭС и направлены на создание единого экономического пространства, которое обеспечивает равные условия для бизнеса и граждан государств-участников.

Ответом же на китайскую инициативу стала концепция сотрудничества и взаимодополняемости, предполагавшая сопряжение ОПОП с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), предложенная Российской Федерацией [12]. Это позволило Москве не просто принять участие

в китайском проекте, но и продвигать свою повестку евразийской интеграции в более выгодных условиях [3, с. 39]. Идея сопряжения начала активно развиваться с 2014 г. Она основывается на общем понимании того, что разногласия между Россией, Китаем и странами Центральной Азии, связанные с различиями в стратегических интересах, экономических приоритетах и уровне влияния, не являются непреодолимыми. Учитывая, что государства региона сталкиваются с общими вызовами – религиозным экстремизмом, экологическими проблемами, нехваткой водных ресурсов и внешним давлением – их партнерство открывает широкие перспективы. Этот подход нашел поддержку как среди российских [5], так и среди китайских экспертов [6].

Особое место в рамках начавшегося процесса сопряжения двух экономических инициатив занимает российско-китайское сотрудничество. Оно официально началось с принятия совместного заявления лидеров двух стран, которое определило основные направления взаимодействия и заложило основу для формирования нормативно-правовой базы сопряжения. Москва и Пекин в мае 2015 г. выразили взаимную поддержку проектов друг друга, договорились о запуске диалогового механизма между ЕАЭС и Китаем, а также о развитии торгово-инвестиционного сотрудничества [13]. Россия также предложила расширить формат взаимодействия и перенести обсуждение сопряжения на уровень ЕАЭС–Китай, а Пекин согласился учитывать позицию Москвы в вопросах, касающихся Центральной Азии. Важным достижением этого стало предотвращение конфликта интересов между ЕАЭС и ОПОП, аналогичного тем разногласиям, которые возникли между Россией и ЕС по поводу постсоветских государств Восточной Европы.

Официально о сопряжении заговорили 8 мая 2015 г. во время визита Си Цзиньпина в Москву, который он совершил по приглашению Владимира Путина [12]. Тогда президент России заявил о необходимости координации усилий между проектами ЕАЭС и ОПОП. В совместном заявлении РФ и КНР прямо указывалось на намерение совместить два интеграционных проекта. С октября 2015 г. началось официальное взаимодействие двух проектов, и по инициативе российской стороны было принято распоряжение Высшего Евразийского экономического совета «О взаимодействии государств-членов Евразийского экономического союза по вопросам сопряжения ЕАЭС и ОПОП» [14].

Вместе с тем необходимо обратить внимание на нюансы в определении партнерами характера взаимного сотрудничества. Согласно официальному китайскому portalу Инициативы «Один пояс, один путь», все государства-члены ЕАЭС – Армения, Беларусь, Казахстан,

Кыргызстан и Россия – участвуют в данной инициативе [15]. Самой же Российской Федерацией ее отношение ОПОП определяется иначе, а именно: «Россия напрямую в инициативе ОПОП не участвует. Взаимодействие осуществляется на основе Совместного заявления Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути от 8 мая 2015 г.» [16]. Иными словами, российская сторона рассматривает этот трек не через призму своего прямого участия, а «как одно из важных направлений работы по реализации идеи Президента Российской Федерации В. В. Путина о формировании Большого Евразийского партнерства» [16]. У других стран-членов ЕАЭС также отсутствуют прямые официальные формулировки об «участии», хотя встречается публикация СМИ с фразами «другие участники...», но не в правительственных источниках. И такая позиция стран-членов ЕАЭС объяснима. В их восприятии проект ОПОП не является международной организацией с фиксированным членством. МИД РФ и документы ЕАЭС определяют ОПОП как «стратегию или политику Китая по взаимодействию с странами, которые находятся по пути расположения транспортных коридоров». То есть формально-юридически страны ЕАЭС не являются «участниками» ОПОП, но все они в большей или меньшей степени вовлечены в реализацию проектов в рамках этой инициативы через двусторонние форматы сотрудничества с Китаем и ЕЭК.

С 2015 г. началась работа по формированию правовой базы процесса сопряжения ЕАЭС и ОПОП. Несмотря на заявленные сторонами достаточно амбициозные планы, процесс выявил сложности в гармонизации интеграционных подходов. Достигнутая в 2016 г. договоренность о регулярных встречах на высоком уровне не была реализована в полной мере, и период до 2018 г. стал своего рода переходным этапом от деклараций о намерениях к выработке конкретных правовых механизмов взаимодействия. В мае 2018 г. ЕАЭС и КНР заключили «Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве». Документ был направлен на упрощение процедур торговли, снижение нетарифных барьеров и улучшение условий для бизнеса вовлеченных стран, что стало важным этапом и создало весомые предпосылки для выхода всего комплекса практического взаимодействия на новый уровень [17]. Чуть позже для его реализации была создана совместная комиссия.

В 2019 г. было подписано «Соглашение об обмене информацией о товарах и транспортных средствах международной перевозки, перемещаемых через таможенные границы ЕАЭС и КНР». Документ был призван обеспечить ускорение таможенных процедур, улучшение

форм таможенного контроля и повышение эффективности управления рисками [18].

Затем в одном из основополагающих документов ЕАЭС «Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года», принятом в 2020 г., были более детально определены механизмы и меры по сопряжению планов развития ЕАЭС с китайской инициативой «Один пояс, один путь» [19]. Включение в этот программный документ конкретных механизмов и мер по согласованию двух проектов стало показателем перехода от декларативного уровня сотрудничества к системной реализации совместных инициатив. В свою очередь, Советом ЕЭК 5 апреля 2021 г. было принято распоряжение № 4 «План мероприятий по реализации стратегии», регламентирующее ключевые шаги по углублению сотрудничества с КНР в рамках Большого Евразийского партнерства, которые включают пункты относительно сопряжения с ОПОП. Среди них, например, создание постоянно действующего координационного механизма (п. 11.8.5), разработка дорожной карты торгово-экономического сотрудничества (п. 11.8.2) и реализация ключевых инфраструктурных проектов (п. 7.4) [20]. Особое внимание было уделено транспортным коридорам направлений «Восток-Запад» и «Север-Юг», что подчеркивало особое стратегическое значение логистической интеграции для всего евразийского пространства. При этом сохранялся гибкий подход, сочетавший наднациональную координацию с учетом национальных планов развития государств-членов ЕАЭС. Дополняя ранее рассмотренные механизмы сопряжения, пункт 11.8.6 вводил важный институциональный инструмент – банк данных интеграционных проектов, реализуемых в рамках сотрудничества ЕАЭС и Китая. Этот элемент системы сотрудничества должен выполнять несколько ключевых функций: во-первых, он формализует процесс отбора и согласования совместных инициатив, обеспечивая их соответствие интеграционным целям Союза; во-вторых, создает прозрачную платформу для мониторинга реализации проектов; в-третьих, позволяет гармонизировать двусторонние и многосторонние форматы взаимодействия. Особенностью механизма является включение как многосторонних проектов (с участием двух и более стран ЕАЭС и Китая), так и двусторонних инициатив отдельных государств-членов с КНР, что отражает гибридный характер сотрудничества. План 2021 г. трансформировал сопряжение из набора разрозненных инициатив (какими они были в 2015–2018 гг.) в упорядоченную систему с четкими этапами и ответственными органами.

В соответствии упомянутыми шагами ЕАЭС, в том же году был также принят уже совместный «Меморандум о взаимопонимании в сфере

сотрудничества в области конкурентной политики и антимонопольного регулирования между Евразийской экономической комиссией и Государственным управлением по регулированию рынка Китайской Народной Республики» [19].

Формирование нормативной базы было продолжено и в последующий период. В «Основных направлениях международной деятельности ЕАЭС на 2024 год» была вновь подчеркнута важность взаимодействия с КНР и развития сопряжения с ОПОП, что свидетельствовало о сохранении высокого приоритета данной идеи в интеграционной повестке и последовательного укрепления институциональных и правовых основ [21].

Тогда же в 2023 г. в ходе третьего заседания Совместной комиссии по реализации Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и Китайской Народной Республикой был утвержден «План (Дорожная карта) по развитию торгово-экономического сотрудничества». План предусматривал цифровизацию транспортных коридоров для постепенного перехода на безбумажное оформление железнодорожных грузоперевозок между ЕАЭС и Китаем, диалоги по внешнеторговой политике, проведение совместного исследования по экономическим сценариям сотрудничества. В рамках реализации указанного плана состоялось четыре заседания рабочей комиссии. В октябре 2024 г. Деловой совет ЕАЭС и Китайский комитет содействия международной торговле (ККСМТ) подписали меморандум, направленный на углубление прямого сотрудничества между деловыми кругами, обмен бизнес-визитами и информацией о возможностях развития торговли и инвестиций [22]. Важным подтверждением политической воли к углублению взаимодействия стала встреча лидеров России и Китая 8 мая 2025 г. в Пекине. По её итогам были подписаны два совместных заявления: о дальнейшем углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, а также по вопросам глобальной стратегической стабильности. Лидеры подтвердили приверженность принципам равноправного международного порядка, выразили готовность совместно обеспечивать устойчивость производственно-сбытовых цепочек, защищать многостороннюю торговую систему и развивать стратегическую координацию в интересах национального возрождения и глобальной справедливости [23].

И тем не менее, несмотря на наращивание нормативной базы и формирование отдельных институциональных механизмов взаимодействия, в документах ЕАЭС и официальных документах КНР пока отсутствует конкретное юридическое определение термина «сопряжение». Между тем именно этот концепт стал центральным в описании взаимодействия между двумя интеграционными проектами.

При этом отсутствие формального определения не означает отсутствие самого явления. На практике процесс сопряжения проявляется через конкретные направления взаимодействия, которые каждая сторона описывает, используя свою терминологическую систему. Китайская сторона оперирует понятием «дуйцзе» (对接), которое можно перевести как «стыковка» или «согласование». Это слово несет в себе технический оттенок, предполагающий соединение различных элементов в единую систему. В документах и выступлениях представителей Китая оно применяется в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, речь идет о политической координации, что подразумевает согласование стратегий развития ЕАЭС и ОПОП для создания синергии. Во-вторых, важным элементом сопряжения является инфраструктурная интеграция. Третий аспект сопряжения касается гармонизации правил и стандартов. Гибкие формулировки позволяют адаптировать сотрудничество под текущие проекты и меняющиеся экономические условия. Так, если в 2015–2020 гг. акцент делался на инфраструктурные проекты, то в последующие годы чаще упоминались «зеленая» экономика и цифровое партнерство.

ЕАЭС также не дает строгого юридического определения, но анализ официальных документов показывает, что слово «сопряжение» для ЕАЭС – это процесс координации и согласования интеграционной повестки с китайской инициативой с целью выработки совместных подходов, обеспечивающих взаимную выгоду, мультирегиональную связанность и устойчивое торгово-экономическое сотрудничество, основанное на диалоге, институциональных механизмах и готовности к тесному взаимодействию [11].

В свою очередь, Россия рассматривает сопряжение прежде всего как практический механизм регионального развития, что принципиально отличает российский подход от более широкой китайской трактовки. В российском понимании этот процесс нацелен на конкретные результаты – создание транспортно-логистической инфраструктуры, развитие производственной кооперации и улучшение инвестиционного климата в субъектах Федерации. Особый акцент делается на том, чтобы проекты сопряжения приносили ощутимые экономические выгоды конкретным регионам страны [13].

Для Российской Федерации сопряжение открывает доступ к китайским инвестициям в инфраструктуру, предоставляет возможности для диверсификации экспорта через новые транспортные маршруты и укрепляет позиции страны как центра евразийской интеграции. Китайская Народная Республика получает гарантированные поставки энергоресурсов и сырья, оптимизирует свои логистические цепочки в Евразии и расширяет влияние через инструменты «мягкой силы». Для ЕАЭС в целом сопряжение

означает повышение транзитного потенциала, привлечение дополнительных инвестиций в ключевые отрасли и усиление переговорных позиций в торговле с третьими странами. Отдельные страны-члены Союза получают специфические преимущества.

Сопряжение ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь» представляет собой сложный и многоуровневый процесс, выходящий далеко за рамки сугубо транспортного сотрудничества. Хотя ключевым направлением остаётся развитие логистической и инфраструктурной связанности Евразийского пространства, сопряжение затрагивает также торгово-экономическое, финансовое, нормативно-правовое и даже гуманитарное взаимодействие. Термин «сопряжение» не является строго экономико-правовым понятием. В его основе лежит стремление координировать интеграционные усилия для более эффективной реализации национальных и наднациональных интересов. При этом процесс реализации порой сталкивается с системными трудностями, связанными с различиями в правовых подходах, несовпадением экономических приоритетов, а также влиянием глобальной нестабильности и мирового порядка. Хотя процесс сопряжения идёт медленнее, чем первоначально предполагалось, сотрудничество демонстрирует устойчивую динамику и его иногда декларативность не означает бессодержательности. Это обусловлено принципиальными различиями интеграционных моделей: ЕАЭС представляет собой наднациональную структуру с юридически обязательными решениями, в то время как ОПОП является гибкой сетью двусторонних соглашений без жестких институциональных рамок. Напротив, на текущем этапе ключевое значение имеет именно политическая воля сторон и взаимное признание стратегической ценности партнёрства. Формальные механизмы взаимодействия закладывают необходимую основу для более глубокой интеграции в будущем. Уже сейчас очевидны практические результаты: согласование транспортных коридоров, снижение нетарифных барьеров, первые шаги по гармонизации регуляторных стандартов. При этом гибкий, нежёстко институционализированный формат сотрудничества позволяет сторонам адаптироваться к меняющимся экономическим и геополитическим реалиям. Реализация сопряжения открывает значительные экономические перспективы для всех участников сотрудничества.

Примечания

¹ В настоящем исследовании используется наименование «Один пояс, один путь» (ОПОП) как унифицированный термин, обозначающий китайскую инициативу Belt and Road Initiative (BRI). Изначально с момента провозглашения в 2013 г. в ряде публикаций

и официальных документов применялось обозначение «Экономический пояс Шёлкового пути» (ЭПШП), однако по мере расширения географических и содержательных рамок проекта в научной и дипломатической практике закрепилось более обобщённое наименование – ОПОП, отражающее как континентальное, так и морское направления инициативы. В связи с этим в тексте статьи используется исключительно термин «ОПОП» как отражающий актуальное содержание инициативы и соответствующий официальному переводу, применяемому в материалах МИД КНР и информационного агентства «Синьхуа».

Список литературы

1. Хэ М. «Один пояс – один путь»: исторические аспекты развития и регулирования торговли // *Международная торговля и торговая политика*. 2021. Т. 7, № 3. С. 79–89. <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2021-3-79-89>
2. Кулинцев Ю. В. Десятилетие китайской инициативы «Один пояс, один путь»: вызовы, достижения и перспективы // *Российский совет по международным делам*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/desyatiletie-kitayskoy-initsiativy-odin-poyasa-odin-put-vyzovy-dostizheniya-i-perspektivy/> (дата обращения: 07.05.2025).
3. Сыроежкин К. Л. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП // *Россия и новые государства Евразии*. 2016. № 2. С. 37–55.
4. Пакулин В. С. Процессы сопряжения китайского проекта «Один пояс – один путь» и ЕАЭС в рамках концепции «Большого евразийского партнерства» // *Вестн. Том. гос. ун-та. История*. 2022. С. 47–55. <https://doi.org/10.17223/19988613/76/6>
5. К Великому океану-3: Создание Центральной Евразии / под ред. С. А. Караганова. М. : МДК «Валдай», 2015. 24 с.
6. Ван Ш., Вань Ц. Проекты «Экономический пояс Шёлкового пути» и ЕАЭС – конкуренты или партнёры? // *Обозреватель – Observer*. 2014. № 10. С. 56–68.
7. Лагутина М. Л. ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества в современных геополитических реалиях // *Управленческое консультирование*. 2015. № 11. С. 124–136.
8. Укреплять дружбу народов, вместе открыть светлое будущее. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете // *Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан*. URL: http://kz.china-embassy.gov.cn/rus/zhgx/201309/t20130916_1045309.htm (дата обращения: 11.03.2025).
9. Осодоева О. А., Санжина О. П., Вэнь Юйцзю, Гэ Тэн-да. Риски и перспективы реализации инициативы Китая «Один пояс, Один путь» // *Регион: системы, экономика, управление*. 2022. № 3. С. 20–31.
10. China Data, National Bureau of Statistics // *Belt and Road Portal*. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/data> (дата обращения: 11.03.2025)
11. Сопряжение стратегии развития ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь»: аналитический доклад/Департамент макроэкономической политики Евразийской экономической комиссии. 2021. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/822/Doklad_Kitay_short_17.08.pdf (дата обращения: 11.03.2025).
12. Russian-Chinese talks // *Presidential Executive Office*. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/49430> (дата обращения: 08.04.2025).
13. О сопряжении планов развития Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Один пояс, один путь» // *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. URL: https://mid.ru/ru/activity/coordinating_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767074/ (дата обращения: 15.03.2025).
14. О проекте распоряжения Высшего Евразийского экономического совета «О взаимодействии государств-членов Евразийского экономического союза по вопросам сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути» // *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420309456> (дата обращения: 15.03.2025)
15. 推进“一带一路”建设工作领导小组办公室 (Офис Руководящей группы по содействию строительству инициативы «Один пояс, один путь») // *Портал «Пояс и путь»*. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/country> (дата обращения: 08.04.2025).
16. О китайской инициативе «Один пояс, один путь» // *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. URL: https://www.mid.ru/ru/activity/coordinating_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767163/ (дата обращения: 08.04.2025).
17. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны // *Правовой портал Евразийского экономического союза*. URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/238/3676/> (дата обращения: 15.03.2025).
18. Соглашение от 6 июня 2019 г. «Об обмене информацией о товарах и транспортных средствах международной перевозки, перемещаемых через таможенные границы Евразийского экономического союза и Китайской Народной Республики» // *Информационно-правовой портал ALTA*. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/19bn0048/> (дата обращения: 15.03.2025).
19. Решение от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» // *Информационно-правовой портал ALTA*. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/20vr0012/> (дата обращения: 15.03.2025).
20. Распоряжение от 05.04.2021 № 4 «О плане мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» // *Информационно-правовой портал ALTA*. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/21s00004/> (дата обращения: 15.03.2025).

21. Решение от 25.12.2023 № 27 «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2024 год» // Информационно-правовой портал ALTA. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/23vr0027/> (дата обращения: 28.03.2025).
22. ЕАЭС и Китай подписали меморандум о сотрудничестве между деловыми кругами сторон // Sputnik Казахстан. URL: <https://ru.sputnik.kz/20241021/eaes-kitay-memorandum-47987137.html> (дата обращения: 28.03.2025).
23. Владимир Путин и Си Цзиньпин сделали заявления для СМИ // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76873> (дата обращения: 11.05.2025).

Поступила в редакцию 01.03.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 27.06.2025; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 01.03.2025; approved after reviewing 05.03.2025; accepted for publication 27.06.2025; published 28.11.2025

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 511–525

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 511–525
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-511-525>, EDN: KXRWQM

Научная статья

УДК [94:352](470.44)|1904/1906|

«Не смуту мы создаем, а ищем счастливого выхода из тягостного состояния нашего Отечества»: земский либерализм в начале XX в. (на примере Саратовского земства)

Е. Н. Морозова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Морозова Елена Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, morozovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3436-151X>, AuthorID: 723910

Аннотация. Публикация посвящена особенностям земского либерализма в провинции в начале XX в., когда Саратовское земство со своей либеральной программой шло во главе российского земского либерального движения. В статье рассматриваются дискуссии, возникшие вокруг обсуждения решений Петербургского ноябрьского земского съезда 1904 г., а также особенности программы политического преобразования России, ключевым звеном которой было создание двухпалатного парламента с законодательными функциями и новой избирательной системы на основе всеобщего, прямого, равного, тайного голосования. Анализируются характерные черты стратегии и тактики земской оппозиции в 1904–1906 гг. Выявляются противоречия внутри либерального лагеря. Рассматриваются причины смены лидеров в Саратовском земстве и переход власти к правым либералам.

Ключевые слова: земство, саратовские земские либералы, политическая программа, самодержавие, правительство, бюрократия, революция 1905 г., конституционная монархия, всеобщее избирательное право, парламент, правовое государство

Для цитирования: Морозова Е. Н. «Не смуту мы создаем, а ищем счастливого выхода из тягостного состояния нашего Отечества»: земский либерализм в начале XX в. (на примере Саратовского земства) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 511–525. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-511-525>, EDN: KXRWQM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

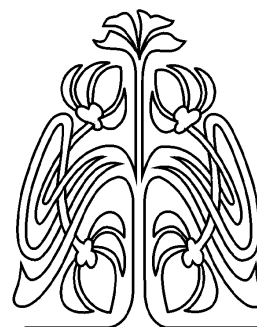
“We are not creating turmoil, but are looking for a happy way out of the difficult state of our Fatherland”: Zemstvo liberalism at the beginning of the 20th century (using the example of the Saratov Zemstvo)

E. N. Morozova

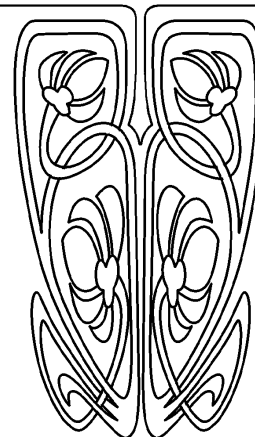
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena N. Morozova, morozovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4420-8156>, AuthorID: 723910

© Морозова Е. Н., 2025

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Abstract. The publication is devoted to the features of zemstvo liberalism in the provinces at the beginning of the 20th century, when the Saratov Zemstvo with its liberal program was at the head of the Russian zemstvo liberal movement. The article examines the discussions that arose around the discussion of the decisions of the St. Petersburg November Zemstvo Congress of 1904 and the features of the program for the political transformation of Russia, the key link of which was the creation of a bicameral parliament with legislative functions and a new electoral system based on universal, direct, equal, secret voting. The characteristic features of the strategy and tactics of the zemstvo opposition in 1904–1906 are analyzed. Contradictions within the liberal camp are revealed. The reasons for the change of leaders in the Saratov Zemstvo and the transfer of power to the right-wing liberals are considered. **Keywords:** zemstvo, Saratov zemstvo liberals, political program, autocracy, government, bureaucracy, revolution of 1905, constitutional monarchy, universal suffrage, parliament, rule of law

For citation: Morozova E. N. "We are not creating turmoil, but are looking for a happy way out of the difficult state of our Fatherland": Zemstvo liberalism at the beginning of the 20th century (using the example of the Saratov Zemstvo). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 511–525 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-511-525>, EDN: KXRWQM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблематика, связанная с политическими требованиями, комплексом политических идей земского либерализма является одной из сложных и дискуссионных в земствоведении. В целом истории российского либерализма посвящен значительный круг исследований прошлого и настоящего (Н. И. Иорданского [1], К. Ф. Шацилло [2], А. В. Гоголевского [3] В. В. Шелохаева [4], Ф. Гайды [5] и др.) Однако проблемы политической составляющей в указанных работах рассматриваются в контексте общих сюжетов генезиса и эволюции либерализма в России.

Экономическим и политическим программам, стратегии и тактике земского либерализма посвящены исследования Н. М. Пирумовой [6], Е. Д. Черменского [7], К. А. Соловьева [8] и работы региональных исследователей [9]. Частично вопросы, связанные с земскими либералами Саратовской губернии, рассматриваются в публикациях В. М. Шевырина [10], диссертации А. В. Воронезцева [11] и разделе коллективного труда саратовских историков «История Саратовского Поволжья» этого же автора [12, с. 139–171].

Сложность исследования земского либерализма заключается в проблемах его дифференциации. В. В. Шелохаев совершенно справедливо пишет о «дисперсности», глубоких мировоззренческих и идеологических расхождениях в русском либерализме, которые не позволили создать либералам «ни единой модели преобразования страны, ни единой либеральной партии» [4, с. 22].

На региональном уровне трудности изучения земского либерализма обусловлены тем, что в земской документации практически до 1905 г. (за редким исключением) не отражались прения по политическим вопросам, и поэтому сложно проследить как дифференциацию, так и эволюцию взглядов земских либералов. Особые трудности представляет отнесение отдельных земских лидеров к тому или иному направлению земского либерализма. Так, исследователи причисляют известного правоведа, губернского гласного от Балашовского уезда С. А. Котляревского к «неолибералам» [13, с. 8], к правым либералам,

«представителям консервативного либерализма» [14, с. 10].

А. В. Воронезцев, вслед за Б. Б. Веселовским [15, с. 386], относит Н. Н. Львова¹, С. А. Котляревского², А. М. Масленникова³ к либерально настроенным гласным, а гр. Д. А. Олсуфьева⁴, гр. А. А. Уварова⁵, К. Н. Гримма⁶ – к консерваторам [12, с. 156–157]. На наш взгляд, и те и другие относились к представителям земского либерализма. Только первую группу (будущие кадеты, мирообновленцы, прогрессисты) условно можно причислить к левым либералам; вторую (будущие октябристы) – к правым. В. В. Шелохаев совершенно справедливо относит представителей партии «Союза 17 октября» к либеральному лагерю, к консервативному его крылу, ибо накопленные за длительный исторический период социальные и политические проблемы в России «неизбежно провоцировали разногласия в либеральной среде» [4, с. 140–141].

Источники (журналы заседаний земств Саратовской губернии, доклады и отчеты губернской и уездных управ) крайне фрагментарны в сфере обсуждения гласными политических проблем, ибо в предреволюционный период публично говорить на темы, касавшиеся государственного устройства России, было запрещено. Даже слово «конституция» вслух не произносилось. В 1904 г., в период «банкетной кампании», в ресторанах присяжные поверенные с воодушевлением декламировали популярное стихотворение В. Брюсова, начинающееся с местоимения «она» («Она не молвила ни слова / И не явила нам лица...»), и все понимали, что «она» – это конституция. Саратовские земские либералы отмечали, что в Российской империи «в русском словаре не было слова “конституция”». Говорить его было нельзя. Нужен был известный талант, чтобы тщательно обходить это страшное слово» [16, с. 22].

Показательна история публикации журналов заседаний Комиссии-собрания Саратовского земства, созданной 9 января 1905 г., куда вошли все гласные, явившиеся на губернское земское собрание (45 человек). Комиссия была создана для обсуждения 11 пунктов программы, приня-

той Петербургским земским съездом в ноябре 1904 г. По мнению К. Ф. Шаццлло, этот съезд «осуществил тот максимум, на который мог пойти земский либерализм» [2, с. 319].

Прения по поводу каждой обсуждаемой статьи резолюции съезда представляет собой важнейший источник для характеристики политических требований земского либерализма в провинции. Решения Комиссии должен был утвердить распорядительный орган Саратовского земства, но его заседание, назначенное на 10 января 1905 г., не состоялось. Саратовский губернатор «категорически запретил» обсуждать «крамольные» проблемы, касавшиеся переустройства политической системы России [16, с. 38]. Испугавшись ответственности, губернский предводитель дворянства М. Ф. Мельников под предлогом плохого самочувствия на заседание 10 января не явился. Бразды правления взял на себя кн. А. А. Ухтомский (предводитель дворянства Саратовского уезда), который, несмотря на ультимативное требование начальника губернии, поставил «на усмотрение собрания» вопрос об обсуждении резолюции Комиссии [16, с. 37–38].

По предложению Н. Н. Львова, поддержанного большинством голосов, собрание проголосовало за прекращение своей работы. В противном случае председатель собрания мог быть подвергнут серьезному административному наказанию. Заседание закончилось, не начавшись, ибо «настоящие условия лишают гласных возможности исполнить их гражданский долг». Земские гласные решили «приложить постановление особой Комиссии и отправить министру внутренних дел с объяснением, почему собрание не состоялось» [16, с. 38].

По цензурным соображениям ход заседаний и решения Комиссии не могли быть напечатаны в типографии Саратовского губернского земства, и их стенограмма была опубликована в Париже редакцией «Освобождения» (судя по всему, документы были переданы Н. Н. Львовым, который финансировал это заграничное издание).

П. Б. Струве в преамбуле к изданию отмечал: «В суждениях и резолюциях Саратовского земства постановления ноябрьского земского съезда развернулись в широкую демократическую программу, охватившую все важнейшие задачи политического преобразования России». По его мнению, резолюции, принятые на совещании в эпохальные даты (9–10 января 1905 г.), представляли собой «отражение общенациональной платформы освобождения России» [16, с. 1].

К числу важнейших источников по предложенной теме относится периодическая печать, в частности, «Саратовская земская неделя» (орган Саратовского губернского земства), которая в предреволюционные и революционные годы становится ведущим общероссийским земским журналом. К участию в СЗН были привлечены

известные исследователи земства, видные земские деятели и публицисты (Б. Б. Веселовский, Н. Н. Авинов, Е. А. Звягинцев, А. И. Шингарев, И. П. Белоконский, А. А. Корнилов, С. А. Котляревский и др.). На ее страницах публиковались материалы, посвященные политическим и экономическим требованиям земской либеральной оппозиции разных губерний. Фактическим редактором «Саратовской земской недели» был известный земский публицист В. С. Голубев, вокруг которого группировался «третий элемент» [15, с. 384].

В конце XIX – начале XX в. на политическую арену выходит новая генерация земских либералов, ровесников Великих реформ, взгляды которых, сохраняя определенную преемственность со «старым» либерализмом, изменились в соответствии с теми социально-политическими событиями, которые потрясли Россию в начале XX в.

Преемственность между двумя поколениями земских либералов отчетливо видна в их антибюрократических инвективах. Начало этой традиции положили представители либерального дворянства, ратовавшие за изменение политической системы накануне Великих реформ. Продажность и косность правящей бюрократии критиковала либеральная часть земских собраний второй половины XIX в. Противостояние между земством как «организатором разрозненных общественных сил» и бюрократией всех уровней было порождено русским государственным строем, «чуждым начал представительства» [17].

Антибюрократическими высказываниями были исполнены выступления членов «Беседы». В частности, «пламенный оратор», саратовский земский гласный Н. Н. Львов, в 1902 г. в своей знаменитой записке «О причинах современного “смутного положения” России и о мерах к улучшению его» активно критиковал бюрократический строй России [8, с. 130–132].

Он продолжил свои антибюрократические филиппики на заседании Комиссии 9 января 1905 г. Обличение бюрократии было единогласно поддержано членами Комиссии, как либералами, так и консерваторами. Продолжая традиционные утверждения эпохи Великих реформ, Н. Н. Львов был убежден, что «государь такой же узник бюрократии, как и весь русский народ» [16, с. 26–27]. А. М. Масленников, поддержанный А. О. Немировским, утверждал, что «до сих пор бюрократия заслоняла собой верховную власть от народа» и «обратила всю Россию в “дортуйр при полицейском участке”» [16, с. 19].

Эти аргументы показательны для понимания роли бюрократического начала либералами в русской государственной жизни. Земские гласные были уверены, что именно бюрократия стоит между верховной властью и народом. Олицетворением бюрократии было российское

правительство, которое в глазах либеральных земцев потеряло «доверие и даже уважение страны», цепляясь «за власть» [16, с. 22]. Н. Н. Львов отмечал: «Комитет министров – это орудие беззакония, гнездо Аракчеева. Теперь – это собрание глав бюрократии, где происходят сделки и соглашения, где ведется торг между министрами» [16, с. 7]. Председатель губернской земской управы А. Д. Юматов замечал, что уже «с начала 1880-х гг. проявилось полная разобщенность правительства с обществом», и это породило «отсутствие в государственной жизни взаимного доверия» [16, с. 9].

Но, в отличие от «старого» либерализма, в представлении «нового» правительственная бюрократия персонифицирована. По мнению Львова, «настоящими владыками и повелителями России являются Плеве, Витте, Сипягины» [16, с. 25] (к этому времени два министра внутренних дел погибли от рук террористов).

Он повторил свои обвинения, выдвинутые двумя годами ранее (11 ноября 1903 г. на заседании «Беседы»): «Для Плеве и Витте судьба России безразлична – им все равно». Хотя еще летом 1902 г. Н. Н. Львов верил, что залогом выполнения обещаний Плеве станет чувство самосохранения – Плеве испугается взрыва недовольства в случае обмана [8, с. 215]. Известный историк А. А. Корнилов, близкий друг Львова, редактор принадлежавшей Николаю Николаевичу газеты «Саратовский дневник», неоднократно слышал от него гневные речи, порицающие первых лиц государства: «Увлекаясь и ненавидя гнет в том виде, в каком он осуществлялся Плеве и Сипягиным, Николай Николаевич хотел способствовать освобождению России от этого гнета» [18, с. 137].

Особую неприязнь у саратовских земцев вызывал С. Ю. Витте, чью личность и политику единодушно осуждали. Н. Н. Львов обвинял премьер-министра в том, что он «разорил и обезглавил» русскую провинцию, с которой тесно связаны насущные интересы помещиков-землевладельцев, и вследствие этого «политика Витте возбуждает негодование помещиков-дворян» [6, с. 138]. Обличительный пафос Львова носил характер личных оскорблений: «Витте достоин презрения», ибо он охвачен «манией бюрократического величия и похотью власти» [16, с. 7].

Гр. А. А. Уваров, непримиримый оппонент Н. Н. Львова по всем вопросам земской жизни, солидаризировался с ним в обличении премьера: «Я его терпеть не могу. Это слабохарактерный нерешительный человек и больше ничего. Это главное зло, он хуже всякого японца» [16, с. 27]. Одновременно Уваров высказывался крайне неуважительно о местной администрации, о саратовском губернаторе: «А если губернатор опротестует наше постановление, мы поступим с его протестом также как со всяким другим

протестом. Нам совершенно все равно. Пусть протестует» [16, с. 28].

Апогеем противостояния либеральных земцев и губернатора П. А. Столыпина стало решение Саратовского губернского земского собрания 22–24 сентября 1905 г., обвинявшее начальника губернии в том, что его действия провоцировали народные волнения, и требовали отстранения от должности и назначения сенатской ревизии для расследования его действий [12, с. 161].

Обвинения земских либералов, осуждавших конкретных представителей правительственной бюрократии, часто носили абстрактный характер (Витте «хуже всякого японца»). Ф. А. Гайда справедливо подметил, что критические выступления в отношении власти «обычно строились на разборе частных недостатков с переходом к общим политическим выводам о несостоятельности правительства и необходимости коренного преобразования государственного строя» [5, с. 35].

Антибюрократическая резолюция, принятая саратовской Комиссией, поддержала решения ноябрьского съезда: «злую силу бюрократии, безответственной и неограниченной», можно «одолеть только силой народного представительства» [16, с. 32]. Она была одобрена абсолютным большинством голосов (из 45 присутствующих только 7 проголосовало против) [16, с. 9].

Эта резолюция, принятая в поддержку решений ноябрьского съезда, характеризовала утопизм воззрений земских либералов, который отчетливо понимал С. А. Котляревский. Он неоднократно подчеркивал, что «неправильно противопоставлять представительство и бюрократию». Правовед утверждал, что «бюрократия необходима» и должна работать «не для сохранения собственного престижа», а «употреблять свой опыт и знания и быть ответственной перед обществом» [13, с. 4]. Здесь очевидно сходство идей русского юриста и немецкого профессора, социолога и философа М. Вебера о роли рациональной бюрократии и бюрократической системы, которые обеспечивают устойчивость развития общества в переходный период от традиционного общества к индустриальному [19, с. 33–34].

Одним из центральных требований земского либерализма был вопрос о смене формы правления в России. Речи саратовских либералов были исполнены антисамодержавной риторики. Со всей страстностью своего красноречия Н. Н. Львов обрушился на В. Н. Ознобишину⁷, который был защитником самодержавной власти и отстаивал традиционную уваровскую триаду. Николай Николаевич упрекал своего оппонента в «обожании» «самодержавия больше России, больше народного блага», что означало «поклоняться идолу» и представляло «не истинную веру», а «изуверство». Для земского либерала «самодержавие как патриархальная отеческая власть ничем неограниченного хозяина русской

земли» являло собой «фикцию и лживый обман» [16, с. 26]. Его поддерживал С. А. Котляревский, который, с точки зрения ученого-правоведа, доказывал, что «абсолютная монархия в России изжила себя» [14, с. 4].

Однако для либералов, как справедливо отмечал В. А. Маклаков, в лозунге «Долой самодержавие» ничего «революционного» не было. Его смысл заключался в том, чтобы лишить власть самодержца ее надзаконности и разделить ее с народным представительством [20, с. 271]. О правоте слов Маклакова свидетельствуют речи саратовских земцев, которые проводили четкую грань между понятиями «самодержавие» и «монархия».

Н. Н. Львов призывал не смешивать самодержавие и монархическую власть, которую, как он считал, «нужно высвободить из пленения», «сбросить те путы, которыми заковано истинное действие монархической власти на русский народ» [16, с. 26].

С. А. Котляревский утверждал, что институт монархии «основывается на иррационализме»; в ментальности народа монархия связана «с историческими верованиями и переживаниями, с национальными заслугами династии». По его мнению, «монархия остается символом государственной власти даже тогда, когда она становится препятствием общественного прогресса» [21, с. 180].

Земские либералы мечтали о создании в России правового государства. Главными его принципами они считали провозглашение прав и свобод человека (неприкосновенности личности и жилища); разделение властей и верховенство права [16, с. 11].

Одни, как С. А. Котляревский, видели Россию конституционной монархией, другие, по форме признавая ее, отрицали необходимость введения конституции в России. Конституционалистами в Саратовском земстве явили себя правые либералы, будущие октябристы (гр. А. А. Уваров, гр. Нессельроде), требуя развернутого проекта конституционного устройства России «для благ нашего Отечества». Им возражали левые либералы (Н. Н. Львов и А. М. Масленников), которые считали возможным ограничение монархии без принятия Основного закона. А. М. Масленников открыто заявил: «Оставим громкие слова “конституция” и спросим себя одно: может ли законодательная деятельность развиваться без участия представителей народа? Единственный возможный ответ, нет, не может». Его заявление было встречено громкими аплодисментами [16, с. 19–20].

Центральным вопросом полемики стал вопрос о полномочиях будущего парламента, законодательном или законосовещательном (по типу Земских соборов в Московском царстве) его характере. Большинство земцев стояло за парламент с законодательными правами, меньшин-

ство – видели будущее в парламенте с совещательными функциями. Это размежевание повторило ситуацию, сложившуюся и на ноябрьском Петербургском земском съезде.

Левые саратовские либералы активно лоббировали законодательный характер будущего представительного органа. А. М. Масленников в запальчивости назвал законосовещательный орган «сборищем», а Н. Н. Львов считал, что взаимоотношения между властью и парламентом могут быть урегулированы только с помощью права, что даст возможность создать «ответственное министерство». А. О. Немировский видел в этих спорах отзвуки старых дискуссий между западниками и славянофилами, которые, основываясь на этических воззрениях, считали, что русскому народу более свойственен принцип законосовещательного собрания. Сам гласный был сторонником законодательного парламента. Приводя в пример работу Земских соборов, он утверждал, что «фактически они имели законодательную власть, ибо царь «не принимал решений вопреки мнению этого учреждения» [16, с. 24].

Законосовещательный характер будущего парламента поддержало меньшинство. В частности, А. П. Павлов и А. Н. Минх доказывали, что законосовещательное народное представительство имеет более глубокие исторические корни, чем законодательное [16, с. 25].

Единственным участником дискуссии, который открыто выступил против любого ограничения самодержавия, против введения любого центрального представительного органа в России, был предводитель дворянства Сердобского уезда (с декабря 1905 г. – губернский предводитель дворянства) В. Н. Ознобишин. В своем панегирике самодержавию гласный отметил, что, по его глубокому убеждению, «ни он сам», «ни народ нового царя, ограниченного, не поймет. Царь – единственный авторитет для народа». Он считал основополагающим принципом русского государственности «имя и авторитет царя». По его мнению, если подорвать «этот принцип, это начало, объединяющее все сословия, все партии и классы», страна рухнет в пучину анархии [16, с. 25].

Рассуждения Ознобишина вызвали резкую отповедь либеральных гласных. Н. Н. Львов язвительно возражал своему оппоненту: «Владимир Нилыч взял на себя (миссию. – Е. М.) почему-то говорить от имени русского народа. Не слишком ли много притязаний? Кто поистине может утверждать, что он постиг мнение русского народа, когда сам народ обречен на молчание. Если вы не можете защитить самодержавие как власть, необходимую для общего блага России, то ссылка на непререкаемые народные воззрения – пустой и напрасный возглас. Помрачение разума желать того, что влечет к упадку и разложению» [16, с. 25–26].

Н. Н. Львова поддержал А. О. Немировский, которого тоже возмутили притязания В. Н. Ознобишина говорить от имени всего русского народа: «Я не знаю, что Владимир Нилыч понимает под своими словами, что русский народ царя ограниченного не поймет. Понимает ли русский народ царя, который невольно становится ответственным за нежелательные действия бюрократии? При другой организации государственной власти на русской земле водворится большая справедливость, тогда русский народ поймет ограниченного монарха» [16, с. 26].

Саратовские земцы практически единогласно поддержали идею ноябрьского съезда и записали в резолюции: «Призвать свободно избранных представителей народа на новый путь государственного развития в духе установления начал права и взаимодействия государственной власти и народа» [16, с. 26].

Не меньшие споры вызвал вопрос об избирательном праве. Если подавляющее большинство саратовских земских гласных высказалось за всеобщее, прямое, равное избирательное право, то вопрос о форме подачи голосов разделил их на сторонников открытого и тайного голосования. На ноябрьском съезде этот вопрос не дебатировался. Даже в среде левых либералов наметились серьезные разногласия. Н. Н. Львов был сторонником открытой подачи голосов, мотивируя свою позицию тем, что тайное голосование не может быть успешным «при огромном проценте неграмотных». Львова поддержал его всегдашний оппонент гр. А. А. Уваров, который заявил, что «тайная подача голосов решительно ничего не спасет. Это пустое слово. Теория» [16, с. 33].

За тайное голосование, которое «является насущной необходимостью», высказались левые либералы (А. М. Масленников, К. Б. Веселовский, М. С. Ермолаев, А. О. Немировский), которых поддержали А. Д. Нессельроде и В. М. Обухов. А. Д. Нессельроде, основываясь на анализе французского опыта, заявил, что «избирательная система — это краеугольный камень всего будущего здания» [16, с. 34]. Сторонники тайного голосования, используя тот же аргумент, что и Н. Н. Львов, рассуждали иным образом: низкий уровень грамотности крестьянства при открытой форме голосования позволит восторжествовать «темным силам», «крестьянской буржуазии», приведет к созданию «банды, которая будет вершить результаты выборов» [16, с. 31]. Наличие в России трех четвертей неграмотного населения препятствием не считалось [5, с. 33].

А. М. Масленников, доказывая правильность своих взглядов, выступал защитником народных прав: «Я за свободу, право и законность для народа и более ни для кого. Кто более всего обложен, кто разорен? Это — народ. Я за народ, я хочу на него работать! Открытая подача голосов может создать новый гнет

для народа» [16, с. 31–33]. Это заявление Масленникова вызвало бурю негодования в среде оппонентов, которые не стеснялись в выражениях. Н. Н. Львов обвинил его в чрезмерном пафосе: «Меня удивил патетический тон А. М. Он хочет выставить себя борцом за народные права. И другие стоят за эти права. Для нас одинаково дороги интересы русского народа». Николаевичу вторил гр. А. А. Уваров: «Не понимаю, почему А. М. берет на себя смелость утверждать, что он в большей степени является представителем народа, чем каждый из нас. Я такой же представитель народа, как и вы. Просто ни вас, ни меня народ не выбирал» [16, с. 33–34]. Масленников не остался в долгу и парировал: «Вы, граф, специализировались читать в сердцах, я вашему умению не завидую» [16, с. 34].

Эта апелляция к русскому народу, стремление говорить от его имени объяснялись тем, что либеральное дворянство считало себя носителем идей справедливого устройства и защитником интересов всех сословий [22, с. 155]. Н. Н. Львов считал, что народ под руководством дворянства представляет серьезную силу, и в такой стране как Россия, дворянство без народа ничтожно и ни на что не способно [8, с. 182].

Эскалация революции поставила точку в дебатах, происходивших в Саратовском земстве, по поводу законосовещательного характера парламента и принципов избирательного права. Об этом свидетельствует редакционная статья в «Саратовской земской неделе», посвященная анализу законопроекта о совещательной «булыгинской» думе [23, с. 23–28]. Публикация носила анонимный характер, но, поскольку СЗН являлась органом Саратовского земства, постольку она отражала, прежде всего, мнение редакции, которую в тот период времени возглавлял председатель Саратовской губернской управы, земский либерал А. Д. Юматов. Статья подвергла резкой критике предлагаемый законопроект, который, по мнению авторов, являл собой результат «спешной работы бюрократических инстанций», ибо он оставил «в неприкосновенности компетенцию и состав старых учреждений» [23, с. 24].

Главными его негативными чертами саратовские земцы считали законосовещательный характер будущей Думы и недостатки electoralной системы (сословность, имущественный ценз и косвенные выборы). Вывод статьи был однозначен: «Булыгинская дума — нежизнеспособна. И ее законосовещательный характер условен» [23, с. 25]. Авторы статьи в СЗН предлагали внести в булыгинский проект кардинальные изменения, основанные на резолюциях Саратовских губернских земских собраний от 15 марта и 15 июля 1905 г. [24, с. 38–41]

Манифест «о булыгинской думе» от 6 августа 1905 г., по мнению современных исследователей, впервые в истории России вводил всесословный выборный орган, цель которого —

«инкорпорировать Думу в самодержавный режим с минимальными затратами», что стало крупным отступлением власти [25, с. 86].

Однако формальный анализ плюсов и минусов этого законопроекта не отменяет того факта, что дарование населению России законосовещательного органа не только не стабилизировало обстановку в стране, но и способствовало эскалации революции, «раскачиванию российской государственности» [26, с. 178–179].

Саратовское губернское земство на экстренных собраниях (весной – летом 1905 г.) создало детализированный законопроект, который предусматривал формирование в России правового государства с предоставлением населению политических свобод и введением земских учреждений на всей территории страны. Саратовские либералы исходили из тезиса о том, что «абсолютная монархия в России изжила себя» [14, с. 11]. Ей на смену должна прийти конституционная монархия с двухпалатным парламентом, наделенным законодательными правами (нижняя палата избиралась на основе всеобщего, равного, прямого, тайного голосования, а верхняя состояла из представителей от земского и городского самоуправления). Саратовское земство, в числе немногих, признало необходимость «четырёххвостки»: введения всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права [27, с. 18].

По свидетельству В. С. Голубева, в летние сессии 1905 г. именно вопрос о формуле голосования разделил российские земства: «четырёххвостку» поддержали только 5 земских собраний, в том числе и Саратовское [28, с. 42]. Специальная Комиссия Саратовского земства детально разработала принципы электоральной системы, которая распространялась на всю территорию Российской империи.

В преамбуле проекта отмечалось, что «словное представительство принципиально недопустимо», ибо оно «противоречит характеру народного представительства и единству государственной власти, не соответствует естественному и историческому строю русского общества... Оно не может быть положено в основу нового государственного строя» [28, с. 43]. Имущественный ценз также неприменим в России, ибо $\frac{3}{4}$ населения страны находятся в нищете, и от выборов будут устранены интеллигенция и рабочие. Критике земские гласные подвергли и образовательный ценз, который отстранит от выборов значительную часть российских подданных [28, с. 43–44]. В резолюции отмечалось, что нижняя палата парламента должна быть избрана на основе всеобщего, равного, прямого голосования с тайной подачей голосов.

По проекту Саратовского земства каждая российская губерния разделялась на такое количество округов, чтобы 1 депутат избирался

от 150 тыс. населения. При делении на округа принимался во внимание национальный их состав. Города, имевшие больше 50 тыс. населения, выделялись в отдельный избирательный округ. Последние делились на избирательные участки с количеством жителей от 500 до 1000 человек (преимущественно одной национальности). Расстояние от избирательного участка до места выборов не должно было превышать 10–12 верст [28, с. 45]. После продолжительных прений в вечернем заседании 15 июля 1905 г. предложения Комиссии были приняты Саратовским губернским земским собранием.

Одним из наиболее сложных вопросов в политических программах земского либерализма является вопрос о методах достижения цели. И правые, и левые либералы постоянно говорили о неизбежности реформ, инициированных сверху, эволюционном пути развития страны, необходимости диалога общества и власти.

Эволюционировала и тактика земского либерализма. К. А. Соловьев, исследуя состав и тактические приемы участников «Беседы», отмечал, что главной своей задачей в предреволюционный период «собеседники» считали формирование общественного мнения [8, с. 26–27]. Пресса должна была стать каналом трансляции идей земских либералов. Именно в этих целях Н. Н. Львов приобрел газету «Саратовский дневник» и финансово поддерживал журнал «Освобождение».

После решений земского ноябрьского съезда 1904 г. прошла всероссийская акция, получившая название «банкетной кампании», которая должна была способствовать выполнению постановлений «Союза освобождения» и полностью укладывалась в его либеральную программу [2, с. 319]. В Саратове в «банкетной кампании» приняло участие свыше 8,5 тыс. человек [12, с. 159].

Кульминацией провозглашенной тактики диалога оппозиции и власти стала резолюция, принятая Комиссией-собранием 10 января 1905 г., где Саратовское земство горячо заверяло власть о своей преданности престолу, излагало свои реформистские надежды и упования, связанные с инициативой государства.

В обращении к императору, которое должен был передать губернский предводитель дворянства, Саратовское земство уверяло царя, что все беды России, из-за которых держава «клонится к неминуемому упадку», порождены «всепоглощающей опекой бюрократической власти». Ее продолжающееся господство «неизбежно приведет к крушению самих устоев общества» [16, с. 30].

В резолюции говорилось, что для России необходимо «тесное единение народа с верховной властью» [16, с. 19]. Саратовское земство в качестве главного условия вывода страны из глубокого кризиса видело ограничение самодержавия «народным представительством на ос-

нове всеобщего избирательного права». Только парламент, считали земцы, даст «стране столь необходимый внутренний мир и возможность развить все великие духовные и материальные силы народа». Саратовские земские гласные подчеркнули, что губернское земское собрание всецело поддерживает решения ноябрьского совещания и «считает, что путь внутренних преобразований, намеченный земскими деятелями, есть единственный верный и единственный спасительный исход из бедствий, переживаемых нашей Россией» [16, с. 30].

Заслуживает внимания правка, внесенная в первоначальный вариант обращения к императору Николаю II. В нем саратовские земцы являли себя истинными патриотами, радеющими о благополучии отчизны: «Нами руководит пламенное чувство любви к Родине, мы ничего не хотим для себя, а все для России». По требованию К. Н. Гримма акцент был смещен в сторону уверений преданности престолу: «Нами руководит ни что иное как преданность Государю и искреннее пламенное чувство любви к Родине». Заканчивалось обращение словами, которые должны были убедить императора, что земская оппозиция стремится к диалогу, к консенсусу: «Не смуту мы создаем, а ищем счастливого выхода из тягостного состояния нашего Отечества» [16, с. 30–31].

Это заявление знаменовало весьма непрочное и очень скоро разрушившееся единство между левыми и правыми либералами, за которыми в тот период времени шло подавляющее большинство Саратовского земства. Революция поставила на повестку дня вопросы о новой тактике в эпоху цивилизационного кризиса, об отношении к революции и террору.

Тактика либералов, особенно левых, менялась, и хрупкий союз между ними и правыми «трещал по швам». Об усилении в Саратовском земстве влияния правых либералов в конце 1906 г. свидетельствуют дебаты по поводу телеграмм, адресованных члену Государственного совета Ф. В. Дубасову (бывшему московскому генерал-губернатору), избежавшему смерти от рук террористов, и Тверскому губернскому земскому собранию по поводу убийства в его стенах губернского гласного, члена Государственного Совета А. П. Игнатьева. Еще одну телеграмму предполагалось послать с выражением соболезнования гр. Игнатьевой.

Группа земских гласных, прежде чем поставить на голосование вопрос об отправке телеграмм супруге гр. Игнатьева и Тверскому губернскому собранию, предложила губернскому собранию принять официальное заявление о мотивах такого поступка. Судя по всему, гр. Д. А. Олсуфьев стал инициатором и автором заявления, в котором четко формулировалось отношение к революции и революционному террору. Д. А. Олсуфьев «клеил» революцию

«всеми силами», чувствуя к ней «органическое отвращение» [29, с. 103].

Земские гласные и до этой декларации не скрывали своего отношения к революции. Н. Н. Львов еще в 1902 г. крайне негативно высказывался о революции, считая «ее злом», которое надолго нарушит «правильное и покойное развитие государства». Это «зло», с одной стороны, полагал он, приведет к тому, что реформы будут носить «скомканный характер», с другой – оно неизбежно приведет к реакции [6, с. 170].

В «олсуфьевском» заявлении указывалось, что «русская революция избрала неслыханный в истории других народов путь разбойничьих убийств отдельных неугодных ей лиц». Террористы именовались «жалкими изуверами революционной доктрины» [32, с. 303–305]. Революционный террор как метод борьбы, приравнялся к «злодействам», «к гнусным преступлениям». В телеграмме Ф. В. Дубасову деятельность террористов объявлялась «отвратительной и бессмысленной» [32, с. 135].

Однако не все губернские гласные согласились с осуждением революции и террора, выступив против отправки заявления адресатам от имени всего Саратовского губернского земского собрания.

К. Б. Веселовский⁸ в своей речи отождествлял террор эсеров и методы подавления революционного движения со стороны правительства: «Я лично отношусь, безусловно и категорически, отрицательно ко всяким убийствам, совершающимся ли они из политических целей или в целях усмирения. Это постановление ничего общего с земским собранием не имеет. Оно может быть послано только той группой гласных, которая ее предлагает, только от себя. Посылать телеграмму с этой мотивировкой безусловно нельзя» [32, с. 284]. Подобное суждение высказал и Т. К. Зиньковский: «Я не сторонник убийств, я враг насилия» [32, с. 286].

Ряд гласных предложил вообще не упоминать в тексте слово «революция», которая представлялась им методом идеального переустройства общества. Их рассуждения напоминали сентенции левых эсеров, романтизовавших революцию; ее образ представлялся в поэтическом ключе – с «мечом, сияющим в руке, с розой, расцветающей в груди» [33, с. 5]. Н. Н. Толмачев предлагал зачеркнуть в заявлении слово «революция», объясняя, что «революция – это более высокое понятие и нельзя всякую гадость приурочивать к слову “революция”». Случаи «хулиганства, разбоя так и должны называться, но не революцией» [32, с. 288].

А. В. Сумароков отметил, что заявление, прочитанное Д. А. Олсуфьевым, являет собой «политическую манифестацию». Гласный заметил, что «в земском собрании нет ни одного, кто бы оправдал это убийство. Но часть резолюции – мотивировка убийства – вызовет разно-

гласия. Нельзя смешивать революцию и разбой. Это – политическое убийство» [32, с. 288]. Член губернской земской управы М. В. Безобразов иронически изрек: «Теперь такая масса терактов, что, если по каждому принимать резолюцию и посылать телеграммы, это большая трата времени. Я считаю недопустимым соединения (понятий. – Е. М.) революции, разбоя, убийства» [32, с. 288].

В результате были посланы телеграммы (без мотивирующей части) вдове А. П. Игнатьева и в Тверское губернское собрание. В телеграмме графине Игнатьевой выражались соболезнования и осуждение революционного террора [32, с. 258].

В послании саратовцев Тверскому губернскому земскому собранию и в ответной телеграмме тверских земцев содержались надежды на мирные формы борьбы с помощью формирования соответствующего общественного мнения. Саратовские земцы писали: «Мы верим – близок тот день, когда рассеется тяжелый кошмар, нависший над измученной родиной, и под дружным напором общественного мнения исчезнут с лица земли русской все мрачные язвы, ее позорящие» [32, с. 288]. В ответном слове тверских земцев говорилось: «Злодеяние не остановилось перед порогом дома, где собирались общественные деятели для мирной работы на благо родины, проникнутые одним желанием – исполнить свой общественный долг, и далекие от всяких политических страстей, раздирающих многострадальную Россию. Память об общественных деятелях, павших на своем посту, да воодушевит всех к мужественному осуждению подобных событий и неуклонному исполнению всеми нами своего общественного дела» [32, с. 298].

Показательно, что ни в одной из телеграмм революция открыто не осуждалась. Осуждение подразумевалось – «тяжелый кошмар, нависший над измученной Родиной», «политические страсти, раздирающие многострадальную Россию».

Однако исследователи считают, что революция и террор обличались лишь в частном порядке (на земских собраниях и заседаниях Государственной думы) [29, с. 107]. Но кадеты, как отмечает Ф. А. Гайда, так никогда публично этого не сделали. Ссылаясь на высказывания П. Н. Милюкова, ученый замечает, что лидер кадетов в революции видел явление высшего порядка, поскольку она «служит целям политического освобождения и социальных реформ». И эта партия «никогда официально не осудила терроризма» [5, с. 34–35]. В скобках заметим, что русское образованное общество весьма снисходительно относилось к террору, романтизировало его. В частности, «светозарный», «трагический тенор эпохи», поэт-символист А. Блок в письме к В. В. Розанову не скрывал своего восхищения эсерами-боевиками: «Я не осужу террора сейчас... революционеры убивают, как

истинные герои, с сияньем мученической правды на лице» [34, с. 160].

Новой тактикой левых либералов в Саратове, так же как и в других российских земствах, стало стремление к союзу с земскими служащими в целях расширения своего влияния на массы. В декабре 1905 г. на губернском земском собрании рассматривался конфликт земских служащих и Петровского уездного земства, ряд гласных которого обвинило «господ служащих» в увлечении «крамолой, пропагандой», в нелегальных сходах «где-то в лесах, оврагах». Резюмирующая часть обвинения свелась к утверждению, что такую ситуацию «терпеть невозможно». В свою очередь возмущенные земские служащие (ветеринарные врачи и агрономы) объявили бойкот Петровскому земству из-за неправомерных инсинуаций. Земские служащие обвинили в провокациях против «третьего элемента» правительственные власти и духовенство [30, с. 423].

Главным обвинителем в конфликте выступал председатель земской управы Петровского уезда В. С. Кропотков, избличая служащих в соучастии в аграрных погромах и поджогах. К. Н. Grimm вменил им в вину «разжигание классовой розни» [30, с. 423].

Защиту земских служащих представляли А. М. Масленников и Н. Н. Львов, которые в своих речах ссылались на новые законы Российской империи, даровавших населению России политические свободы. Поэтому земские служащие теперь могут «сметь свое суждение иметь», ибо они «получили права гражданина». Гласные-юристы обратили внимание на то, что земское собрание обвиняет поголовно «всех земских служащих в погромах, в аграрных беспорядках, в бунтах», т. е. в серьезных уголовно-наказуемых деяниях [30, с. 425–426].

Н. Н. Львов и А. М. Масленников защищали земских служащих как адвокаты, прекрасно знающие законы и понимающие, какое наказание грозит обвиняемым в столь тяжких преступлениях. Н. Н. Львов ссылаясь на то, что было проведено жандармское дознание, «но даже оно не нашло состава преступления». С одной стороны, гласный гневно вопрошал своих оппонентов: «Неужели губернская земская управа должна пойти “далее жандармов”?» С другой – он взывал к коллегам, упирая на моральную сторону огульных обвинительных речей, сравнивая действия петровских уездных гласных со средневековой инквизицией [30, с. 431].

Очевидно, что вопрос о союзе между земскими гласными и земскими служащими усилили рознь внутри либерального большинства Саратовского губернского земского собрания. Апогеем конфликта между бывшими союзниками стал раскол губернского земского собрания в декабре 1905 г. по поводу писем саратовского губернатора П. А. Столыпина к А. Д. Юматову.

Эти письма были ответом на запрос председателя Саратовской губернской земской управы с просьбой выяснить судьбу земских служащих, арестованных за участие в революционном движении.

Ряд земских гласных (В. С. Кропотков, А. А. Уваров, Д. А. Олсуфьев) в ультимативной форме потребовали от А. Д. Юматова зачитать эти письма на заседании губернского собрания, доказывая, что послания П. А. Столыпина имеют официальный характер, и обращены они к губернской земской управе. А. Д. Юматов категорически отказался, заявив, что считает «себя вправе не предъявлять» частных писем. Он, не желая их публичного чтения, попытался пересказать содержание писем Столыпина земскому собранию. В своем устном изложении А. Д. Юматов пытался смягчить вину подозреваемых и упрекал губернатора в неверной интерпретации действий земских служащих. В первую очередь, А. Д. Юматов старался оправдать работников земского книжного склада, распространявших запрещенные издания, в том числе и брошюру революционного содержания «Чего хотят люди, ходящие с красным флагом?» [30, с. 490]. Позицию председателя губернской управы поддерживали левые либералы.

А. М. Масленников увидел в ультиматуме правых либералов попрание личных прав, нарушение тайны переписки и вступил в перепалку с гр. А. А. Уваровым, потребовавшим объявить перерыв для обсуждения позиций сторон. «Гр. Уваров принял на себя роль какого-то вождя, — возмущался А. М. Масленников, — но мне не улыбается роль рядового, да еще под командой гр. Уварова! Я протестую против перерыва заседания!» [30, с. 491].

А. М. Масленников видел в требовании публичного чтения писем губернатора не только насилие над личностью, но и стремление правых еще раз осудить участие земских служащих в революционном движении. А. М. Масленников пытался убедить собрание, что в аресте земских служащих ничего исключительного нет: «Арестовано несколько земских служащих. Что это доказывает? Ровно ничего. В России сейчас арестовано до тыс. человек, но только суд может судить об их виновности» [30, с. 426–427]. Гласный повторял известную сентенцию российского либерализма о том, что насилие правительства усиливает беспорядки [6, с. 169]. Он говорил о царящей в стране реакции, утверждал, что политика верховной власти провоцирует эскалацию революции. Земский гласный, по сути, повторял аргументы представителей социалистических партий: «Сейчас наполнены всюду тюрьмы, когда высылают, ссылают, даже расстреливают без суда.... Делается страшно существовать в таком обществе ... Мы живем в пору реакции, в такие времена, когда не церемонятся

людей брать и сажать... даже премьер-министр считает, что 25% сидит невинно» [30, с. 427].

Истинный смысл полемики по поводу переписки заключался в том, что левые либералы не хотели оглашения писем губернатора, подтверждавших участие земских служащих, «товарищей» левых либералов в революционном движении. В своих письмах П. А. Столыпин говорил об арестах земских служащих, которые участвовали в создании профессионально-политического союза служащих Саратовского губернского земства с противоправным требованием созыва Учредительного собрания. Значительное место в письмах начальника губернии было уделено противозаконной деятельности работников земского склада, хранивших и распространявших нелегальные издания [30, с. 291].

Одним из известных сюжетов, связанных с земскими служащими, были Балашовские события в июле 1905 г. Н. Н. Львов вместе с П. А. Столыпиным спасли от расправы погромщиков служащих Балашовского земства с опасностью для собственной жизни. Сам Н. Н. Львов накануне революции пророчески предостерегал: «Когда вспыхнет революция, то вся благомыслящая часть общества, ныне враждебно относящаяся к правительству, бросится за помощью к этому же правительству...» [6, с. 170]. Травмы были нанесены Николаю Николаевичу, пострадавшему от камней, брошенных погромщиками: «Я получил несколько ударов по голове, — писал он. — От поранения меня предохранила высокая шляпа, которая оказалась пробитой в нескольких местах. Я получил удар по спине и по плечу, удар настолько сильный, что выступила кровь... У губернатора была поранена рука» [10, с. 247].

В революционном 1905 г., от дня Кровавого воскресенья до Московского вооруженного восстания, изменяется отношение земских либералов к такой форме борьбы, как забастовки. На заседании Комиссии-собрания 9 января 1905 г. саратовские земские гласные, практически единогласно, потребовали внесения в резолюцию Петербургского ноябрьского съезда положение о свободе стачек [16, с. 12–17].

Однако тяжесть последствий аграрных волнений и всеобщей Октябрьской политической стачки в Саратовской губернии изменила взгляды либералов на этот способ борьбы. С. А. Котляревский осудил забастовки, которые он относил к «тяжелым опасным антикультурным синдромам» [30, с. 61]. Несколько иной взгляд на стачки высказал гр. Д. А. Олсуфьев с точки зрения европейских правовых норм. Ссылаясь на опыт западных стран, гласный заявил, что стачки «совершенно справедливы и признаются законом», являясь «средством экономической борьбы между трудом и капиталом, между рабочими и фабрикантами». Вместе с тем граф категорически

отрицал этот метод борьбы для «служащих в общественных и государственных учреждениях». Он считал, что эти забастовки у нас (воды нет, электричества нет, железные дороги не действуют) поставили общество на край гибели» [30, с. 62].

Гр. А. А. Уваров в резкой форме осудил участие служащих в революционном движении: «Те служащие, которые желают служить, должны бросить в земском деле всякую пропаганду. Пропаганда левых идей, политика в земском деле недопустима» [32, с. 8]. Некоторые земские гласные предлагали не платить стипендий учащимся – участникам бойкотов и забастовок. К. Н. Grimm заявил: «Если я знаю, что под формой воспомоществования учащимся идет революционная пропаганда, то моя обязанность как гласного, не давать на это земских денег» [32, с. 58]. Правые либералы обвиняли земских учителей в «полуреволюционных инстинктах», земских врачей – в создании «революционного республиканского конвента» в Александровской больнице [32, с. 10, 12, 78–79].

Одним из важных моментов, демонстрирующих эволюцию взглядов земских либералов, был вопрос о свободе слова. Если в январе 1905 г. саратовские земцы поддержали резолюцию ноябрьского съезда о свободе слова и печати, то в декабре 1906 г. позиция правых либералов изменилась. Это отчетливо проявилось в дебатах по поводу послышки телеграмм гр. Игнатьевой и Тверскому земскому собранию. Главной своей тактикой правые земские либералы признавали мирные формы борьбы, где важнейшее место должна занять трансляция земского дискурса периодическими изданиями.

В заявлении (о котором речь шла выше) Д. А. Олсуфьев и его сторонники открыто обвинили российскую левую прессу (и саратовскую в частности) в том, что именно периодическая печать – главный виновник эскалации революции и террора. В глазах авторов заявления террористы были людьми ведомыми и представляли собой «недоучившихся или вовсе не учившихся юношей», предлагавших «бескорыстно и даже самоотверженно свои услуги: “Хотите ли мы кого-нибудь для вас убьем? Для нас безразлично кого”». Истинными виновниками, «подстрекателями» и «полуподстрекателями» революционного террора правые либералы назвали левую печать [32, с. 303–304].

А. П. Павлов именовал всю левую печать «грязной» и «развратной», в плену которой находится все правительство [32, с. 248].

В своем заявлении земские гласные во главе с Д. А. Олсуфьевым инкриминировали оппозиционным саратовским газетам («Саратовскому дневнику», «Саратовскому листку», «Приволжскому краю») систематическую дискредитацию «в глазах общества деятельность Саратовского губернского земства», «намеренное искажение»

событий, происходившие в нем, «замалчивание некоторых его постановлений, имеющих важное значение» (в саратовской прессе не была опубликована телеграмма губернского земства с выражением сочувствия московскому генерал-губернатору Ф. В. Дубасову).

Чтобы этого не произошло с телеграммами, выражавшими позицию губернского земства по поводу убийства гр. Игнатьева, авторы заявления требовали, чтобы губернное земское собрание официально осудило позицию этих газет и признало ее недобросовестной и «не отвечающей назначению честной печати» [32, с. 334].

Гр. А. А. Уваров обвинял «радикальную местную прессу» в том, что она «ославила нас (представителей земств. – Е. М.) на всю Россию как разрушителей и погромщиков в земском деле». Он видел в саратовских периодических изданиях сторонников левых идей, обвинял в пристрастном отношении газет к нему лично. Он уверенно заявлял, характеризуя новое направление в деятельности Саратовского земства: «Если считать земским делом пропаганду левых идей, то для такого земского дела мы разрушители и погромщики» [32, с. 8].

В защиту свободы слова выступили немногочисленные земские гласные. К. Б. Веселовский и Т. К. Зиньковский настаивали на том, что губернное земское собрание должно действовать в рамках закона и ссылались на ст. 138, в соответствии с которой «можно опровергнуть неправильные сообщения» и «напечатать исправления этих неточностей» [32, с. 343]. «Земское собрание не может вступать в полемику с газетами, – с горячностью утверждал К. Б. Веселовский, – характеризовать их деятельность, полемизировать с их направлением». Он считал, что это «ниже достоинства земского собрания» [32, с. 344]. Т. К. Зиньковский, будучи владельцем собственной газеты в Камышине, увидел в заявлении уваровско-олсуфьевской группы прямое давление на газеты, утверждая, что «нет ни одного факта, подтверждающего “недобросовестность” саратовской прессы» [32, с. 345]. Их точку зрения поддержали М. В. Безобразов и А. В. Сумароков.

Эта полемика закончилась тем, что большинство земского собрания пришло к выводу, что о своих решениях нужно оповещать общество не только на местном уровне через региональную прессу, но и на общероссийском – через центральную печать.

Раскол между левыми и правыми либералами сопровождался скандальным характером взаимных обвинений, когда саратовское земство превратилось из дискуссионного политического клуба в арену скандальных ссор и бойкотов. К слову сказать, в своих инвективах земские гласные не стеснялись в выражениях. Т. К. Зиньковский обвинял своих оппонентов в дурных манерах: «Я, как представитель крестьянства, и сам

крестьянин, шел в губернское земское собрание и думал, что гласные, особенно благовоспитанные господа (намек на гр. Д. А. Олсуфьева. – Е. М.), внимательно и осторожно относятся друг к другу. А услышал такие слова: “припел, передернул”. Такие выражения, по меньшей мере, некорректны» [32, с. 59–60]. Некоторых гласных раздражали блестящие спичи левых либералов, имевших юридическое образование. В частности, В. С. Кропотов в пылу дискуссии язвительно комментировал речь А. М. Масленникова в защиту земских служащих: «Знаменитый оратор во всеоружии своего красноречия» [30, с. 427]

В своих обструкциях саратовские земцы использовали бойкот как форму давления на противников. В знак протеста против публичного чтения писем П. А. Столыпина в земском собрании 11 гласных (Н. Н. Львов, С. А. Котляревский, М. С. Ермолаев, гр. А. О. Медем, кн. А. А. Ухтомский, Б. А. Арапов, бр. Роговские, Д. Д. Юматов, П. Н. Давыдов, И. П. Поленин) покинули зал заседаний.

В свою очередь гр. А. А. Уваров и гр. Д. А. Олсуфьев инициировали заявление 34 гласных, в котором требовали выразить недоверие губернской земской управе под руководством А. Д. Юматова, признать ее деятельность «нежелательной и вредной для земского дела» [30, с. 488]. Бывшие союзники, правые либералы, обвиняли губернскую земскую управу в «революционности», в «самовольных действиях», в поддержке незаконных деяний земских служащих и предлагали сложить досрочно свои полномочия. Но члены земской управы во главе с А. Д. Юматовым заявили, что продолжат работать до окончания своих трехлетних мандатов [30, с. 489].

Земский либерализм в Саратове в предреволюционные и революционные годы прошел те же стадии своего развития, что и многие российские земства. В частности, Н. Г. Королева считает, что «Саратовское земство и события, происходившие вокруг него, отразили основной спектр общественного мнения российской глупинки» [27, с. 18].

Ряд исследователей считают, что земский либерализм в провинции потерпел крах в 1906 г. [12, с. 162] Однако точка зрения О. А. Курсевой представляется более обоснованной. Она полагает, что «нет оснований говорить о крахе либерализма», который подготовил базу для создания либеральных партий [9, с. 386]. Саратовские земские гласные отрицали наличие глубоких противоречий в земском либерализме. По мнению гр. Д. А. Олсуфьева, подтверждением тому является сам факт существования «Союза 17 октября» [35, с. 67].

Саратовские земские либералы продолжали отстаивать свои взгляды в стенах Государственной думы (Н. Н. Львов, А. М. Масленников,

С. А. Котляревский, А. А. Уваров, Д. А. Олсуфьев, К. Н. Grimm).

Гр. А. А. Уваров, с его точки зрения, раскрыл суть раскола, который обозначился еще в декабре 1905 г. Он говорил, что в Саратовском земстве существуют две группировки: «одна теоретики-доктринеры, другая – практики. Управа – представительница доктринеров. Главные доктринеры – Котляревский и Львов. Они (витают. – Е. М.) в высоких сферах» [30, с. 205].

Себя и своих сторонников Уваров отнес к «практикам», четко обозначив то направление в земстве, которое восторжествует с конца 1906 г. с новым составом управы и губернского земского собрания. Новый состав земской управы во главе с К. Н. Grimmом, который был избран абсолютным большинством голосов, поставил своей целью переход от активной политической деятельности к реализации практических задач, стоявших перед органами земского самоуправления в эпоху «иллюминаций».

Речь А. А. Уварова в декабре 1906 г. знаменовала начало нового этапа в деятельности Саратовского земства: «В прошлом году мы в собрании составляли незначительное большинство, известное под названием «34», в нынешнем – являемся безусловным большинством», от которого теперь всецело зависит «направление всего земского дела» [32, с. 8].

Сторонники правых либералов заняли не только места в губернской земской управе, но и возглавили все земские комиссии (оценочную, народного образования, бюджетную, страховую и др.) [32, с. 6–7].

«Коренным образом изменилось само настроение земской среды, как изменился и ее личный состав, – отмечал С. А. Котляревский. – Мы не найдем здесь старого земского идеализма... который пройден до конца. Высшей земской добродетелью признается хозяйственная практичность, которая боится политических потрясений». Правовед выражал сожаление о том, что не были реализованы политические программы земской оппозиции: «политические преобразования были бы надежным средством против этих потрясений» [31, с. 5].

Таким образом, в январе – июле 1905 г. Саратовское земство разработало детальную программу преобразования политической системы России. Выступив в поддержку постановлений ноябрьского земского съезда 1904 г., провинциальное земство пошло несколько дальше решений этого форума, поддержав подавляющим большинством голосов законодательный характер будущего российского парламента, введение всеобщего, прямого, равного голосования с тайной подачей голосов, разработав электоральную систему для всей России. Саратовское земство добавило в свою резолюцию право на стачки, на свободу науки и ее преподавания.

Политические конструкции саратовских земских либералов носили умозрительный характер и представляли собой интерпретацию западноевропейских идей правового государства.

Так же как и весь земский либерализм, основой своей тактики саратовские земцы провозглашали мирный путь совершенствования государственного строя России. Однако все уверения земских либералов по поводу необходимости диалога с властью, которая должна была инициировать реформы, являли собой не более чем декларацию (во всяком случае, со стороны левых либералов). Доказательством этого может служить отношение российских земств, в том числе и Саратовского, к законопроекту о «булыгинской думе», которое отражало политические требования либеральной оппозиции в эту революционную эпоху. Реакция Саратовского земства (как и многих других земств России) стала доказательством запаздывания правительства с реформами. В тоже время общество (в данном случае земские учреждения) не желало идти на компромисс: горизонт общественных ожиданий был завышен.

Либералы требовали значительных уступок со стороны правительства. В частности, либеральное большинство Саратовского земства единодушно поддержало решения ноябрьского съезда о необходимости отмены Закона от 14 августа 1881 г., который, по их мнению, «препятствовал единению власти и народа» и создавал условия для административного произвола». Либералы были уверены, что эта акция со стороны верховной власти «внесет в страну умиротворение». Саратовские земцы внесли свою поправку и в это радикальное требование Петербургского съезда: наряду с отменой августовского закона, они настаивали на проведении «амнистии по политическим делам и по суду» [16, с. 28].

Как показали дальнейшие события, компромисс между либералами и правительством оказался невозможным, ибо «в своих исходных основаниях и власть, и либеральная оппозиция представляли разные модели понимания новой исторической реальности» [4, с. 425]. Слепота правительства отвечала слепота оппозиции [5, с. 31].

Если стратегически программа конституционного преобразования России, разработанная либеральной оппозицией Саратовского земства, была достаточно логична с точки зрения формально-юридической, то с точки зрения тактических приемов либералы не были последовательны. Правые либералы осуждали революцию и ее методы борьбы. Среди левых либералов наметился раскол: некоторые поддерживали антиреволюционные позиции правых либералов, другие же официально не осудили ни революцию, ни революционный террор.

Расцвет земского либерализма в Саратове пришелся на очень короткий период (январь – июль 1905 г.), но позже выявились серьезные противоречия в тактике между правым и левым крылом, между кадетами и октябристами. Из-за обнажившихся противоречий слабый консенсус в либеральном лагере к декабрю 1906 г. окончательно рухнул. Руководство в Саратовском земстве (и не только) перешло от «идеалистов» – левых либералов в руки «практиков» – правого крыла земского либерализма.

Примечания

¹ Львов Николай Николаевич. Землевладелец (свыше 10 тыс. дес.) Окончил юридический факультет Московского университета. Гласный Балаховского и Саратовского губернского земских собраний (1893–1906 гг.) Председатель Саратовской губернской управы (1899–1902 гг.) Член нелегальных организаций («Беседа», «Союз освобождения», «Союз земцев-конституционалистов»), член ЦК партии кадетов (позже – партий мирообновленцев и прогрессистов). Депутат I, III, IV Государственных дум.

² Котляревский Сергей Андреевич. Окончил историко-филологический и юридический факультеты Московского университета. Профессор. Выдающийся правовед, исследователь проблем государства и права. Действительный статский советник (1911). Гласный Балаховского и Саратовского губернского земских собраний. Член нелегальных организаций («Беседа», «Союз освобождения», «Союз земцев-конституционалистов»), член ЦК партии кадетов (до 1912 г.) Депутат I Государственной думы.

³ Масленников Александр Михайлович. Землевладелец (300 дес.) Окончил юридический факультет Петербургского университета. Присяжный поверенный. Гласный уездного и Саратовского губернского земских собраний (1890–1906 гг.) Участник «Союза освобождения», Петербургского ноябрьского земского съезда 1904 г. Член партии кадетов, партии прогрессистов. Депутат III–IV Государственных дум (1907–1912).

⁴ Олсуфьев Дмитрий Адамович, граф. Землевладелец (свыше 10 тыс. дес.) Окончил физико-математический факультет Московского университета. Действительный статский советник. Камергер. Камышинский предводитель дворянства (1894–1902). Председатель Камышинской уездной управы, председатель Саратовской губернской земской управы (1902–1904). Один из организаторов «Союза 17 октября» и руководитель Саратовского отдела партии (1905), член Государственного совета, член Совета объединенного дворянства. В 1915 г. примкнул к Прогрессивному блоку.

⁵ Уваров Алексей Алексеевич, граф. Землевладелец (12 тыс. дес.) Окончил юридический факультет Московского университета. Действительный статский советник (1906 г.) Председатель Вольской уездной управы (1894–1895). Гласный уездного и Саратовского губернского земских собраний. Член «Союза землевладельцев монархистов – конституционалистов», далее примкнул

- к «Союзу 17 октября», позже – член ЦК партии прогрессистов (с 1912 г.) Депутат III Государственной думы.
- ⁶ Гримм Константин Николаевич. Землевладелец (600 дес.) Окончил Казанское пехотное юнкерское училище. Действительный статский советник (1911). Уездный и губернский гласный. Председатель губернской земской управы (1906–1908, 1910–1918). Входил в бюро фракции «Союз 17 октября». Депутат III Государственной думы.
- ⁷ Ознобишин Владимир Нилович. Землевладелец (свыше 8 тыс. дес.) Окончил юридический факультет Московского университета. Гласный уездного и Саратовского губернского земских собраний. Камергер. Действительный статский советник. Предводитель дворянства Сердобского уезда. Губернский предводитель дворянства (с декабря 1905 г.). Председатель Саратовского отдела русского собрания. Почетный член Саратовского отдела Союза Михаила Архангела. Член Государственного совета (с 1911 г.)
- ⁸ Веселовский Константин Борисович. Помещик Балашовского уезда. Председатель Балашовской земской управы (1900–1912 гг.). Гласный губернского земства. Находился под влиянием Н. Н. Львова.
- ### Список литературы
- Иорданский Н. И. Земский либерализм. М. : «Колокол» Е. Д. Мягкова, 1905. 60 с.
 - Шацлло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация. Программы. Тактика. М. : Наука, 1985. 354 с.
 - Гоголевский А. В. Очерки истории русского либерализма конца XIX – начала XX в. СПб. : СПбГУ, 1996. 152 с.
 - Шелохаев В. В. Либерализм в России в начале XX века. М. : Политическая энциклопедия, 2019. 503 с.
 - Гайда Ф. А. Российский либерал начала XX столетия в политике // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10, № 6. С. 28–43.
 - Пирумова Н. М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX века. М. : Наука, 1977. 288 с.
 - Черменский Е. Д. Земско-либеральное движение накануне революции 1905–1907 гг. // История СССР. 1965. № 5. С. 41–60.
 - Соловьев К. А. Круг «Беседа». В поисках новой политической реальности 1899–1905 гг. М. : РОССПЭН, 2009. 288 с.
 - Курсеева О. А. Земский либерализм в провинции на рубеже XIX–XX веков (по материалам Среднего Поволжья и Приуралья). Уфа ; Стерлитамак : Гос. пед. академия, 2008. 467 с.
 - Шевырин В. М. Николай Николаевич Львов (предисловие к публикации: Н. Львов. Еще о Балашовских событиях) // Россия и современный мир. 2005. № 1. С. 238–248.
 - Воронежцев А. В. Саратовское земство накануне и в период Первой российской революции (1900–1907 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1993. 18 с.
 - Очерки истории Саратовского Поволжья : в 3 т. Т. 2, ч. 2 (1894–1917) / под ред. И. В. Пороха. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1999. 432 с.
 - Савицкая А. Е. Политико-правовая теория С. А. Котляревского : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. 26 с.
 - Короткова Н. В. Государственно-правовые взгляды С. А. Котляревского : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 25 с.
 - Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет : в 4 т. СПб. : Изд-во О. Н. Поповой, 1911. Т. 4. 696 с.
 - Земство и политическая свобода. Журналы Комиссии-собрания Саратовского губернского земства (1905 г.). Париж : Société nouvelle de librairie et d'édition, 1905. 38 с.
 - Чернышова Е. В. Земский вопрос в публицистике периода первой русской революции // Текст Архив. Документы тексты. URL: <https://textarchive.ru/c-1835314.html> (дата обращения: 18.04.??24).
 - Корнилов А. А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 136–149.
 - Серкина Н. Е. Теория бюрократической рационализации Макса Вебера и ее вклад в парадигму индустриального общества // Вестник Волгоградского университета. Серия 7. Философия. 2017. Т. 16, № 1. С. 28–35.
 - Маклаков В. Из воспоминаний. М. : Статут, 2016. 320 с.
 - Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб. : Изд-во Г. Ф. Львовича, 1907. 250 с.
 - Барина Е. П. Власть и поместное дворянство России начала XX века. Самара : Самарский университет, 2002. 364 с.
 - Закон от 6 августа 1905 г. о Государственной думе // Саратовская земская неделя. 1905. № 6–7. С. 17–24.
 - Журналы экстренного Саратовского губернского земского собрания 15–20 марта 1905 г. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1905. 139 с.
 - Циунчук Р. А. Идея народного представительства в 1904–1905 гг.: от совещательной к законодательной модели // Вестник экономики, права и социологии. 2009. № 1. С. 85–91.
 - Морозова Е. Н. «Правительственный конституционализм» в юридических и историко-политических исследованиях // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России) : в 2 ч. / под ред. Н. С. Нижник. СПб. : СПб УМВД, 2023. Ч. 1. С. 178–180.
 - Земское самоуправление в России. 1864–1918 : в 2 кн. Кн. 2 (1905–1918) / под ред. Н. Г. Королевой. М. : Наука, 2005. 384 с.
 - Голубев В. Роль земства в общественном движении. Ростов н/Д : Изд-во Н. Парамонова «Донская речь», 1905. 86 с.

29. Шевырин В. М. Накануне Февральской революции 1917 г. (письма Д. А. Олсуфьева и Н. Н. Львова к великому князю Николаю Михайловичу) // Россия и современный мир. 2007. № 1. С. 101–118.
30. Журналы 40-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1905 г. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1906. 543 с.
31. Котляревский С. А. Самоуправление и земство // Право. 1914. № 1. С. 1–6.
32. Журналы 41-го очередного Саратовского губернского собрания 1–16 декабря 1906 г. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1907. 562 с.
33. Штейнберг И. З. Нравственный лик революции / предисл. Е. Н. Морозовой. М. : Кучково поле. 2017. 407 с.
34. Блок А. Письмо к В. В. Розанову 20 февраля 1909. Петербург // Александр Блок. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 5. Письма (1898–1921). Л. : Художественная литература, 1983. 302 с.
35. Соловьев К. А. Дмитрий Олсуфьев: на идеологическом перепутье // Историческое обозрение. 2019. № 20. С. 65–71.

Поступила в редакцию 31.05.2025; одобрена после рецензирования 25.06.2025;
принята к публикации 27.06.2025; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 31.05.2025; approved after reviewing 25.06.2025;
accepted for publication 27.06.2025; published 28.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 526–533

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 526–533

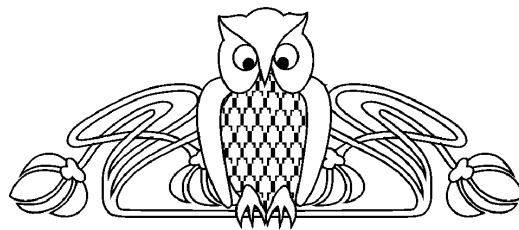
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-526-533>, EDN: NFOMTG

Научная статья

УДК [392.3:314](470.67)|18/19|

Семейные ценности и ребенок в Дагестане конца XIX – начала XX в.: историко-демографический аспект

М. М. Амирханова

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Россия, 367030, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Ярагского, д. 75

Амирханова Мадина Магомедовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела новой и новейшей истории Дагестана, madinat63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8218-0006>, AuthorID: 259374

Аннотация. В статье рассматривается дагестанская семья на рубеже двух веков. Отмечается, что сфера брачно-семейных отношений основывалась на религиозных взглядах. Для семьи характерны были авторитарно-патриархальные взаимоотношения. Детей воспитывали в беспрекословном подчинении и уважении к старшим. Формулируется вывод, что в рассматриваемый период происходит дробление дагестанской семьи. Однако сохраняются и традиционные черты: устойчивость брака, патриархально-авторитарная организация семьи, многодетность

Ключевые слова: Дагестан, семья, ценности, брак, развод, многодетность, младенческая смертность, воспитание детей

Для цитирования: Амирханова М. М. Семейные ценности и ребенок в Дагестане конца XIX – начала XX в.: историко-демографический аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 526–533. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-526-533>, EDN: NFOMTG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Family values and a child in Dagestan in late 19th – early 20th century: Historical and demographic aspect

М. М. Amirkhanova

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 75 Yaragsky St., Makhachkala 367030, Republic of Daghestan, Russia

Madina M. Amirkhanova, madinat63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8218-0006>, AuthorID: 259374

Abstract. The article examines the Dagestani family at the turn of the century. It notes that marital and family relations were rooted in religious beliefs. Authoritarian-patriarchal relationships characterized the family. Children were raised with unquestioning obedience and respect for their elders. It is concluded that during this period, the Dagestani family fragmented. However, traditional characteristics persisted: stable marriage, a patriarchal-authoritarian family structure, and large families.

Keywords: Dagestan, family, values, marriage, divorce, large families, infant mortality, raising children

For citation: Amirkhanova M. M. Family values and a child in Dagestan in late 19th – early 20th century: Historical and demographic aspect. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 526–533 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-526-533>, EDN: NFOMTG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В качестве важного аспекта человеческой жизни проблема семьи и семейных ценностей сохраняет определяющее значение и в настоящее время из-за нерешенности многих социальных вопросов. Семья, с одной стороны, как опора, защищающая индивида от угроз внешнего мира, с другой – требующая от него служения своим близким и следования семейным традициям, в рамках изучения социальной истории

вызывает несомненный интерес у исследователей. При этом ценности поколения «отцов» постепенно воспринимаются поколением «детей», обеспечивая поступательное развитие общества.

Многие исследования, вышедшие в последние десятилетия, посвящены самым различным аспектам жизни и быта семьи, взаимоотношениям родителей и детей.

В дореволюционной литературе историк и правовед К. И. Бабилов рассматривал особенности русской семьи в процессе развития общества [1]. В работах П. Ф. Каптерева освещались задачи и основы семейного воспитания [2].

Труды советского периода в основном посвящены проблемам семейно-брачных отношений в контексте воспитания «нового советского человека» [3, 4].

В постсоветский период проблемы истории семьи и взаимоотношений в семье стали исследоваться в русле социальной истории. Н. Л. Пушкарева посвятила свои труды проблемам повседневности, женскому взгляду на семейный быт [5]. Особый интерес для рассматриваемой темы представляет монография В. Б. Жиромской и Н. А. Араповец, посвященная истории российского детства на протяжении более чем века [6].

Региональные проблемы семьи и детства нашли освещение в основном в трудах этнографов. Особый вклад в изучение дагестанской семьи и взаимоотношений в семье внесли труды С. Ш. Гаджиевой [7, 8]. Для раскрытия проблемы важное значение имеют работы М. К. Мусаевой [9, 10]. Темой исследования М. Б. Гимбатовой стало социокультурное пространство ногайцев, в частности семейный быт [11].

В трудах историков нашли отражение отдельные аспекты рассматриваемой проблемы. Книга А. И. Османова посвящена освещению численности, размещения и воспроизводства населения Дагестана с древнейших времен до конца XX в. [12]. В монографии М. Я. Мирзабекова нашли отражение вопросы численности, национального и социального состава, динамики воспроизводства дагестанцев [13].

Историографический обзор литературы по данной теме показал, что семья являлась объектом изучения исследователей, особенно в региональных трудах этнографов. Однако процесс историко-демографического развития дагестанской семьи и взаимоотношений в семье в указанных хронологических рамках не являлся объектом специального исследования.

Основным источником для освещения проблемы явились материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. В переписных листах имеются сведения о семейном состоянии дагестанцев: брачности, рождаемости, возрастном составе детей. «Обзоры Дагестанской области» за 1897–1915 гг. показывают динамику изменения демографических показателей дагестанцев и т. д. К сожалению, данные приводятся в общем плане, без контекста взрослых-дети [14].

Архивные материалы по данной проблеме малочисленны. В фонде канцелярии Военного губернатора Дагестанской области содержится Положение, регламентирующее сословный характер брачного союза [15]. В фонде Статистического комитета имеются фрагментарные

сведения о младенческой смертности в разрезе город-село и т. д. [16].

В Российской империи по Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в основном проживало сельское население. Численность городских жителей составляла лишь 13,4%. На Кавказе и в Средней Азии численность городских жителей была выше, но это в основном было мужское население. На Кавказе на 1000 мужчин насчитывалось всего 758 женщин [17, с. 11–12].

Данные переписи выявили интересные показатели по возрастному составу населения. Лица от 20 до 60 лет составляли наибольшую категорию. Самая большая возрастная группа была представлена детьми от 1 до 9 лет – 23,9%, т. е. почти четверть населения [17, с. 13].

В то же время в отличие от других регионов в Дагестане численность женщин (50,4%) превышала число мужчин (49,6%) [13, с. 52]. В разных возрастных категориях это различие варьировалось. Мужчины преобладали в возрастной категории «новорожденные – до 29 лет». Перепись 1897 г. зафиксировала в Дагестане 28,3%, или около трети населения, в категории моложе года и до 9 лет. Таким образом, 76,4% населения было представлено людьми до 29 лет [14].

В рассматриваемый период вовлечение Дагестана в состав российской рыночной системы ускорило проникновение товарно-денежных отношений в самые отдаленные районы области. Однако промышленное производство только зарождалось, большинство населения занималось сельским хозяйством.

В России в конце XIX – начале XX в. сфера брачно-семейных отношений основывалась на религиозных взглядах. При этом характерно было многообразие вероисповеданий: христианство, ислам, иудаизм. Исходя из их канонических, регламентировались добрачное, внебрачное и брачное поведение населения, рождаемость, отношения внутри семьи [6, с. 17]. В то же время во всех вероисповеданиях и разных социальных группах вступление в брак, создание семьи, воспитание детей считалось долгом перед Богом и обществом.

В отличие от христианства идея безбрачия в исламе не поддерживалась. Для женщин поощрялось раннее вступление в брак, многоженство – для мужчин, многодетность. Разводы допускались.

В рассматриваемый период семейно-брачные отношения регулировались Гражданским законодательством Российской империи. В частности, им закреплялось положение о сословной принадлежности при вступлении в брак [18].

5 июня 1903 г. для разъяснения действия Положения на территории Кавказа Закавказское мусульманское духовное управление (суннитского учения) на обращение главноначальствующего гражданской частью на Кавказе от 25 мая

того же года уведомляло: «При выходе замуж как девицы, так и вдовы за лицо неравного происхождения, согласие их “вели” (естественного попечителя) обязательно; в случае же не испрошения согласия “вели”, последний имеет право просить о расторжении брака, заключенного помимо его согласия» [15, л. 10].

Чаще всего игнорировались желания и чувства брачующихся. Русский медик Н. Львов, побывавший в Дагестане дважды, пишет: «В Дагестане при заключении брачного союза главное принимается в расчет богатство, которому, как и везде, отдается преимущество перед личными качествами соединяющихся браком...» [19, с. 18–19].

О сватовстве родители часто договаривались уже при рождении девочки. При этом обязательной считалась уплата приданого (махара). Это означало, что, достигнув совершеннолетия, она становилась женой того, за кого была засватана с пеленок. В семье не спрашивали ее согласия.

В Дагестане достаточно часты были случаи насильственной выдачи замуж. Например, горянка Патимат из Даргинского округа отказалась выйти за своего «жениха» и вышла за любимого молодого человека без разрешения родителей. Недовольные ее выбором отец и брат убили ее мужа и насильно выдали за другого. Из-за этой трагедии в маленьком ауле на почве кровной мести было убито 12 человек [20, с. 13].

Как отмечает этнограф С. Ш. Гаджиева, это не означало, что во внимание совсем не принимались склонности жениха и невесты. Перед другими мотивами брака любовь могла и превалять. Вопреки первоначальному решению, родители могли согласиться на брак детей по их выбору [8, с. 146].

В то же время и Н. Львов обращает внимание на это явление: «Браки по любви случаются между горцами не так часто, однако нельзя сказать, чтобы любовь была чужда чувству горца. Напротив, очень часто слышишь, что такой-то влюбился в такую-то, такая-то влюбилась в такого-то» [19, с. 19].

Главным предназначением женщины являлось замужество и материнство. Круг ее деятельности замыкался в семье: домашнее хозяйство, растить и воспитывать детей.

Раннему вступлению в брак (брачность была всеобщей) способствовали устоявшиеся религиозные семейные ценности. Они обуславливали господство авторитарных внутрисемейных отношений, где царили зависимость жен от мужей, детей – от родителей. На многонациональном Юге браки в основном заключались между представителями одного вероисповедания [21, с. 21].

У дагестанцев, как и других народов Северного Кавказа, достигшими минимального брачного возраста по адату считались молодой человек и девушка 15 лет. В основном преобладали

браки, заключенные между юношами, достигшими 18–22 лет, и девушками 16–20 лет [22, с. 84].

Динамика брачности дагестанцев характеризовалась следующим образом: с 1902 г. (6691 чел.) по 1905 г. (7142 чел.) наблюдается рост заключаемых браков [23, с. 3; 24, с. 7], с 1908 г. (7029 чел.) по 1911 г. (7096 чел.) незначительно увеличилось количество брачующихся [25, с. 15; 26, с. 63], в 1913 г. видно их увеличение (7218 чел.) [27, с. 6].

Выбор невесты и жениха считался серьезным и очень ответственным шагом. При выборе невесты в первую очередь принимались во внимание ее трудолюбие, сдержанность в проявлении эмоций, знание этикета. Кроме того, девушка должна была быть физически крепкой, способной иметь здоровое потомство, выполнять многочисленные обязанности по хозяйству, дому и воспитанию детей. Другим нравственным качествам также придавалось немаловажное значение: знаниям традиций, умению уважать старших, отзывчивости и т. д.

Исторически сложившийся в обществе механизм, при котором муж всегда обеспечивал семью материально, жена занималась домашним хозяйством, дети были порой опорой родителям в немощи, а в малообеспеченной семье еще трудились, начиная с раннего возраста, стимулировали многодетность. В свою очередь, высокий уровень смертности детей и незначительное регулирование рождаемости в стране способствовали сохранению традиционного репродуктивного поведения ее населения.

На этот процесс ощутимое влияние оказывали традиции и обычаи, исторически выработанные и освященные религией. Исходя из материалов Центрального статистического комитета (ЦСК) за 1899–1900 гг., можно делать вывод, что особенно высокий уровень рождаемости наблюдался у мусульманок и православных христианок [6, с. 18]. Этот показатель у христианок хотя и снизился в начале XX в. по сравнению с концом XIX в., но по-прежнему оставался высоким, у мусульманок же он повысился в 1900-х гг. (особенно в 1910 г.) по сравнению с 1899 г. [6, с. 18]. Так, общее число родившихся в Дагестанской области в 1902 г. составило 14 568 человек, из них в городах – 1453 и в округах – 13 115 [23, с. 5]. А в 1911 г. в области было зафиксировано 16 295 рождений, из них в городах – 1511 человек, в округах – 14 784 [26, с. 44]. Таким образом, в 1911 г. по сравнению с 1902 г. естественный прирост увеличился на 1725 человек [26, с. 44].

В Дагестане многодетность считалась признаком семейного благополучия. Об этом говорит и тот факт, что пожелания быть счастливой многодетной матерью высказывались уже невесте во время первых ее посещений дома будущего мужа. Например, пожилые люди в ответ на услугу молодого человека часто говорили: «Пусть

твоя жена родит тебе сына-богатыря», а если обращались к молодой женщине: «Да родится у тебя сын» [10, с. 31].

Для свадебного обряда характерен ряд магических приемов, направленных на обеспечение многодетности. Например, во время ввода невесты в дом жениха проводили такие приемы, как осыпание невесты зерном, горохом или другими «семенами земли», закидывание невесты сырыми яйцами [10, с. 31].

Возможно, стремление к многодетности объяснялось и достаточно высокой смертностью населения [28, с. 38]. Так, умерших в 1902 г. насчитывалось 14 063 человек, в том числе в городах – 1050, в сельской местности – 13 013 [23, с. 5]. В 1892–1904 гг. от инфекционных болезней (оспа, корь, скарлатина, брюшной тиф) умер 2021 человек [12, с. 138].

Это явление было связано с тяжелыми условиями жизни большинства населения. Среднегодовое потребление горцем мяса составляло 6,32 кг, жиров – 1,7 кг, сахара – 2,55 кг, что было в два с лишним раза меньше потребления этих продуктов сельским населением центральных губерний России [29, с. 546].

Особенно сказывалось отсутствие медицинской помощи. Например, к 1887 г. для населения области не имелось больниц, за исключением лишь одного приемного покоя на 5 кроватей в селе Касумкент Кюринского округа [30, с. 57], содержавшегося на общественные пожертвования. Городские жители за установленную плату пользовались медицинской помощью в местных военных лазаретах. Кроме того, женщина была лишена возможности обращаться к врачу-мужчине из-за предписаний мусульманской религии. Острой была необходимость акушерок-фельдшеров и повивальных бабок.

К 1913 г. ситуация с медицинским обслуживанием в Дагестане немного улучшилась. Так, в городах Темир-Хан-Шура, Петровске и Дербенте было открыто несколько больниц и приемных покоев. В сельской местности население пользовалось бесплатным лечением в 18 лечебницах. Здесь уже имелось 38 врачей (из них 2 женщины), 98 фельдшеров и 32 повивальные бабки [30, с. 57].

В то же время в дагестанском аграрном обществе необходимость иметь большее количество детей (в среднем около четырех), как считает этно-демограф М.-Р. А. Ибрагимов, поощрялось и условиями хозяйствования, что было призвано способствовать лучшему функционированию семьи. В рассматриваемый период одобряемое общественным мнением раннее замужество, осуждение разводов и бездетности, благоприятствовавшие высокой рождаемости, можно объяснить спецификой основных занятий (сочетанием земледелия и скотоводства, уровнем социально-экономического развития населения). Этому

также способствовали наличие пережитков патриархальной традиции, обычай эндогамии, т. е. явлениями, всячески поддерживавшими замкнутость отдельных селений, обществ, этнических групп [28, с. 38].

Следует отметить, что в Дагестане в начале XX в. преобладающей была малая семья, хотя в пережиточной форме сохранялась и большая семья (неразделенная), состоявшая из двух, трех и больше поколений близких родственников. Как отмечает С. Ш. Гаджиева, по своему составу дагестанская неразделенная семья была близка семьям такого типа у других народов Кавказа. Чаще всего такие семьи состояли из 20–50 человек, очень редко – 60–70 человек [8, с. 36].

С развитием товарно-денежных отношений естественный рост числа членов семьи приводил чаще всего к их окончательному распаду. Обычно он воспринимался как результат хозяйственно-бытовых трудностей. Отделялись братья, сыновья или внуки. Смерть главы семьи – отца или старшего брата также являлась толчком для разделения семьи. Но этот процесс происходил у дагестанцев неодинаково, что было обусловлено природно-географическими условиями жизни населения. Так, большие семьи сохранялись чаще в горах, чем на равнине, так как для добывания средств к жизни необходимы были усилия большого числа людей, то есть большесемейной группы, сельской общины.

Саид Габиев в своей работе о лаках отмечает: «Живут лаки часто по несколько семейств в одном доме. Если хозяин человек зажиточный, то жилых комнат не больше двух, а то одна» [31, с. 137]. У отдельных народов Дагестана, живущих как в горах, так и на равнине, большесемейные коллективы сохранились вплоть до 1930-х гг. [32, с. 90].

Отходничество также способствовало разложению патриархального уклада дагестанской семьи. Например, в 1915 г. число отходников составило 80 183 человек [33, л. 21]. Усиление отходничества было обусловлено расслоением крестьянства и возникновением неравенства, сочетанием различных общественно-экономических укладов жизни. Почти в каждом дагестанском ауле в хозяйстве крестьянской семьи можно было встретить сочетание мелкотоварного, феодального и капиталистического производства.

Как и большая семья, малая являлась многофункциональной социальной группой. Она осуществляла несколько функций: хозяйственные, продолжения рода, воспитания детей и т. д. В малой семье после женитьбы, как свидетельствует знаток адатов народный поэт Дагестана Г. Цадаса, «спустя немного времени, молодоженов отделяли для самостоятельной жизни. Им давали все, что было необходимо для ведения самостоятельного хозяйства. Если же родители нетрудоспособны по старости или болезни, то раздел хозяйства не производили...» [34, с. 86].

В дагестанской семье труд распределялся по половому признаку. Трудоемкие работы по хозяйству и семье выполнялись мужчинами: они заготавливали камни для строительства дома, ремонтировали орудия труда, ухаживали за скотом, занимались вспашкой земли и посевом полей. Подростки активно помогали им в выполнении этих работ. Авторитет каждого члена семьи определялся, прежде всего, его вкладом в хозяйство и семейный бюджет, а также личными качествами и жизненным опытом.

Обязанности женщины были не менее обширны: приготовление пищи, поддержание чистоты и порядка в доме, изготовление одежды, ткачество и т. д. Например, лезгинки активно помогали мужчинам в срочных полевых работах и носили воду для всей семьи.

Характеризуя разделение труда между мужем и женой в дагестанской семье, Г. Цадаса пишет: «Основной силой в хозяйстве была женщина. Недаром сложилась пословица, что жена – это столб дома, весь дом держится на ее плечах». Исполнение женских работ считалось для мужчины позором. Мужчина играл главенствующую роль в хозяйстве. Сложились пословицы: «Спаси боже от холодной горы и непослушной жены» или «Если муж и жена живут в аду, то нет нехватки в году» [34, с. 87].

Следует отметить относительную свободу горянок, не вяжущуюся с исламом. Замужние женщины часто навещали своих родителей и близких родственников, могли принимать участие в семейных и сельских праздниках. Дагестанка не знала затворничества. Саид Габиев пишет: «Тогда как все народы Востока стали укрывать своих женщин в душных стенах, наши горянки были совершенно свободны и ни в чем не уступали мужьям» [31, с. 138]. Решая семейные вопросы, муж советовался с женой. При определении детей в самостоятельную жизнь, горянка пользовалась своими правами. В сфере домашнего хозяйства и производства она оставалась самостоятельной.

Как ядро семьи, браки имели устойчивый характер. Определяющим являлись ценностные установки, выработанные в российском обществе, способствовавшие сохранению семьи, ее стабильности.

По сведениям Всеобщей переписи 1897 г. видно небольшое количество разводов в Дагестане, особенно среди мужчин. Женская разводимость была выше, но незначительно. Так, разведенных насчитывалось 1401 мужчина и 2120 женщин [14, с. 28].

Как правило, инициатором развода являлся муж. Право развода для женщины было крайне ограничено. Развод допускался для нее «только в двух случаях: если муж не может отпирать своих супружеских обязанностей, или, если по бедности своей он не в состоянии содержать семейство». При этом 1018 женских

разводов приходилось на 20–39-летний возраст [14, с. 28]. Этому способствовали социальная неустроенность большинства дагестанских семей и большая свобода в исламе для мужчин в брачно-семейных отношениях.

Высокая рождаемость давала значительный прирост числа детей. По Всеобщей переписи населения 1897 г. детей в возрасте от 1 года до 9 лет включительно насчитывалось 151 047. При этом наблюдалось небольшое преобладание мальчиков (76 482) над девочками (74 565) [14, с. 28].

Исходя из количества рождений, данные «Обзоров по области» показывают нестабильную ситуацию с рождаемостью. Так, в 1902 г. родилось 14 568 чел., в 1905 г. – 17 508 чел., в 1908 г. – 15 271 чел., в 1911 г. – 16 295 чел., 1913 г. – 17 256 чел. [23, с. 5; 24, с. 7; 25, с. 15; 26, с. 63; 27, с. 6].

Внебрачная рождаемость в Дагестане по причинам морального и религиозного характера распространена не была и измерялась ничтожными величинами. Так, в 1902 г. незаконнорожденных насчитывалось 53 чел., из которых в городе – 43, по округам – 10, в 1913 г. соответственно – 38 и 6 [23, с. 5; 27, с. 6].

В сельской местности незначительное количество таких рождений было обусловлено не только более высокой нравственностью населения. Определенную роль в этом играло и развитие путей сообщения. В такой сложной ситуации женщины старались родить вдали от своего дома, где их не знали, удалиться на время родов в укромное место.

Незаконнорожденные дети оказывались в непростой жизненной ситуации. От «согрешившей» и ее ребенка отворачивались родственники, она оказывалась без помощи, поддержки. По закону отец не обязан был содержать внебрачных детей. В селении такие дети были изгоями, их презирали, давали унижительные прозвища.

В то же время дети, особенно в крестьянских семьях, для родителей представляли немалую ценность. Как правило, семья хотела иметь больше детей, не только по причине «чадолюбия», но и с практической точки зрения, имея в виду помощь от них в скором будущем по хозяйству, а также уход и заботу в преклонном возрасте.

Число детей, особенно в сельской местности, в значительной мере зависело от уровня младенческой смертности, которая в 1897–1917 гг. оставалась достаточно высокой. Так, даже в благополучные 1910–1913 гг. из каждой тысячи родившихся по разным областям страны умирало от 270 до 350 младенцев, не дожив до одного года [14, с. 63].

Следует отметить, что экономический фактор нередко обуславливал высокий уровень детской смертности. Основой бедности крестьянских семей часто являлось малоземелье. В Дагестане, относившемся к числу малоземельных

районов, удобной для возделывания земли, в до-революционных границах, насчитывалось всего 1 300 000 десятин, т. е. в среднем приблизительно менее 2 десятин на душу [36, с. 14]. Эти сведения не точные, поскольку в Дагестане царское правительство не производило межевание земли.

К сожалению, в источниках и исторической литературе нет сведений о младенческой и детской смертности в динамике. Архивные документы содержат лишь отдельные данные, демонстрирующие то, что ситуация с младенческой смертностью в Дагестане была сложной. Например, в 1915 г. в городе Темир-Хан Шуре умерло 54 младенца [16, л. 2], Дербенте – 125 [16, л. 9], Петровске – 136 [16, с. 25]. В сельской местности смертность была еще более высокой. Так, в Андийском округе умерло 187 младенца [16, л. 3], Гунибском – 356 [16, л. 6], в Кайтаго-Табасаранском округе – 229 [16, л. 20].

По величине младенческой смертности Россия занимала одно из первых мест в мире, теряя ежегодно от 800 тыс. до 1,5 млн грудных детей [16, л. 20].

В конце XIX – начале XX в. численное преобладание сельского населения с его устоями брачно-семейных отношений в Дагестане (согласно переписи населения 1897 г. численность горожан составляла 44 607 тыс. человек) [14, с. 4] способствовал авторитарно-патриархальным отношениям между супругами, родителями и детьми.

Дагестанцы воспитывали детей в беспрекословном подчинении и уважении к старшим. Саид Габиев отмечает: «Образцовым, спартанским воспитанием своих детей горцы Кавказа могут похвастаться и перед другими народами. Отец и мать никогда не бьют детей и только одним взглядом укрощают их» [31, с. 142].

Кумыкский просветитель конца XIX в. М. Алибеков на примере адатов кумыков пишет о взаимоотношениях в семье, в частности отца и детей. Маленьких детей не принято было приносить в комнату, где находился отец. Дочерей растили и воспитывали только матери. Дед же мог играть с внуками, носить их на руках, ходить с ними и кормить их [37, с. 227].

Между тем для детей период раннего детства был временем относительной свободы. Много времени дети проводили в играх.

При детях отец и мать соблюдали строгие, сдержанные отношения друг с другом. Хвалить детей при посторонних считалось неприличным.

Вначале воспитателями являлись только члены семьи. По мере взросления ребенка к воспитателям присоединялись родственники, соседи, односельчане и т. д. Нужно было воспитывать ненавязчиво, справедливо и спокойно. Часто детей учили на положительных примерах, а также в виде притч, преданий и т. д.

Детей старались обучать и воспитывать нормам адата и шариага, невыполнение их пори-

цалось, а соблюдение поощрялось. Это объяснялось тем, что адат имел силу закона, нарушивший который мог подвергнуться наказанию.

В дагестанских семьях большое значение придавалось трудовому воспитанию детей. В дагестанской семье положение мальчика и девочки было не одинаковым. С детства девочка должна была помогать матери по хозяйству и дому. У мальчика было больше возможностей для игр и развлечений, хотя он выполнял некоторые виды работ: пас телят и овец.

Например, у кумыков в трудовом воспитании в семье «знатного дворянина» и представителя трудового народа имелись различия. В богатой и знатной семье сына старались воспитать воином, управленцем и хозяином. А в крестьянской семье стремились воспитать кормильца, трудолюбивого и грамотного работника, способного прокормить семью [38, с. 12].

Табасаранцы издавна изготавливали разные деревянные изделия, необходимые в хозяйстве. Уже пятилетний ребенок мог сделать деревянную ложку или двузубые вилки. Внуков часто учили изготовлению и починке необходимых в хозяйстве разных предметов кухонной утвари [10, с. 147].

Труд детей и подростков применялся не только домашнем хозяйстве. Достаточно широко применялся он в кустарно-ремесленном производстве, в то время очень развитой в Дагестане сфере. Так, каждый ремесленник и кустарь имел, как правило, по два ученика, которых он обучал в течение трех лет. Труд детей-рабочих применялся: мальчиков – в металлообработке, изготовлении одежды, в сельском хозяйстве на поденной работе, на дому; девочек – прежде всего в домашней работе. Таким образом, по данным Всеобщей переписи населения насчитывалось 1200 (8,4%) детей и подростков-рабочих (до 15 лет), из них 1000 мужского и 200 женского пола [39, с. 35].

Важным рубежом в развитии подростков считали 15-летний возраст – совершеннолетие. У большинства народов Дагестана (аварцы, даргинцы, лакцы) достижение совершеннолетия отмечалось торжественно. Как правило, к этому празднику юноше справляли новую одежду, вручали первый ременной пояс с кинжалом, шили первую черкеску [8, с. 286, 287].

Таким образом, в рассматриваемый период в дагестанской семье произошли определенные изменения. Произошло дробление большой семьи, с сохранением ее в пережиточной форме в горах и на равнине. Хотя не наблюдается сокращение рождаемости, высокая младенческая смертность уменьшала количество детей в семье и ее размеры. Тем не менее дагестанская семья сохранила вполне традиционные черты: устойчивость брака, ограниченность брачного выбора, патриархально-авторитарная организация семьи, неравноправное положение женщин, сохранение

стимулов (социально-экономические, религиозные) к многодетности.

Как и прежде, для семьи характерны авторитарно-патриархальные взаимоотношения: подчинение жены мужу, детей – родителям. Детей воспитывали в беспрекословном подчинении старшим и их уважении. Важное значение придавалось трудовому воспитанию детей.

Список литературы

1. Бабилов К. И. От колыбели до могилы: Картины и очерки публичной и семейной жизни современного русского общества. М. : Тип. Ф. Иогансона, 1873. 377 с.
2. Каптерев П. Ф. Задачи и основы семейного воспитания. СПб. : Типография Е. Евдокимова. 1898. 42 с.
3. Макаренко А. С. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Просвещение, 1960. Т. 1, ч. 3. 386 с.
4. Дробижев В. З. У истоков советской демографии. М. : Мысль, 1987. 221 с.
5. Пушкарева Н. П. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (XIX – начало XX в.). М. : Ладомир, 1997. 381 с.
6. Жиромская В. Б., Араповец Н. А. Российские дети в конце XIX – начале XX в.: историко-демографические очерки. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2018. 223 с.
7. Гаджиева С. Ш. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала : Дагкнигоиздат, 1967. 104 с.
8. Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М. : Наука, 1985. 360 с.
9. Мусаева М. К. Традиции, обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала : Наука плюс, 2006. 221 с.
10. Мусаева М. К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала : Изд-во Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2007. 252 с.
11. Гимбатова М. Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX – начало XX века). Махачкала : Эпоха, 2007. 344 с.
12. Османов А. И. Население Дагестана с древнейших времен до конца XX века. Махачкала : ИП Овчинников, 2011. 447 с.
13. Мирзабеков М. Я. Историческая география Дагестана (60-е годы XIX – 30-е годы XX в.). М. : Парнас, 2012. 393 с.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Дагестанская область / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Гос. тип., 1905. 212 с.
15. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 2 (Канцелярия военного губернатора Дагестанской области). Оп. 4. Д. 3.
16. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 21 (Дагестанский областной статистический комитет Центрального статистического комитета г. Темир-Хан-Шура). Оп. 4. Д. 91.
17. Население России в XX веке. Исторические очерки : в 3 т. Т. 1 : 1900–1939 / отв. ред. В. Б. Жиромская. М. : РОССПЭН, 2000. 463 с.
18. Свод законов Российской империи : в 16 т. Т. 10, ч. 1. Свод законов гражданских / сост. Государственной Канцелярией. Петроград : Гос. тип., 1914. 984 с.
19. Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // Сборник сведений о кавказских горцах : в 10 вып. Тифлис : Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1870. Вып. 3. С. 1–32.
20. Гасанова А. И. Раскрепощение женщины-горянки в Дагестане (1920–1940-е гг.). Махачкала : Типография Дагфилиала, 1963. 157 с.
21. Макаренко М. Ю., Мингазова Э. Н. Дети и подростки в системе ценностей славянского населения Юга России (конец XIX – первая четверть XX в.) // Общество : философия, история, культура. 2012. № 4. С. 17–26.
22. Мусаева М. К. Хваршины. XIX – начало XX в. Махачкала : Изд-во Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, 1995. 251 с.
23. Обзор Дагестанской области за 1902 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету военного губернатора Дагестанской области. Темир-Хан-Шура : Русская типография В. М. Сорокина, 1903. 153 с.
24. Обзор Дагестанской области за 1905 г. Темир-Хан-Шура : Русская типография В. М. Сорокина, 1907. 30 с.
25. Обзор Дагестанской области за 1908 г. Темир-Хан-Шура : Типография «Дагестан», 1909. 41 с.
26. Обзор Дагестанской области за 1911 г. Темир-Хан-Шура : Типография «Дагестан», 1912. 98 с.
27. Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура : Паровая типолитография М. М. Мавраева, 1915 г. 36 с.
28. Ибрагимов М.-Р. А. Население (этнодемографический обзор) // Народы Дагестана / отв. ред. С. А. Арютонов, А. И. Османов, Г. А. Сергеева. М. : Наука, 2002. С. 36–49.
29. Османов А. И. Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития : в 2 кн. Кн. 2 : Общественно-политическая жизнь и социокультурное развитие народов Дагестана. Махачкала : ООО «Динэм», 2007. 621 с.
30. Обзор о состоянии Дагестанской области за 1887 г. Темир-Хан-Шура : Арендатора отделения типографии Михайлова Г. Зорина, 1898. 149 с.
31. Габиев С. И. Избранные труды. Махачкала : Дагестанский научный центр РАН ; Институт истории археологии и этнографии ; Культ. ист. фонд «Тарих», 2001. 416 с.
32. Гаджиева М. И., Омаршаев А. О. Семья народов Дагестана в историческом развитии. Махачкала : РИЦ «Стиль», 2000. 160 с.
33. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 2 (Канцелярия военного губернатора Дагестанской области). Оп. 2. Д. 72.

34. Гамзат Цадаса. Ада́ты о браке и семье аварцев в XIX – начале XX в. // Законы вольных обществ Дагестана XVII–XIX вв. Архивные материалы / сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. Махачкала : Эпоха, 2007. 300 с.
35. Титова Т. А. Лезгинская семья на рубеже XIX–XX веков. Этнографические очерки. Казань : Новое знание, 1999. 53 с.
36. Современный Дагестан. По материалам Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции ДССР. Махачкала : ДЦИК Последгола, 1925. 67 с.
37. Алибеков М. «Ада́ты кумыков» // Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана. V – начало XX в. : в 2 т. Т. 2 : В царской и ранней советской России / сост., отв. ред. В. О. Бобровников. М. : Изд. дом. Марджани, 2009. С. 201–229.
38. Крамынина Е. Р. Трудовое воспитание детей в кумыкской семье. XIX – нач. XX века // Вестник Института ИАЭ. 2012. № 3. С. 100–104.
39. Милованов Г. И. Рабочий класс Дагестана. Историко-экономический очерк. Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1991. 127 с.

Поступила в редакцию 26.03.2025; одобрена после рецензирования 30.03.2025;
принята к публикации 27.06.2025; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 26.03.2025; approved after reviewing 30.03.2025;
accepted for publication 27.06.2025; published 28.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 534–544

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 534–544

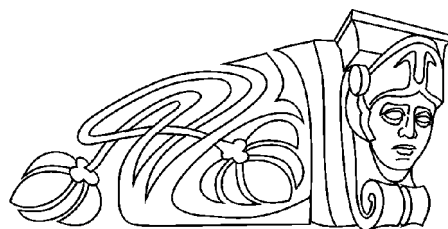
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-534-544>, EDN: QNHCOM

Научная статья

УДК 616.932-036.22(470.44/.47)|182/183|

Холера в Нижнем Поволжье: из истории холерных эпидемий в России в 1820–1830-е гг.

А. Д. Аукштыкальните

¹Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

²Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Аукштыкальните Анна Дмитриевна, кандидат исторических наук, ¹доцент кафедры «История и философия»; ²ассистент кафедры истории России и археологии, aukshytykalnite@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8036-5971>, AurlorID: 1165960

Аннотация. Статья посвящена истории холерных эпидемий в Российской империи в 1820–1830-е гг. с акцентом на события в Нижнем Поволжье в 1830–1831 гг. При работе с уникальными архивными материалами была сделана попытка восстановить хронологию тех тревожных событий от появления нулевого пациента в 1830 г. в предместьях Астрахани до разрастания эпидемии за пределы Астраханской губернии в Нижнем Поволжье. В статье рассматривается содержание ряда документов, относящихся к переписке императора Николая I, шефа жандармов, начальника III Отделения А. Х. Бенкендорфа с чиновниками, принимавшими участие в борьбе с холерой в Нижнем Поволжье. Корреспондентами, писавшими донесения в столицу, были А. С. Осипов, В. Я. Рославец, И. Лавров, Микулин, М. Соболевский, В. Быков, Л. В. Дубельт и др. Данная переписка, раскрывающая суть происходивших в Астрахани событий, хранится в Государственном архиве Российской Федерации, а также в Государственном архиве Саратовской области.

Ключевые слова: холера, эпидемии холеры, история медицины, Российская империя, Нижнее Поволжье, Астрахань, Царицын, Саратов

Для цитирования: Аукштыкальните А. Д. Холера в Нижнем Поволжье: из истории холерных эпидемий в России в 1820–1830-е гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 534–544. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-534-544>, EDN: QNHCOM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Cholera in the Lower Volga region: From the history of cholera epidemics in Russia in the 1820s and 1830s

A. D. Aukshytykalnite

¹Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politekhnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

²Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anna D. Aukshytykalnite, aukshytykalnite@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8036-5971>, AurlorID: 1165960

Abstract. The article is devoted to the history of cholera epidemics in the Russian Empire in the 20–30s of the XIX century with an emphasis on the events in the Lower Volga region in 1830–1831. Working with unique archival materials, the author made an attempt to restore the chronology of those alarming events from the appearance of patient zero in 1830 in the suburbs of Astrakhan to the spread of the epidemic beyond the Astrakhan province in the Lower Volga region, trying to find an answer to the question of why the second cholera epidemic, which began again on the Volga, acquired such a scale in such a short time. The article examines the content of a number of documents related to the correspondence of Emperor Nicholas I and A. Kh. Benckendorff with a number of officials who took part in the fight against cholera in the Lower Volga region. The correspondents who wrote reports to the capital were A. S. Osipov, V. Ya. Roslavets, I. Lavrov, Mikulin, M. Sobolevsky, V. Bykov, L. V. Dubelt and others. This correspondence, revealing the essence of the events that took place in Astrakhan, is stored in the State Archives of the Russian Federation, as well as in the State Archives of the Saratov region.

Keywords: cholera, cholera epidemics, history of medicine, Russian Empire, Lower Volga region, Astrakhan, Tsaritsyn, Saratov

For citation: Aukshytykalnite A. D. Cholera in the Lower Volga region: From the history of cholera epidemics in Russia in the 1820s and 1830s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 534–544 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-534-544>, EDN: QNHCOM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Предисловие

История эпидемий – актуальное направление исторических исследований, получившее дополнительный импульс к развитию после недавней пандемии COVID-19. В последние годы наметилась тенденция к активному изучению истории эпидемий холеры в разных регионах России, включая Нижнее Поволжье. Так, факторам распространения холеры в Поволжье в конце XIX–XX вв. посвящены статьи М. В. Ковалева, А. С. Шешнева [1, 2], завоз холеры в Саратов в XIX в., методы лечения болезни, а также обзор источников личного происхождения, в которых упоминается эпидемия, представлены в статьях А. Ю. Варфоломеева [3–5], основные этапы борьбы с холерой в Нижнем Поволжье в конце XIX – начале XX вв. проанализированы С. В. Виноградовым и Ю. Г. Ещенко [6], Д. В. Михелем [7], причины холерных бунтов, сопровождавших эпидемию, изучены Е. М. Смирновой и Н. Т. Ерегиной [8] и др. Ряд иностранных исследователей также посвятил свои труды эпидемиям холеры в России [9–11]. Однако большинство исследований затрагивают события конца XIX – начала XX в., оставляя поле для научного изучения холерных эпидемий в Нижнем Поволжье в первой половине XIX столетия.

«Холера – болезнь не наша. Ея родина – Азия, поэтому она и называется азиатской. Здесь, в Индии, в дельте священной реки Ганга, в Сундарбандасе, она никогда не прекращается. И только после сильных разливов Ганга, что бывают... каждые 18 лет, холера из своей полосы постоянного местопребывания распространяется по всей Бенгалии и получает уже характер эпидемический», – так начинается популярный очерк Б. Е. Рашковича, главного врача Саратовской Андреевской общины сестер милосердия, посвященный азиатской холере и изданный в Саратове в 1908 г. [12, с. 3].

К моменту написания Б. Е. Рашковичем очерка уже был открыт холерный вибрион. Открытие совершил итальянский анатом Ф. Пачини, который в 1854 г., проводя вскрытие жертв эпидемии, обнаружил, что причиной инфекции стала бактерия, которую он назвал *Vibrio cholerae*. К аналогичному выводу в этом же году в Лондоне пришел английский врач, один из основоположников современной эпидемиологии, Дж. Сноу. Именно Дж. Сноу определил, что источником распространения болезни в столице Англии являлась водоразборная колонка. К сожалению, исследования Ф. Пачини и Дж. Сноу многие годы игнорировались медицинской наукой [13]. В России в 1872 г. изучал холеру Э. Ф. Недзвецкий [14]. В 1883 г. Р. Кохом была выделена и подробно изучена чистая культура, а в 1905 г. Ф. Готшлих из трупа паломника на карантинной станции Эль-Тор выделил новый вибрион, получивший название *Vibrio cholerae* Biovar El Tor. Б. Е. Рашкович

подсчитал, что за минувшее девятнадцатое столетие и начало двадцатого века «холера совершила семь кругосветных путешествий» [12, с. 3], впервые посетив Европу в 1823 г. Современные же эпидемиологи говорят о шести пандемиях, которые произошли в период между 1817 и 1926 гг. [15, с. 308]. С 1961 г. холеру Эль-Тор считают виновницей седьмой пандемии.

Холера, известная с древности, проявляется в разных уголках мира по сей день. Однако до XIX в. заболевание локализовалось в основном на полуострове Индостан. Развитие торговли и транспорта привело к распространению холеры в другие регионы. В 1823 г. на Западе Европы первые случаи холеры были зафиксированы на побережье Средиземного моря, а на Востоке – на берегах Каспия.

Возникнув в Индии в 1817 г., к зиме 1822/23 г. холера появилась вблизи российско-персидской границы, весной 1823 г. болезнь дошла до персидского Гиляна, далее обнаружилась на Кавказе в Талышинском ханстве, в крепости Ленкорань, летом появилась в Ширванской провинции, затем в Баку, а в сентябре вспышка холеры случилась среди работников порта в Астрахани, унесла жизни 192 человек из 371 заболевшего [16, с. 98]. Далее холера появилась в Красном Яре, в 30 верстах от города. Вспышка болезни в Астраханской губернии длилась с 10 сентября по 4 октября 1823 г. и в общей сложности унесла жизни 205 человек из 392 заболевших [17, с. 7]. По счастливой случайности, холера в тридцатитысячной Астрахани не вышла далеко за пределы города и быстро угасла, притом что никаких карантинных мер тогда не предпринималось.

7 октября 1823 г. из столицы были командированы профессора Санкт-Петербургской медико-хирургической Академии О. Калинский и С. Хотовицкий, которые, изучив произошедшее в Астрахани, заключили, что «болезнь выражалась теми же припадками и явлениями, как и в Ост-Индии и других местах, а именно: сначала появлялись либо жестокая рвота, либо понос, либо и то, и другое вместе, к этому присоединялись жестокие судороги сперва в руках и ногах, а потом и во всем теле, при чем больной чувствовал несносную тоску, сильное стеснение в груди, давление, иногда жесткую боль в подвздохах и в самом предсердии» [18, с. 88]. Медики резюмировали, что холера поражала в первую очередь городские низы и крестьян, по мнению профессоров, важную роль сыграли колебания дневных и ночных температур от жары к холоду при обилии утренней росы и туманов. «Воздух густой и тяжелый» с неприятным запахом или гарью, «испарения», как полагали врачи, были главнейшими источниками порождения болезнетворного начала.

Первая европейская эпидемия холеры не дошла до «сердца» России. В 1829 г. нулевой

пациент появился в Оренбурге, а годом позднее самое настоящее бедствие постигло Астрахань. Считается, что холеру в Оренбург занес торговый караван из Бухары. В 1827 г. холера поразила Среднюю Азию, из Бухары и Хивы она проникла на земли монголов и киргизов, а оттуда в августе 1829 г. пришла в Оренбург [19, с. 144]. Оренбургский губернатор, встревоженный новостями о страшной болезни, приказал чиновнику по особым поручениям направить несколько сотен казаков на перехват караванов из Средней Азии с целью проверки торговцев и их прислуги на предмет наличия симптомов заболевания. Д. И. Дранкин описывает трагикомичный эпизод «проверки» каравана, когда казаки и посланный чиновник заставили купцов клясться на Коране, что среди них нет больных холерой, затем торговцы из Бухары должны были распаковать тюки и бросать друг в друга клочья шерсти и хлопка, съесть некоторое количество сухофруктов и пожевать хлопок и шерсть [17, с. 8–9]. К несчастью, как ни старались казаки, симптомов заболевания выявить они не смогли, и предпринятые губернатором меры воздействия не возымели. Что примечательно, в Оренбурге первым заболел купец, имевший торговые сношения именно с Бухарой.

В воспоминаниях графа А. Х. Бенкендорфа, шефа жандармов и начальника III Отделения, это событие также нашло свое место: «На границах империи в Оренбургской губернии появилась смертоносная холера. Эта страшная болезнь, которую знали только по ее названию и по ее ужасным опустошениям, привела всех в ужас тем большим, что помощь медицины и полиции были столь же неизвестны, сколь и трудны в оказании. Тем временем общественное мнение требовало объявления карантина, создания санитарных кордонов. По этому поводу были отданы в высшей степени точные и энергичные приказания, исполненные с той деятельностью, которую железная воля императора придавала всем его поступкам. В указанные места были посланы войска, собрали крестьян, была сформирована линия для защиты внутренних губерний и обеих столиц от этого страшного бедствия, страх перед которым еще увеличивал опасность» [20, с. 452–453]. Холера окончилась в Оренбургской губернии лишь в 1831 г., где она продолжалась даже при холодах от 18 до 30 градусов, не причиняя, впрочем, значительной смертности [19, с. 144], о чем свидетельствует донесение А. Х. Бенкендорфу от 27 января 1830 г. [21, л. 11].

В 1829 г. холера поразила столицу Персии – Тегеран. В феврале 1830 г. болезнь добралась до Тифлиса, в октябре 1830 г. обнаружилась уже в Одессе, затем в Крыму. Продвигаясь же на север от Персии, вдоль Каспийского моря, в июне 1830 г. болезнь пришла в Астрахань.

Борьба с эпидемией холеры в Нижнем Поволжье в 1830 году

9 июля 1830 г. в Астрахани был написан секретный доклад, адресованный А. Х. Бенкендорфу. Автор – жандармский подполковник Микулин [21, л. 1] – писал своему шефу о появившейся болезни *cholera morbus* близ Астрахани. Согласно сведениям, несколько матросов военного брига «Баку» с признаками холеры оказались в карантине.

Незадолго до этого по партикулярным письмам из Персии стало известно, что холера свирепствовала там во многих городах, в том числе имевших торговые сношения с Астраханью. В связи с этим еще зимой 1830 г. стали устраиваться карантинные для торговых судов, приходящих из Персии [21, л. 1]. Но, несмотря на предпринятые меры, болезнь все же добралась до Астрахани.

Подполковник Микулин был не единственным, кто в те тревожные дни докладывал А. Х. Бенкендорфу о назревающей угрозе. Титулярный советник М. Соболевский писал в III отделение: «Первое о холере известие дошло до меня 17 мая от начальника здешнего таможенного округа». 5 июня Соболевский получил сведения о том, что холера «свирепствовала в Персии, а в границы империи не входила» [21, л. 10]. 13 июня холера якобы дошла до Сальян, и следом «командующий портом уведомил, что болезнь оказалась у некоторых морских служителей, прибывших к Седлистовскому карантину от острова Сары на военном бригае «Баку». Соболевский также отправил известие губернатору, в котором просил принять меры к «усилению кордонов и к учреждению при Седлистовском карантине брандвахты» [21, л. 10].

Каждая эпидемия в истории человечества всегда начинается с первого заболевшего, т. е. нулевого пациента. В случае начала эпидемии холеры 1830 г. в Астраханской губернии нам доподлинно неизвестно имя этого человека, также мы знаем, что это был один из матросов военного брига «Баку». Из рапорта вице-губернатора Саратовской губернии В. Я. Рославца императору Николаю I, написанного в июле 1830 г., нам известны подробности произошедшего. 8 человек из экипажа были освидетельствованы врачом (из донесений Микулина: «Отправлен для освидетельствования экипажа член врачебной управы доктор И. А. Суворов»), который доложил, что 4 июля в три часа ночи у «одного из матросов началась рвота слизистой материей и понос водяной жидкостью, а затем последовали судороги в ногах. В 11 часов открылись такие же припадки у другого, а 5 и 6 числа еще 6 человек подверглись той же болезни, из коих 4 находятся трудными, прочие же дают некоторую надежду к выздоровлению», из чего врач сделал вывод, что это была «холера морбус» [22, л. 1 об.].

16 июля командующий портом доложил о появлении холеры в разных местах и на разных судах. Но, несмотря на ухудшающуюся обстановку, губернатор посчитал, что «виною смерти трех человек ... на бриге «Баку» были более случайные причины, с прекращением которых действие болезни остановилось» [21, л. 12]. Так не халатное ли отношение к угрозе холеры и обустройству карантинных зон со стороны местных властей во главе с гражданским губернатором А. С. Осиповым стало первым шагом на пути к большой трагедии?

В рапортах Микулина от 17 и 19 июля снова встречаем критику губернатора: «Г-н гражданский губернатор Осипов, вопреки общему мнению, из одного каприза» доложил «г-ну главноуправляющему здешним краем фельдмаршалу графу Паскевичу-Эриванскому, что карантин следовало основать в Бертюле. Место сие состоит в 12 верстах от Астрахани и, по мнению благомыслящих особ и опытных морских офицеров, совершенно неудобно, ибо Волга, впадая в Каспийское море многими рукавами, дает средство сообщаться с Астраханью мимо оного... если не морскими судами, то большими катерами. Следовательно, настоящее сообщение в случае болезней не может предупреждаться» [21, л. 3].

Седлистовский же карантин на взморье не имел на тот момент «и тени устройства, девять человек вышеупомянутых больных были помещены в балаганах и на матах, из парусов устроенных». Микулин сетовал, что «средство сие могло быть дозволенным на биваках во время войны, но в мирное время на границах твердого владения необходимо было что-либо лучшее» [21, л. 4]. И хотя гражданский губернатор считал необходимым построить здесь деревянное помещение, «несколько лет к тому не было принято действительных средств». Бедственное положение было исправлено благодаря заботам астраханского первостатейного купца Сапожникова, который передал принадлежащее ему строение, предварительно уже подготовленное для нужд медицинской службы. Микулин, завершая свой доклад, резюмировал: «В случае появления – от чего Боже сохрани – серьезной болезни, здешнее начальство весьма неблагонадежно» [21, л. 7].

Однако, несмотря на единогласную критику действий гражданского губернатора Микулиным и Соболевским, следует отметить, что все-таки меры по предотвращению распространения болезни им были приняты. Несколько раз на совещания были собраны все здешние медики, власть внимательно выслушала мнение врачей «о свойствах сей болезни и о мерах к пресечению распространения оной». Безопасность жителей Астрахани, кроме кордонов, ограждалась и обеспечивалась двумя карантинами: «первым, внешним или Седлистовским, устроенным в море

на острове, называемым Бирючья коса, в расстоянии более 80 верст от Астрахани» и «вторым, внутренним, или, так называемым, центральным, устроенным при одном из протоков Волги и называемым Бертюльским, 18 верстах от города» [21, л. 10]. В Седлистовский карантин был командирован второй медик, а также направлены стройматериалы для постройки всех необходимых помещений. Для наблюдений и распоряжений был отослан в карантин вице-инспектор карантинной конторы Золотницкий. Кордоны были вновь осмотрены и усилены.

21 июля Микулин в своем донесении сообщил «о появлении вчерашний день в самом городе Астрахани смертельной болезни. Она образует в себе разные наружные припадки, как то: понос, рвоту, а частично и совсем без оных – производит почти скоростижную смерть. Посobie, подаваемое медиками по правилам против холеры, не имеет успеха. Некоторые из врачей признают болезнь сию за желчную горячку или хуже. До сей минуты способов предотвращения не принято. Полиция суетится бесполезно, не имея средств к оному. По сию минуту умерло или в ненадежном состоянии до 12 уже человек» [21, л. 5].

Согласно официальным документам, первым, кого поразила болезнь в самой Астрахани, стал некто мещанин Б., «мужчина лет средних, крепкого сложения и воздержанной жизни», который служил маклером и «не имел никакой связи и сообщения с людьми, с моря приходящими» [21, л. 11]. Еще накануне вечером он был совершенно здоров, в полночь его состояние резко ухудшилось, появилась рвота и судороги. Соболевский писал, что врачом употреблены были все обыкновенные средства к излечению, но все оставалось бесполезным, в 8 часов утра пациент скончался, после чего он велел анатомировать тело усопшего. Врачи заключили, что признаки болезни «нашлись одинаковы с теми, какие были находимы в холере 1823 года» [21, л. 9].

Микулин писал в столицу, что в Астрахани «весьма необходимы врачи опытные», поскольку местный штат медиков состоял «в основном из молодых людей, окончивших только курсы или мало практикующих» [21, л. 11 об.]. Требовалась «особа решительная», поскольку «из начальствующих теперь нет никого благонадежного, все они не находчивы, мнительны и конфузы». Микулин беспокоился, что в критической ситуации, на пороге которой оказался город, при подобных «руководителях не далеко было и до народного бунта», который некому усмирить, поскольку «Кавказский линейный батальон номер 9, переименованный из батальона внутренней стражи, состоял из офицеров и неполного комплекта низших чинов, по большей части за пороки наказанных» [21, л. 7].

Человечество, вступив в XXI столетие, продолжает сталкиваться с новыми эпидемиями,

но даже сегодня современная медицинская наука, шагнувшая далеко вперед в области эпидемиологии, фармакологии и терапии, не всегда способна быстро и эффективно реагировать на возникающие угрозы. Говоря же об уровне развития медицины первой половины XIX в., можно представить, с какими трудностями столкнулись врачи Седлистовского и Бертиольского карантинных перед лицом cholera morbus.

«Холера распространяется быстрее пожара», – читаем мы в очередном донесении в столицу от 24 июля 1830 г. [21, л. 15]. В эти дни в Астрахани уже был создан чрезвычайный «особенный» Комитет под председательством гражданского вице-губернатора А. П. Гевлича, в который вошли офицеры военных ведомств и жандармского корпуса, медики и штаб-лекари, а также несколько гражданских чинов. Первые распоряжения комитета были полны решимости побороть холеру: «Медицинским чиновникам вести поденный журнал; давать обстоятельную записку о всех явлениях болезни; назначить средства к устройению больниц, снабжению их всем необходимым, доставлению зараженных и их лечению, а также о скорейшей печати листовок о мерах по предотвращению распространения холеры» [21, л. 19–20].

Однако даже в такое время местные чиновники бездействовали и занимались формализмом, растрачивая драгоценное время. Так, гражданский губернатор А. С. Осипов [21, л. 16] на несколько часов задержал распоряжение комитета напечатать листовки «под предлогом нарушения порядка службы» и требовал подавать документы соответствующим образом. «Полицейский титулярный советник Давыдов требовал от меня напечатать в губернской типографии какие-то бумаги сего комитета о болезни холеры. Будучи еще пока, по милости государя императора, начальником Астраханской губернии, поручил ему просить комитет чтобы сочинение свое доставил ко мне в порядке службы, и, если по рассмотрению будет оно удобно, мгновенно напечатать в губернском правлении», – писал губернатор в столицу [21, л. 17]. Мелочность губернатора демонстрирует и тот факт, что данные бумаги не содержали никаких данных, требующих особой проверки – инструкция была составлена медиками и касалась исключительно предотвращения болезни. Действительно, обратившись к данному документу, читаем:

«Правила, как предохранить себя от болезни холеры.

1. Одеваться теплее, особенно поутру рано, и ночью не выходить босиком и в одной рубашке на воздух.

2. Не должно пить воды или квасу со льдом, особенно вспотевши также не купаться.

3. Не есть незрелых плодов, да и зрелых есть меньше, пить свежую воду или квас, дома хорошо приготовленный, а не продажный, также

не есть солонины, соленой и несвежей рыбы. Напившись молока не пить квасу, наевшись плодов не есть молока.

4. Кому можно – не спать на открытом воздухе.

5. Не напиваться пьяными и дома наблюдать чистоту в одежде и в доме» [21, л. 21 об.].

В Астрахани были напечатаны и правила, как следовало поступать в случае обнаружения первых признаков болезни. А именно:

«1. Как только начнешь слабеть водянистой жидкостью со рвотой или без рвоты, с тоской под ложечкой, тотчас, если можно, пустишь глубокую тарелку крови, послать на будку для отыскания лекаря, между тем тереть под ложечкой горчицей в воде или вине распушенной, вином со стручковым перцем настоящим, вином с камфарой, а при недостатке сих средств – чистым дегтем.

2. Тем же тереть при судорогах руки, ноги и живот.

3. Больному в жажде никак не давать воды или квасу, а мятный и ромашковый чай или шалфей.

4. Если можно, больного посадить по шею в теплую ванну.

5. Если дома нет никаких средств, то больного отвозить в больницу» [21, л. 21 об.].

Вместе с памяткой прилагался список врачей с местами их проживания. Доктор Иван Алексеевич Суворов, Владимир Карлович Копей, Ефим Яковлевич Бурцев, Федор Алексеевич Ушеин, лекари Гроссшупор, Козловский – вот имена тех, кто был на передовой в борьбе со смертельной угрозой в те страшные дни [21, л. 22].

Подполковник Микулин в своем донесении от 23 июля вновь жаловался на бездействие губернатора: «Но вместо должного содействия гражданский губернатор, не уважая минут постигнувшего бедствия, продолжал привычную ему строптивую переписку, желая, чтобы каждое определение предварительно поступало к его рассмотрению при формальной бумаге» [21, л. 21]. Ситуация разрешилась только после того, как вице-губернатор А. П. Гевлич – председатель комитета, лично подал документы своему начальнику.

Посылая к Бенкендорфу письмо, он резюмировал, что с 20 по 23 июля заболело 28 человек, из которых умерло 17, «болезнь точно принимается за холеру, а способы, предпринимаемые против оной, не действуют, кажется, потому что больных объявляют нескоро, да устройства к помещению больных едва начинают основываться». «Я прошу Ваше Превосходительство унять гражданского губернатора и дать ему почувствовать, что его эгоизм не всегда может сходить с рук ему и должен иметь свои пределы», – писал А. Х. Бенкендорфу титулярный советник М. Соболевский [21, л. 21].

Микулин и Соболевский были не единственными, кто писал в столицу о нерасторопности местной власти. Так, Л. В. Дубельт в своем донесении прямо указал, что «в местах квартирования жандармских команд дела обстоят благополучно, кроме как в Астрахани, где открылась болезнь холера морбус», и «меры осторожности со стороны местного начальства, а также устройство к помещению больных, едва ли начали здесь предприниматься» [21, л. 30].

16 августа А. Х. Бенкендорф получил очередное секретное донесение Соболевского от 31 июля следующего содержания: «Холера Морбус свирепствует в Астрахани двенадцатый день, за это время обстановка в городе значительно ухудшилась. Нынешнее появление холеры несравнительно губительнее бывшего в 1823 году. Бедные медики трудятся сколько сил ... но успехи невелики, многие из них, а особенно лучшие, от непрерывных трудов и беспокойства сами делаются больны и едва успевают спасать себя, по сей причине писано в Саратов и Оренбург о присылке врачей оттуда» [21, л. 24]. По мнению титулярного советника, Комитет действовал в эти дни «старательно и принес много существенной пользы», но «по причине заболевших членов и он приходит несколько в расстройку». «Разстраивалось», впрочем, и управление губернией, так как гражданский губернатор «потерял единственного сына своего, женатого и семейного, поручил управление вице-губернатору и сам сделался болен». Управление губернией перешло на старшего советника. Некоторые места закрылись от присутствия. От беспрестанного вида печальных предметов по городу стало распространяться общее уныние, многие начали выезжать в другие места, даже «черный народ, который оставался свободным, бросился отсюда вверх по Волге». Лекарства не помогали, некоторые из них были признаны врачами совершенно бесполезными. Соболевский констатировал, что испуганный люд, видя это, прибегал к лечению дегтем, который «оказывал великую помощь, особенно в судорогах». Простой народ употреблял его «не только снаружи, но даже внутрь». По мнению титулярного советника, врачи, полиция и комитет действовали «неусыпно», но совершенно не хватало прислуги. «Сыскались благонамеренные люди, которые для общей пользы сделали довольно значительные пожертвования», но при таком положении дел деньги теряли свою цену: никто не соглашался брать их, «дабы вступить в больницы». «Казенная прислуга была изнурена до крайности», – писал Соболевский А. Х. Бенкендорфу. Завершая свой доклад, чиновник выразил надежду, что на «сих днях произойдет уменьшение злу», поскольку число умерших «противу предыдущих дней гораздо уменьшилось» [21, л. 24–25].

С 20 по 30 июля в Астрахани заболело холерой 900 человек, умерло 326. Согласно ведомости о заболевших и умерших военных за эти же дни, их заболело 329 человек, а умерло 107 [21, л. 26].

Доклад титулярного советника В. Быкова от 7 августа также рисует печальную картину Астрахани тех дней: «Холера продолжает свирепствовать с необычайной силой. Жертвой в числе прочих сделался и здешний гражданский губернатор Осипов, несмотря на все усилия медиков, усердно старавшихся помочь ему. Он кончил свою жизнь 2 числа и отправился вслед за сыном с порядочною свитой чиновников, гражданских и военных.... Список о числе умерших я не посылаю, потому что, хотя и получаю их ежедневно, но они неверны, ибо верных составлять их и некому. Из 23 квартальных надзирателей 8 или умерли, или больны, остальных 4 человека недостает на исправление нужнейших надобностей. Я велел назначить квартальных из купечества, ибо свободных чиновников здесь нет» [21, л. 34].

Из-за нехватки рабочих рук усопших стали хоронить, «худо зарывая землею», и от этого по вечерам на улицах города стоял тяжелый запах. Быков распорядился за «хорошую плату» нанять вольных рабочих, которые должны были надежнее закопать тела усопших, присыпав могилы известью. В городской казне на эти нужды денег уже не было, поэтому средства пришлось «занять у капиталистов за счет городских доходов» [21, л. 34 об.].

Быков хотя и докладывал в столицу, что болезнь, по мнению медиков, «перешла во второй период и сделалась легче», однако сам в это не верил, поскольку каждый день «холера похищала более ста человек, и умереть значило здесь не более, как выпить чашку чаю или стакан воды». Он писал: «Поутру говоришь с человеком или что-нибудь ему приказываешь, а в полдень или к утру слышишь, что его уже нет на свете» [21, л. 35].

После кончины гражданского губернатора вице-губернатор А. П. Гевлич вступил в управление должности своего покойного начальника. Не без сожаления Быков сообщал в столицу, что и здоровье вице-губернатора, человека деятельного и очень полезного на своем посту, уже несколько раз подвергалось крайней опасности. «Я считал бы бесполезным повременить определением сюда губернатора: ибо каким бы ни было достоинство чиновника, но будучи человеком новым, его найдет здесь совершеннейший хаос, из которого ему весьма трудно будет выпутываться», – писал Быков [21, л. 35]. К счастью, А. П. Гевлич пережил ту эпидемию холеры и исполнял обязанности гражданского губернатора вплоть до 1832 г.

В донесениях от 14 августа Микулин и сенатор И. Лавров сообщили А. Х. Бенкендорфу о том, что холера совершенно прекратилась, «число погибших людей обоого пола и всякого

состояния и возраста, по теперешним сведениям, простирается до 3 тысяч человек». В сентябре заболело 287 человек, умерло – 156 человек, в октябре заболело – 17 человек, умерло – 19 человек [21 л. 38–39]. С 6 октября данные отсутствуют.

Из доклада саратовского вице-губернатора В. Я. Рославца, который был получен императором 30 августа, следует, что в первой декаде августа холера появилась в Царицыне и в Саратове. Чиновник писал Николаю I: «На 10 августа в Царицыне умерло 122 человека. И как тамошний городничий Лешевич не имеет в себе ни качеств, соответствующих званию его, ни строгой распорядительности... я командировал в Царицын для исправления должности городничего благонадежного чиновника, коллежского асессора Григорьева, а сверх этого отправил туда еще и одного медика» [22, л. 1].

В. Я. Рославец был уверен, что холеру в Саратовскую губернию занесли через низовые поселения рабочие люди из Астрахани, пришедшие в большом количестве. Для предотвращения свободного перемещения выезжающих из Астраханской и луговой стороны, он велел учредить 2 кордонные цепи: одна проходила по луговой стороне (левобережье Волги) от Камышина до Эльтона (предположительно вдоль сухопутного тракта), а вторая – по правому берегу Волги – вдоль реки Пичуга. Он также поручил разделить Саратов на кварталы, в каждом из которых для надзирания над течением болезни было назначено сверх полицейских чиновников определенное число из дворян. Однако в связи с тем, что чиновники сами становились жертвами холеры, а значительное число дворян и уволенных со службы покинули город, эта мера не дала должного эффекта. Понимая опасность положения, Рославец распорядился закрыть город на въезд и выезд, а фураж и провиант приказал разгружать в «приличных местах» на подъезде к Саратову. Фрукты, а также пиво, квас, мед, отпускаемые в трактирах и питейных заведениях, были запрещены. Население было проинформировано о мерах предотвращения холеры, которые вторили инструкции астраханских медиков [22, л. 1–10].

Но, несмотря на предпринятые меры, в Саратове сложилась та же самая ситуация, что и в Астрахани. Только с 7 по 18 августа в Саратове умерло 455 человек [22, л. 20], а к 1 сентября по данным вице-губернатора скончались уже 2292 человека, включая малолетних, «коих умерло 212» [22, л. 24].

В то же время в Саратов было отправлено воззвание министра внутренних дел А. А. Закревского «О содействии в борьбе с эпидемией холеры». Согласно документу, Саратовским обывателям предписывалось строго следовать правилам, а именно: в течение 14 дней не покидать карантин при выезде/въезде в/из места, где

свиристует холера; при движении почты и эстафет надлежало окуривать все письма и посылки, омыв их «хлориновыми растворами», допуская курьеров, прошедших дезинфекцию, только до определенной черты, за которой посылки и письма передавать уже следующим почтальонам, также прошедшим процедуру дезинфекции [23, л. 1].

В фондах Государственного архива Саратовской области (далее – ГАСО) хранится «Наставление о лечении болезни, называемой холера» [24], датированное 1823 г., составленное на основании опыта английских врачей в борьбе с эпидемией, постигшей Индию пятью годами ранее. Английская медицина тех лет предлагала радикальный метод лечения болезни при помощи сладкой ртути (каломели) в сочетании с опийной шафранной настойкой. С точки зрения современной медицины, использование ртути и ее соединений опасно и наносит существенный вред организму, однако в начале XIX в. ртуть использовалась повсеместно как противомикробное средство, а также при лечении венерических заболеваний. И в случае с холерой, по отчетам английских медиков, больные, принимавшие каломель, выздоравливали. Но, несмотря на это, самым важным условием эффективности лечения доктора единодушно называли своевременную врачебную помощь до того момента, как у больного не произошли первые судороги, поскольку в таком случае действие употребленных средств казалось врачам вернее и спасительнее. Упустив этот момент, врачи уже не могли помочь пациенту.

В инструкциях по предотвращению распространения холеры, рассылаемых в сентябре 1830 г. по губерниям Российской империи министерством внутренних дел, мы находим много общего с трудами английских медиков. И в Англии, и в России врачи единогласно признавали, что болезнь быстрее распространялась в низинах, болотистых и лесистых местностях. Плохое питание, включая неумеренное потребление немытых и незрелых плодов, изнурение тела и неопрятность, тесные, сырые и низкие жилища и влажный холодный ночной воздух считались факторами повышенного риска развития заболевания. В воззвании Закревского также упоминается использование опийной настойки, однако не сказано ни слова про лечение ртутью.

Автор статьи не может доподлинно утверждать, практиковалось ли лечение ртутью в Саратове или где бы то ни было еще в Поволжье, равно как и могло ли подобное «лекарство» вообще оказаться эффективным. Однако неоспоримым является тот факт, что катастрофическая нехватка врачей и младшего медицинского персонала, помноженная на научные заблуждения того времени и огромные расстояния, способствовала потере драгоценного времени и сводила

усилия медиков практически к нулю. Из доклада В. Я. Рославца следует, что в разгар эпидемии в Саратове сложился «совершенный недостаток медиков по количеству больных», «семь врачей сделали одержимы холерой, из наличных лекарей один умер, трое больны, а трое выздоровели» [22, л. 10 об.]. Из соседних губерний впоследствии на помощь коллегам прибыли еще три доктора: по одному из Пензы, Симбирска и Казани.

Сталкиваясь со страшной болезнью лицом к лицу и не имея эффективных средств борьбы с ней, простой народ прибегал к самолечению, уповая на Божью волю. Глубокая религиозность, свойственная русскому народу, определяла и отношение к болезни. В таком случае молитва становилась в один ряд с современными для того времени методами лечения. Неудивительно, что в инструкции Закревского одним из условий предотвращения болезни являлось душевное успокоение, находимое в вере, в надежде на промысел Божий [23, л. 2 об.]. И простой народ, видя бессилие медицинской науки, обращался к Богу. Так, в ГАСО хранится документ, датированный 1830 г., представляющий собой молитву для спасения от холеры. После молитвы следует краткое пояснение, что 11 октября 1830 г. некой женщине во Владимире во сне явился Николай Чудотворец, который повелел «читать эту молитву, и при себе носить, и другим раздавать» [25, л. 1].

В сентябре холера в Нижнем Поволжье, наконец, пошла на спад – количество ежедневно болеющих существенно снизилось. Газета «Русский инвалид» от 19 сентября 1830 г. сообщала читателям: «По последним официальным известиям о действиях холеры в Саратове 18-го Августа было умерших около 200, а 31-го только 23 человека. В Царицыне болезнь прекратилась совершенно; в Хвалынске же умер от оной всего один человек» [26, с. 946].

Но эпидемия, начавшаяся в 1830 г. в Астрахани, продолжалась в Европе до 1838 г. Она имела совершенно иной, ужасающий масштаб: всего за год болезнь вышла за пределы Нижнего Поволжья, дошла до Казани и стремительно распространилась по всей Российской Империи, унося тысячи жизней.

Дальнейшее распространение холеры по территориям Российской империи в 1830–1831 гг.

В середине сентября 1830 г. холера проникла в старую столицу. Из 250 000 жителей Москвы заболело 8566 и умерло 4690 человек [19, с. 144]. В разгар холеры в Москву прибыл Николай I. Император приказал оцепить город, создав санитарный кордон. Согласно воспоминаниям А. Х. Бенкендорфа, который сопровождал царя в данной поездке, Николай Павлович провел в агонизирующей Москве десять дней, демонстрируя своим подданным истинное мужество

пред лицом смертельной опасности: он без страха появлялся среди толпы москвичей, лично inspectировал стройку госпиталей и приютов для детей, которых холера сделала сиротами. Покинув Москву, император отправился в Тверь и там затворился вместе со своими спутниками на одиннадцатидневный карантин, после благополучного завершения которого отправился в Царское село.

В тот год на севере холера дошла до Вятки и Перми, на северо-западе – до Новгорода, от холеры страдали Ярославль, Тверь, южные регионы России. Зимой 1830/31 г. холера не отступила и в первых месяцах 1831 г. уже свирепствовала во многих западных губерниях – Минской, Гродненской, Виленской.

В июне 1831 г. холера пришла в столицу и всего за 10 дней поразила Санкт-Петербург. Те страшные события нашли отражение во многих записках, письмах, дневниках и воспоминаниях современников. А. Х. Бенкендорф на сей счет писал: «Без промедления император прибыл в город для того, чтобы отдать приказания и принять там меры, которые еще считались необходимыми с тем, чтобы бороться с этой ужасной болезнью. Во всех главных кварталах города он сразу же создал госпитали, назначил начальников округов с тем, чтобы заботиться о порядке в этих госпиталях, и чтобы оказывать неотложную помощь заболевшим и особенно детям, которых холера могла оставить без родителей и без средств к существованию. Он поспешил приказать вывести все кадетские корпуса из мест их расположения и расквартировать их в Петергофе, куда переехала вся императорская семья» [20, с. 480]. А. Х. Бенкендорф явился свидетелем переживаний императора из-за смерти в Витебске старшего брата Константина Павловича, который тоже сделался жертвой холеры. Сам Александр Христофорович также заболел. Что примечательно, император не боялся заразиться. Еще в Москве у него наблюдались симптомы похожие на симптомы холеры, которые, однако, достаточно быстро прошли. Николай Павлович ежедневно в течение трех недель навещал Бенкендорфа, вел с ним продолжительные беседы, именно от императора шеф жандармов узнал, что в столице начались волнения, вызванные холерой: «Эпидемия холеры устрасила все классы общества, которые заволновались. Особенно это сказалось на народных низах, страдавших от мер санитарного контроля, кордонов вокруг города, активного полицейского наблюдения и даже от тех забот, которые правительство им представило в госпиталях» [20, с. 481].

Смерть не жалела никого. Одни умирали за считанные часы, другие страдали сутками. Город жил в страхе, не понимая реальных причин болезни и не имея возможности противостоять ей. Такая ситуация – всегда благодатная почва для зарождения опасных слухов. Свидетели

смертей близких от горя начинали верить в самые абсурдные теории. Так, генерал инженерных войск Опперман скончался за несколько часов, убежденный, что был отравлен стаканом воды. И такой случай не был единичным. Город стремительно погрузился в траур, всюду были слышны соболезнования. Люди на улицах зашептались, якобы воды Невы были отравлены, и в этом причина страшных смертей. Среди знатных семейств и простого народа стали распространяться сплетни о том, что всему виной врачи-иностранцы, которые, используя яды, хотят таким образом сократить численность населения империи.

Не удивительно, что вскоре на Сенной площади собралась большая толпа, которая принялась останавливать экипажи, оскорблять иностранцев и врачей. В тот момент озлобленные и испуганные люди совершенно вышли из-под контроля и даже подняли руку на полицейских и жандармов. Апофеозом стало нападение на устроенный здесь госпиталь: больных выволокли на улицу и бросили умирать на мостовых, служителей и санитаров избили и прогнали прочь, врачей преследовали и жестоко убивали на месте, имущество госпиталя полностью уничтожили. Генерал-губернатор граф П. К. Эссен попытался вразумить бунтовщиков, но его слова силы не возымели. Начались стычки с армией. Важную роль в успокоении беспорядков сыграл сам император, который не побоялся появиться лично на площади. Он остановил коляску посреди kloкочущей толпы и грозным голосом приказал всем встать на колени: «Я приехал для того, чтобы попросить Господа быть милостивым к вашим грехам, чтобы молить его простить вас. Вы противитесь этому. Русские ли вы? Вы ведете себя, как французы и поляки. Вы забыли, что должны мне подчиняться, я смогу привести вас к порядку и наказать. Я отвечаю перед Богом за ваше поведение. Пусть откроют двери храма и пусть там молят Всевышнего за души несчастных, погибших от ваших рук» [20, с. 482]. Произнеся пламенную речь, император сумел образумить испуганный люд, а подстрекатели и убийцы оказались под следствием. А. Х. Бенкендорф писал в мемуарах, что в день в столице умирало до 600 человек. Из Петербурга холера проникла в военные поселения, в которых притесняемое местное население взбунтовалось и под лозунгом «Смерть офицерам и отравителям!» также стало чинить жестокие расправы.

Шествие болезни продолжилось на северо-запад в Финляндию, крайним же северным пунктом в Российской империи в ту эпидемию стал Архангельск.

Выводы

Эпидемия холеры, постигшая Нижнее Поволжье в 1830 г., разрослась в общенациональное

бедствие, став серьезным испытанием для России. И этому способствовал ряд объективных факторов.

Во-первых, мы не можем игнорировать тот уровень развития медицины, при котором происходила эпидемия. В первой половине XIX в. медики имели слабое представление как о самой болезни, так и причинах, вызывающих ее. Хотя они и догадывались, что возникновение заболевания как-то связано с водой и питанием, но поскольку еще не был открыт и изучен сам холерный вибрион, то многие из рекомендаций оказались бесполезными или даже вредными для здоровья. Например, кровопускание считалось первоочередным средством при появлении признаков болезни, однако современная медицина не рассматривает кровопускание как метод лечения, за исключением нескольких редких заболеваний, а показания к кровопусканию для пациентов весьма ограничены.

Современная наука доказала, что симптомы заболевания вызываются не самим холерным вибрионом, а продуцируемым им токсином. Механизм передачи – фекально-оральный, реализуется через факторы бытовой передачи (загрязнённые руки, предметы обихода), воду, пищевые продукты. Определённую роль играют мухи. Ведущий путь передачи – водный. Холера распространяется с большей лёгкостью, чем другие кишечные инфекции [27, с. 265]. Можно заразиться, употребляя мясо, молоко, овощи и фрукты, не подвергшиеся адекватной термической обработке. Опасность, особенно в первые дни болезни, представляют и выделения больного (например, рвотные массы), если они попадают в рот здорового человека.

Оказавшись в пищеварительном тракте, инфекция начинает свое губительное действие. Часть вибрионов под воздействием соляной кислоты погибает в желудке, но если бактерии проходят этот барьер, то, оказавшись в кишечнике, начинают стремительно размножаться, отравляя токсинами организм человека (бактерии хорошо растут на простых слабощелочных питательных средах и быстро гибнут при pH ниже 5,5. Образуют токсичные субстанции: термостабильный липопротеиновый комплекс (эндотоксин), термолabile экзотоксин (энтеротоксин, холероген), обуславливающий развитие основных патогенетических механизмов дегидратации и деминерализации [27, с. 265]). Таким образом, наиболее подвержены заболеванию лица с пониженной кислотностью желудочного сока, страдающие анацидным гастритом, некоторыми формами анемии, глистными инвазиями или алкоголизмом, для таких пациентов потеря жидкости, вымывание калия, гидрокарбонатов повышают риски летального исхода и требуют срочной квалифицированной медицинской помощи, которую очевидцы событий 1830–1831 гг.

не могли получить, поскольку не существовало ни эффективных лекарственных препаратов, ни вакцины, ни поддерживающей регидратационной терапии. Катастрофическая нехватка медиков только ухудшала положение. На передовой в холерных бараках оказались студенты, врачей же опытных, встречавшихся с холерой в 1823 г., были единицы.

Во-вторых, социально-бытовые факторы также сыграли в распространении заболевания важную роль. Начнем с того, что в большинстве своем неграмотное население просто не могло прочесть рекомендации по борьбе с холерой, массово распространяемые с первых дней эпидемии. И даже если у них была такая возможность, то в рекомендациях врачей не было ни слова о дезинфекции рук и помещений. Хлорная известь, «хлориновые» растворы, которые использовались врачами как средства дезинфекции, воспринимались простым людом как яды. Крестьяне и городские низы отказывались от их использования.

Не было ни слова в инструкции и о мытье овощей и фруктов. Врачи своими рекомендациями ограничивали прием разных видов продуктов, но эти меры были во многом бессмысленны. Врачи не знали, что вибрион холеры не выдерживает температуру 50°C, и если, к примеру, фрукты не были термически обработаны, то не играло никакой роли – «зрелые или незрелые» плоды вкушал человек: вибрионы холеры в течение нескольких часов могли жить на поверхности фруктов, которые становились смертельно опасны.

Бурлаки, как и повальное количество крестьян, использовали в быту и для питья речную волжскую воду. Также по незнанию не происходило обеззараживания источников водоснабжения, и люди продолжали использовать зараженные колодцы и заболевать. В таких условиях окуривание помещений, писем и посылок, даже мытье рук «хлориновыми» растворами, создание cordонов и карантинных зон не могли полностью пресечь распространение инфекции.

Не последнюю роль в распространении холеры в Нижнем Поволжье сыграли и субъективные факторы. Так, легкомысленное отношение астраханского гражданского губернатора А. С. Осипова, который, зная о событиях 1823 г., заблаговременно не начал подготовку к возможному возвращению болезни. Накануне второй эпидемии карантины и бараки не были обустроены должным образом. Седлистовский и Бертюльский карантины, учитывая топографию местности, и вовсе располагались в неудачных местах, их легко можно было миновать. Получив первые сведения о заболевших на бриге «Баку», губернатор также не придавал им должного значения, когда же факт появления холеры стало невозможно отрицать, он продолжил упорствовать, проявляя излишний формализм в отношении

специально созданного Комитета. Своевременно не был пресечен и отток жителей из эпицентра эпидемии, в частности, многочисленные артели бурлаков, формировавшиеся на Нижней Волге, в Астрахани, могли в короткий срок занести холеру в другие города, расположенные вверх по течению реки – в Царицын, Саратов. Таким образом, легкомыслие, халатность, и чрезмерный формализм в работе могли послужить одной из весомых причин столь стремительного распространения эпидемии, унесшей впоследствии как жизнь самого губернатора, так и тысячи других жизней.

Список литературы

1. Ковалёв М. В. Факторы развития и распространения холерных заболеваний в Саратове (конец XIX – начало XX века) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2017. № 1. С. 55–62.
2. Шешнев А. С., Ковалев М. В. Санитарное состояние овражно-балочных систем и проблема организации стока с городской территории Саратова в конце XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Науки о Земле. 2018. Т. 18, № 3. С. 214–218.
3. Варфоломеев А. Ю. «Навязчивая это была азиатская гостья»: эпидемия холеры на территории Саратова в 1830 г. // Базис. 2022. № 1 (11). С. 54–60. <https://doi.org/10.24412/2587-8042-2022-111-54-60>
4. Варфоломеев А. Ю. Опыт лечения и профилактики холеры в XIX веке (по материалам отчетов и публикаций врачей Саратовской губернии) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 3. С. 17–23. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-17-23>
5. Варфоломеев А. Ю. Деятельность губернских и местных властей по борьбе с эпидемией холеры в саратовском Поволжье в 1892 г. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2023. № 4 (68). С. 25–37. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2023-4-3>
6. Виноградов С. В. Основные вехи истории борьбы с эпидемиями в Нижнем Поволжье (конец XIX – конец XX вв.) // Современная научная мысль. 2020. № 3. С. 77–81.
7. Михель Д. В. Общественное здоровье и холерный вибрион: Российская империя, медицины и бактериология начала XX века перед угрозой холеры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2008. Т. 8, вып. 2. С. 64–74.
8. Смирнова Е. М. «Карантины чуть не взбунтовали 16 губерний»: Власть, врачи и общественность России в борьбе с эпидемиями холеры (XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2021. № 2 (68). С. 33–48.
9. Henze Ch. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823–1914. Abingdon ; N. Y. : Routledge, 2011. 227 p.

10. McGrew R. E. Russia and the Cholera, 1823–1832. Madison : University of Wisconsin Press, 1965. 229 p.
11. Patterson K. D. Cholera diffusion in Russia, 1823–1923 // Social Science & Medicine. 1994. Vol. 38, № 9. P. 1171–1191.
12. Рашкович Б. Е. Азиатская холера: Попул. Очерк. Саратов : Тип. «Саратовский вестник», 1908. 23 с.
13. Carboni G. P. The enigma of Pacini's *Vibrio cholerae* discovery // Journal of Medical Microbiology. 2021. Vol. 70, № 11. <https://doi.org/10.1099/jmm.0.001450>
14. Недзвецкий Э. Ф. К микрографии холеры. М. : Университетская типография (Катков и К°). 1871–1872. 82 с.
15. Инфекционные болезни и эпидемиология : учебник / сост. В. И. Покровский, С. Г. Пак, Н. И. Брико, Б. К. Данилкин. М. : ГЭОТАР–Медиа, 2019. 1008 с.
16. Архангельский Г. И. Холерные эпидемии в Европейской России за 50-летний период с 1823–1872 гг. : дис. ... на степ. д-ра медицины Г. Архангельского. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1874. 342 с.
17. Дранкин Д. И. Холера: Прошлое и настоящее. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1973. 94 с.
18. Щепотьев Н. К. Чумные и холерные эпидемии в Астраханской губернии. Казань : Типография Императорского Университета, 1884. 164 с.
19. Гезер Г. История повальных болезней : в 2 ч. / пер. с нем. А. Кашин. СПб. : Мед. деп. М-ва вн. дел, 1867. Ч. 2. 307 с.
20. Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. М. : Рос. Фонд Культуры, 2012. 761 с.
21. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109: Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Оп. 170. Ед. хр. 140.
22. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 170. Ед. хр. 141.
23. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 407: Саратовская губернская ученая архивная комиссия. Оп. 1. Ед. хр. 1839.
24. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 1751.
25. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 1849.
26. Внутренние известия // Русский инвалид: газета военная, политическая и литературная. 1830. 19 сент. № 237.
27. Инфекционные болезни и эпидемиология : учебник / сост. В. И. Покровский, С. Г. Пак, Н. И. Брико, Б. К. Данилкин. 2-е изд. М. : ГЭОТАР–Медиа, 2007. 813 с.

Поступила в редакцию 01.03.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 27.06.2025; опубликована 28.11.2025

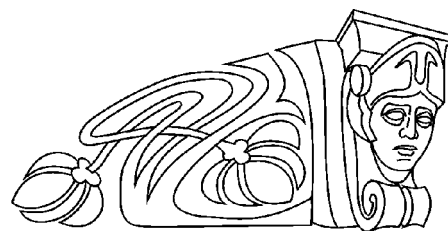
The article was submitted 01.03.2025; approved after reviewing 05.03.2025; accepted for publication 27.06.2025; published 28.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 545–556
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 545–556
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-545-556>, EDN: RAHMYL

Научная статья
УДК 336.14(571.17)|1941/1945|

Проблемы формирования бюджета Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)

А. Г. Чупин

Кемеровский государственный университет, Россия, 650043, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6

Чупин Алексей Геннадьевич, аспирант, ассистент кафедры истории России и основ российской государственности, aleksei.tchupin2017@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0005-6623-0428>, AuthorID: 1298662

Аннотация. В статье анализируется специфика функционирования финансовой системы Кузбасса в годы Великой Отечественной войны. На основе архивных данных рассматриваются условия планирования бюджета региона первоначально в границах Новосибирской, а после 26 января 1943 г. – в границах новообразованной Кемеровской области. Проводится сравнительный анализ экономического развития Кузбасса с другими областями страны, выделенным в военное время. Анализируются статьи расходов и доходов бюджета Кузбасса, выявляются проблемы, с которыми столкнулись областной исполнительный комитет и областной финансовый отдел при реализации бюджетной политики в период боевых действий. Подводится итог об эффективности методов командного планирования и экономического регулирования в Кузбассе и в стране в целом в условиях ведения боевых действий

Ключевые слова: Великая Отечественная война, государственное планирование, Кузбасс, Кемеровская область, бюджет, доходы, расходы

Для цитирования: Чупин А. Г. Проблемы формирования бюджета Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 545–556. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-545-556>, EDN: RAHMYL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Problems of budget formation in Kuzbass during the Great Patriotic War (1941–1945)

A. G. Chupin

Kemerovo State University, 6 Krasnaya St., Kemerovo 650043, Russia

Aleksei G. Chupin, aleksei.tchupin2017@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-6623-0428>, AuthorID: 1298662

Abstract. The article analyzes the specifics of the functioning of the financial system of Kuzbass during the Great Patriotic War. Based on archival data, the conditions for planning the regional budget are considered, initially within the borders of Novosibirsk, and after 26 January 1943 – within the borders of the newly formed Kemerovo region. A comparative analysis of the economic development of Kuzbass with other regions of the country allocated during wartime is carried out. The expenditure and revenue items of the Kuzbass budget are analyzed, the problems encountered by the regional executive committee and the regional financial department in implementing budget policy during the hostilities are identified. The article summarizes the effectiveness of command planning and economic regulation methods in Kuzbass and the country as a whole in the context of military operations.

Keywords: Great Patriotic War, state planning, Kuzbass, Kemerovo region, budget, income, expenses

For citation: Chupin A. G. Problems of budget formation in Kuzbass during the Great Patriotic War (1941–1945). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 545–556 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-545-556>, EDN: RAHMYL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

С началом Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г. перед руководством СССР возникла неотложная задача по мобилизации всех имевшихся в стране производительных сил. Ключевая роль в этом вопросе отводилась финансовой системе Советского Союза,

которая должна была обеспечить бесперебойное снабжение Красной армии всем необходимым для успешного ведения боевых действий против нацистской Германии. В условиях всеобщей мобилизации и значительного увеличения расходов на оборону союзные финансовые орга-

ны столкнулись с сокращением экономического потенциала, потерей миллионов квалифицированных кадров и, как следствие, серьёзным падением уровня жизни населения.

Условия войны диктовали финансовым органам по-иному подойти к методам командно-планового руководства экономикой. Произошло ужесточение условий государственных закупок сельскохозяйственной продукции, был установлен строжайший контроль за ценообразованием и сокращён выпуск ряда товаров массового потребления. Финансовые органы СССР работали в тесном сотрудничестве с Государственным комитетом обороны – высшим органом чрезвычайного управления в военные годы. Основными задачами ГКО были развёртывание вооружённых сил, подготовка резервов, обеспечение их необходимым вооружением, снаряжением и продовольствием. ГКО также принадлежала ключевая роль в мобилизации советской экономики и организации военного хозяйства. Подобное переустройство системы власти в годы войны подчинило все органы государственного управления, включая финансовый сектор, Государственному комитету обороны, что позволило оперативно обеспечивать решения последнего необходимыми ресурсами. От этого в дальнейшем зависело составление краткосрочных экономических планов, роль которых существенно возросла в годы войны, а также рациональное распределение всех имеющихся в распоряжении материальных и нематериальных резервов [1, с. 83].

Краткий обзор научных трудов позволяет определить основные проблемы, освещаемые авторами при изучении бюджетной политики СССР и Кузбасса в годы войны. Советская историография представлена работами исследователей и экономистов Н. А. Вознесенского, К. Н. Плотникова, Я. Е. Чадаева [2–4]. В данном комплексе работ рассматриваются, прежде всего, вопросы мобилизации трудовых ресурсов и ключевые цифры соотношения доходов и расходов государственного бюджета. В 1967 г. появилось исследование по работе кадров финансовой системы СССР за авторством М. Л. Тamarченко [5], вскоре последовали работы В. П. Дьяченко и Ю. И. Константиновой [6, 7], где описывались принципы налогового обложения, формирования бюджета и денежной политики государства.

После распада Советского Союза исследователи стали обращаться к изучению новых проблем, связанных с функционированием, преимуществами и недостатками командно-плановой экономики. Этому посвящены статьи Л. А. Муравьевой [8] и Е. А. Иванова [9], где авторами приводится сравнительный анализ экономик СССР и нацистской Германии в довоенный и военный периоды. В 2013 г. выходит 7 том по истории Великой Отечественной войны,

посвящённый экономике СССР, где, в частности, рассмотрен процесс решения задач военно-экономического обеспечения [10]. Исследования последних лет представлены работами Л. А. Муравьевой [11], И. В. Быстровой [12], Г. Г. Попова [13], Н. Е. Мухиной [14]. Специфика проведения бюджетной политики по другим регионами представлена в трудах исследователей В. Н. Данилова [15] и А. В. Зотовой [16, 17].

В кузбасской историографии проблемы формирования бюджета региона в годы войны освещаются слабо и рассматриваются в контексте социального обеспечения, положения колхозного крестьянства, финансирования здравоохранения, народного образования и культуры. Одним из первых обобщающих трудов по экономическому развитию региона является «Финансовая служба Кузбасса (1943–2003)», где приводятся особенности формирования Кемеровского областного финансового отдела, его структура и основные функции, основные статьи доходов и расходов областного бюджета [18]. В современной историографии вопросы бюджетной политики Кузбасса также рассматриваются в статьях Г. В. Акименко [19], Т. Ю. Хромовой [20], Н. С. Головани [21] Р. С. Бикметова [22]. Несмотря на широкий круг рассматриваемых проблем, на современном этапе не представляется возможным определить базовые принципы областного бюджетирования – как формировался бюджет Кузбасса, на что приоритетно выделялись бюджетные средства, нет возможности проследить взаимосвязь областных и союзных финансовых органов, как и связь руководства областного исполнительного комитета с областным финансовым отделом.

Согласно Конституции 1936 г., государственным органом, который реализовывал финансовую политику Правительства, стал Народный комиссариат финансов СССР. Ему подчинялись народные комиссариаты финансов союзных республик (в том числе НКФ РСФСР), которым подчинялись областные, районные и городские финансовые отделы. Элементами финансовой системы были также сберегательные кассы и банки долгосрочного кредитования, которые делились по схожему принципу [23, с. 53].

Формирование областных бюджетов входило в сферу компетенции областных финансовых органов. Весь процесс составления областного бюджета можно разделить на несколько стадий: на первой стадии составлялся проект бюджета, отделы облисполкома готовили проекты бюджета для подчинённых им предприятиям и организациям, городские и районные финансовые отделы – для своих территорий. Следующим этапом становилась передача данных в бюджетный сектор областного финансового отдела. После получения всех данных от других облфо, например, налогового отдела или отдела государственных доходов, составлялся общий

или сводный план бюджета области на тот или иной год, который затем выносился на согласование на заседание облисполкома. В рамках заседания представители районов могли вносить определённые пожелания и претензии для корректировки проекта бюджета, после чего проект отсылался в Москву для согласования с НКФ СССР и СНК РСФСР. После всех процедур одобренный проект бюджета возвращался обратно в область для принятия его облисполкомом и затем рассылался по районам для исполнения [24, с. 106].

В этом контексте представляется очевидной общесоюзная проблема: союзный и областной бюджеты 1941 г. принимались как бюджеты мирного времени, однако исполнялись в условиях военного времени. Все мобилизационные мероприятия требовали выделения средств наряду с поддержанием уровня жизни населения, с самым обеспечением армии. В первые недели войны эти средства были срочно изъяты Наркомфином СССР из остатков бюджета 1940 г. Другими источниками финансирования стали текущие доходы и накопления казны, сохранённые на момент 1941 г. После начала военных действий государство стало перераспределять средства из других секторов экономики: в бюджете на второе полугодие 1941 г. были существенно уменьшены ассигнования на развитие гражданских отраслей народного хозяйства (на 21,6 млрд руб.), на социально-культурные мероприятия (на 16,5 млрд руб.). Военные расходы во второй половине 1941 г. возросли по сравнению с первым полугодием на 20,6 млрд руб. [25, с. 91]. Кроме того, с потерей промышленной зоны, оккупированной нацистами, и, как следствие, отчислений от прибыли предприятий и налога с оборота промышленной продукции, государство было вынуждено искать другие способы пополнения бюджета, что вылилось в повышение налогов и падении уровня жизни населения. За счёт повышения налогового бремени и общего сокращения издержек на социальную сферу государство частично компенсировало потерю промышленной базы страны и на достаточном уровне обеспечило снабжение армии для ведения боевых действий. Тем не менее союзный бюджет 1941–1942 гг. всё ещё не был профицитным из-за постоянно увеличивающихся издержек на оборону [25, с. 92]. Ситуация изменилась лишь к концу 1942 – началу 1943 г., когда экономика СССР окончательно была переведена на военные рельсы, на что, по данным исследователя И. В. Быстровой, указывают максимальные показатели производства военной продукции [26, с. 95].

Проекты областных бюджетов составлялись облфо в соответствии с постановлениями и распоряжениями СНК СССР с их дальнейшим утверждением облисполкомом и включали в себя основные статьи доходов и расходов.

Доходная часть состояла из нескольких позиций: отчисления от областной и районной промышленности, сельского хозяйства, лесного хозяйства, коммунально-жилищного хозяйства, налоги с автомобильного транспорта, торговых предприятий и организаций, а также местные налоги (налог со строений, земельная рента, разовые сборы с колхозных рынков, налоги с киноустановок). Большую группу доходов составляли отчисления от госналога, подоходного налога, военного налога, а также доходы с товарооборота, отчисления от государственного займа и от доходов с МТС. В местные бюджеты регионов непосредственно зачислялись подоходные налоги с предприятий, в том числе с организации потребительской и промышленной кооперации, с кооперации инвалидов, зачислялись доходы с государственной пошлины и т. д. Расходная часть состояла из отчислений в пользу народного хозяйства: тяжелой и легкой промышленности; сельского, лесного, коммунально-жилищного хозяйства. Средства также выделялись на обслуживание дорог, автотранспорт и обеспечение связи. При сокращении финансирования на социально-культурные мероприятия основные позиции в этой группе расходов остались неизменными: бюджет выделялся на просвещение, здравоохранение, соцобеспечение. Последнюю группу расходов составляли расходы на управление и прочие внебюджетные затраты.

Поскольку Кузбасс на начало войны не был самостоятельным территориальным образованием и находился в составе Новосибирской области до 26 января 1943 г., вопросы формирования бюджета территории находились в компетенции Новосибирского облисполкома, а также Новосибирского областного финансового отдела и рассматривались как отдельно взятые районные и местные бюджеты в составе областного бюджета Новосибирской области. Отметим, что практика разукрупнения административно-территориальных единиц существовала в советском государстве с 1930-х гг. и была нацелена на решение задач в политической и экономической сфере. Дальнейшее индустриальное развитие и специализация регионов, появление большого числа промышленных предприятий усложняли административный контроль на местах, что, в свою очередь, приводило к невыполнению плановых показателей. Для решения этой проблемы в военное время государство вернулось к политике разукрупнения территорий. Помимо Кемеровской области были образованы Ульяновская (19 января 1943 г.), Курганская (6 февраля 1943 г.), Астраханская (27 декабря 1943 г.), Брянская (5 июля 1944 г.), Калужская (5 июля 1944 г.), Новгородская (5 июля 1944 г.), Томская (13 августа 1944 г.), Костромская (13 августа 1944 г.), Владимирская (14 августа 1944 г.), Тюменская

(14 августа 1944 г.), Псковская (23 августа 1944 г.) области.

Обращая внимание на условия выделения этих областей, становится ясно, что в военные годы на их территорию эвакуировали население и промышленные предприятия из оккупированных и приграничных районов, что накладывало на государство не только обязательство по их размещению, но и мобилизацию этих ресурсов для дальнейшей работы в тылу на нужды фронта. Немаловажным было и то, что некоторые из будущих областей уже имели на своей территории развитую промышленность и инфраструктуру. Так, будущая Ульяновская область была частью развитого Поволжского экономического региона, где находилось более 3,5 тыс. промышленных предприятий с количеством рабочих в 550 тыс. человек. Общий объем промышленной продукции региона на момент начала войны составлял 6,3 млрд руб. Выделение области способствовало усилению партийного контроля за дальнейшим промышленным производством региона и обеспечило выполнение плановых показателей в годы войны [27, с. 216].

Обратная ситуация наблюдалась при выделении Костромской и Владимирской области из состава Ивановской в 1944 г. На момент начала Великой Отечественной войны Ивановская область была важным производителем текстильной продукции для всего СССР и играла роль важного тылового региона. Тем не менее текстильные заводы и фабрики области вплоть до 1944 г. не выполняли плановые показатели доходной части бюджета. Наиболее остро стояли проблемы нехватки кадров на предприятиях, задержки заработной платы текстильщикам, отсутствие подвижного состава поездов для сбыта продукции, отсутствие топлива для работы. В этой связи Указами Президиума Верховного Совета СССР от 13 и 14 августа 1944 г. в составе РСФСР были образованы Костромская и Владимирская области. В результате такого деления территория Ивановской области значительно уменьшилась, но при этом регион сохранил свою текстильную направленность, что позволило более эффективно наладить производственные процессы в значительно меньших административно-территориальных границах [28, с. 66].

Выделение Кузбасса в отдельную административно-территориальную единицу имело собственную специфику, отличную от других областей, образованных в годы Великой Отечественной войны. Перестройка промышленности на военные рельсы происходила в сложнейших условиях, когда на западе и юге страны были потеряны наиболее развитые в индустриальном плане регионы. Прежде всего это касалось угледобывающей отрасли, имеющей критическое значение для всей цепочки промышленного производства. Только от Донецкого угольного бассейна Советский Союз получал 57,5% всего

угля и 77,5% коксующегося угля от общесоюзных объемов добычи. После оккупации Донбасса и Подмосковского бассейна роль главного угледобывающего центра была уготована Кузнецкому угольному бассейну. Кузбасс обязался снабдить коксующимся углем металлургические заводы в Сибири и на Урале, производящие металл и боеприпасы для нужд фронта: туда было эвакуировано оборудование 79 промышленных предприятий и более 200 тыс. человек, многие из которых прибыли из регионов, находившихся на момент начала войны под оккупацией. Именно эти обстоятельства обеспечили не только дальнейшее развитие региона, но и статус ключевого тылового региона. Как итог, благодаря многочисленным постановлениям ЦК ВКП(б) в период 1943–1945 гг. индустриальный потенциал региона вырос количественно и качественно. Кузбасс стал первой угольной и второй металлургической базой СССР. В соответствии с ежедневными нуждами фронта в 100 тыс. тонн, в годы войны коллективы шахт Кузбасса увеличили добычу угля с 21,1 до 29,9 млн т. Добычу коксующихся углей увеличили более чем вдвое – с 5,9 млн т в 1940 г. до 12,9 млн т в 1945 г. Всего в 1941–1945 гг. было добыто 127 млн т угля, в том числе более 50 млн т коксующихся углей. При этом численность населения региона в 1943 г. достигла самого большого показателя в 1898,3 тыс. человек за весь период Великой Отечественной войны [29, с. 86].

По итогам 1941 г. в большинстве районов и городов Кузбасса не были выполнены показатели расходных и доходных частей областного бюджета. В качестве примера приведём непосредственно Кемеровский район Новосибирской области. При рассмотрении исполнения районом бюджета на 1941 г., Новосибирским облисполкомом от 30 марта 1942 г. отмечалось, что при общем удовлетворительном исполнении районного бюджета, Кемеровский райисполком не добился исполнения каждого вида доходов. Не был выполнен план налога с нетоварных операций, налога на кино, доходов МТС, подоходного налога с населения и отчисления от заготовок. Кроме того, Новосибирским облисполкомом были выделены ряд организационных проблем, которые сказывались на реализации бюджета Кемеровского района: в районе была слабо поставлена политпросветработа, в течение года не работал ряд изб-читален. Не удалось выполнить план по ликвидации неграмотности и малограмотности – по плану подлежало обучение 4697 человек, было обучено – 248 человек. Также не выполнен план по контингенту учащихся в школах всеобща, снижена наполняемость на класс: по 5–7 классам на 11,1 человек, по 8–10 классам на 13,3 человека на класс. По яслям при промпредприятиях допущено снижение норматива по питанию и не выполнен план по числу койко-дней [30, л. 17].

Ассигнования, предусмотренные областным бюджетом на 1941 г., по Кемеровскому району освоены не были. В этой связи облисполком был принят проект Кемеровского районного бюджета на 1942 г. с уменьшенными показателями в доходной и расходной части: 3,4 млн руб. и 2,9 млн руб. соответственно. Сумма в размере 575 тыс. руб. изымалась в областной фонд регулирования [30, л. 18].

Местные бюджеты Кузбасса за 1941 г. исполнялись на порядок хуже. Новосибирский облисполком отмечал, что при исполнении бюджета Кемеровским горисполкомом не были использованы все возможности в выполнении доходной части бюджета, в результате чего несколько категорий закреплённых доходов исполнены не были. В частности, не удалось обеспечить план по сбору налогов со строений, доходы от рынков, доходы от жилищного и коммунального хозяйства и налог с нетоварных операций. Кроме того, на 1 января 1942 г. Кемеровскому горисполкому перешла недоимка по налоговым платежам на сумму 123 тыс. руб. В числе проблем, затрагивающих сферу образования, облисполком отмечались следующие: в школах всеобщая не выполнены планы, как по контингенту учащихся, так и по их наполняемости; не полностью освоены средства, предусмотренные бюджетом на ликвидацию неграмотности и малограмотности. По лечебным учреждениям не выполнен план по количеству коек и койко-дней, нормативы по питанию были снижены. Производственные планы по городской промышленности значительно недовыполнены. Из-за эвакуации людей из оккупированных регионов в Кемерово серьёзно увеличилась плотность населения, что могло приводить к вспышкам инфекционных заболеваний. Для профилактики болезней город должен был обеспечить людей общественными банями. Имеющиеся их количество в Кемерово не могло обслужить все население, а их техническое оснащение было неудовлетворительным. В самих банях, по заявлениям народа, наблюдалась антисанитария, а обращение работников бань с посетителями было крайне грубым.

Повышение себестоимости, рост реализационных потерь, невыполнение производственных планов привело к значительному недовыполнению накоплений по местной промышленности на 44,7%. В результате по местной промышленности имелись излишки товарно-материальных ценностей на 176,5 тыс. руб., а также значительный рост кредиторской и дебиторской задолженности. Таким образом, при рассмотрении проекта бюджета города Кемерово на 1942 г. также было решено сократить общие показатели по доходам и расходам в равных суммах до 211 тыс. руб., против исполненной в 1941 г. суммы по доходам 264,8 тыс. руб. и по расходам 262,7 тыс. руб. [30, л. 82].

При этом облисполком постановил увеличить бюджеты на 1942 г. по следующим направлениям: по общему благоустройству на 25 тыс. руб., открыть дополнительно 60 мест в детских садах с суммой затрат в 30 тыс. руб., что связано с необходимостью разместить детей, эвакуированных из оккупированных регионов, добавить 113 тыс. руб. в фонд заработной платы школ, увеличить штат санврачей на 1 единицу с фондом зарплаты 3,2 тыс. руб. [30, л. 83].

Аналогичная ситуация была во втором крупнейшем городе Кузбасса – Сталинске, где была размещена большая часть эвакуированных предприятий из оккупированных областей СССР.

Новосибирским облисполкомом отмечалось, что Сталинский горисполком не добился выполнения доходной части бюджета по тем источникам дохода, которые требовали особого внимания и систематического контроля за их выполнением: налога с нетоварных операций, налога с кино и местных закреплённых доходов. В результате на 1 января 1942 г. горисполкомом была допущена недоимка по налогам свыше 100 тыс. руб. Из общих проблем, которые влияли на исполнение бюджета Сталинска, облисполком выделил следующие: коммунальные предприятия, городская местная промышленность и промкооперация работали неудовлетворительно и не выполнили своих производственных планов, плохо осуществляется контроль за работой трамвайного парка, в связи с этим около 2,5 млн пассажиров ездили бесплатно, бани и прачечные работали также неудовлетворительно. Производственный план по предприятиям местной и пищевой промышленности выполнен только на 83,8%. Сталинский горисполком уделял недостаточно внимания местным хозяйствам города. На начало 1942 г. целый ряд расходов в городе, особенно по коммунальному и жилищному хозяйству (в сумме 217 тыс. руб.), освоен неудовлетворительно. В области здравоохранения также наблюдалось недоиспользование 597 тыс. руб. [30, с. 92]. Таким образом, Новосибирским облисполкомом также было принято решение о сокращении бюджета Сталинска по доходам и расходам на сумму в 285,6 тыс. руб. в обоих случаях, вместо суммы за 1941 г. по доходам в 384,2 тыс. руб., по расходам в 362,5 тыс. руб. В ситуации, аналогичной с исполнением бюджета Кемерово за 1942 г., облисполком обязал Сталинский горисполком увеличить ассигнования по следующим показателям: на содержание детсадов – 91,5 тыс. руб., фонд зарплаты персоналу школ – 29 тыс. руб., коммунальные услуги учителям – 49 тыс. руб., капитальный ремонт школ – 40 тыс. руб., содержание 28 коек в больницах – 134,3 тыс. руб., содержание 7 врачебных должностей в амбулатории – 37,6 тыс. руб. и ремонт лечебных учреждений – 30 тыс. руб. [30, с. 93].

При исполнении региональных и муниципальных бюджетов Кузбасса Новосибирский облфо придерживался установки на экономию бюджетных средств как при составлении бюджета, так и при его исполнении. Поэтому в приоритете областного финансового отдела было усиление административного контроля и наблюдения за расходованием регионами и городами бюджетных средств. Если обратить внимание на исполнение бюджетов Кузбасса за 1941–1942 гг., можно сделать вывод, что за весь период войны расходные статьи почти никогда не выполнялись в полном объеме, что влекло за собой их зачисление в республиканский бюджет. Отчасти это также можно связать со стремлением к экономии бюджета, однако это не всегда было так. Если рассмотреть основные расходные статьи региона за 1942 г., будь то народное просвещение или здравоохранение, то становится ясно, что причин неисполнения расходной части бюджета было гораздо больше. Так, на 1942 г. в Кузбассе на 11 300 человек сократился контингент обучающихся, т. к. многие ученики были заняты на производстве, 3000 не могло посещать школу из-за отсутствия одежды и обуви, около 400 человек было занято работой в колхозах, поэтому средства на обучение этих детей не могли быть использованы технически. В школах всеобща и учреждениях Наркомпроса не были закуплены инвентарь, оборудование, учебные материалы ввиду банального их отсутствия [31, л. 31]. В сфере здравоохранения наблюдался недорасход по питанию больных, что было связано не только с недостаточным уровнем развития коечной сети, но и с резким снижением самих расходов по питанию, что также не было связано с простой экономией средств в районах и городах Новосибирской области. Так, основной причиной снижения расходов по питанию против норм явилось развитие подсобных хозяйств, продукция которых реализовывалась по себестоимости. Средства, отпущенные на ремонт больниц, не были освоены ввиду отсутствия в регионе необходимой рабочей силы, транспорта и самих строительных материалов [31, л. 32].

При этом на примере исполнения региональных и местных бюджетов Кузбасса можно выделить ряд принципов, схожих с общесоюзными, при реализации бюджетной политики:

- 1) наблюдается общее сокращение бюджетных расходов районов и городов для перераспределения высвободившихся средств на нужды фронта;
- 2) в контексте сокращения бюджетных расходов, государство обращает внимание на исполнение доходной части бюджета через осуществление налоговой политики;
- 3) расходы бюджета концентрируются на сферах просвещения, здравоохранения, социального обеспечения и народного хозяйства.

6 января 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР из состава Новосибирской области была выделена Кемеровская область. Вместе с тем были сформированы и местные органы власти в виде областного исполнительного комитета и областного финансового отдела.

В мае 1943 г. был принят первый план бюджета Кемеровской области. Доходная часть бюджета включала в себя несколько позиций: отчисления от прибыли хозяйственных организаций, подоходного налога с организаций и предприятий, бюджетных отчислений от государства, которые, в свою очередь, состояли из налога на торговый оборот, налоговых отчислений и сборов с населения, а также отчислений с государственных займов. Общая сумма планируемых доходов в конце 1943 г. была заложена в 329,5 млн руб., что было весьма внушительным показателем при общем исполнении доходной части бюджета всего Советского Союза в 1942 г. на сумму около 249 млрд руб. Планируемые расходы бюджета складывались из следующих отраслей: народное хозяйство, организация и проведение социально-культурных мероприятий, расходы на управление и прочие расходы, не подпадающие под остальные категории. В свою очередь, в категорию народного хозяйства входили следующие статьи расходов: тяжелая и легкая промышленность, в т. ч. районная, сельское хозяйство, лесное хозяйство, жилищное хозяйство, коммунальная сфера и благоустройство населенных пунктов, освоение малых рек, дорожное строительство, связь и пожарная охрана [32, л. 7].

С увеличением бюджетов в рамках Кемеровской области по-прежнему оставались трудности, связанные с освоением выделяемых средств. 26 октября 1943 г. Кемеровским облисполкомом было отмечено неудовлетворительное исполнение бюджета области за 9 месяцев года. Расходы составили 61% к годовому назначению. Особенно плохо освоены средства по коммунально-жилищному хозяйству – 31,9%, сельскому хозяйству – 55,9%, просвещению – 58,9%, по народному образованию за 9 месяцев не освоено 16 128 тыс. руб., в том числе по областному бюджету – 7813 тыс. руб., по здравоохранению не освоено 9671 тыс. руб., в том числе по областному бюджету – 2279 тыс. руб. По промышленности областного подчинения за 9 месяцев средства на эти цели освоены только на 59,4%. Совершенно не были освоены ассигнования по коммунальному хозяйству в Ижморском, Киселевском, Мысковском, Таштагольском и Топкинском райисполкомах. В ряде общих проблем Кемеровский облисполком отмечал неудовлетворительные темпы строительства ряда объектов по местной промышленности и коммунальному хозяйству. Не было завершено строительство содового завода в г. Кемерово,

стекольного завода в г. Ленинске-Кузнецком, бани в Юргинском районе и т. д. [32, л. 6].

Проблемой стало и ведение финансовой отчетности и учёта в отделах облисполкома, предприятиях и областных учреждениях и хозорганах. Облисполкомом отмечалось, что руководители областных отделов, исполкомы местных советов не приняли должных мер к комплектованию учреждений и предприятий, ответственных за представление отчетности, в результате чего отчетность поступала с опозданием, особенно по облсобесу, облоно и др.

К началу 1944 г. недочёты были частично исправлены. На III сессии Кемеровского областного Совета депутатов трудящихся 29 марта подвели итоги выполнения бюджета области на 1943 г. На сессии заведующий областным финансовым отделом А. К. Биркин выступил с докладом, где указал на перевыполнение доходной части бюджета 1943 г. на уровне 103,7%, что стало возможным благодаря общему увеличению производительности труда, мощностей производства и количества выпускаемой продукции. Промышленность областного и районного подчинения вместе с кооперативной промышленностью выполнили план на 101,1%, что дало бюджету области дополнительные 12,3 млн руб. [32, л. 7]. В размере основных показателей исполнение доходной части характеризуются данными, приведенными в табл. 1.

Таблица 1

Исполнение доходных частей бюджета Кемеровской области на 1943 г.

Источник доходов	Фактические показатели, млн руб.	Исполнение плана, %
Отчисления от прибыли хозяйственных организаций	662,3	—
Подходный налог с организаций и предприятий	171,5	128,3
Местные налоги и сборы	53,3	108,5
Бюджетные отчисления от союзно-республиканских доходов	132,3	100,1
В том числе: Налог с товарооборота	48,0	105,8
Отчисления от налогов и сборов населения	38,7	105,8
Отчисления от госзаимов	33,2	98,2

Сост. по: [32, л. 7].

Отдельно стоит отметить закреплённые и собственные областные доходы, размер которых составлял значительную долю поступлений в бюджет – 151,8 млн руб.

При анализе показателей выполнения расходной части областного бюджета на 1943 г. становится очевидно, что ни по одному расходному пункту, за исключением прочих расходов, средства также не были освоены в соответствии с планом (табл. 2). Больше всего расхождение фактических показателей наблюдается в расходах на народное хозяйство, где не было выделено необходимой суммы средств, прежде всего на благоустройство колхозов и обеспечение инфраструктуры. Итого, расходная часть бюджета была выполнена на 98,6%, в сумме 258 млн руб. Неосвоенные средства в сумме 20 млн руб. согласно постановлению СНК были перечислены в республиканский бюджет.

Таблица 2

Исполнение расходной части бюджета Кемеровской области на 1943 г.

Расходы по отраслям	Фактические показатели, млн руб.	Исполнение плана, %
Народное хозяйство	14,9	54,8
Социально-культурные мероприятия	216,4	93,5
Управление	25,6	96,6
Прочие расходы	1,1	106,3

Сост. по: [32, л. 8].

По показателям лучше всего были освоены бюджетные средства в Анжеро-Судженском, Гурьевском, Тяжинском, Прокопьевском, Тисульских районах, а также в Прокопьевске, Сталинске и Ленинске-Кузнецком. Хуже всего бюджет был освоен в Мысковском, Чебулинском, Юргинском и Киселевском районах. В целом по региону расходная часть бюджета была не выполнена у 25 из 32 районов и городов. Оставшиеся средства были переведены в республиканский бюджет.

16 ноября 1943 г. Кемеровский облисполком поручил финансовому отделу составление бюджета области на 1944 г. При этом следует отметить, что проект бюджета области на 1944 г. должен был базироваться на итогах исполнения бюджета и финансовых планов по хозяйству за 9 месяцев 1943 г. и ожидаемого исполнения за 4-й квартал. Заведующим отделами и начальникам управлений облисполкома требовалось представить в облфинотдел к 1 декабря 1943 г. сводные финансовые планы по следующим направлениям: областное и местное хозяйство, социально-культурные мероприятия по областному бюджету и бюджетам районов и городов. Также райисполкомам было предложено в соответствии с постановлением СНК

СССР от 3 августа 1935 г. составить и утвердить сельские бюджеты до 1 января 1944 г.

В областной бюджет на 1944 г. было заложено перевыполнение доходной части. Доходы бюджета были увеличены на 31,9 млн руб., что составило рост на 9,1% против суммы в 29 млн руб. в 1943 г. Поступления бюджетных источников по отдельным основным источникам характеризуется данными, представленными в табл. 3.

Таблица 3

План доходной части бюджета Кемеровской области на 1944 г.

Источники доходов	Сумма, млн руб.
Собственные и закрепленные доходы	203,7
В том числе:	
Отчисления от прибылей и изъятие излишков оборотных средств	85,2
Подоходный налог с организаций	22,6
Местные налоги и сборы	77
Прочие доходы	18,9
Отчисления от союзно-республиканских доходов	109,9
В том числе:	
Отчисления от налога с оборота	15,1
Отчисления от налогов и сборов населения	43,4
Отчисления от госзаказов	36,5
Прочие отчисления	14,9
Всего основных доходов	313,6

Сост. по: [33, л. 4].

Следует отметить, что удельный вес собственных и закреплённых областных источников дохода с прошлого года повысился пропорционально общему запланированному бюджету на 64,1% в 1944 г. и должен был составить около 203,7 млн руб. При этом отмечалось снижение отчислений от союзно-республиканских доходов с 46,6 до 35,9% до суммы в 109,9 млн руб. Таким образом, доходная часть бюджета складывалась из суммы этих показателей, а также суммы в 10 млн руб. от прочих неналоговых доходов области и составляла 323,6 млн руб. В целом поступления бюджетных источников по отдельным пунктам не сильно отличались от пунктов 1943 г.

Расходная часть бюджета на 1944 г. была заложена в сумме 382,2 млн руб. На народное хозяйство планировалось выделить 27,6 млн руб., расходы на государственное управление сократились на 1%, в то время как сумма в 11,4 млн на прочие расходы была выделена на уровне перевыполненных показателей 1943 г. Самой большой статьёй расходов были запланированы социально-культурные мероприятия, куда

было определено около 83% всех бюджетных ассигнований в сумме 270,6 млн руб. Сюда входили расходы на просвещение, здравоохранение, физкультурное оздоровление и социальное обеспечение. На 1944 г. был запланирован рост почти по всем показателям, но большой акцент делался на развитие системы народного просвещения. Финансирование в области социального обеспечения, напротив, было урезано на 12 млн руб. [32, л. 24] (табл. 4).

Таблица 4

План расходной части бюджета Кемеровской области на 1944 г.

Пункт расходов	План на 1944 г., млн руб.	Изменение расходов по сравнению с 1943 г., млн руб.
Просвещение	149,9	+37,4
Здравоохранение	116,1	+16,6
Физическая культура	0,4	+0,2
Социальное обеспечение	4,3	-1,2

Сост. по: [34, л. 30].

На VII сессии облсовета, при анализе областного бюджета на 1944 г. и формирование бюджета на первое полугодие 1945 г. Кемеровским областным финансовым отделом был обозначен ряд проблем. Было отмечено падение товарооборота в области в 3-м квартале 1944 г. и, как следствие, невыполнение плана бюджета на 178 млн руб. Причина падения заключалась в том, что у области не хватало складских помещений, не были организованы торговые сети и сети общественного питания, хотя наблюдалось увеличение товарооборота по местным торгам. Так, по области рост товарооборота составил в целом 20%, по местным торгам – 40%. Были заняты все складские помещения в Кемерово, Белове, Тайге. Ухудшались дела с пополнением областных фондов, недостаточным было обеспечение торгового сектора товарами со стороны кооперативной промышленности. В 1944 г. было недополучено товаров народного потребления на общую сумму до 10 млн руб., наблюдалось падение спроса на эти товары [34, л. 4]. Указывалось, что достигли серьёзных размеров хищения и растраты. Среди нормируемых товаров были расхищены по показателям: хлеба и хлебобулочных изделий – 9930 кг, сахара и кондитерских изделий – 1532 кг, мяса и рыбы – 2919 кг, соли 9491 кг, картофеля 75 512 кг, овощей – 11 713 кг [33, л. 36].

Не были решены проблемы с освоением денежных средств в области образования. Из 116 млн руб., выделенных на просвещение, было освоено 94% или около 114 млн руб. Не были охвачены системой образования 4127 детей, около 40 тыс. учащихся отсеялись по разным

причинам. Отсутствовал контроль за обеспечением учителей заработной платой: в Таштаголе сумма недостачи равнялась 231 тыс. руб., в Анжеро-Судженске – 38 тыс. руб. Из суммы в 2,2 млн руб., выделенных в 1944 г. на капитальный ремонт в школах, было освоено лишь 287 тыс., т. е. 13% [34, л. 36]. Эти проблемы необходимо было решить в течение 1945 г. Как и в прошлом году, в план на 1945 г. были заложены примерно одинаковые показатели доходов и расходов. Так, доходная часть сохранялась на уровне 334 млн руб., расходная – 326 млн руб., что составляло 106% от последнего довоенного 1940 г.

В основу составления проекта бюджета были положены потребности области в продукции основных отраслей народного хозяйства, учитывая рост и расширение предприятий, местной промышленности, коммунального хозяйства и кооперативной промышленности. При планировании особо обращалось внимание на рост производительности труда, снижение себестоимости. Проект бюджета на 1945 г. области строился в тесной связке с народно-хозяйственным планом. Как в народно-хозяйственном плане, так и в бюджете области нашли своё отражение рост производственной программы, промышленности, коммунального хозяйства, торговли. В проекте бюджета были уточнены имеющиеся сетевые показатели и контингенты на начало года. Также было учтено возможное увеличение количества до конца 1944 г. учреждений культуры и сельского хозяйства, расположенных на территории области.

На IX сессии облсовета 24–26 июня 1946 г. было отмечено, что обозначенные в прошлые годы проблемы сохранялись на определённом уровне при выполнении плана бюджета на 1945 г. Выполнение бюджета в 1945 г., по сравнению с 1944 г., как по доходной, так и по расходной части приводится в табл. 5.

В 1944 г. бюджет области был выполнен по доходам на 102,2% и по расходам на 96,9%, а в 1945 г. доходов получено, с учётом фонда регулирования 94,9% к назначенной сумме или меньше на 19 720 тыс. руб. Израсходовано только 93,1% к годовому назначению, осталось недоиспользовано 27 477,9 тыс. руб.

На выполнение доходной части бюджета отразилась особенно крупная сумма недобора

по следующим доходным источникам: по отчислениям от сельхозналога – 3026,6 тыс. руб., военного налога – 3653,6 тыс. руб., подоходного налога с кооперативных организаций – 9482,5 тыс. руб.

Не выполнили планы бюджета вся областная промышленность (1457 тыс. руб.), торговля (2427,9 тыс. руб.). По коммунальным предприятиям поступило в бюджет 15 885,6 тыс. руб. (т. е. 87,5%), против запланированной в бюджете суммы в 18 145 тыс. руб. По расходной части неполное освоение средств по народному хозяйству проходит главным образом по промышленности и жилищному хозяйству. По просвещению израсходовано меньше, чем предусмотрено планом на 9181 тыс. руб. По здравоохранению осталось неосвоенными 9375,3 тыс. руб. [35, л. 2].

Также отмечалось, что, несмотря на выполнение доходной части бюджета по местным налогам, разным неналоговым доходам, по доходам лесного и сельского хозяйства, бюджет недополучил отчисления от накоплений промышленности, отчисления от государственных налогов и сборов и, как следствие, был выполнен на 95,1% по доходам, на 94,2% – по расходам [36, л. 146]. Это связывалось прежде всего с тем, что во второй половине 1945 г. в большинстве основных отраслей промышленности были отменены обязательные сверхурочные работы, а в связи с этим последовала и отмена военного налога. С предприятий местной промышленности и промкооперации были сняты военные спецзаказы, а на выработку гражданской продукции промышленные предприятия перестраивались очень медленно, в результате чего планы накоплений и, соответственно, поступления в бюджет оказались невыполненными. Предприятия местной и лёгкой промышленности в 1945 г. не выполнили плана по производству товаров народного потребления и недодали в бюджет сумму в 7 млн руб. Местные торги и потребительские кооперативы в 1945 г. не обеспечили привлечения необходимого количества товаров широкого потребления и фактически реализовали торгов на 8,3 млн руб. меньше, чем в 1944 г. Вместе с тем, несмотря на расширение сети учреждений здравоохранения, не была в полной мере реализована коечная сеть: в городах – 441, в сельских больницах – 86, в родильных домах не выделено средств на 97 коек [36,

Таблица 5

Сравнение доходной и расходной части бюджета Кемеровской области на 1944–1945 гг.

Бюджетные показатели	Назначено на 1944 г.	Исполнено за 1944 г.	%	Назначено на 1945 г.	Исполнено за 1945 г.	%
Доходы, тыс. руб.	356 043,3	364 156,1	102,2	387 556,3	367 836,3	94,9
Расходы, тыс. руб.	349 833,1	339 049,0	96,9	387 556,3	360 078,4	93,1

Сост. по: [35, л. 2].

л. 147]. При общем высоком количестве расходов на народное образование по-прежнему остались не реализованы 928 млн руб. и не развёрнуты около 299 классов по всей Кемеровской области [36, л. 148]. Общие показатели расходной части бюджета Кемеровской области за 1945 г. представлены в табл. 6.

Таблица 6

Исполнение расходной части бюджета Кемеровской области на 1945 г.

Расходы по отраслям	Фактическая затрата, тыс. руб.	В процентном отношении, %
Народное хозяйство	22 203,0	87,3
Социально-культурные мероприятия	261 082,4	92,6
Управление	31 091,5	102,5
Прочие расходы	1694,1	106,2

Сост. по: [37, л. 4].

Таким образом, на локальном примере Кузбасса видно, что реализация бюджетной политики в регионе прошла в несколько этапов, на каждом из которых возникали определённые трудности:

- 1) период 1941–1942 гг. ознаменовался общей перестройкой экономики СССР на военные нужды, в связи с чем наблюдалось увеличение налогового бремени с целью восполнения образовавшегося дефицита бюджета, увеличение расходов на оборону и сокращение расходной части бюджета по ряду показателей в сфере социального обеспечения. Подобная тенденция отчётливо прослеживается в Кузбассе, сначала в рамках территории Новосибирской области на региональном и местном уровнях, затем в пределах образованной в 1943 г. Кемеровской области;
- 2) Новосибирский областной финансовый отдел стремился к усилению контроля за районами и городами Кузбасса при проведении налоговой политики с целью пополнения доходной части бюджета области, однако сталкивался с отсутствием организованности и контроля со стороны самих райисполкомов и горисполкомов региона при исполнении областного бюджета вплоть до конца 1942 г. Расходная часть бюджета также осваивалась неудовлетворительно ввиду ряда причин, будь то простое отсутствие материалов и рабочей силы для обеспечения нужд региона или же стремление к экономии не только со стороны Новосибирского облфо, но и со стороны районных и городских исполнительных комитетов Кузбасса;
- 3) период 1943–1945 гг. связан со становлением Кузбасса как отдельной административно-территориальной единицы в составе

РСФСР, формированием региональной системы управления и финансовой системы Кемеровской области. В этой связи возникали проблемы с составлением планов реализации бюджетных средств, а также обеспечением областных доходов. Большая часть доходов Кемеровской области состояла из отчислений от прибыли хозяйственных организаций, подоходного налога с организаций и предприятий, что с одной стороны, позволяло снижать нагрузку союзного бюджета, с другой стороны, позволяло самостоятельно обеспечивать насущные потребности населения. Часть расходов бюджета до 1945 г. приходилась на систему образования и здравоохранения, что обуславливалось положением области как тылового региона, отдалённого от основного театра боевых действий. Наиболее отчётливо это видно в 1943–1944 гг. при выделении средств на сферу образования и здравоохранения, что было связано с эвакуацией и размещением в Кузбассе населения из оккупированных регионов. Вместе с тем в 1943 г. наблюдается и общее увеличение бюджета региона, что связано с его возросшей значимостью для страны.

Несмотря на исполнение контрольных цифр бюджета, Кузбасс вплоть до 1945 г. не исполнял план бюджета на 100% в расходной и доходной частях одновременно. На начальном этапе Великой Отечественной войны это возможно связать с рядом причин:

- 1) финансовый отдел Новосибирской области стремился к экономии средств, однако в условиях перестройки и мобилизации экономики сталкивался с организационными проблемами в работе райисполкомов и горисполкомов, которые не могли обеспечить освоение выделенных бюджетных средств;
- 2) вместе с тем следует отметить трудности в организации контрольно-ревизионной работы самих областных финансовых органов при проведении налоговой политики, что проявлялось в неисполнении доходной части. Это можно объяснить резким увеличением объёма работы финансовых органов области и недокомплектом штатов т. к. многие работники были мобилизованы и отправлены на фронт.

С выделением региона в самостоятельную административную единицу в 1943 г. финансовым органам Кемеровской области требовалось не только преодолеть эти трудности, но обеспечить выполнение финансовых планов вплоть до конца боевых действий. Кемеровским областным финансовым отделом был усилен ревизионный контроль за исполнением налоговой политики, а райисполкомы и горисполкомы области исправили недостатки в организационной работе. На это указывают данные 1944 г., когда

доходная часть бюджета региона впервые с начала войны стала профицитной. Вместе с тем по-прежнему сохранялась проблема с освоением выделяемых бюджетных средств. Неисполнение бюджетных показателей за 1945 г., в свою очередь, можно объяснить резким сокращением оборонных заказов и переходом экономики страны на мирные рельсы.

Таким образом, можно сделать вывод, что в условиях ведения боевых действий функционал областных финансовых органов заключался не только в собственно бюджетном планировании, но и мобилизации и экономии средств и бюджетном контроле. С одной стороны, на примере Кузбасса видно, что зачастую развитие в одной области экономики шло за счет другой, что придавало экономическим процессам в СССР одностороннюю направленность и вело к перекосу в развитии отраслей тяжелой промышленности, недоразвитии остальных отраслей и падении уровня жизни населения. Строгая регламентация не позволяла местным руководителям самостоятельно принимать решения по ключевым экономическим вопросам, что приводило к организационным проблемам и простоям на местах. С другой стороны, подобный способ организации мобилизационной модели командно-плановой экономики оказался наиболее эффективным, поскольку централизация и государственный контроль позволили переориентировать экономику СССР на достижение ключевой цели – фронт и тыл был обеспечен необходимыми средствами для успешного ведения боевых действий. Дальнейшее исследование бюджетной политики отдельных регионов страны также позволяет проследить взаимосвязь региональных и центральных финансовых органов, определить специфику развития и вклад в Победу отдельных регионов в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Муравьева Л. А. Финансы СССР в годы Великой Отечественной войны // Финансы и кредит. 2004. № 14 (152). С. 83–91.
2. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М. : Госполитиздат, 1948. 192 с.
3. Плотников К. Н. Очерки истории бюджета Советского государства. М. : Госфиниздат, 1954. 180 с.
4. Чадаев Я. Е. Экономика СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М. : Мысль, 1965. 389 с.
5. Тмарченко М. Л. Советские финансы в период Великой Отечественной войны. М. : Финансы, 1967. 144 с.
6. Дьяченко В. П. История финансов СССР (1917–1950 гг.). М. : Наука, 1978. 493 с.
7. Константинова Ю. И. История финансов СССР. М. : ВЗФЭИ, 1987. 101 с.
8. Муравьева Л. А. Экономика СССР в начальный период Великой Отечественной войны // Финансы и кредит. 2004. № 1 (139). С. 81–91.
9. Иванов Е. А. Основные пропорции и параметры экономики СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник экономической безопасности. 2010. № 9. С. 5–11.
10. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 7 : Экономика и оружие войны / авт.-сост. Г. Куманев, Н. Гаража, А. Минаев. М. : Кучково поле, 2013. 864 с.
11. Муравьева Л. А. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны // Решающий вклад СССР в разгром фашистской Германии в Великой Отечественной войне и создание европейской послевоенной конструкции: правда истории и современные тенденции зарубежной историографии : доклады 2-й Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию победы СССР в Великой Отечественной войне (Москва, 21–22 сентября 2020 г.) / гл. ред. М. М. Вагабов. М. : Московский политех, 2020. С. 77–82.
12. Быстрова И. В. Роль программы ленд-лиза в мобилизации и модернизации экономики СССР в годы Великой Отечественной войны // Экономическая история : ежегодник. 2018/19 / отв. ред. Л. И. Бородин, Ю. А. Петров. М. : ИЦ Института российской истории РАН, 2020. С. 279–300.
13. Попов Г. Г. Новые подходы к оценке ВВП СССР в период Великой Отечественной войны // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2021. Т. 13, № 2. С. 53–67.
14. Мухина Н. Е. Военная экономика СССР в годы Великой Отечественной Войны // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2020. № 2. С. 55–59.
15. Данилов В. Н. Мобилизация денежных средств населения в годы Великой Отечественной войны: практика Саратовской области // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 387–395. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-387-395>
16. Зотова А. В. Финансовое обеспечение промышленности блокированного Ленинграда // Клио. 2014. № 6. С. 93–97.
17. Зотова А. В. Госзаимы в Ленинграде в период Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 5. С. 93–102.
18. Финансовая служба Кузбасса. Этапы большого пути / авт.-сост. Е. Логинова, Г. Шалакин. Кемерово : Центр-полиграф, 2004. 159 с.
19. Акименко Г. В. К вопросу о решении индивидуального и коллективного огородничества в решении продовольственной проблемы в период Великой Отечественной войны (на материалах Кемеровской области) // Дневник науки. 2020. № 5. С. 202–209.
20. Хромова Т. Ю. Аграрный сектор Кузбасса в годы войны // Электронный научно-методический журнал

- Омского ГАУ : материалы конференции «Аграрное образование: состояние и перспективы» (Омск, 28 ноября 2016 г.) / гл. ред. Ю. И. Новиков. 2016. № 2. С. 53–57.
21. Головань Н. С. Жилищно-бытовые условия городского населения Кузбасса (1941–1945 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 4, № 2. С. 17–20.
22. Бикметов Р. С. Перестройка экономики Кузбасса в условиях Великой Отечественной войны: производственные аспекты и решение кадровых проблем // Проблемы экономики и управления: социокультурные, правовые и организационные аспекты : сб. ст. магистрантов и преподавателей КузГТУ / гл. ред. В. М. Золотухин ; отв. ред. В. Г. Михайлов. Кемерово : КузГТУ, 2024. Вып. 6. С. 22–46.
23. Ивлев Н. Н. Деятельность высших образовательных учреждений Наркомата финансов СССР в годы Великой Отечественной войны // Манускрипт. 2019. Т. 12, вып. 10. С. 52–56.
24. Ивлев Н. Н. Деятельность финансовых органов Челябинской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник ЧелГУ. 2009. № 37. С. 102–108.
25. Григорьев И. А. Финансово-экономическая система СССР в 1941–1942 гг. // Экономическая история. 2016. № 4. С. 90–95.
26. Быстрова И. В. Перестройка промышленности в СССР в 1941–1945 гг.: опыт военной мобилизации // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2018. № 1. С. 78–95.
27. Храмов Л. В. Военно-промышленный комплекс Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5–3. С. 215–221.
28. Околотин В. С., Сафолов Д. С. Роль текстильной промышленности в формировании государственного бюджета страны в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ивановской и Владимирской областей) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия : Экономика. 2020. № 4. С. 55–68.
29. Дерюшев А. В., Першин В. В., Масаев Ю. А. Шахтостроительная отрасль Кузбасса // Вестник КузГТУ. 2007. № 4. С. 84–94.
30. Государственный архив Кузбасса (ГАК). Ф. Р-291 (Главное финансовое управление Кемеровского обл. исполкома). Оп. 1. Д. 15.
31. ГАК. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 37.
32. ГАК. Ф. Р-790 (Кемеровский облисполком). Оп. 1. Д. 18.
33. ГАК. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 110.
34. ГАК. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 50.
35. ГАК. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 155.
36. ГАК. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 22.
37. ГАК. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 217.

Поступила в редакцию 14.02.2025; одобрена после рецензирования 22.02.2025; принята к публикации 27.06.2025; опубликована 28.11.2025

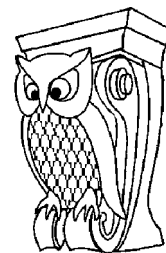
The article was submitted 14.02.2025; approved after reviewing 22.02.2025; accepted for publication 27.06.2025; published 28.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 557–562
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 557–562
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-557-562>, EDN: SFHPPAV

Научная статья
УДК 94(470.40+470.43+470.44)|1941/1945|

Сбор тёплых вещей для бойцов и командиров Красной армии в годы Великой Отечественной войны (на материалах Куйбышевской, Пензенской и Саратовской областей)

О. С. Левина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Левина Оксана Сергеевна, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, lyovina.oksana2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6592-754X>, AuthorID: 895836

Аннотация. В годы Великой Отечественной войны во всех тыловых регионах страны развернулись патриотические движения по оказанию помощи фронту. В статье рассматривается одно из таких начинаний по сбору тёплых вещей для бойцов и командиров Красной армии, развернувшееся в Куйбышевской, Пензенской и Саратовской областях. Их жители сразу же откликнулись на призыв властей о помощи. На основе архивного материала и газетных публикаций тех лет автор приходит к выводу, что в рассматриваемом движении можно выделить два направления: сбор и изготовление (вязание, валяние валенок, пошив, починка) тёплой одежды. Помощь со стороны гражданского населения в обеспечении советских солдат и офицеров тёплыми вещами стала весомым вкладом в победу над врагом.
Ключевые слова: война, зима, патриотизм, помощь, солдаты и офицеры, теплая одежда, фронт

Для цитирования: Левина О. С. Сбор тёплых вещей для бойцов и командиров Красной армии в годы Великой Отечественной войны (на материалах Куйбышевской, Пензенской и Саратовской областей) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 557–562. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-557-562>, EDN: SFHPPAV
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Collecting warm clothes for soldiers and commanders of the Red Army during the Great Patriotic War (based on materials from the Kuibyshev, Penza and Saratov regions)

O. S. Levina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Oksana S. Levina, lyovina.oksana2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6592-754X>, AuthorID: 895836

Abstract. During the Great Patriotic War, patriotic movements to help the front were launched in all rear regions of the country. The paper examines one of these initiatives to collect warm clothes for the soldiers and commanders of the Red Army in the Kuibyshev, Penza and Saratov regions. Their residents immediately responded to the authorities' call to help the front. Based on archival material and newspaper publications of those years, the author comes to the conclusion that two directions can be distinguished in the movement under consideration: the collection one and the production one (knitting, felting boots, sewing, repairing) of warm clothing. The assistance from the civilian population in providing Soviet soldiers and officers with warm clothing became a significant contribution to the victory over the enemy.

Keywords: war, winter, patriotism, help, soldiers and officers, warm clothing, front

For citation: Levina O. S. Collecting warm clothes for soldiers and commanders of the Red Army during the Great Patriotic War (based on materials from the Kuibyshev, Penza and Saratov regions). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 557–562 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-557-562>, EDN: SFHPPAV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. немало славных страниц оказания всемерной помощи Красной армии советскими гражданами. Одним из направлений оказания поддержки её бойцам и командирам ста-

ло обеспечение их зимними вещами (одеждой, постельным бельём). Данный вопрос специально изучению не подвергался, рассматриваясь лишь в общем контексте патриотических движений советского народа в годы войны. Одними

из первых эту тему изучили историки Д. Ф. Фролов [1], Б. А. Колчин [2], В. С. Красавин [3], Д. П. Ванчинов [4], Л. В. Храмов [5], отметившие как высокий патриотизм и ответственность населения, так и «ведущую роль коммунистической партии» в руководстве сбором тёплых вещей на местах. Современные исследователи (Т. И. Билябина, Ю. В. Ищенко, А. В. Корочаров) обозначили новые направления научного поиска, несколько сместив исследовательские акценты, а именно: поощрение властями передовиков развернувшегося движения, местами плохую организацию деятельности приёмных комиссий и складов, хранение собранных вещей. Они же обратили внимание на активное участие школьников в сборе тёплых вещей для бойцов и командиров Красной армии [6–8].

Начало патриотическому движению по сбору теплых вещей для солдат и офицеров было положено постановлением ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1941 г. «О сборе среди населения теплых вещей и белья для Красной Армии», в котором, в частности, говорилось: «Идя навстречу многочисленным предложениям трудящихся, обязать обкомы, крайкомы, ЦК компартий союзных республик начать сбор среди населения тёплых вещей и белья для Красной Армии: полушубков, овчин, выделанных и невыделанных, валенок, фуфаяк, тёплого белья, шерсти, рукавиц, шапок-ушанок, ватных брюк, курток и др.» [9, с. 239]. При этом в постановлении прямо говорилось, что «вся работа по проведению сбора тёплых вещей для Красной Армии должна проводиться не в порядке благотворительности, а как важнейшее государственное дело...» [9, с. 240].

Население сразу же откликнулось на этот призыв. В городах, сёлах и деревнях, на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах проходили собрания партийных активов, местных общественников-активистов, на которых брались обязательства массового охвата населения движением по сбору тёплой одежды, иных вещей бытового назначения для солдат и офицеров Красной армии. На проведённых митингах и собраниях рабочие промышленных предприятий Саратова выдвинули лозунг: «Ни одного трудящегося без участия в сборе теплой одежды для Красной Армии», который поддержали все жители области. В Куйбышеве, Пензе, Саратове, районных центрах стали создаваться комиссии по приёму тёплых вещей от населения.

10 сентября 1941 г. колхозницы Новобураского района через областную газету «Коммунист» обратились ко всем женщинам области с призывом начать сбор теплых вещей для солдат и офицеров Красной армии. «Мы уже подготовили в подарок доблестным бойцам 1755 пар теплых шерстяных носков, 1819 пар перчаток и варежек и 336 пар новых валенок», – отчитывались они [10, с. 3]. 11 сентября 1941 г. в г. Балашове Саратовской области состоялось

собрание женщин-активисток в количестве 95 человек. На нём «активистки тт. Мусина, Федотова, Акифьева и другие заявили: “Мы не только сами отдадим тёплые вещи для наших любимых бойцов Красной Армии, но примем активное участие в этом важнейшем деле, добьёмся того, чтобы не осталось ни одного человека в городе, который бы не оказал помощь в этом деле”» [11, л. 17]. И уже к 18 сентября на склад балашовской городской комиссии по сбору тёплых вещей для армии поступило «2 полушубка, 16 пар валенок, 7 пар меховых рукавиц, 18 пар шерстяных перчаток, 20 пар шерстяных чулок, 15 пар теплого белья, ватных курток – 4 штуки, ватных брюк – 6, свитеров – 16, нижнего белья – 16 пар» [11, л. 17]. На 5 октября 1941 г. по Балтайскому району Саратовской области было собрано 468 пар валенок, 102 ватных куртки, 63 ватных шаровар, 633 пары шерстяных варежек и перчаток, 66 пар меховых рукавиц, 292 комплекта тёплого нательного белья, 53 фуфайки и свитера, 52 полушубка, 392 овчины для пошива полушубков, 295 пар тёплых портянок [12, л. 44]. Колхозники и колхозницы Самойловского района за 15 дней октября первого года войны сдали в приёмные комиссии 600 пар валенок, 250 пар шерстяных носков, 200 пар шерстяных варежек, 79 ватных курток, 75 шапок, 20 полушубков, 3 тулупа, 20 ватных шаровар, 115 полотенец, 60 теплых одеял, 70 пар нательного белья, 26 простыней, 57 свитеров, 210 наволочек, 33 подушки, 300 кг шерсти [13, л. 16]. В г. Вольске к 20 октября 1941 г. на склады городской комиссии по сбору теплых вещей для бойцов и офицеров Красной армии поступило 140 тёплых полушубков, 422 пары валенок, 170 пар меховых рукавиц, 432 кг шерсти, 239 ватных курток, 871 пара варежек, 615 пар носков, 200 пар портянок, 1188 комплектов нательного белья, а также 1720 полотенец и 910 простыней [14, л. 18]. За сентябрь – ноябрь 1941 г. жители г. Энгельса отправили на фронт свыше 40 тысяч тёплых вещей на общую сумму более 1 млн рублей [3, с. 295; 4, с. 142].

В Пензе инициаторами патриотического начинания стали работники велосипедного завода имени М. В. Фрунзе, обратившиеся с письмом-призывом к рабочим всех предприятиям города и области последовать их примеру. Уже к 10 сентября 1941 г. они «сделали первый вклад», состоявший из 50 телогреек, 10 полушубков, 3 тулупа, 10 ватных пиджаков, 94 тёплых брюк, 300 ватных и 490 байковых одеял, 238 тёплых рубашек, 10 шерстяных свитеров, 28 тёплых шапок [15, с. 3]. За один день 10 сентября 1941 г. на 8 пензенских предприятиях собрали 14 тулупов, 8 полушубков, 73 тёплых жилетки, 72 штуки тёплых штанов и 2 пары резиновых сапог [16, л. 1]. На 20 сентября на склады районных комиссий поступило более 50 тыс. различных теплых вещей для солдат и офицеров Красной армии,

начиная от овчинных полушубков и заканчивая носовыми платками. К 23 октября 1941 г. от населения пензенский городской склад принял 1057 одеял, 1536 простыней, 572 пары валенок, 1065 шапок, шлемов и подшлемников, 700 пар рукавиц и варежек, 896 джемперов, 722 ватных брюк, 673 телогрейки, 19 тулупов «и много других вещей» [17, с. 2]. Всего на 1 января 1942 г. по Пензенской области было собрано и сдано на склады «7 тыс. полушубков, 4 тыс. меховых жилетов, 32 тыс. пар валенок, 10 тыс. ватных курток и штанов, 24 тыс. пар меховых рукавиц и 76 тыс. пар шерстяных варежек-перчаток (варежка с двумя пальцами для взведения затвора и нажатия на курок – О. Л.), 60 тыс. пар шерстяных носков, 76 тыс. зимних шапок, 60 тыс. кг шерсти и 45 тыс. овчин» [2, с. 67].

Колхозники и колхозницы Утевского района Куйбышевской области к началу октября 1941 г. сдали для Красной армии 2813 кг шерсти, 81 пару валенок и 180 овчин, 132 кг шерсти, 278 пар носков, 202 пары варежек, 48 шапок. В Павловском районе сельчане собрали 2187 кг шерсти, 25 пар валенок, 198 овчин, 240 пар шерстяных носков, 201 пару перчаток [18, с. 327–328]. 27 октября 1941 г. Мелекесская районная комиссия по сбору теплых вещей для солдат и офицеров Красной армии сообщала в Куйбышевский обком партии: «Собрано полушубков, тулупов – 26, тёплых курток – 223, тёплых брюк – 124, носков тёплых – 671, варежек, перчаток – 1106, рукавиц – 62, портянок тёплых – 5123, шапок – 89, валенок – 263 пары, одеял – 36, полотенец – 165, нательных рубашек – 154, кальсон – 82, свитеров, джемперов – 40, шерсти – 2510 кг, овчин, кож – 513. В том числе принято из переработки, варежек, перчаток – 173 (пары – О. Л.), портянок – 4900 пар, валенок – 34, брюк – 9» [19, с. 254]. Всего по области за октябрь 1941 г. на склады сельских и городских комиссий по сбору теплых вещей поступило: 3289 полушубков, 37 415 овчин, 14 502 пары валенок, 148 039 кг шерсти, 22 522 зимних шапок, 7493 ватных куртки, 44 364 варежек и перчаток, 4705 меховых рукавиц, 40 112 шерстяных носков, 20 006 единиц тёплого нательного белья, 34 863 штуки тёплых портянок, 505 шинелей и другие тёплые вещи [18, с. 328].

В 1942 г. сбор тёплых вещей для советских бойцов и командиров начался ещё в августе. Так, колхозники и колхозницы районного центра Озинки Саратовской области за этот месяц собрали 1 тёплый полушубок, 8 пар валенок, 6 свитеров, 98 пар вязаных перчаток, варежек и меховых рукавиц, 90 пар шерстяных носков и портянок, 47 ватных курток, 19 тёплых рубаш, 47 шапок [20, л. 138]. Труженики Сосновоборского района Пензенской области за декабрь 1942 г. сдали в фонд Красной армии 1170 полушубков, 1750 пар валенок, 7460 пар шерстяных носков

и варежек, 1125 пар меховых рукавиц и «более 5000 других вещей» [21, л. 2]. 173 домохозяйства села Владыкино Иссинского района за декабрь 1942 г. отправили советским воинам 1 полушубок, 34 пары шерстяных носков, 8 пар тёплых портянок, 12 полотенец и 30 пар шерстяных варежек. Помимо этого, они сдали на пошив полушубков 158 овчин и 40 кг овечьей шерсти на валку валенок [21, л. 4 об.]. К концу 1942 г. населением Пензенской области было собрано и сдано на склады 11 845 полушубков, 42 356 пар валенок, 129 828 пар меховых рукавиц и варежек, 20 716 зимних шапок, 89 000 пар шерстяных носков и портянок, 8730 комплектов тёплого белья [22, с. 70].

Горожане чаще сдавали мелкие вещи (перчатки, носки, варежки, шарфы, свитеры) и постельное бельё, сельчане – овчины для пошива полушубков, шерсть, валенки, шапки-ушанки. Износ одежды, сдаваемой колхозниками и колхозницами, был выше, чем у одежды, которую приносили на склады жители областных центров и районных городов, а потому ей чаще и требовалась починка.

Тёплые вещи для армии не только собирали, но и шили, вязали, валяли валенки, чинили старую одежду, которую можно было ещё носить. Пошив и вязание можно назвать параллелью движению по сбору. Повсюду создавались группы, бригады, занимавшихся в свободное от основной работы время пошивом, вязанием, починкой вещей для солдат и командиров Красной армии. Например, члены сельхозартели «Ильич» Мокшанского района Пензенской области за сентябрь – октябрь 1941 г. из собранной по личным хозяйствам шерсти свалили 150 пар валенок «для доблестных красных воинов». 95 женщин фабрики «Красный Октябрь» по производству сукна для солдатских шинелей г. Сурска Городищенского района Пензенской области в послерабочее время наладили пошив тёплой одежды из отходов производства. К 24 декабря 1941 г. они изготовили 248 пар носков, 143 пары варежек, 65 телогреек и 12 шарфов [23, с. 3]. Девушки-комсомолки Лунинского района 24 октября 1941 г. через областную газету «Сталинское знамя» обратились ко всем «девушкам-колхозницам» Пензенской области с призывом организовывать осенне-зимними вечерами, фигурально выражаясь, производственные посиделки, на которых совмещать вязание, починку тёплых вещей для советских бойцов и командиров с обменом новостями, политпросвещением, пением песен [24, с. 1]. Их призыв уже через три дня был поддержан собранием «женской молодёжи» Пензы [25, с. 1]. Инициатива комсомолок Лунинского района оказалась востребованной, и бюро пензенского обкома ВЛКСМ на собрании 24 сентября 1942 г. обязало секретарей горкомов и райкомов «повсеместно создавать женские кружки

по изготовлению тёплых вещей», а также «организовать специальные кружки кройки, шитья и рукоделия» [26, л. 137, 179].

Домохозяйки села Сергиевска Куйбышевской области за полтора месяца 1942 г. сшили для фронта 303 пары тёплого мужского нижнего белья и 500 вещевых мешков [27, с. 2]. Члены Куйбышевского отделения Международной организации помощи борцам революции под лозунгом «каждая домохозяйка, каждая колхозница должна связать пару варежек или носков для родных бойцов Красной Армии», сдали к 1943 г. 40 тысяч пар шерстяных варежек [28, л. 34]. Официантка Макарихина и продавщица Леляева куйбышевского отделения «Торгречтранса», «горя желанием скорее отправить на фронт новую партию тёплых вещей», организовали на квартире администратора зала столовой № 1 Лешевой их пошив [29, с. 2].

В г. Вольске Саратовской области по инициативе жён, чьи мужья находились на фронте, было организовано 10 женских бригад по 200 человек в каждой, которые после работы, вечерами, вязали тёплые носки, варежки, перчатки, шарфы и свитеры советским воинам [3, с. 294]. Создавались и своего рода семейные подряды. В Балашовском районе Саратовской области колхозник Г. В. Нестеров сдал на городской склад тёплый свитер и 500 г шерсти, его дочь Вера – тёплый шарф и варежки, а жена Г. В. Нестерова, «70-летняя старушка», «вяжет для бойцов варежки, носки» [12, л. 50]. Следует заметить, что в движении по пошиву и вязанию тёплых вещей для армии принимали участие и женщины весьма преклонного возраста. 70-летняя жительница 3-го квартала Пензы М. В. Пичугина для «советского солдата» «сшила меховой жилет» [30, с. 4]. Её примеру последовала 75-летняя пензячка Д. Клевина, изготовившая 8 пар «добротных носков» [23, с. 3]. В Широко-Карамышском районе Саратовской области «60 старушек изъявили желание прясть шерсть и вязать для Красной Армии носки, варежки и другие теплые вещи», и к ним присоединилась «85-летняя старушка Бузенкова», заявившая: «Падать буду, но буду помогать для Красной Армии» [11, л. 42]. Но пальма первенства возрастного участия в этом патриотическом движении принадлежит 90-летней жительнице Куйбышева А. Ефимовой, связавшей «шерстяной шарф для бойца» [31, с. 2].

От старших старались не отставать и подростки. Они ходили по дворам, собирая тёплые вещи, сдавали оставшуюся одежду от погибших отцов, старших братьев. Те, кто умел вязать и шить, вязали шарфы, носки, варежки, перчатки, а также вышивали кисеты, подшивали воротнички, пришивали пуговицы и т. д. Ученица 2-го класса золотовской средней школы Саратовской области М. Рудакова связала тёплый шарф, сшила носовой платок и полотенце с вышивкой

«дорогому бойцу Красной Армии» [12, л. 72]. Члены кружка рукоделия средней школы № 4 г. Сызрани Куйбышевской области после уроков и в каникулы вязали варежки и носки, шили мешочки для солдатских флагов и кисеты [32, с. 30]. В Кинель-Черкасской средней школе № 1 старшеклассники организовали мастерскую, в которой из отходов местной валяльно-войлочной фабрики изготавливали тёплую обувь и сдавали на склад для отправки на фронт [33, л. 4]. Старшеклассницы средней школы № 16 г. Вольска Саратовской области за осень 1942 г. починили и сдали на склад для отправки на фронт 4780 единиц тёплой одежды и белья [34, с. 2]. Каждый пионер саратовской средней школы № 39 обязался сдать в подарок бойцам Красной армии по одной тёплой вещи. Ученик 4-го класса В. Белов сдал 2 пары тёплых носков, Г. Сорокина – варежки. Ю. Сычев – ватную куртку [13, л. 66]. Нередко к собранным или связанным, сшитым вещам школьники прилагали записки для солдат и офицеров с наказом «бить крепче проклятого врага». В порыве оказать помощь фронту дети иногда приносили свои зимние вещи – варежки, тулупы, носки, которые по размеру не могли быть использованы по своему прямому назначению. Это говорит об их действительно искреннем желании быть полезными в общем деле по сбору тёплых вещей для бойцов и командиров, в которых мальчишки и девчонки видели своих отцов, братьев, и стремились приблизить победу над врагом, чтобы их родные и близкие поскорее вернулись домой.

Случалось, что местные власти платили за вязание или починку тёплых вещей, валку валенок при наличии такой возможности. Если у них имелась возможность поощрять участвовавших в шитье, вязании и починке одежды, белья для бойцов и командиров Красной армии, они это делали. Именно так поступали власти Терновского района Пензенской области, выдавая вязальщицам пуховых платков села Старая Каменка 300 г сахара и 50 г чая за каждый связанный платок [7, с. 34]. Но такое случалось нечасто.

У кого не было возможности сдать тёплые вещи в силу каких-либо причин, например, острой потребности в них для семьи, покупали, при наличии денег, или выменивали на что-то из домашнего обихода и сдавали на склады. Вскладчину такие покупки обходились дешевле, но местные партийные и советские власти не одобряли подобную практику, да и она сама по себе не получила широкого распространения, ограничиваясь только отдельными промысленными предприятиями в областных городах. В подавляющем своём большинстве советские люди рассматривали призыв партии помочь армии тёплой одеждой и иными вещами повседневного обихода как исходящий не столько от неё, сколько от самих бойцов и командиров на фронте, которые защищали их от врага, и чувствовали

себя обязанными оказать эту помощь. Патриотический порыв советских граждан был глубоко искренним и всеохватывающим.

Сбором вещей для армии занимались специально для этого созданные комиссии – областные, районные, сельские, колхозно-совхозные, на предприятиях, в советских и партийных учреждениях. В некоторых районах их насчитывалось несколько десятков, где-то менее десяти, а где-то их количество доходило и до сотни, как, например, в Бессоновском районе Пензенской области [8, с. 44]. В большинстве своём они работали чётко, слаженно, но встречалась и плохая работа, а то и её отсутствие. Так, комиссии, созданные в колхозах «Маяк» и «Чапаев» Каменского района Пензенской области, как следует из доклада председателя районной комиссии А. Е. Шаталовой в обком партии, «не отчитывались и по ходу выполнения видно, что в большинстве своём работают плохо по сбору вещей» [26, л. 4]. Виновными А. Е. Шаталова считала партаргов и руководителей комсомольских организаций этих колхозов, которые не уделяли должного внимания сбору тёплых вещей для армии, не проводили среди колхозников массово-разъяснительной работы, и даже сами ничего не сдали. Например, секретарь райкома партии Северного района Пензы Лощинин в докладной записке в обком партии от 15 октября 1941 г. указывал, что секретарь партийной организации древесно-механического завода Попов не сдал ни одной тёплой вещи, и «такое поведение руководителя парторганизации послужило отрицательным примером» [16, л. 5]. Следует отметить, все же таких случаев было крайне мало; партийные и советские руководители в числе первых сдавали в приёмные комиссии и на склады тёплую одежду и иные вещи для советских бойцов и командиров, а также разъясняли населению исключительную важность данной патриотической инициативы.

Со складами для хранения сданных вещей местами встречались трудности. В некоторых населённых пунктах, чаще всего сельских, не было достаточно просторных и добротных помещений для хранения собранных от населения вещей. Их приходилось складировать в любых более или менее просторных помещениях (кладовых, мастерских, клубах и т. д.), которые закрывались на замок, а у некоторых ставили сторожей. Хранение большого количества вещей в непригодных для этого помещениях приводило к курьёзным случаям. Так, в кладовой совхоза «Хопёр» Телегинского района Пензенской области проверяющими было обнаружено 20 кг шерсти, «приобретённой на отчисления рабочих и служащих совхоза» для вязания варежек и носков бойцам и командирам Красной армии; члены комиссии просто забыли о ней, поскольку шерсть положили в самый дальний угол, чтобы вещи не испортились от протекавшей крыши [35, л. 6]. Возникали проблемы и со своевременным

вывозом собранных вещей со складов. Доходило до того, что они залёживались на складах и попросту приходили в негодность. Именно такой случай зафиксирован в докладной записке заведовавшего финансово-хозяйственным сектором пензенского обкома партии И. Филиппова и инструктора-контролёра обкома Т. Левина о результатах проверки работы комиссии по приёму тёплых вещей для Красной армии Головинщинского района Пензенской области: «Лежащие на складе комиссии готовые шапки-ушанки частично изъедены крысами и приведены в негодность» [35, л. 5, 10]. Нерадивых руководителей приёмных комиссий, складов хранения и виновных в несвоевременном вывозе собранной одежды наказывали.

Сбор тёплых вещей для фронта продолжался в 1943 г. и 1944 г. Правда, масштабы их сдачи населением несколько сократились, что представляется вполне закономерным, поскольку советская промышленность к тому времени существенно увеличила объёмы выпуска тёплой одежды для армии, а запасы тёплых вещей у населения истощились.

Таким образом, движение по сбору тёплых вещей для Красной армии выросло из партийного постановления и приняло всенародный характер. В нём условно можно выделить три направления: сбор имевшихся у населения готовых вещей и их изготовление (пошив, вязание, валка валенок и т. д.), покупка одежды и постельного белья. Здесь следует обратить внимание на определённую особенность движения: требовались в основном мужские тёплые вещи. Далеко не в каждом доме таковые имелись. К тому же нельзя не отметить и психологический аспект; не всякая домохозяйка готова была расстаться с одеждой отца, мужа, брата, сына, лелея надежду на её востребованность, когда родной человек вернётся с войны живым. Но, несмотря на все трудности, население тыловых регионов, в массе своей искренне, с полной отдачей старались помочь Красной армии. Каждый сданный полушубок, шапка-ушанка, тёплые варежки и перчатки, шерстяные носки и валенки являлись, образно говоря, каплей в огромном море помощи советских людей, чей высокий патриотизм стал одним из решающих факторов победы.

Список литературы

1. Фролов Д. Ф. Саратовская областная партийная организация в борьбе за оказание помощи раненым воинам Советской Армии в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1951. 322 с.
2. Колчин Б. А. Пензенские коммунисты в борьбе за укрепление тыла в годы Великой Отечественной войны. Пенза : Пензенское книжное изд-во, 1958. 115 с.

3. Красавин В. С. Партийные организации Нижнего Поволжья в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : в 3 т. Волгоград, 1968. Т. 1. 334 с.
4. Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Исторический очерк. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1976. 304 с.
5. Храмков Л. В. Трудящиеся Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Куйбышев : Книжное изд-во, 1985. 80 с.
6. Иценко Ю. В. Патриотическое движение труженников села Саратовской области в годы Великой Отечественной войны // Саратовский край в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : материалы XI краеведческих чтений / отв. ред. Н. М. Малов. Саратов : Изд-во Саратовской губернской торгово-промышленной палаты, 2005. С. 113–116.
7. Билябина Т. И. Тыл в годы Великой Отечественной войны (на примере села старая Каменка Терновского района Пензенской области) // Моя малая Родина : материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. Н. П. Берляковой. Пенза : ГАОУ ДПО ИРРПО, 2009. Вып. 17. С. 31–38.
8. Корочаров А. В. Бессоновский район – фронту в 1941–1942 гг. // Пензенское краеведение. 2020. № 1–2. С. 43–47.
9. Постановление ЦК ВКП(б) о сборе среди населения тёплых вещей и белья для Красной Армии. 5 сентября 1941 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 15 т. Т. 7 : 1938–1945 гг. 9-е изд., доп. и испр. М. : Изд-во политической литературы, 1985. С. 239–240.
10. Организуем сбор тёплых вещей в подарок бойцам Красной Армии. Письмо работниц и колхозниц Новобурасского района ко всем женщинам Саратовской области // Коммунист. 1941. 10 сент. № 214 (2316).
11. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594. (Саратовский обком ВКП(б)). Оп. 1. Д. 2359.
12. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2402.
13. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2401.
14. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2600.
15. Дадим больше тёплых вещей и белья для Красной Армии! Письмо фрунзенцев // Сталинское знамя. 1941. 10 сент. № 213 (7429).
16. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. П-148 (Пензенский областной комитет КПСС). Оп. 1. Д. 442.
17. На городском складе // Сталинское знамя. 1941. 23 окт. № 250 (7466).
18. Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): документы и материалы / гл. ред. К. Я. Наякшин. Куйбышев : Куйбышевское книжное изд-во, 1966. 447 с.
19. Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): документы и материалы / под ред. Н. И. Хренова. Саратов : Приволжское книжное изд-во. Ульяновское отделение, 1974. 308 с.
20. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3090.
21. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 628 (Коллекция документов, писем и телеграмм советских и зарубежных граждан об их жертвованиях в фонд обороны СССР). Оп. 1. Д. 18.
22. Зимина Н. П. На алтарь Отечества // Пензенская область в годы Великой Отечественной войны / под ред. Г. В. Мясникова. Саратов : Приволжское книжное изд-во. Пензенское отделение, 1985. С. 68–76.
23. Никитина В. Тысячи тёплых вещей // Сталинское знамя. 1941. 24 дек. № 302 (7518).
24. Дорогие подруги! Свяжем для доблестных воинов Красной Армии десятки тысяч пар тёплых варежек и чулок. Письмо девушек-комсомолок лунинского района ко всем колхозным девушкам нашей области // Сталинское знамя. 1941. 24 окт. № 251 (7467).
25. Горячо поддержим девиз лунинских патриотов! Собрание женской молодёжи в городе Пензе // Сталинское знамя. 1941. 29 окт. № 255 (7471).
26. ГАПО. Ф. 615 (Пензенский областной комитет ВЛКСМ). Оп. 1. Д. 181.
27. Колосова З. Н. Большая помощь фронту // Ленинский клич. 1942. 11 мар. № 23 (1421).
28. Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 1047 (Куйбышевский областной комитет международного общества помощи революционерам). Оп. 1. Д. 13.
29. Борисов Н. Тёплые вещи – фронту // Волжская коммуна. 1942. 1 февр. № 27 (6896).
30. Давыдов С. На призыв Родины // Сталинское знамя. 1941. 1 нояб. № 258 (7474).
31. Зыбин В. От всей души // Волжская коммуна. 1943. 3 февр. № 27 (7204).
32. Сыркин В. А. Они тоже ковали победу: о патриотическом подвиге учителей и школьников Средней Волги в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Куйбышев : Куйбышевское книжное изд-во, 1970. 39 с.
33. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 400 (Отдел народного образования исполнительного комитета Куйбышевского областного Совета народных депутатов). Оп. 1. Д. 314.
34. Мучкин Л. Помощь школьников // Цемент. 1943. 1 янв. № 1 (6602).
35. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 570.

Поступила в редакцию 31.05.2025; одобрена после рецензирования 11.06.2025;
принята к публикации 27.06.2025; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 31.05.2025; approved after reviewing 11.06.2025;
accepted for publication 27.06.2025; published 28.11.2025

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 563–565

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 563–565
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-563-565>, EDN: YEPPXK

Рецензия

УДК 27-36-526.7(049.32)+929[Кирилл+Иванич]

О Кирилле без Мефодия: новое исследование, посвящённое святому и судьбе его мощей

Рецензия на монографию: *Ivanič P. The life of St. Constantine-Cyril and the veneration of his relics. Život Sv. Konštantína-Cyrila a úcta k jeho relikviám. Rome : Istituto Storico Slovacco di Roma, Pontificio Istituto Slovacco dei Santi Cirillo e Metodij, 2024. 211 s.*

К. А. Юрьев

¹Воронежский государственный университет, Россия, 394018, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1

²Природный архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье», Россия, 394030, Воронеж, ул. Кольцовская, 56а

Юрьев Кирилл Алексеевич, ¹аспирант кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения; ²научный сотрудник отдела музейной и экспозиционно-выставочной деятельности, kirill.yuriev2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0787-3254>, AuthorID: 1243967

Аннотация. Рецензия посвящена монографии П. Иванича, в которой повествуется о жизни Константина Философа, а также рассказывается история его останков. Автору книги удалось рассказать о жизни святого и дискуссионных моментах его биографии. Рецензент отметил спорные моменты жизнеописания святого, которые автор книги оставил без внимания, и сделал некоторые выводы о месте данной монографии в объёмной кирилло-мефодиевской библиографии.

Ключевые слова: святой Кирилл (Константин Философ), история арабов, история хазар, история славян, научные дискуссии, христианство, мощи святого

Для цитирования: Юрьев К. А. О Кирилле без Мефодия: новое исследование, посвящённое святому и судьбе его мощей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 563–565. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-563-565>, EDN: YEPPXK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review's report

About Cyril without Methodius: A new study dedicated to the saint and the fate of his relics

Book review: *Ivanič P. The life of St. Constantine-Cyril and the veneration of his relics. Život Sv. Konštantína-Cyrila a úcta k jeho relikviám. Rome : Istituto Storico Slovacco di Roma, Pontificio Istituto Slovacco dei Santi Cirillo e Metodij, 2024. 211 s.*

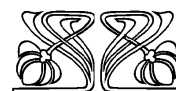
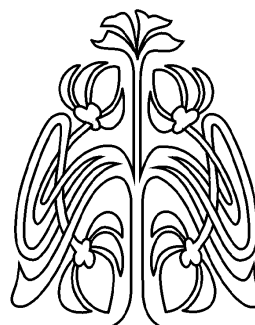
К. А. Yuriev

¹Voronezh State University, 1 University Square, Voronezh 394018, Russia

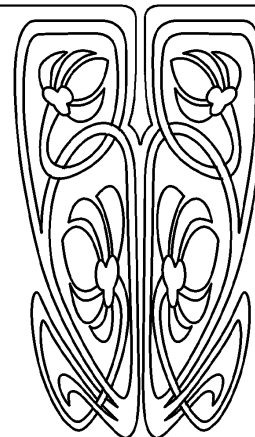
²Natural Architectural and Archaeological Museum-Reserve "Divnogorye", 56a Koltsovskaia St., Voronezh 394030, Russia

Kirill A. Yuriev, kirill.yuriev2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0787-3254>, AuthorID: 1243967

© Юрьев К. А., 2025

**КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФИЯ**

Abstract. The review is dedicated to the monograph by P. Ivanič, which tells about the life of Constantine the Philosopher and also tells the story of his remains. The author of the book managed to tell about the life of the saint and the controversial moments of his biography. The reviewer noted the controversial moments of the saint's life, which the author of the book did not pay attention to, and made some conclusions about the place of this monograph in the voluminous Cyril and Methodius bibliography.

Keywords: Saint Cyril (Constantine the Philosopher), history of the Arabs, history of the Khazars, history of the Slavs, scientific discussions, Christianity, relics of the saint

For citation: Yuriev K. A. About Cyril without Methodius: A new study dedicated to the saint and the fate of his relics. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 563–565 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-563-565>, EDN: YEPPXK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Святые Кирилл (Константин Философ) и его брат Мефодий являются важными фигурами в истории славян. Создание первого славянского алфавита, перевод богослужебных книг на славянский язык и создание первых памятников славянской литературы – всё это заложило основы славянской культуры. При этом деятельность братьев зачастую рассматривается совокупно, что логично, ведь Мефодий после смерти Кирилла в 869 г. продолжил их общее дело. Работы, посвящённые одному из братьев – явление более редкое, однако именно к этой категории и относится новая монография словацкого историка П. Иванича.

П. Иванич – профессор словацкого Университета Константина Философа в Нитре. Ранее он уже не раз обращался к кирилло-мефодиевской тематике в своих трудах, некоторые его статьи будут упомянуты ниже. Крупнейшей его работой по данному вопросу до недавнего времени была совместная с М. Хетени монография, посвящённая кирилло-мефодиевской миссии и территории современной Словакии [1].

Его новая книга написана сразу на двух языках – английском и словацком, что отражено в её двойном названии: монография состоит из введения, пятнадцати глав, заключения, примечаний и списка использованных источников и литературы. В книге приведено большое количество цветных иллюстраций, однако они не выведены в отдельный раздел, а встречаются по ходу повествования. Сам автор тематически делит книгу на две части: в первой описывается жизнь святого Кирилла, а во второй рассказывается о судьбе его мощей от периода Средних веков до наших дней [2, с. 8–9].

Часть книги, где повествуется о жизни Кирилла – небольшая, однако автору удаётся кратко рассказать самое важное, сосредотачиваясь на его миссионерской деятельности среди разных народов. Любопытны размышления П. Иванича о вероятных маршрутах путешествий в ходе миссионерских поездок, преодоленном расстоянии, способах передвижения, посещённых городах. Данная тема уже становилась предметом отдельного исследования этого автора в более ранней статье [3]. Во введении автор уже предупреждал, что будет использовать материалы своих ранних

исследований в этой книге, так как разрабатывает тему достаточно давно [2, с. 8–9].

Историк осторожен в своих суждениях при раскрытии некоторых спорных вопросов со ссылками на работы предшественников. Так, например, была поднята проблема датировки арабской миссии – автор считает версию о 850–851 гг. наиболее вероятной, так как версия о 855–856 гг. противоречит сообщениям «Жития Константина Философа». На этом фоне П. Иванич привёл мнение чешского исследователя истории Византии В. Вавржинека о сомнительной причастности Кирилла к арабской миссии, хотя сам автор монографии не занимает такой радикальной позиции [2, с. 16–19]. На наш взгляд, данные проблемы были хорошо разобраны и аргументированы отечественным исследователем С. Б. Бернштейном, который считал, что арабская миссия состоялась всё-таки в 855–856 гг., несмотря на несостыковки с «Житием Константина». Также советский исследователь считал, что Кирилл участвовал в арабской миссии, хотя и не был руководителем византийской делегации [4, с. 48–52].

Хазарская миссия Кирилла словацким исследователем описана достаточно хорошо, не зря для написания монографии была привлечена книга выдающегося специалиста по хазарской тематике М. И. Артамонова «История хазар» – одна из немногих русскоязычных работ в списке литературы [2, с. 198]. В ней дискуссионные вопросы также были затронуты – например, проблема с «русскими письменами», обнаруженными Кириллом в Херсонесе при подготовке к диспуту с иудеями и мусульманами в ставке хазарского кагана [2, с. 38–39]. Однако на фоне подробного описания научных споров по поводу арабской миссии, автор незаслуженно пропустил не менее интересный эпизод спорных итогов хазарской миссии святого Константина. Данный момент автор осветил с позиции «Жития Константина Философа», сообщив о победе Константина в споре с другими проповедниками, хотя и отметил, что хазарский каган не принял христианство [2, с. 22–25]. Этот вопрос ещё в XX в. вызывал у специалистов неоднозначные оценки, ввиду нелогичности результатов: если Кирилл победил в споре, почему каган принял иудаизм, а не христианство? Стоит вспомнить размышления другого значимого отечественного исследователя

хазарских древностей – С. А. Плетнёвой, которая, ссылаясь на арабские источники и письмо хазарского правителя Иосифа, писала о неудаче, постигшей Кирилла в ходе диспута [5, с. 67–69]. С. А. Плетнёва не одинока в своих выводах, схожего мнения придерживается отечественный исследователь истории Византии С. А. Иванов [6, с. 149–150].

Описание Моравской миссии Солунских братьев П. Иваничем весьма выдержанное, нельзя не отметить важную особенность – автор активно привлекает археологический материал, показывая достаточно любопытный факт – на территории Блатенского княжества, где совокупно Кирилл и Мефодий провели меньше времени, чем в Великой Моравии, было найдено больше находок, которые можно связать с их деятельностью, чем в землях Ростислава и Святополка, то есть в регионе самой Моравии, по названию которой и названа миссия [2, с. 38–43].

Вторая часть монографии более объёмна, ведь в ней рассказывается про судьбу мощей Кирилла, которые распространились по разным странам. Их можно встретить в основном в Ватикане, где Кирилл бы похоронен, Италии, Чехии, Словакии. Также поиск следов мощей святого привёл автора книги в Болгарию, Грецию, Хорватию, Канаду, Россию и Северную Македонию. Раскрывая тему, автор привлекает не только обширную историографию, но и архивные материалы. Некоторые описываемые места П. Иванич посетил лично во время подготовки монографии, а отдельные вопросы (например, проблема останков святого Кирилла в Словакии) затрагивались в ранних публикациях автора [7], то есть работа над книгой заняла определённое время.

Отдельно стоит отметить тот факт, что автор сообщает и о современной судьбе тех или иных фрагментов мощей святого Кирилла, так как не все частички мощей святого дошли до наших дней, например, те фрагменты останков, что были переданы в Россию в XIX в. имеют неизвестную судьбу, а также некоторые мощи сейчас находятся в частных коллекциях. Таким образом, данная информация делает актуальной книгу не только для исследователей, но и верующих паломников.

Подводя итог, стоит отметить, что публикация книги на двух языках – родном для автора словацком и английском, выступающим в роли международного, сразу делает монографию более доступной для широких масс. И хотя двуязычное издание, вероятно, сказалось на содержательном объёме, основная мысль всё же

была передана достаточно ясно. Если говорить о содержании подробнее, то первая часть монографии важна в первую очередь как временной срез основных научных достижений по кирилло-мефодиевской теме на данный момент. Как было показано, с периода второй половины XX в. некоторые дискуссионные вопросы истории жизни и деятельности святого Кирилла не были решены, однако новые интерпретации продолжают появляться, что говорит о некотором развитии данной проблематики. Вторая часть монографии представляет собой, несомненно, уникальный материал, так как автор смог по крупницам собрать воедино разрозненную информацию о частичках мощей святого Кирилла из разных стран в рамках одной работы. Также нельзя не отметить тот факт, что автор раскрывает историю почитания святого Кирилла в Европе от Средних веков до наших дней с той точки зрения, которая часто оставалась незатронутой в работах по данной теме. На фоне того факта, что о захоронении и останках старшего брата Константина Философа – святого Мефодия – ничего не известно, информация о мощах святого Кирилла приобретает большую значимость для общего культа Славянских Апостолов. Возможно, именно это и является наибольшим достоинством данной монографии словацкого историка.

Список литературы

1. Hetényi M., Ivanič P. The Cyrillo-Methodian Mission, Nitra and Constantine the Philosopher University. Nitra : Constantine the Philosopher University, 2013. 148 p.
2. Ivanič P. The life of St. Constantine-Cyril and the veneration of his relics. Život Sv. Konštantína-Cyrila a úcta k jeho relikviám. Rome : Istituto Storico Slovacco di Roma, Pontificio Istituto Slovacco dei Santi Cirillo e Metodio, 2024. 211 s.
3. Ivanič P., Lukáčová M. Historicko-geografický kontext misií solúnskych bratov. (Cesty sv. Konštantína-Cyrila a Metoda do roku 867) // Konštantínove listy. 2014. Vol. 7. S. 2–13.
4. Бернштейн С. Б. Константин-Философ и Мефодий: начальные главы из истории славянской письменности. М. : Издательство Московского университета, 1984. 167 с.
5. Плетнева С. А. Хазары. М. : Наука, 1976. 104 с.
6. Иванов С. А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М. : Языки славянской культуры, 2003. 375 с.
7. Ivanič P. Relics of St. Constantine-Cyril in Slovakia // Konštantínove listy. 2022. Vol. 15, № 2. P. 106–126.

Поступила в редакцию 01.03.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 27.06.2025; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 01.03.2025; approved after reviewing 05.03.2025; accepted for publication 27.06.2025; published 28.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 566–570

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 566–570

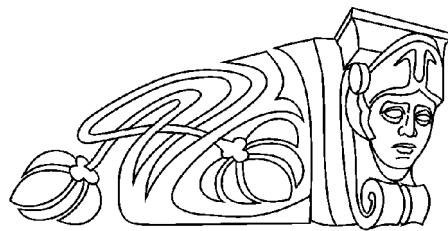
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-566-570>, EDN: ZLKIBB

Рецензия

УДК 94(470.43)|1914/1917|(049.32)

Культура заволжского тыла 1914–1917 гг. в современном эдиционном опыте Самары

Рецензия на сборник документов и материалов: Культурная жизнь Самарской губернии в годы Первой мировой войны (июль 1914 – октябрь 1917) / науч. ред. А. В. Калягин. Самара : СОУНБ, 2024. 960 с.

Л. М. Артамонова

Самарский государственный институт культуры, Россия, 443010, г. Самара, ул. Фрунзе, д. 167

Артамонова Людмила Михайловна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры культурологии, музеологии и искусствоведения, artamonovoi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>, AuthorID: 647783

Аннотация. Рецензия посвящена первой объемной публикации источников о культуре Самарской губернии в годы Первой мировой войны. Книга подготовлена сотрудниками Самарской областной универсальной научной библиотеки, среди которых были опытные историки и которым помогли специалисты других учреждений культуры. Она соответствует современным критериям подбора и издания документальных материалов. Сделан вклад в изучение культурной жизни сложной эпохи, активизирующий работы над публикациями по другим территориям.

Ключевые слова: Россия в начале XX в., источниковедение, локальная история, Самарское Заволжье, культура, театр, музыка, кино, искусство, художественное образование

Для цитирования: Артамонова Л. М. Культура заволжского тыла 1914–1917 гг. в современном эдиционном опыте Самары // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 566–570. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-566-570>, EDN: ZLKIBB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review's report

The culture of the Trans-Volga rear in 1914–1917 in the contemporary edition experience of the City of Samara

Review of the book: Cultural life of the Samara province during the First World War (July 1914 – October 1917): Collection of documents and materials / ed. team: A. V. Kalyagin [et al.]. Samara : Samara regional library, 2024. 960 p.

L. M. Artamonova

Samara State Institute of Culture, 167 Frunze St., Samara 443010, Russia

Ludmila M. Artamonova, artamonovoi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>, AuthorID: 647783

Abstract. The review is devoted to the first large-scale publication of sources on the culture of the Samara province during the First World War. The book was prepared by the staff of the Samara Regional Universal Scientific Library, among whom experienced historians which included experienced historians and was assisted by specialists from other cultural institutions. It meets modern criteria for the selection and publication of documentary materials. A contribution has been made to the study of the cultural life in a difficult era. It will intensify work on such publications on other territories.

Keywords: Russia in the early 20th century, source studies, local history, Samara-Saratov Trans-Volga region, culture, theater, music, cinema, art, education

For citation: Artamonova L. M. The culture of the Trans-Volga rear in 1914–1917 in the contemporary edition experience of the City of Samara. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 566–570 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-566-570>, EDN: ZLKIBB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Среди новых полезных регионоведческих изданий выделяется книга, подготовленная в Самарской областной универсальной научной библиотек

лиотеке (СОУНБ) коллективом, в который из сотрудников библиотеки входили кандидаты исторических наук А. В. Калягин, Я. М. Цыга-

нова и опытные библиографы Е. А. Лопатина, А. В. Александров. На разных этапах им помогали сотрудники учреждений культуры (музеев, филармонии, библиотеки) Самары, Бугульмы (республика Татарстан), Бузулука (Оренбургская область). Участие специалистов из соседних российских регионов в подборе материалов не случайно, так как указанные города входили в дореволюционную Самарскую губернию, занимавшую обширную территорию от Средней Волги до Южного Урала.

Издание увидело свет в самом конце 2024 г. [1]. Его актуальность составители совершенно верно обосновали тем, что изучение «культуры в условиях военного времени» представляется «особо сложным и важным предметом». Новейшее же время характеризуется «масштабными войнами, влияющими на развитие всех сфер жизни, в том числе культурной» [1, с. 6].

Наличие у составителей необходимых библиографических компетенций, практических навыков работы с разнообразными историческими источниками и литературой дало желаемые результаты. Успеху в поиске и обработке нужных материалов способствовало и то, что различные аспекты культуры изучаемого региона уже нашли свое отражение в ряде исследований. Прежде всего, необходимо упомянуть монографию о культуре Поволжья в военные годы, написанную Е. Ю. Семеновой [2], которая выступила рецензентом рассматриваемого издания. Об интересе к этой стороне жизни Самарского региона в начале двадцатого столетия также говорят другие исследования. В качестве примеров можно привести книгу М. В. Курмаева (еще одного рецензента данного издания) и Л. П. Машенцевой [3], публикации Ю. Н. Смирнова и автора настоящего отзыва [4, с. 258–280], в том числе подготовленную совместно главу «Культура Самарской губернии конца XIX – начала XX в.» в новейшем коллективном труде по истории этого края [5, с. 172–216].

Сведения о событиях военных лет в культурной сфере содержат соответствующие главы и в обобщающих публикациях по прошлому других регионов, в том числе в «Очерках истории Саратовского Поволжья» [6, с. 353–416]. Отдельные аспекты провинциальной культуры периода Первой мировой войны отражены в работах, подготовленных специалистами в региональных научных центрах: Владимире [7, с. 243–254], Симбирске [8, с. 146–148], Казани [9, с. 185–194], Перми [10, с. 24–34], Саратове [11, с. 104–117]. Однако нигде не предпринималась попытка столь объемной публикации источников по рассматриваемой теме, как в Самаре.

Ранее в 2014 г. подборки под названием «Образование, культура, досуг» из 47 документов и «Фольклор» из 11 произведений устного

творчества были включены в издание, подготовленное самарскими архивистами к 100-летию Первой мировой войны [12, с. 611–632, 642–659]. Спустя 10 лет в рецензируемой книге опубликованы уже 1923 документа, сгруппированные по девяти тематическим разделам: «Театральная жизнь», «Литература и искусство», «Музыкальная жизнь», «Книжная культура. Библиотечное дело», «Музеи», «Кинематограф», «Культурный досуг и развлечения», «Культурное образование», «Культура и благотворительность». Им предпослано обстоятельное предисловие, объясняющее подход составителей к комплектованию и структуре издания, а дополняют их два приложения, посвященные театрально-концертной жизни Самары. Одно представляет состав труппы городского театра и его репертуар по сезонам военных лет, другое приводит перечень приезжавших за эти годы в город на гастроли театральных, цирковых, музыкальных коллективов и исполнителей.

Серьезная работа была проведена при составлении добротных информационно насыщенных именного и географического указателей к книге. Они были совершенно необходимы для такого объемного издания. В ряде случаев потребовалось провести кропотливую идентификацию личных имен, переданных в использованных источниках сокращенно или с ошибками, а также топонимов, привязку которых к географическим объектам требовалось уточнить, сопоставив с современными названиями.

В книге также представлены: «Список сокращений и аббревиатур», «Словарь малоизвестных, устаревших и вышедших из употребления слов», «Список источников». Под последними имеются в виду сообщения как местных, так и столичных газет и журналов, сведения из воспоминаний, справочных и статистических изданий, опубликованные уставы, доклады, резолюции, журналы, отчеты различных организаций и учреждений, а также документы из фондов Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО).

Географические рамки книги требуют пояснения. В состав Самарской губернии, образованной в 1851 г., входили обширные территории, которые в результате изменений административного деления сейчас находятся в составе Республики Татарстан, Оренбургской, Ульяновской и Саратовской областей [13, с. 104–105]. Профессиональные исследователи и краеведы-любители из указанных регионов Российской Федерации, а не только современной Самарской области, могут найти для себя немало полезного и интересного в данном издании.

Это касается, например, новостей о театральной жизни Покровской слободы, которая ныне является городом Энгельс Саратовской области. Близость к Саратову объясняет не только

выступления здесь саратовских актеров, но и появление сообщений о них в саратовской прессе, а наличие в составе населения слободы потомков солевозчиков-чумаков [14, с. 138] – популярность спектаклей «малороссийской труппы» и появление пьесы, написанной «на малороссийском языке» местным жителем (будущим краеведом) К. И. Шкодой [1, с. 18–22]. Жителем указанной слободы был и самодеятельный драматург А. П. Варженский, одновременно являвшийся председателем Покровского спортивного общества, который написал пьесу «Эхо войны», поставленную в местном клубе приказчиков [1, с. 24, 27, 231].

В книге также есть заметные выходы из регионоведческой тематики в общероссийскую культурную проблематику. Интересен факт сбора Императорским русским театральным обществом (ИРТО) сведений о деревенских театрах, начатый в 1914 г. Составители приводят обращение совета ИРТО к самарскому губернатору от 9 декабря, из которого явствует, что такие сведения «об организации театров, специально предназначенных обслуживать культурные и художественные интересы сельского населения», собирались по всей России. Судя по донесениям уездных исправников, 18 декабря губернатор сделал необходимый запрос на получение сведений с мест. Выяснилось, что любительские спектакли устраивались в целом ряде сельских поселений: в народных домах, в волостных правлениях, чайных-читальнях, кредитных товариществах, наемных помещениях. Опираясь на опыт устройства таких представлений, высказывалось пожелание организовать в данных селениях «деревенские театры» [1, с. 22, 24, 27–28].

В том числе пришли сведения из Новоузенского уезда, селения которого большей частью ныне находятся в Саратовской области. В этих селениях, как сообщал местный исправник, также «имеются любители драматического искусства, которые несколько лет уже проявляют свою деятельность, устраивая для развлечения населения в частных и общественных квартирах спектакли, концерты и т. п. разумные увеселения, а с устройством деревенских театров могли бы развить свою деятельность в более широких размерах». При этом архивные документы дополняются извлечениями из печатных изданий того же времени о реальной общественной активности по «организации передвижного театра для народа в сельской местности», а в 1915 г. сообщалось, что в «крупных селах ... организовано 10 платных спектаклей с благотворительной целью, давших 800 руб. чистого сбора» [1, с. 22–25, 29–33].

Основная подборка источников ставила целью «раскрыть многообразие культурной жизни Самарской губернии в экстремальных условиях

Первой мировой войны и Революции 1917 года в России» [1, с. 6]. При этом составители постарались показать и развлекательную функцию, и образовательный потенциал культурных мероприятий, событий, явлений, а также их использование в целях как благотворительности, так и политического, идейного воздействия.

Внимание составителей обращено не только к взаимоотношениям профессиональных актеров и исполнителей с публикой, но и к любительскому театру и музыке. На этот счет приведены сведения об участии «в культурном развитии как органов местного самоуправления, так и местных общественных сил» [1, с. 7]. Они показывают развитие на волжских берегах гражданских инициатив и самодеятельного творчества, начало которым было положено еще в XIX в. и которые несли не только важную культурную, но и социальную функцию в процессе формирования гражданского общества [15, с. 8–14].

Приметами собственно военного времени в театральной и других областях культурной жизни стали бесплатные спектакли и «художественные чтения» для раненых. Они проводились как в театре, где иногда, благодаря наплыву соответствующей публики, «зрительный зал представлял из себя военный лагерь», так и в лазаретах. В них «после утомительной походной и однообразной больничной жизни» представления производили на фронтовиков «хорошее освежающее впечатление». Отмечалось участие в любительских спектаклях молодых солдат, а вместе с тем показано, как призыв на военную службу профессиональных актеров вынуждал тех отказываться от заключенных контрактов [1, с. 42–44, 54, 60, 72, 83, 88, 95].

Показано также, что артисты делали денежные взносы на подарки для раненых. Собирались средства и для общественных организаций, например, выступление хора саратовской Митрофановской церкви в Покровской слободе в 1916 г. привлекло «много публики», а «валовой сбор – 149 руб.» пошел на усиление «средств Покровского районного комитета Всероссийского земского союза». Приметами военного времени стали такие объявления: «Владелец театра-варьете “Аквариум” закрывает театр и продает дом под устройство лазаретов» [1, с. 58, 101, 227].

Также веянием времени стало появление на Волге артистов-беженцев из западных частей Российской империи, которые знакомили местную публику с пьесами, исполняемыми на иных языках, например, «на разговорно-еврейском». Судя по всему, «с произведениями еврейской театральной литературы» до того не сталкивалась местная публика даже «в еврейской своей части» [1, с. 54–55]. Состоялось также знакомство с латышской драматургией и народными песнями, с польскими актерами и музыкантами [1, с. 57–58]. Вслед за профессиональными

актерами ставить пьесы на этих языках стали и любители, в том числе беженцы [1, с. 61–64].

Среди классического и современного театрального репертуара рассматриваемого региона обращает на себя фантастическая пьеса Ф. Н. Фальковского «Чудесные лучи», в которой инженер Суворков в Самарской губернии изобретает лучи, которые на большом расстоянии выводят из строя практически все оружие, что может сделать невозможным любые войны. Изобретатель и его открытие были уничтожены банкирами, наживающимися на войне. Интересно, что злодеями, разрушившими мечту русского человека «о мире всего мира», представлены отнюдь не немцы, а американцы [1, с. 136]. Не трудно заметить, что этот сюжет получит впоследствии развитие у самарского уроженца А. Н. Толстого в «Гиперболоиде инженера Гарина».

Театральные и другие культурно-массовые мероприятия могли прерываться или сопровождаться патриотическими манифестациями в случае получения известий о победах русского оружия [1, с. 133–134]. С весны 1917 г. «начинается явное усиление политической мотивированности» подобных мероприятий, в них еще более становится заметным «слияние пропагандистской и культурно-просветительной деятельности». Правда, теперь она осуществлялась под лозунгами защиты «завоеваний революции и интересов трудящейся демократии под знаменем социализма» [1, с. 14, 754–755].

Факты, которые выявлены и обнародованы составителями за временной промежуток весны – осени 1917 г., наполняют сборник более широкими смыслами, чем отражено в его названии. На наш взгляд, более адекватным содержанию оно выглядело бы так: «Культурная жизнь Самарской губернии в годы Первой мировой войны и на начальном этапе Революции 1917 года».

При подаче материала, выходящего за тематические и хронологические рамки исследовательского интереса, составители не избежали отдельных неточностей и неполноты пояснений. Так, на с. 75 речь идет о постановке в Самаре актуальной на злобу дня пьесы «Дни войны» («Алые розы») из репертуара частного московского театра антрепренера П. П. Струйского, который по утверждению составителей был в 1925 г. переименован в Московский театр Ленсовета. На самом деле столичное здание театра Струйского было национализировано после революции, а в 1922 г. в его помещении был создан Театр Замоскворецкого районного совета. В 1925 г. в связи с переименованием этого района Москвы автоматически и сам театр получил имя Ленинского районного совета (сокращено Ленсовета). Прямой преемственности данного театра с театром Струйского специалисты не прослеживают [16, с. 142].

Отмечена активность журналиста А. И. Сви-дерского (в будущем видного советского деятеля и дипломата) в библиотечном деле и сборе средств для подарков фронтовикам [1, с. 407, 784]. Однако следовало бы также обратить внимание на имеющиеся в литературе сведения о том, что указанные виды деятельности использовались этим сосланным в Самару большевиком [17, с. 147] для распространения антивоенных настроений [18, с. 535–536].

Рецензируемое издание несомненно входит в круг современной научной литературы, способствующей сохранению исторической памяти на местном и общероссийском уровне. Составителям вполне удалось ввести в научный оборот и более широкое учебно-просветительское пространство значительное количество фактов, имен, событий, связанных с социокультурной жизнью на большой территории одной из важных во многих отношениях губерний Российской империи в 1914–1917 гг.

Профессиональные историки и любители краеведы из других регионов России могут вполне взять это самарское издание за образец для публикации источников по социокультурной истории различных территорий. В данной связи можно только констатировать его несомненную пользу для всех, кто интересуется прошлым большой страны и «малой родины» в один из самых сложных и драматичных периодов российской истории.

Список литературы

1. Культурная жизнь Самарской губернии в годы Первой мировой войны (июль 1914 – октябрь 1917) : сборник документов и материалов / науч. ред. А. В. Калягин. Самара : СОУНБ, 2024. 960 с.
2. Семенова Е. Ю. Культура Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.). По материалам Самарской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерний. Самара : СГТУ, 2007. 290 с.
3. Курмаев М. В., Машенцева Л. П. Самарская книга второй половины XIX – начала XX вв. : сводный каталог-репертуар. Самара : Ас Гард, 2013. 681 с.
4. Артамонова Л. М., Смирнов Ю. Н. Самарское дворянство, потомки Г. С. Аксакова и местная общественность в осуществлении мемориальных мероприятий и «политики памяти» начала XX века // Наследие семьи Аксаковых в русской культуре, отечественной истории и общественной жизни : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Т. В. Бакниной. Самара : СГИК, 2022. С. 258–280.
5. Очерки истории Самарского Поволжья / отв. ред. П. С. Кабытов. Самара : ООО «САМАРАМА», 2025. 268 с.
6. Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917) / под ред. И. В. Пороха. Саратов : Издательство Саратовского университета., 1999. Т. 2, ч. 2. 429, [2] с.

7. Повалишников С. Р. Культурно-досуговые практики жителей Владимирской губернии в годы Первой мировой войны // Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука и образование : материалы междунар. конф. / ред. кол. Н. М. Маркова, Е. И. Аринин, О. В. Гарькина. Владимир : ВГУ им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, 2022. С. 243–254.
8. Прохорова А. Н. Благотворительные мероприятия в культурной жизни Симбирска на начальном этапе Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6 (12), ч. II. С. 146–148.
9. Хайрутдинова Д. Р. Театр и кино в Казани в годы Первой мировой войны // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. 2006. Т. 148, № 4. С. 185–194.
10. Шувалов Ю. Б. Досуговое чтение в годы Первой мировой войны: специфика и содержание (по материалам Пермской губернии) // Вестник Пермского университета. Серия : История. 2017. № 4 (39). С. 24–34.
11. Максимов Е. К., Тотфалушин В. П. Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны. Саратов : Научная книга, 2007. 124 с.
12. Самарская губерния в годы Первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 гг. : сб. док. / отв. сост. О. В. Зубова, сост. Г. В. Галыгина, В. И. Гольцов, А. В. Калягин, К. В. Фролова, В. В. Шестерикова, Н. Ю. Шешунова. Самара : ООО «Медиа-Книга», 2014. 732 с.
13. Смирнов Ю. Н. Саратовское Заволжье в «путеводителе» для великого князя Константина Николаевича // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 104–110. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-104-110>
14. Бульчов М. В. Этнические анклавы на территории Саратовского края: формирование и потенциал развития // Феномен многонационального Советского Союза: история, наследие и социальная память. К 100-лет. образования СССР : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. А. П. Мякшев. Саратов : Саратовский источник, 2023. С. 137–145.
15. Смирнов Ю. Н. Учительство и образованное общество волжского города середины XIX в. в гражданских инициативах и самостоятельном творчестве // Центр и периферия. 2023. № 3. С. 8–14.
16. Каверзина Т. В тисках времени // Страстной бульвар, 10. 2020. № 2 (232). С. 142–145.
17. Смирнов Ю. Н. Глобальные предупреждения провинциального журналиста: публикации Н. Северского (А. И. Свидерского) в период Балканских войн (1912–1913 гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2014. № 2. С. 147–152.
18. Семенова Е. Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара : СНИЦ РАН, 2012. 887 с.

Поступила в редакцию 20.06.2025; одобрена после рецензирования 25.06.2025;
принята к публикации 27.06.2025; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 20.06.2025; approved after reviewing 25.06.2025;
accepted for publication 27.06.2025; published 28.11.2025

ISSN 1819-4907 (Print). ISSN 2542-1913 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: История. Международные отношения. 2025.
Том 25, выпуск 4

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития
Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика
Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология
Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

